

АНДРЕЙ СМЕРТНОВ

КНЯЗЬ ЛЖИ

АНДРЕЙ СМЕРТНОВ

КНЯЗЬ ЛЖИ

Андрей Смирнов

Князь лжи

Явление героя

Серое небо, серые скалы. Лик озера изборозжен движением медленных волн. Плеск воды. Восстающие из воды скалы туман то обнажает, то вновь окутывает мутной белой пеленой.

Выше туман редет, переходя в неподвижную желтоватую дымку. Пронзая ее, к невидимому небу устремляется колонна из серого камня – древняя, изрезанная временем.

...Вот туман отошел от берега, в очередной раз, сделав видимыми камни, меж которыми плескалась вода. Темные валуны почти человеческих очертаний...

Один из валунов выпрямился.

Он двигался медленно, сгустком сумрака выплывая из долгого забвения. Пересекая береговую полосу, он постепенно светлел – бесформенная фигура, закутанная в рваные тряпки столь плотно, что открытыми оставались только лицо и руки... Впрочем, лицо тоже было закрыто – грубой каменной маской.

Между маской и тканью капюшона – пустота.

А вот руки были человеческими. Дряблые, мертвенно белые, белые-белые, руки крепко сжимали клюку... Атрибут старика? Существо, вышедшее из озера, казалось лишенным возраста.

Остановилось. Посмотрело вокруг. Застывший мертвенный взгляд скользнул по песку, камням, скалам, по дороге, которую предстояло пройти. И, как взгляд, двинулось тело – беззвучно и неторопливо.

Новая волна тумана скрыла фигуру Лицемера полностью.

Глава первая

Башни Скальфальтара – черные пики на фоне зеленого сумрака, объявшего западную сторону неба.

Город погружен в тишину, лишь изредка нарушаемую перестуком копыт или скрипом запоздалой повозки. Распахнулась дверь кабака, выплунув на улицу шатающееся человеческое тело и рваные звуки какой-то песни. И – снова тишина, как только дверь закрылась.

За стенами города высилась еще одна башня, намного превосходившая все, даже самые высокие строения, огражденные двойным кольцом стен. Говорили, что обсидиан, из которого сложена башня, не подвластен времени из-за того, что живет собственной, неведомой людям жизнью. Никто никогда не видел на ее плитах выщерблин и царапин, пыль не оседала на них; и многие полагали, что Обсидиановая Башня стояла здесь еще в те времена, когда города у ее подножья не было и в помине. Обитель волшебства, в разные времена она предоставляла приют чародеям, наделяя их необъятными знаниями и колоссальным могуществом.

Эта история – по крайней мере, какая-то ее часть – началась с того, что Фремберг Либбергхам, Пепельный Маг, нынешний владелец Башни, вышел на балкон подышать вечерним воздухом. Ветер с моря оказался неожиданно свеж, Фремберг поплотнее закутался в свой плащ и, облокотившись о перила, занялся созерцанием засыпающего города.

Нельзя сказать, что Фремберг имел привлекательную наружность, но нельзя сказать и обратного. Среднего роста, с серыми, похожими на паутину, волосами, с недлинной бородой и глазами цвета древесной коры, он казался немного экстравагантным... Впрочем, от мага ничего другого и не ждали. На груди поблескивал талисман в виде восьмилучевой звезды, в центре которой находилась отрубленная голова, распахнувшая рот в беззвучном крике. На вид Фрембергу можно было дать лет тридцать пять-сорок. На самом деле он был гораздо старше. Настолько, что уже почти и забыл, что когда-то родился в Скальфальтаре и жил в нем как человек.

Последний раз он посещал город более семидесяти лет тому назад: заходил для того, чтобы посмотреть на людей перед долгим путешествием в миры демонов. Он не рассчитывал, конечно, что путешествие станет настолько долгим; но, томясь в плену у Морайлы, в Замке Ледяных Слез, не раз вспоминал ту прогулку. В годы плена воспоминания стали для него

единственным местом, куда он мог сбежать от кошмара реальности. Потом случилась война, на замок Морайлы напал Беллегор, один из младших богов Нижнего Мира, и хотя нападение было отбито, оно принесло Фрембергу Либергхаму долгожданную свободу. Беллегор повелевал огнем и темным жаром; огненные дожди в период вторжения шли не переставая. Морайла в ответ насылала на воинство Беллегора метели и ледяные бури. Во время одной из атак пламя обрушилось на ту часть дворца, где был заточен Фремберг; в сплошной пелене заклятий, окружавшей темницу Пепельного Мага, появилась брешь. Понимая, что это его единственный шанс, он приложил все усилия для того, чтобы вырваться на свободу. Морайла, к счастью, не смогла ему помешать, все ее внимание сосредоточилось на отражении новых атак Беллегора.

О побеге пленника она узнала уже после окончания боя. Тогда Фремберг был слишком слаб, чтобы отомстить; да и выбираясь из замка, он больше думал о свободе, чем о возмездии. Позже, когда сила вернется к нему сполна, вместе с нею придет и мысль о мести... придет и прочно утвердится в его душе.

Обсидиановая Башня – единственное место, которое он мог назвать своим домом – встретила его молчанием комнат и залов, пустотой коридоров, безмолвным великолепием чертогов, сверкающих всеми цветами тьмы. Несколько недель Фремберг отдыхал – разбирал свои старые записи, проводил время в библиотеке, спал и ел. Немало времени он проводил и за стенами башни – гулял вдоль берега, бродил среди скал, выискивая тропинки и тайные места, которые помнил еще с детства... особенно ему полюбилось совершать эти прогулки во время штормов, то и дело налетавших с запада: безумное буйство вод и ветров казалось прямой противоположностью застывшему царству Морайлы. Наблюдая за неистовством океана, он чувствовал, как что-то внутри него оживает, пробуждается, и постепенно начинал верить в то, что его освобождение – не сон.

Людей Фремберг старался избегать; однако они откуда-то узнали о его возвращении и даже отправили целую делегацию, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяину Обсидиановой Башни. Посланники надолго не задержались, разговор получился коротким. Фремберг не собирался никого посвящать в свои планы, политические дразги между людскими государствами его не интересовали. Приглашение посетить город, в качестве почетного гостя так же было отклонено. Могучий сосед был выгоден Скальфальтару, Фремберга же вовсе не волновало благополучие города: Скальфальтар перестал быть ему родным

давным-давно, тогда же, когда и сам Пепельный Маг обрел бессмертие, отделив тем самым себя от людского рода.

Избавившись от делегации, он вернулся к прогулкам и чтению. Однако шли дни, и Обсидиановую Башню Фремберг покидал все реже и реже – его замысел, родившийся еще в темнице, постепенно вызревал, настойчиво требуя воплощения в деле. Но перед тем как приступить к его осуществлению, необходимо было перелопатить гору литературы и провести множество предварительных экспериментов. Как выяснилось, даже обширная библиотека Башни, содержащая в себе десятки тысяч книг, свитков и глиняных табличек, не всегда могла удовлетворить запросы чародея: некоторые изыскания, особенно современные (если называть «современными» те, что были проведены в последние два-три-четыре столетия) попросту отсутствовали. Фремберг решил, что пора пополнить библиотеку – так же, как время от времени это делали его предшественники, предыдущие хозяева Башни. Заниматься этой работой в одиночку – нелегкий труд; Фремберг нанял с полсотни архивариусов и переписчиков и разослал их по всему матеруку для того, чтобы они разыскивали для него рукописи и редкие книги. Двоих, вздумавших скрыться с деньгами, чародею пришлось найти и убить – зато для остальных это послужило хорошим уроком. Сам он теперь уже безвылазно сидел в Башне, лишь изредка позволяя себе непродолжительные прогулки. Заклятия складывались в систему, система росла, превращаясь в *лекемплет**[Значение незнакомых слов, данных курсивом, см. в конце книги.] – исполинское энергетическое образование, питаемое силой Башни. Свободного времени оставалось все меньше, творческая работа, подогреваемая предвкушением мести, все больше и больше увлекала Пепельного Мага. В первую годовщину своего освобождения Фремберг закатил что-то вроде шикарного праздничного обеда – для себя одного; о пятой годовщине этого замечательного события он вспомнил лишь по прошествии полугода, да и то – мимоходом. Вскоре после этого ему потребовались старые дневники, которые он вел еще до путешествия в Нижние Миры: в них содержались описания некоторых специфических процедур, которые по прошествии десятилетий безделья Фремберг успел позабыть.

В своих дневниках он наткнулся на любопытную вещь, лишней раз характеризующую его как человека творческого, но увлекающегося и рассеянного. Оказывается, семьдесят пять лет тому назад, перед уходом, он оставил в замке Стража. Фремберг вспомнил об этом в тот же момент, когда наткнулся на упоминание о Страже на страницах собственного

дневника. Создание Стража – интересная и кропотливая работа, как он мог об этом запомнить? Но было еще кое-что, куда более интригующее: по возвращении его никто не встретил. Никто не потребовал пароля, не воспрепятствовал ему войти. Стража не оказалось на месте, как не было и более «мелкой» охраны – в большинстве своем, нежити, усиленной зачарованными доспехами и клинками. В первую минуту Фремберг усомнился: а вправду ли он создавал все это?.. Может быть, он *хотел* выставить охрану, но, по рассеянности, забыл? Нет-нет... Погрузившись в собственную память, он вспомнил, как убил почти две недели, формируя Стража из призрачных потоков силы: в своем роде это был шедевр магического Искусства. Получившееся создание, питаемое, вдобавок, мощью Источника Башни, должно было стать непреодолимым препятствием для любого, вздумавшего захватить Башню в отсутствие настоящего хозяина.

И тем не менее...

И, тем не менее, Стража не оказалось на месте, как и охраны, и это могло означать только одно: кто-то все-таки сумел проникнуть в жилище Пепельного Мага. Проник, уничтожил охрану и... ушел.

Ситуация выглядела очень странно, и чем больше Фремберг думал над ней, тем меньше она ему нравилась. Кому и что могло понадобиться тут в его отсутствие?.. На первый взгляд, ничего не было украдено. Отложив дневники, Фремберг спешно направился в зал, где находилось Центральное Сплетение – часть Источника, воплощенная в видимом мире, и одновременно – место, откуда осуществлялось наиболее полное управление всеми заклинательными системами Обсидиановой Башни. Больше всего Фремберг опасался того, что неизвестный гость мог незаметно вмешаться в работу Башни, подсоединив к системе пару-тройку собственных заклинаний, которые могли прийти в действие в самый неподходящий (для Фремберга) момент. Но ничего подобного он не обнаружил.

Зато он нашел кое-что другое.

Точнее – кое-кого.

Башня могла произвольно меняться, перераспределяя живой обсидиан, из которого она состояла, внутри себя в любые формы. Время от времени (обычно – по желанию ее хозяев) в Башне возникали новые помещения и исчезали старые, комнаты превращались в залы, лестницы – в коридоры, и наоборот.

Просматривая текущее состояние Башни, на нижних этажах Фремберг обнаружил несколько новых комнат. В пяти из них лежали

мумифицированные останки вооруженных людей. В шестой и последней находился живой пленник.

Фремберг удивился.

На вопрос, как ему удалось обойтись без воды и пищи более семи лет (по его собственным словам), пленник отвечать отказался и вообще повел себя, с точки зрения Пепельного Мага, нагло и высокомерно. Фремберг решил не церемониться, но... с помощью заклятий подавить волю и проникнуть в сознание, этого человека он так и не смог. По всему выходило, что пленник – или кто-то из его мертвых дружков – исхитрился-таки уничтожить Стража, после чего в действие вступила сама Башня, организовавшая путем перераспределения массы внутри себя, шесть превосходных новых тюремных камер. Фремберг знал, что в некоторых случаях Башня способна действовать самостоятельно, однако за прошедшие годы так и не сумел до конца понять «логику» ее поступков.

Башня поймала воришек, но кормить их, конечно, не стала.

Тем не менее, один выжил.

И даже не особенно исхудал. За семь с половиной лет.

...И вот теперь уже целую неделю хозяин Обсидиановой Башни размышлял, как ему поступить с наглецом: обречь на идиотизм, но любыми способами выкачать нужные сведения, убить или просто отпустить.

Немного постояв на балконе, подышав влажным морским ветром и полюбовавшись закатом, Фремберг пришел к выводу, что жестокие решения рождаются от бессонных ночей, выматывающей интеллектуальной работы и долгих часов, проведенных в закрытых помещениях. Пепельный Маг и сам не так давно находился в схожем положении, кроме того, пленник показался колдуну довольно любопытной личностью. И Фремберг решил отпустить его.

Но не бесплатно.

Комната. Гладкие черные стены, без дверей и без окон. Ни табуретки, ни матраса. Нет даже вороха соломы.

Человек, лежавший, закинув ногу за ногу, на полу камеры, равнодушно смотрел, как в гладкой стене появляется крохотное окошечко. Обсидиан оплывал, словно черный воск. В образовавшемся отверстии показалось лицо хозяина Башни.

Со своей стороны Фремберг рассматривал пленника – худощавого, высокого воина в добротной кожаной одежде, расположившегося прямо в центре камеры на собственном поистершемся синем плаще.

– Тебе не надоело молчать, Эдрик? – спросил он, наконец.

Этот вопрос Эдрик пропустил мимо ушей.

– Ты испытываешь мое терпение.

– А ты – мое, – хмыкнул пленник.

Фремберг почувствовал как в нем, против воли, поднимается раздражение. Кем вообразил себя этот наглец?..

– Хочешь остаться тут навсегда? – пригрозил он.

– Нет, – спокойно, почти равнодушно ответил пленник.

– Тогда отвечай на мои вопросы.

– Я уже все рассказал.

– Не все.

– Все, что мог. В остальном меня связывает клятва. И нарушать ее я не намерен.

– Клятва кому? – Фремберг криво ухмыльнулся. – По твоим же словам выходит, что твой господин мертв.

– Ты плохо слушал меня, колдун. Я служил герцогу Ульфилу, потому что мне это было выгодно, но клятвой молчания меня связал не он.

– А кто?

– Неважно.

– И что же теперь прикажешь делать мне? Дождаться, пока твоему учителю не придет в голову блажь снова послать кого-нибудь в мою Башню?

Эдрик усмехнулся.

– Можешь не беспокоиться: мой учитель не имеет к этой неприятной истории никакого отношения.

– Он что, выгнал тебя?

– Нет.

– Он тоже служил Ульфилу?

– Нет.

– А что же произошло?

– Где?

– Перестань валять дурака, Эдрик. Как ты оказался на службе у герцога?

– Пришел и нанялся.

– Для чего?

– Все мы хотим хорошо жить, вкусно есть и мягко спать, – философским тоном заметил заключенный.

– Что, твой учитель не смог дать тебе всего этого? – фыркнул хозяин Башни, надеясь, что хотя бы его презрительный тон спровоцирует Эдрика

на неосторожный ответ.

Фремберг просчитался. Эдрик, будто бы ничего не заметив, спокойно пожал плечами.

– Не знаю. Может, и мог. Но я предпочитаю сам добиваться поставленных целей.

– И в какой же момент твоей «целью» стал мой дом?

– Он был не моей целью, а герцога, – возразил Эдрик. – Я всего лишь сопровождал Ульфила.

– В прошлый раз ты сказал, что он обещал тебе баронский титул. Очевидно, он очень рассчитывал на твою помощь...

– Возможно, – ни скорби, ни раскаянья в голосе пленника не отразилось.

– А ты его так подвел... – Фремберг осуждающе прищелкнул языком.

Губы Эдрика растянулись в улыбке.

– Так что же произошло? – спустя некоторое время спросил Пепельный Маг.

– По-моему, я уже рассказал тебе.

– Историю про то, как Ульфил надеялся найти в моей лаборатории эликсир вечной молодости?

– Именно, – пленник кивнул.

– В таком случае, я не понимаю, почему так мало трупов.

– Мало? – Эдрик удивился.

– Всего пятеро. Добавим еще тебя.

Несколько секунд Эдрик над чем-то размышлял.

– Шестеро нас осталось после боя, – вспомнил он.

– Какого боя?

– С этой здоровенной тварью... кажется, ты называл ее Стражем.

– А где трупы остальных?

– Не представляю, – хмыкнул пленник. – Ты же тут хозяин.

– Хочешь сказать, вы оставили их на месте? Там же, где была драка?

– Ну да. При всем желании мы не успели бы вынести их наружу. Стены пришли в движение сразу после того, как сдох твой Страж.

– Как вам удалось его прикончить? Он ведь был неуязвим ни для оружия, ни для человеческого колдовства.

– Я уже говорил... – заключенный тяжело вздохнул.

– Что? – насторожился Фремберг.

– Что не могу ответить на твой вопрос.

Почти минуту Фремберг молчал.

– Ладно, – произнес он наконец. – Совершенно очевидно, что так у нас

ничего не выйдет. Ты еще не успел настолько меня разозлить, чтобы заставить перейти к пыткам, а я слишком себя уважаю, чтобы сознательно опуститься до такого состояния. Посему... Предлагаю тебе сделку.

Фремберг терпеливо ждал, пока пленник взвесит это предложение.

– Что еще за сделку? – равнодушно поинтересовался заключенный.

– Я тебя отпускаю. А ты выполняешь мое поручение. Надо расследовать одно странное дело и попутно, быть может, немного покопаться в библиотеке... Я не ошибусь, если предположу, что ты знаешь Искаженное Наречье?

Эдрик кивнул:

– Не ошибешься.

– Очень хорошо. По ряду причин сам я сейчас заняться этим делом никак не могу... а когда время у меня появится, следы могут уже остыть. Мне бы этого совсем не хотелось... Но, может быть, нам будет удобнее обсудить это в другой обстановке? Ты согласен?

Эдрик привстал. Потянулся. Рассмеялся.

– А почему бы и нет?

Нескоро Эдрик насытил свой голод. Ел бывший пленник с удовольствием, а вот вина почти не пил, предпочитая напитки, не туманящие разум – морсы и соки, каковых на длинном обеденном столе имелось немало. Фремберг смотрел, как Эдрик поглощает одно блюдо за другим, и не удивлялся. Еще бы, после семи-то лет голодовки...

Пока длилась трапеза, Фремберг наблюдал за своим гостем. Тот являлся загадкой, которую Фремберг хотел разгадать – и не мог. Поведение Эдрика не укладывалось в рамки ни одной социальной группы, на которые делилось человеческое сообщество. Слишком вольные манеры Эдрика не выдавали в нем аристократа – скорее наоборот; но еще меньше он был похож на простолюдина, торговца или книжного червя. В нем ощущалась незаурядная сила – не только внутренняя, но и телесная, – но трудно было понять, на чем основано это впечатление: рельефной мускулатурой Эдрик не отличался.

Впервые увидев заключенного, Фремберг отчего-то счел его воином, и чувство, что он был прав, не покидало колдуна до сих пор.

В камерах, созданных Обсидиановой Башней для шестерых «везунчиков», уцелевших после столкновения со Стражем, сохранились их личные вещи. У мертвецов было оружие, у живого Эдрика – нет. «Хорошо, – размышлял Фремберг, – допустим, меча он лишился во время боя... Но где его доспехи? У остальных они были, и не такие уж плохие...

у него – ничего, кроме куртки».

Исследования, незаметно проведенные хозяином Башни на более «тонких» планах, ясности не добавляли. Энергетическая сущность пленника вряд ли могла принадлежать обычному человеку, но то, что Эдрик не был и магом, так же становилось ясным с полувзгляда. Части *Тэннака* и *Келата*, отвечавшие за «захват» и перенаправление внешних потоков силы у Эдрика не были как-то особенно развиты. В то же время, его души – по крайней мере, те три, которые мог видеть Фремберг – в целом были гораздо более сильными и чистыми, чем у большинства людей. Келат и Шэ смертных подобны ветхим покрывалам, вывалянным в грязи, – они слабы и непрочны; внутренние каналы, по которым течет эфирная кровь, забиты шлаками; от поверхности до самой сердцевины души изъедены болезнями и язвами. Это происходит от того, что люди, в большинстве своем, не разбирают потребляемой ими душевной «пищи»: безудержно предаваясь страстям и полагая зачастую, что порабощенность собственным желаниям – это и есть подлинная свобода, они не замечают, как собственные влечения разъедают их изнутри. Души – в первую очередь, конечно же, Шэ, жизненная сущность – разлагаются или ссыхаются; душа, называемая Тэннак, как правило, так и не вызревает.

«Чистота» незримых сущностей Эдрика вовсе не означала, что он был хорошим человеком. Чистота душ и их целостность свидетельствовали лишь о том, что он контролировал свои желания, а не они его – и только. В нем не было мелочности, но на проверку он мог оказаться подонком высшего разряда, ясно осознающим, что творит. Таковыми, в известном смысле, были боги Тьмы (с некоторыми из них Фремберг был знаком лично) – их зло всегда было осознанно и целенаправленно; как и изысканный аромат вина, его вкус мог оценить лишь подлинный гурман.

Впрочем, никакой особой приверженности к Тьме (равно как и к Свету) в своем сотрапезнике Фремберг усмотреть не мог: Эдрик казался пустым листом, на который каждый сам волен нанести то изображение, которое представляется ему верным.

– Послушай, – сказал Фремберг. – Я не хочу, чтобы ты смотрел на службу мне как на ненавистную обязанность. Считай, что ты нанят. После выполнения поручения ты будешь вознагражден.

– И чем же? – Эдрик приподнял бровь.

– А что тебя интересует?

– Божественное всемогущество, конечно, – в прозрачных голубых глазах бывшего пленника заплескалось веселье.

Фремберг улыбнулся в ответ.

– Оно всех интересует. Увы – я сам всего лишь скромный бессмертный...

– Бессмертный? Так значит, покойный герцог не ошибался? Где-то тут и впрямь есть эликсир вечной молодости?

– Уже нет.

– Жаль.

Фремберг пожал плечами:

– А для чего тебе божественное всемогущество?

– Божественное всемогущество – лишь универсальная форма власти, – отправляя в рот кусочек мяса, сообщил Эдрик. – Подобно лучу света, раскладывающемуся на цвета радуги, универсальная власть может быть рассмотрена как сумма всех прочих видов власти. Знание, сила, волшебство, золото... приходится выбирать среди них, если не можешь выбрать все сразу? Так?

– Ты философ, – заметил Фремберг.

– Откровенно говоря, – Эдрик сделал паузу, чтобы разжевать еще один кусочек мяса, – я слабо представляю, каким из перечисленных видов власти ты мог бы со мной поделиться в таком объеме, каковой мог бы всерьез меня заинтересовать.

– Ты ведь служил герцогу Ульфилу. За баронский титул.

Эдрик задумался.

– А какой сейчас год? – неожиданно спросил он.

– Какой календарь ты предпочитаешь?

– Гешский. Кажется, он становится общепринятым.

– Тогда – три тысячи двести пятый от Основания.

– А месяц и день?

– Куда-то опаздываешь? – усмехнулся Фремберг.

– Нет, просто пытаюсь подсчитать, сколько времени я тут провел... – Эдрик покачал головой. – Семь лет... Ну что ж, могло быть и хуже...

– Мы говорили о власти, – напомнил Фремберг.

– Да-да-да, – кивнул бывший пленник. – Так вот, у меня было много времени для того, чтобы подумать о ней. Стоит ли она того, чтобы семь лет сидеть взаперти.

– Семь лет? Тебе повезло. Получается, вы заглянули сюда буквально перед моим возвращением.

– Я понимаю, конечно, – насмешливо кивнул Эдрик, – что вы, бессмертные, смотрите на время слегка иначе, и семь лет для вас – «буквально перед»...

– Нет, ты не понял, – Фремберг покачал головой. – Вот уже почти

шесть лет прошло, как я вернулся. Дело в том, что я ничего не знал ни о каких «гостях». Да и тебя обнаружил случайно.

Эдрик некоторое время молчал.

– Выходит, – холодно спросил он, – что я просидел лишних шесть лет взаперти только потому, что тебе было лень осмотреть собственные темницы?..

– Ммм... Если честно, я просто забыл, – Фремберг немного смутился. – Но это, надеюсь, не испортит наших отношений?

– Конечно же, – откликнулся Эдрик, – это никоим образом не испортит наших *добрых* отношений.

– Давай вернемся к делу, – поспешно произнес колдун, чувствуя, что беседа уходит совсем не туда, куда нужно.

– Конечно. Ты чем-то хотел оплатить мою работу. Но у меня есть идея получше: ты мне ничего не платишь, а я на тебя не работаю. Идет?

– Нет. Мне все-таки кажется, что ты мне кое-что должен.

– Я *должен*? – переспросил Эдрик таким тоном, как будто бы на самом деле это Фремберг задолжал ему, и немало.

– Да, – Пепельный Маг кивнул. – Вторжение в мои владения, попытка грабежа, уничтоженный Страж...

– Ты не сидел семь лет взаперти только из-за того, что кое-кто...

– Мальчик мой, – перебил его Фремберг, – я сидел гораздо дольше и в куда более неприятных условиях, чем ты.

– Тогда почему бы тебе просто не отпустить меня? – Эдрик поймал глаза хозяина Башни. Тот не отвел взгляд.

– Потому что есть одно дело, которое необходимо сделать. Срочно. А я не могу отвлекаться.

Эдрик вздохнул.

– Ладно, – устало сказал он, откидываясь на спинку стула. – Что еще за дело?

Фремберг некоторое время молчал. Когда же заговорил, голос его стал будничным, даже скучным.

– Некоторое время назад один колдун, работавший на меня в Рендексе, прислал сообщение о книге, которая по-настоящему может заинтересовать меня. Вскоре колдун – его звали Маскриб Рапхабельт – был убит. Еще один мой агент, отвечавший за перевозку книг, вскоре после этого исчез. Найти его я не смог.

Снова установилось молчание. Оно длилось и длилось...

– И что?.. – спросил Эдрик.

– И все. Это и есть твоя задача.

– В чем же она состоит? Найти книги или человека, который их украл? Или расследовать обстоятельство смерти Маскриба?.. Кстати, он был сильным магом?

– Так себе. Второй, который исчез – тоже.

– А его как звали?

– Нарвериш. Относительно же твоей задачи... В первую очередь – найди книгу. Книгу, а не «книги». Ту, про которую говорил Маскриб. Потом – все остальное. Хотя полагаю, что «остальное» вскроется в ходе расследования.

– А ты не допускаешь, что и смерть, и исчезновение могут быть не связаны ни между собой, ни с книгой?

– Допускаю. Хотя уверен в обратном.

– Почему ты не отправишься сам?

– У меня сейчас очень важное дело здесь, в Башне. Завершение пятилетней работы. Я не могу все это бросить.

– Ну что ж, колдовские эксперименты – это очень важно, я понимаю, – Эдрик кивнул. – Может быть, по возвращении я расскажу тебе что-нибудь интересное о смерти *твоего друга*.

– У меня мало друзей, и Маскриб не принадлежал к их числу, – голос Фремберга перестал быть мягким. – Он просто на меня работал.

– Ага, и просто умер во время работы... Между прочим, как это случилось?

– Точно не знаю. «Тела» в строгом смысле этого слова не осталось. Вся комната была в крови и мозгах. Как будто его что-то разорвало на куски. Изнутри.

– Магия?

– Наверняка. Впрочем, если ты можешь придумать какой-нибудь немагический способ взорвать человека в собственной комнате так, чтобы от него остались ошметки мяса и костей не больше гранатового зернышка...

– Ну... – Эдрик задумался. – Например, он мог съесть мешок гороха и заткнуть задницу пробкой. Вот и...

– Не смешно. Погиб человек.

– Да брось ты. Он ведь *просто на тебя работал*.

– Не понимаю, – Фремберг пожал плечами. – Почему ты пытаешься разозлить меня?

– Тебя так легко разозлить? – Губы Эдрика на этот раз не улыбались – только глаза. – Больше не буду. Так значит, я должен выяснить, отчего умер твой агент?

– Совершенно верно. И о какой книге он говорил. Что тебе нужно в дорогу?

– Во-первых, – без колебаний ответил Эдрик, – мне нужна лошадь. А для этого мне нужны деньги.

Глава вторая

Я коснулся губ танцовщицы. Скорее всего, ее привлекла не моя мужская стать, как мне хотелось бы думать, а хорошая одежда, новые ножны для меча и толстый кошелек на поясе, но ведь каждый имеет право тешить себя иллюзиями, не правда ли? А танцовщица, если я еще не разучился угадывать желания людей, тешила себя иллюзией удачной кражи. Или, как минимум, приличного заработка.

Мне было даже немного ее жаль.

Она снова выпрямилась на помосте, с которого склонилась для поцелуя, и продолжила танец, томными глазами ловя мой прямой взгляд, горевший откровенным вожделением. Танцовщица, в самом деле, была отнюдь не дурна – стройная талия, круглые бедра, высокая грудь, привораживающее гибкое молодое тело. Ее танец сопровождала свирель и многострунное чудо типа лютни – очередной выверт творческой мысли музыкантов славного города Миррабата.

Я отошел чуть назад, ожидая окончания представления. Проституция в Миррабате и прочих городах Речного Королевства была запрещена то ли восемь, то ли десять лет тому назад, покойным дядюшкой нынешнего короля. Джераверт III вообще много чего запретил, что, по его мнению, противоречило высокой нравственности. Однако, по легенде, одной уличной танцовщице (девушке приличной во всех отношениях, не подумайте дурного), сплывавшей перед королем, удалось добиться разрешения и дальше зарабатывать себе на хлеб таким образом. У танцовщиц появился своего рода «правовой иммунитет»: облавы, регулярно проводившиеся особым подразделением стражи – Белыми Братьями – их больше не касались. Вскоре ночные бабочки из бедных кварталов смекнули, что в такой нервной обстановке им, ко всем прочим достоинствам, неплохо бы еще выучиться танцевать. Шлюхи не столь догадливые в большинстве своем сгнили на каторге. Потом Джераверт умер, однако традиция осталась.

Во время правления Джераверта в Речном Королевстве я был только однажды, когда путешествовал на юг, и по некоторым причинам воспоминания о том периоде своей жизни сохранил самые смутные. Могу сказать только, что, несмотря на все недостатки Джераверта – и личные, и как монарха, – при нем добропорядочным гражданам жилось гораздо

спокойнее. Поскольку подозрительных бродяг вроде меня повсеместно отлавливали и посылали либо на галеры, либо на рудники. И если Святой Джераверт целенаправленно прилагал все усилия к тому, чтобы религия Белой Богини Мольвири расцвела на этих землях, то нынешний монарх был не больше, чем марионеткой в руках культа. Плохой марионеткой, бестолковой, но все же...

Танец закончился. Танцовщица сошла с помоста. Других претендентов не было, немногочисленные случайные зрители разошлись, и Кавельти (мы тут же познакомились) подошла ко мне. Не знаю, заметила ли она, но мне было немного грустно. Красивая... как спелый фрукт, едва-едва тронутый порчей.

Следуя ритуалу, мы пошли в ближайший трактир – в тот, который она указала – и выпили вина – того, что она заказала. Стоимость вина, равно как и комнаты, снятой чуть позже, была явно завышена, но я придерживался правил игры и вел себя паинькой. Как и положено всякому похотливому болвану, я не сопротивляюсь, когда меня «разводят».

Пока поднимались наверх, я был предупрежден об извращениях, которых моя спутница не принимала ни в каком виде, а также о тех, за которые следовало платить отдельно. Подумалось мельком, что такие списки следовало бы предъявлять клиентам в развернутом письменном виде – дабы человек, взыскующий плодов продажной любви, мог обстоятельно поразмыслить, что он хочет и за какую сумму. Однако говорить этого своей спутнице я не стал, не желая выбиваться из образа; да и вообще не факт, что она умела читать и писать.

Поначалу я собирался сделать то, за чем пришел, сразу или в самом начале любовной игры, но, помогая красотке избавиться от одежды, ощутил, что она *еще не зацеплена*. Она поверила в образ, который я позволил ей увидеть, но работала на улице не первый день и внутренне была готова к любой пакости, которую мог выкинуть клиент. В таком состоянии ее трудно было поймать; стало ясно, что придется играть свою роль до конца.

Вряд ли вас заинтересует механическая сторона секса: как, в какой позиции, как долго. Это была монотонная работа – с ее стороны, хотя она и пыталась всеми силами показать, как ей это нравится. Но полагаю, что она сильно удивилась бы, узнав, что на самом деле я желаю ее не больше, чем она меня.

Потом я оделся и внес вторую половину обещанной суммы; кажется, это полностью ее успокоило. Я собирался уходить, она неторопливо натягивала юбку...

– Прости меня, – сказал я.

Танцовщица удивилась:

– За что?

– За это.

Ее шея была такой хрупкой и тонкой... это чувствовалось даже через плотную ткань юбки, которую она так и не успела опустить вниз. Попытки закричать, вырваться, позвать на помощь успеха не принесли. Я терпеливо ждал, пока она затихнет. *Поймал?* Кажется, да... Отпустив обмякшее тело, я отвел взгляд – не хотелось смотреть, как ссыхается, превращаясь в мумию, тело красивой женщины.

...Прости меня, маленькая танцовщица. Ты не первая, кого я обманул и чью жизненную силу похитил. И не последняя. Я слаб, и если не соберу достаточно силы до того, как дни начнут сокращаться, а ночи – увеличиваться, еще одним неудачником – еще одним трупом, висящим на Игольчатом Мосту – станет больше. И Ночная Тень заберет мою душу.

Хм... а не лицемерно ли убийце просить прощения у еще теплого трупа? Конечно, лицемерно. Но так уж меня воспитали: сделал вред – попроси прощения... Правда, мои воспитатели имели в виду деревья, а не людей, но ведь привычка – вторая натура.

Но вообще-то (только что осознал это) я невежлив.

Ведь при всяком знакомстве следует сначала представиться, а только затем пускаться в воспоминания и отвлеченные рассуждения.

Меня зовут Льюис Телмарид. Я родился в Хальстальфаре около сорока лет назад (точно не помню, может и больше), большую часть своей жизни занимался колдовством, а с ума сошел совсем недавно, буквально в прошлом месяце... хотя вполне возможно, что и раньше. Не помню.

Иногда я начинаю думать, будто в моей голове живет кто-то другой, но сколь могу, упорно борюсь с собственной шизофренией. Собственно, только чувство юмора и позволяет мне сохранять хоть какой-то рассудок в сложившейся ситуации.

Чуть погодя я расскажу о своем извилистом жизненном пути немного подробнее... Но не сейчас. Сейчас мне нужно забрать свои деньги, спуститься вниз и спокойно выйти на улицу. Трактирщик – без сомнения, бывший в доле с убиенной красавицей, – а также скучающие вышибалы не должны заподозрить ничего плохого до тех пор, пока я не покину этот район.

Короткий заговор на обнаружение металла показал, что свои сбережения танцовщица прятала в особом кармашке, пришитом к внутренней стороне нижней юбки. Я пересыпал серебро и медь в

собственный кошелек. Ей все это больше уже не понадобится, зато, возможно, сохранит жизнь кому-нибудь в будущем... например, тому, кого я не убью, когда мне понадобятся деньги.

Итак, я спустился вниз, постоял немного, демонстрируя всем своим видом напряженный мыслительный процесс – не заказать ли чего-нибудь выпить? – потом решил, что не стоит, отлил на заднем дворе и спокойно ушел. Добрался до гостиницы, заплатил по счету, сел на лошадь и уехал из города. Все как по нотам.

Дорого б дал, чтобы моя жизнь всегда была такой скучной...

И вот я за воротами, еду на северо-запад, пытаюсь думать – осторожно, осторожно, не затрагивая мысленным усилием тех областей разума и памяти, которые воспалены и сводят меня с ума, – пытаюсь понять, когда и как все это началось, найти хоть какой-то выход из лабиринта, в который меня загнала жизнь...

* * *

Я родился...

Нет, ну что за глупое начало?

Если я – это как бы уже не совсем я, а местами даже и мы (почему так – объясню позже), то какое отношение я (мы) имею (имеем) к рождению, состоявшемуся сорок лет назад в крошечном поселке в восточной части Хальстальфара? Не большее отношение, чем к еще полусотне рождений и смертей, которые некоторым образом воспринимаю (воспринимаем) теперь, как свои собственные...

Нет, нет...

Так нельзя.

Надо выделить главное.

Сформулировать приоритеты.

Если этого не сделать – единство, которого удалось достичь с таким трудом, опять распадется на множество кишащих, враждующих друг с другом «я». Не настоящих «я», только теней ушедших. Настоящего «я» не будет.

Выход заманчивый, поскольку тут же исчезнут и все мои проблемы: у окончательно спятывших проблем нет. Выход заманчивый, и все же мы отложим его про запас... да-да, попробуем еще посопротивляться.

Итак, еще одна попытка. Надо говорить быстро, но не скороговоркой. Втянуться в собственный рассказ, чтобы хотя бы на время оградить себя от того, что стало мною...

Нет-нет-нет. Не думать об этом.

...Я родился сорок лет назад в восточной части Хальстальфара. Я был седьмым сыном в семье, и, хотя и не имел соответствующих таким случаям отметин вроде седого локона на макушке или выпуклости посреди лба, похожей на спрятанный под кожей глаз – как и положено, стал колдуном. До десяти лет меня и еще двух оболтусов обучала деревенская ведьма. Счастливое было время! Ведьма прекрасно понимала, что особого толку она от нас не добьется. И, вместо того чтобы делить свое внимание на четверых, предпочитала его концентрировать на единственной своей ученице и преемнице. Нас же она старалась каждый раз побыстрее куда-нибудь спровадить. Мы были только рады. Освобожденные от большей части хозяйственных работ под предлогом «учения», мы не особенно рвались к знаниям. Так и проводили весь день – шлялись по лесу, купались, загорали, ловили крыс-попрыгунчиков или просто с наслаждением, устав от ничегонеделанья, валялись в душистой траве.

Оба моих товарища ценили нашу привольную жизнь не меньше, чем я. Один, такое же седьмое чадо мужеского пола (и тоже без божественных отметин), был младше меня на год и считался негласной совестью нашей компании. Он придерживал нас, когда мы расходились совсем уж чересчур, не позволял наводить порчу на наших деревенских обидчиков (такие, конечно же, находились среди остальных детей, считавших нас бездельниками и тунеядцами). Еще Оллегри (так звали моего друга) возмущался, когда мы грабили птичьи гнезда. Это почти все, что я помню о нем. Из моей памяти вырваны куски, и один из них – лицо Оллегри, его голос и смех. Пятно чего-то мягкого, кроткого и доверчивого – все, что осталось в моей душе от того, кого я считал когда-то лучшим своим другом.

Второго, Марка, я помню лучше. Старше меня на три года, он был самым тупым из нас троих. Его можно было без труда убедить (стоило лишь говорить уверенным тоном), что поджог сарая – шутка, смешная до коллик. Поначалу я побаивался его кулаков, но затем нашел правильный подход к этому тупице и часто ставил с тех пор Марка в такое дурацкое положение, что мне оставалось только выть от смеха, наблюдая за его нелепыми попытками из этого положения выкарабкаться. А Оллегри хотелось плакать от обиды и досады – чужой стыд, чужую боль он воспринимал как свои собственные.

Знахарка почти ничему нас не научила. Приворожить обитателей пруда или роши, побеседовать с цветочной феей или домовым, отвести взгляд, усыпить, найти колдовские цветы в ночь летнего солнцестояния – все это в

Хальстальфаре может чуть ли не каждый третий. Бесплезное в общем-то знание: знать как, что и где искать в самую короткую ночь в году – и не знать настоящих, истинных свойств этих трав. Кое-чему с тех времен я все-таки научился, но подлинная древесная магия мне до сих пор недоступна. Хотя я знаю одно зелье... Но об этом – в свое время.

Я не помню, как ее звали, мою первую детскую любовь, но помню ее лицо и огромные, васильковые глаза. Они могли заморозить, могли заставить плясать медведя и ластиться матерого волка еще когда их обладательнице было всего девять лет. Ведьма готовила ее себе в приемницы, а потому и учила, и спрашивала больше. А какой проливной дождь однажды по ошибке устроила ее ученица!..

А вот еще одно воспоминание, уже менее для меня приятное. Как-то ради забавы я завязал ноги одному пареньку. Заговор был плохонький – из тех, что могут и сработать, но скорее всего никакого действия не окажут: я вырвал из его штанов две нитки и, завязав их узлом, обмотал вокруг подобранной на дороге палки, сказав, что пока нитки связаны, так же будут связаны его ноги. И выкинул палку.

Парнишка долго мучился, просил меня снять заговор, стискивал зубы, а под конец расплакался от обиды. Больно ему не было, ноги свои он чувствовал, только вот ходить не мог... Но кто заставлял его верить в действенность моих слов? Он сам, не осознавая того, наделил силой мое неумелое заклятье...

Моя драгоценная любовь, которой я приносил лучшие цветы и ягоды, для которой рвал яблоки из соседских садов, которой я подарил зеленую раковину (такие диковинки иногда – но очень редко – появлялись на берегах нашей речушки), прознав о той забаве, смеяться не стала. Узнав о происшествии, она разыскала меня и без долгих разговоров прилепила к ближайшему дереву. Истуканом я простоял весь вечер, всю ночь и весь следующий день – пока юная ведьма наконец надо мной не сжалилась. Мой заговор с того паренька она сняла шутя.

В десять лет меня и Оллегри забрали друиды. Лесные чародеи появлялись в деревнях и городах редко, предпочитая людскому обществу бескрайние зеленые просторы – спокойствию и гармонии их внутреннего мира претила суета. Но окончательно с людьми они все же не порывали, и могли неожиданно появиться там, где требовалось остановить эпидемию, оградить волшебством проклятое место, изгнать демона, очистить землю от порчи... Кроме того, каждые пять лет они забирали с собой детей, имевших склонности к волшебству и нигде еще не пристроенных – если, конечно, родители тех детей были не против. Обучали их по-разному: кого

год, кого два, кого три, а кого и насовсем у себя оставляли.

Поначалу было трудно. Незнакомо все, непривычно. Друидская община состояла из семидесяти человек: старцев, зрелых кудесников, подмастерьев да таких же, как мы, учеников. Утром мы собирали грибы, ягоды и лесные орехи, или помогали тем, кто работал на огородах, днем – изучали свойства трав под сводами древних лесов, а на закате разучивали Искаженное Наречье.

Вставали рано, за час до рассвета. Мяса не ели, а все остальное употреблялось в таких мизерных количествах, что поначалу я думал – умру с голоду. Ничего, не умер, привык. И долго потом перепривыкал обратно.

Нас не учили изменять мир. Нас учили слушать его и отражать в себе, чувствовать и понимать. Оллегри проходил курс древесной магии, а я – магии души и тела человеческого. У нас с Оллегри склонности были к разному, и разному учили нас друиды. Они полагали, что познав страдание и боль чужой души, я уже не стану – не смогу – использовать это знание ей во вред. Никто не застрахован от ошибок, даже такие блестящие знатоки душ, какими были мои учителя. Хотя поначалу все шло так, как они предполагали. И если бы не Ночная Тень, во мне осталось бы гораздо больше от друида, нежели одна привычка просить прощения, причинив вольный или невольный вред любому живому существу.

Еще друиды учили нас каким-то своим обрядам, но эта часть воспоминаний отсутствует полностью.

Оллегри разрешили остаться, чего он и сам страстно желал, а я по возвращении в родную деревню, спустя три года, оказался не у дел. Знахарка у деревни была (успевшая за время моего отсутствия обзавестись еще одной ученицей), семья меня успела подзабыть, из мальчишек моего возраста в друзьях у меня не было никого. А рожа Марка после спокойной жизни в общине показалась настолько противной, что я долго не мог понять: какие общие интересы нас могли связывать раньше? Я вернулся в деревню совсем не тем испорченным мальчишкой, которым из нее ушел. Эти три года сильно изменили мой внутренний мир.

Я перезимовал, а весной отправился в город. Надеюсь на удачу, но не совсем без цели и толку. Я хотел поступить на службу к какому-нибудь феодалу, а в перспективе – стать рыцарем или даже бароном. Тогда как раз готовился очередной поход на Ильсильвар – довольно обширную страну, лежащую на противоположном, западном берегу Выплаканного Моря. Для начала я надеялся навязаться кому-нибудь в оруженосцы или слуги, рассчитывая, что некоторые познания в целительстве на первое время заменят мое полное неумение обращаться с оружием – пока я не выучусь

воинскому искусству.

Конечно, были и сомнения... Я не приносил тех клятв, которые дают друиды при посвящении внутреннего круга: не брать в руки оружие – только одна из них. Но все-таки меня воспитали на идеях мира, гармонии, согласия и любви, и если бы не красивые легенды о благородных рыцарях и священных войнах, ни в какую армию записываться я бы не пошел.

Три дня я ошивался у лагеря, где шла вербовка. На четвертый день кто-то наконец согласился меня выслушать. Никакими оруженосцами и не пахло, а вот помощником лекаря меня взять согласились.

За неделю, которую мы простояли у города и еще за две, пока добирались до побережья, я тысячу раз успел пожалеть о том, что ввязался в это предприятие. Люди, меня окружавшие, были совсем другими, чем те, к которым я привык, – они были грубыми, жесткими, злыми. После тишины друидских лесов армия представлялась мне кошмарным винегретом из криков, команд и подзатыльников, которыми меня щедро награждали все, кому не лень. Штучки типа завязывания ног здесь не срабатывали, эта детская магия оказалась бессильна против воинов, проливавших не единой капли свою, и чужую кровь и видевших настоящих колдунов, не чета мне, недоучке.

Хотя многое в моем новом окружении отталкивало и вызывало стойкое отвращение, было и то, что влекло. Проведя четырнадцать лет в захолустьях – сначала в деревне, потом у друидов, я поражался всему – конским доспехам, высоким стенам Тольдмаса, городским рынкам, уличным танцовщицам и торговкам, циркачам и матросам... На побережье нас ждали корабли. Вслед за моими романтическими иллюзиями канули в небытие и надежды отдохнуть от постоянной работы, которой меня загружали, – чистки лошадей, оружия, стирки белья – во время плавания. Оказалось, что корабли совершенно не предназначались для нашей комфортабельной перевозки. Мы – простые солдаты, слуги, оруженосцы – заняли трюм, спрессованные, как сельди в бочке. Мне не переставали поручать всякую грязную работу, из которой наиболее приятным занятием было мыть палубу – можно было заодно подышать свежим воздухом. В другое время таких, как я, редко пускали наверх: два раза в день справить нужду, прямо в море – и все.

За погодой следил настоящий волшебник, так что буря, при иных обстоятельствах разбившая бы наш корабль в щепки, только слегка покачала его.

Помню, как я удивился, когда мы наконец доплыли: никогда раньше не мог себе представить, что в одном месте может быть собрано столько

песка. Буря отнесла нас на юг, и нам пришлось несколько дней плыть на север вдоль побережья, за которым была видна необъятная Хэплитская Пустыня... место, где мне предстояло провести следующие шесть лет. Но во время плавания я, конечно, об этом еще не подозревал.

Мы остановились в Листе, чтобы починить корабли, пострадавшие во время шторма, а заодно – запастись свежей водой и провиантом. Власти делали вид, будто не знают, куда и зачем мы направляемся: с Ильсильваром их связывал договор о союзнчестве, но бросать вызов флоту, стоящему у морских ворот города, они не захотели. Со своей стороны мы не стали задерживаться в порту – получив все необходимое, немедленно отчалили.

Лист я так и не увидел: простым солдатам было запрещено покидать суда во время этой короткой остановки.

К тому моменту я уже более-менее представлял – из слов своих более старших сотоварищей – кто и зачем затеял эту войну. За нами стояла вовсе не королевская власть Хальстальфара, в чем я был свято уверен в Тольдмасе, а воля Магистра одного из рыцарско-коддовых Орденов, до недавнего времени всецело поддерживавшего трон. Что они не поделили с королем, известно одной Белой Богине, только вот теперь Орден Крылатых Теней покидал Хальстальфар следом за остальными Изгнанными Орденами. Формально отношения между Орденом и властями Хальстальфара сохранялись вполне дружественными, ни о каком изгнании речи не велось, и даже было объявлено, что Орден покидает родную землю для того, чтобы, укротив наглых заморских варваров, донести до них свет истинной веры. Цель благородная, бесспорно, хотя и вызывающая легкое недоумение: отчего же, собравшись в поход, Крылатые Тени отправились не в Хэплитскую Пустыню распространять свои высокие идеалы среди кочевых племен скайферов, и по сей день возносящих свои молитвы Князьям Тьмы. А вместо того предпочли затеять войну с Ильсильваром – страной, во всем верной Солнечным Богам?.. Может быть, потому, что в Ильсильваре из-за внутренних свар в тот период творилась такая неразбериха, что земли эти показались Ордену лакомым кусочком?

Мы были лишь авангардом – для того, чтобы перевести весь Орден через Выплаканное Море, потребовалось бы втрое больше кораблей. Нам предстояло взять Льюхвил – могучую крепость, расположенную в юго-восточной части страны, между двумя заливами, ведущими в глубь Ильсильвара.

Штурм происходил ночью, при свете звезд и Луны, изредка выныривавшей из-за той завесы облаков, что наколдовали волшебники

Ордена. Предварительно часть рыцарей была высажена на берегу, в двух-трех милях южнее Льюхвила... Не стоит обманываться словом «рыцарь» – хотя полноправные члены Ордена и называли себя так, к феодальной знати большинство из них не имело никакого отношения, да и военные действия вели совершенно иначе. Достаточно будет сказать, что еще этот Орден именовали Орденом шпионов и убийц, и, вполне оправдывая свою сомнительную славу, Крылатые Тени незамеченными перебрались через стену и заняли форт, а в Льюхвиле – как в замке, так и в порту – еще и не подозревали о том, что началось нападение. Они захватили бы и сам замок, и перерезали бы спящих в цитадели солдат так же скоро, как проделали это с защитниками форта, если бы не чары, наложенные на замок. Ночь прорезала вспышка света, истошно завизжали мертвецы, кости которых были положены в основание стен, в замке поднялась паника, замелькали факелы, на стенах начался бой с Крылатыми Тенями, лишившимися своей покровительницы – ночи.

В это же время корабли вошли в порт. Часть находившихся там судов мы захватили, вторую половину – сожгли. Сопротивление, оказываемое в порту и прилежавшем к нему городке, было по большей части беспорядочным и неорганизованным, и Магистр, не медля, отправил многочисленный отряд на помощь тем, кто сражался в замке. Последним, несмотря на значительное превосходство противника в числе, как раз удалось захватить ворота. Ворота были распахнуты, Крылатые Тени – уже не бездоспешные диверсанты, а тяжеловооруженные латники – вошли внутрь. К рассвету крепость была взята, и лишь молчаливая цитадель, в которой заперлись последние защитники, оставалась единственным очагом сопротивления.

Цитадель была великолепно укреплена – и в зримом мире, и в мире невидимом. Простая и строгая, представлявшая собой, по сути, четыре округлые башни, сросшиеся воедино, она возносилась над землей на высоту более двухсот футов. Толстые каменные стены могли выдержать длительный обстрел из катапульт, а защитные чары – нейтрализовать магические воздействия высших адептов Ордена. Осада стоила бы больших усилий, а главное – времени. Это было неприемлемо, и потому утром в захваченную крепость прибыл Магистр, и начались переговоры. Осажденным было предложено присягнуть Ордену и воевать отныне на его стороне. Они отказались. Магистр пригрозил, что возьмет крепость во что бы то ни стало, и тогда ни один из упрямец не дождетя пощады. Их мертвые тела предадут не сожжению и не погребению, но подвешат вверх ногами с тем, чтобы они стали добычей птиц, – а души повешенных таким

образом, как всем известно, достаются голодным демонам, прилетающим к покойникам под видом воронов и стервятников. На осажденных это не произвело впечатления, однако Магистр обещал свободно отпустить их на все четыре стороны, если только они сложат оружие, и в их сердцах проросли первые семена сомнения. К ночи было собрано несколько баллист, а также развернуты те, что прежде защищали внешнюю стену замка. Обычные снаряды заменили железными крюками, к концам которых крепились длинные веревки. Попасть в бойницу из баллисты, да еще и ночью, можно разве что случайно, однако Крылатые Тени зачаровали крюки, и теперь они сами отыскивали цели. Штурм, настойчивый и яростный, был отбит с потерями для обеих сторон, однако утром цитадель выкинула белый флаг. Комендант, отнюдь не ощущавший себя героем, согласился на условия Ордена. Как только безоружные солдаты покинули цитадель, Магистр приказал вывести их за стены и там перебить.

К тому времени портовый городок уже был разграблен и подпален: пока Орден грыз замок и цитадель, там хозяйничали наемники и хальстальфарские феодалы, отправившиеся в этот поход вместе с Крылатыми Тенями.

Я не участвовал ни в штурме, ни в грабеже. Заваленный до сих пор всевозможной грязной работой, я и забыть успел, что взяли меня, собственно, помощником лекаря. Теперь мне об этом напомнили. Работы, естественно, оказалось по горло. Мы промывали и зашивали раны, накладывали повязки и смазывали ожоги тех, кому досталась порция кипящего масла, хлынувшего вдруг из неприметных отверстий в стенах цитадели во время ночного сражения...

Оставив в крепости небольшой гарнизон и всех раненых, отправив разгруженные корабли обратно в Хальстальфар, авангард Ордена и сопровождавшие его наемники и феодалы двинулись в глубь государства, по широкому тракту, ведущему в конечном итоге напрямик к столице. Но Дангилата, расположенная на северо-западе на расстоянии более, трехсот миль от Льюхвила, пока не была нашей целью. До подхода основных сил нам предстояло захватить два ближайших к Льюхвилу города – Курбэйк и Лаглар, укрепиться в них, организовать запасы и снабжение – все то, что понадобится нам в ходе разгорающейся войны.

Миля за милей мы мерили дороги Ильсильвара. Рыцари ехали на лошадях, следом катились повозки с провиантом, оружием, разобранными осадными машинами. Мы шли пешком.

Далее – снова провал в памяти... Я помню себя уже бредущим по пустыне. Кажется, Ордену все-таки обломали зубы. Было сражение, и мы

проиграли. Вместо подробностей – белое пятно. Я даже не помню, кто и при каких обстоятельствах нас разбил. Кажется, Магистр погиб, и с ним – его приближенные. Я не стал сдаваться на милость победителей и сбежал. Не зная ни языка, ни местных обычаев, я скитался по стране, добывая ту пищу, которую можно найти в лесу – ягоды, грибы, съедобные корни, птичьи яйца. Не брезговал и чужими огородами. На чем и попался. Беглых солдат из разбитой армии завоевателей особо не жаловали: если не забивали на месте, то сдавали местным властям, а те, в свою очередь, торжественно вздергивали оккупанта на ближайшем суку. От хозяев огорода мне удалось удрать, но вдобавок ко всем прелестям бездомной жизни я получил еще одну – погоню.

Лесничие графа Ёркнезского гнали меня, как дикого зверя, почти десять дней, пока их не сменили солдаты из ольктоморского ополчения. Если б не друиды, научившие меня толике своей магии, вряд ли мне удалось бы избежать поимки. Я ушел от погони, однако вскоре вновь попался на воровстве, привлек внимание местных властей и все началось по новой... Позже, измеряя пройденное расстояние по карте, я подсчитал, что во время своего бесконечного бегства на юг прошел в общей сложности не менее трехсот миль по бездорожью. В конечном итоге – была уже середина осени – меня загнали в пустыню и оставили наконец в покое. Впрочем, вполне возможно, что меня уже давно никто не преследовал, и последние недели я удираю не от лесников и солдат, а от собственных страхов...

В безлюдных пустошах, предшествующих пескам Хэплитской пустыни, меня выловили скайферы. Завидев черные точки на горизонте, я попытался спрятаться, но они почувствовали чужое присутствие, и, подъехав ближе, без труда обнаружили меня. Некоторое время они решали, убить меня сразу или оставить жить в качестве раба, причем большинство было за первый вариант, избавлявший их от дальнейших хлопот. Языка хэплитских кочевников я не понимал, но по красноречивым жестам догадывался, о чем идет речь.

Скайферы – странное племя. Их магия совершенно отлична от магии друидов, от магии цветов, ручьев, деревьев и камней, она связана с пустыней, со змеями и пауками, с иссушающими ветрами, приносящими пыль и засуху. Мое слабенькое, но совершенно чуждое пустыне колдовство они также почувствовали, и именно поэтому, полагаю, не убили меня, а только связали, бросили на запасную лошадь и увезли с собой. Спустя несколько дней я, совершенно изможденный путешествием через пустыню, предстал перед вагой, который должен был решить, кто я такой и что со мной делать.

Вагой скайферы называют настоящего колдуна из их народа. Как правило – отшельника. Скайферских племен в пустыне множество, а вот повстречать вагу – большая редкость. Они как бы незримо стоят над всеми племенами и их вождями, живут далеко друг от друга, а между собой общаются редко.

Тот вага, к которому меня привели, жил в развалинах древнего города. Под землей, в катакомбах, он проводил большую часть времени, а если и выходил наружу, то предпочитал делать это ночью. Под землей у него имелось что-то вроде небольшого храма – зловещей комнатки с черными свечами, стенами, разрисованными непонятными рисунками и надписями, с алтарем и дымящимся жертвенником.

Все это довелось мне увидеть собственными глазами, ибо вага решил, что все-таки стоит оставить меня жить – то ли в качестве слуги, то ли в качестве ученика. Настоящего ученика в тот период у ваги не было, а самому убираться в своих апартаментах ему не хотелось. Я к тому же заинтересовал его еще и своей друидской магией.

Вага – значит колдун-жрец. Вызыватель демонов, умеющий подчинять, изменять и убивать. Магия друидов направлена не на подчинение предмета волшбы своей воле, а на сохранение его самобытности, на соблюдение гармонии мира, на уважении ко всему существующему; магия вага нацелена на изменение предмета волшбы так, чтобы было легко властвовать над ним. Согласно мировоззрению учивших меня друидов, нет противопоставления двух «я», одно из которых должно поглотить другое, но есть внутреннее единение, основанное на любви и сострадании. Вага же вовсе не пользовался подобными понятиями. Он не был зол, скорее – безразличен. Вага полагал, что стоит не приспособливаться к миру, а приспособлять мир под себя, не считаясь ни с чем, кроме расчета и силы. В такой прагматичной философии не было ничего удивительного, поскольку скайферские колдуны черпали свою силу прямым из Нижних Миров.

Как я уже упоминал, «мой» вага жил в катакомбах. За несколько лет я расширил его апартаменты еще на дюжину комнат и коридоров, а также привел в божеский вид помещения, в которых вага обитал прежде. Время от времени вага меня учил – ему было интересно смотреть, что получается из соединения волшебства друидов и магии змеиного яда.

Именно он научил меня красть души. Сам вага делал это на алтаре, во время ритуала. Расстояние не имело значения. Для совершения колдовства необходима была кровь или волосы, или кусочек кожи, или вещь предполагаемой жертвы. А для тех, кто не защищен никакими амулетами

или заговорами, не нужно было даже ничего из вышеперечисленного. Вага искал их, незащищенных, через золотую чашу с темной водой, позволявшую ему видеть сквозь расстояния чужедальные города и страны, и, проводя ритуал, вылавливал человеческие души. Души вага хранил в прозрачных сосудах и находил им применение самое разнообразное: создавал новых демонов, выжимал жизненную энергию, которая этим душам уже была не нужна и поглощал, чтобы восстановить свои силы. Вага был невероятно стар – по моим предположениям, ему было лет восемьсот, не меньше, и умирать в ближайшее тысячелетие он не собирался. Он поглощал чужие жизни, чтобы не расстаться со своей.

Помогая ему, поднося инструменты во время ритуалов, выполняя роль «якоря», когда вага странствовал по Верхним или Нижним Мирам, я постепенно изучал темную сторону Искусства. Конечно, чтобы приблизиться к уровню вага, мне пришлось бы потратить не одно десятилетие на изучение магии пустыни и магии змеиного яда – с тем, чтобы совершенно овладев ими, перевоплотить себя в демона, ибо волшебство ваги почти во всем было волшебством демонов, а не смертных. От смешения двух магических школ я приобрел способность забирать силу у тех, кто в момент совершения волшбы находился рядом со мной. И если человек становился по каким-то причинам «открытым» или же просто верил в собственное бессилие, получалось это, естественно, лучше. Но вера уже не играла того решающего значения, как раньше, когда я применял детское волшебство против таких же детей. Вага учил убивать при помощи магии.

А потом вага дождался ученика – настоящего ученика – и я оказался не нужен. Он отдал меня в тот клан скайферов, который поручил ему юношу с зачатками истинного чародея. Скайферы приняли меня в свой клан. Мне казалось, что вага многому меня обучил, однако выяснилось, что немало необученных скайферов обладает схожими колдовскими дарами. Не зря в этой расе подозревают демоническую кровь. Сами скайферы считают себя потомками человека и Кобры с Раскрытым Капюшоном. Возможно, в их жилах действительно замешана кровь кого-то из Древа Змеи. А это значит, что все скайферы – потенциальные оборотни.

Четыре года я жил у ваги. Еще два – скитался вместе с приютившим меня кланом по Хэплитской пустыне. За эти два года я наконец научился более-менее сносно держать в руках оружие и впервые узнал, что такое любовь.

...Она была скайфером. Женщиной-воином, но никто посторонний не различил бы в ней женщину. Как и у всех скайферов, нижнюю половину ее

лица скрывала широкая повязка, а фигуру – просторная накидка поверх одежды. И мечом с загнутым к концу лезвием – традиционным оружием этого народа – она владела великолепно. Звали ее Зелкариш.

По обычаям скайферов, девушка или нерожавшая женщина может принимать участие в набегах наравне с мужчинами – если, конечно, сама того желает. После рождения ребенка она переходит из числа сражающихся в число охраняемых.

Не знаю, почему Зелкариш выбрала меня, хотя желающих стать ее «спутником» хватало и из ее народа. Привлекло то, что я был чужеземцем и принадлежал другому народу, даже другой расе? Захотелось чего-то необычного?.. Не знаю и не хочу думать об этом. Тот год, что мы были вместе, я до сих пор считаю самым счастливым временем моей жизни.

Не помню, почему я покинул скайферов. Этой части воспоминаний тоже нет. Осталась истершаяся, почти утихшая боль. Наверное, Зелкариш умерла, а мне стало тошно у кочевников без нее. Захотелось вернуться на родину.

Следующее воспоминание – спустя еще год, который я провел неизвестно где – я на корабле, отправляющемся в Хальстальфар. Пребываю в дурном настроении – чтобы оплатить проезд, пришлось продать коня. По виду я – типичный скайфер, от искривленного меча до куска серой ткани, скрывающей волосы, и желтой повязки, закрывающей лицо. Обычаи скайферов мало кто знает, но всем известно, как легко они берутся за оружие по малейшему поводу. Об искусстве кочевников пользоваться этим оружием все тоже порядком наслышаны. Но меня не тяготит отсутствие общества – скорее наоборот.

Корабль шел в Барт-Кенд, Город Короля, что занимает два острова на реке Диаве, через сорок лиг впадающей в Выплаканное Море.

В Барт-Кенде я задержался еще на пять лет или шесть лет. Добился допуска в королевскую библиотеку. Стараниями друидов и скайферского колдуна, я уже знал основы Искаженного Наречья. Для дальнейшего его изучения пришлось попутно выучить несколько других языков, но о потраченном времени не жалею – приобретенное знание оправдало себя не раз, когда я оказался в Алмазных Княжествах, где языков много, и корни у них совсем другие, чем те, которые роднят, к примеру, языки Ильсильвара и Хальстальфара.

Искаженное Наречье называется так потому, что является упрощенной формой Истинного Языка, которым творилось мироздание в первые его дни. Научиться Истинному Языку что человеку, что демону практически невозможно, а тот, кому удастся выучить хотя бы несколько слов из него,

или сходит с ума, или становится одним из величайших магов этого мира. Среди многочисленных легенд о Войне Остывших Светил есть одна – скорее даже не легенда, а притча – касающаяся подобного прецедента. Какой-то безымянный смертный согласился продать свою душу Крысолову, если тот даст ему на год такое же могущество, каким обладал сам Темный Князь. Естественно, человек, получив такую мощь, не собирался соблюдать условия сделки и первым делом надеялся прикончить того, с кем заключил договор. Но Крысолов оказался умнее и научил человека всему Истинному Языку за одну ночь. Несчастный сошел с ума и натворил немало бед, прежде чем богам удалось его уничтожить. А Крысолов, довольный тем, что на какое-то время отвлек внимание богов от своей собственной персоны, вскоре получил новую душу. Гешские священники любят тыкать колдунов носом в эту притчу – смотрите, до чего доводит ваша страсть к волшебству без оглядки на волю Солнечных Богов! Мнения же самих магов на эту притчу разделяются. Белые утверждают, что колдовать допустимо только при соблюдении духовной чистоты; надлежит следить за собой и не марать себя в грязи сделок с Последышем. Черные же уверены, что причина неудачи заключалась в самом человеке – бездарем оказался, слабаком, вот и сломался под подаренным могуществом. Можно охрипнуть, доказывая, кто тут прав, а кто нет, но факта не изменишь: каждый все равно выберет путь согласно своим склонностям, и, так или иначе, пойдет по нему – уверенно и твердо, или пошатываясь и запинаясь...

Ныне же не все бессмертные знают Истинный Язык, и никто – полностью.

В отличие от Истинного Языка, Искаженное Наречье не несет в себе какой-то особенной силы, но применяется для балансировки и оформления энергии, которой уже владеет колдун. Это может быть как личная, так и заимствованная сила. Собственная сила человека слишком мала, чтобы сотворить хоть сколько-нибудь впечатляющее заклятье, и для того, чтобы возместить ее недостаток, колдуны обращаются к стихиям, которые имеют свои области сосредоточения – источники – как в этой реальности, так и в Верхних и Нижних Мирах. Колдун, при должной подготовке, может черпать из них энергию для своих заклинаний. Я был настроен на два источника, но после Бэрверского Холма, о котором я расскажу позже, способности использовать лесную магию для наполнения своих заклинаний я лишился полностью.

Барт-Кенд я оставил из-за нужды в деньгах. Изыскивая средства к существованию, я добился приема у короля, и даже убедил его

профинансировать экспедицию за сокровищами. Это было не золото и не драгоценности – иначе я бы отправился за ними сам, и не подумав поставить в известность власти – целью наших поисков являлось что-то из легендарного оружия древности. Непатриотично продавать такие страшные игрушки кому попало, тем более – при возможности надолго упрятать их в тайных королевских арсеналах.

Следующие одиннадцать лет – снова провал. О том, что побывал за эти годы в Речном Королевстве, вспомнил совсем недавно, вновь в нем очутившись. Какие-то страны, сражения, колдовские поединки... Женщина, любившая меня, и двое детей, звавших меня отцом, хотя их кожа была гораздо темнее моей. Ночная Тень не оставила мне ни имен их, ни чувств, а ведь когда-то, наверное, они были дороже мне всего на свете... Они жили на краю горного села, где я однажды остановился. В горы меня привело поручение местного князька, желавшего выяснить, есть ли на его территории ценные месторождения. Я не был профессионалом в горном деле, меня сопровождали настоящие горняки, отмечавшие места, которые я указывал. Благодаря волшебству я мог ощущать скопления металлов; кроме того, большинство духов и демонов гор были против каких бы то ни было разработок внутри своих обиталищ и князю требовался кто-то, способный с ними договориться.

...Какое-то время мне казалось, что я нашел свое счастье и свой дом, пока однажды, вернувшись в ту деревушку, не увидел на месте дома пепелище, а вместо моей любимой и ее детей – обугленные тела.

Я участвовал в войне на стороне Алмазных Княжеств против объединившихся Яальских племен все три года, пока длилась война, и достиг под конец ее ранга тысячника. Наши враги были плохо подготовлены к войне, но сражались отчаянно, и часто выбирали бесславную гибель даже тогда, когда имели возможность сдаться в плен или отступить. Что-то страшное ждало их на родине, страшнее стрел и мечей. Я начал понимать, что они не столько захватчики, сколько беглецы, но по-прежнему не ощущал к ним ничего, кроме ненависти и жажды мести.

Они так и не убрались в Яал. Мы истребили всех, отправившихся в этот поход.

Оставшись на военной службе, я мог бы зажить очень привольно, но все, ценимое людьми – деньги, почести, земли – представлялось мне тогда блестящей, ничего не стоящей мишурой. Умывшись в крови своих врагов, отомстив, я не ощутил облегчения. Перед глазами вставало пепелище на месте дома и лицо любимой – то ласковое, улыбающееся, то обгоревшее, черное... Меня вновь потянуло в Хальстальфар, в те земли где я когда-то

родился.

Лошадей, снаряжение, слуг и телохранителей я потерял у Озера Вверх Падающих Капель. Не знаю, что послужило тому причиной, но когда мы проезжали мимо Озера, границы между нашим миром и соседними распались. Сферы на короткое время соприкоснулись друг с другом, а нас растащило по разным мирам, где обитают духи, правящие водной стихией. Выбраться в Холокгёльт – так в колдовских книгах именуется плотный мир, место, которое смертные воспринимают как единственно существующее – сумел я один и, хотя для меня самого прошло совсем немного времени, на земле минуло четыре года с тех пор, как сгинул наш отряд.

По рассказам местных я узнал, что подобные исчезновения происходили и раньше, и горько пожалел о том, что не прислушался к этим рассказам четыре года назад.

Лето, осень и зима прошли спокойно. Я не спешил; кроме того, следовало обзавестись имуществом, лошадьми и хоть какими-то средствами на дорогу. Пробавляясь случайными заработками, в одном из Алмазных княжеств я услышал о крупном вознаграждении, обещанном тому, что избавит страну от странных болезней, с угрожающей методичностью выкашивавших ее население. Меня удивило, что ни при дворе князя, ни в столице нет ни одного более-менее приличного мага. Местные всячески старались обойти молчанием этот вопрос, но я выяснил, что мои предшественники исчезли не вдруг, а постепенно, один за другим, и было даже указано конкретное место, где – Бэрверский холм.

Я проверил – холм действительно являлся центром расходящегося вихря сил, вызывавших непонятные заболевания людей и животных. Внутренний голос предупреждал меня о совершаемой ошибке, но я все же туда сунулся.

Глава третья

...Наказав подбежавшему слуге позаботиться о коне, Эдрик Мардельт распахнул двери трактира, сквозь клубы испарений и табачного дыма равнодушно оглядел прищурившихся от солнечного света завсегдатаев и шагнул в полумрак общего зала.

Масляные лампы коптели воздух, бросая тусклые блики света на столы, измазанные жиром и подливой, на грязные, местами заплесневевшие от влаги стены. Тусклый свет падал на людей, медленно поднимавших головы вслед проходившему к стойке Эдрику. Ленивый, полусонный интерес вскоре сменился привычной скукой. Казалось, эти люди прилипли к своим местам и так и живут здесь, меняя только время от времени пустые кружки с пивом или брагой на полные.

Эдрик заказал себе вина, выбрал более-менее чистый столик, за который сел так, чтобы была видна дверь, а спину защищала стена. Он не опасался нападения, но лучший способ избежать конфликта – быть к нему готовым. По крайней мере, так его учили.

При более внимательном рассмотрении сонное царство пьяниц перестало казаться таковым. Кто-то приходил, кто-то уходил. Двое вышибал выкинули за порог алкаша, вздумавшего заблевать и так не особенно чистый пол. Обнищавший кавалер клеил живописно одетую дамочку, которая согласилась бы на все его предложения, предложи он деньги сразу. В Рендексе, столице Ирисмальского Княжества, составляющего западную окраину Речного Королевства, царили более свободные нравы, чем в остальных землях этой страны.

Эдрик допил вино, поставил кружку и поднялся. Следовало проверить, как устроили Светляка. Трактирные конюхи никакого доверия у Эдрика не вызывали.

Долгий переход через пустыню завершился, не принеся ничего, кроме усталости. Они (Эдрик рассматривал Светляка не как животное для верховой езды, а как верного товарища) сворачивали с тракта лишь раз, когда повстречали песчаного демона. В остальном дорога не принесла ожидаемых приключений в виде разбойников, самумов или скайферов, всегда бывших не прочь перерезать горло что одинокому путнику, что целому каравану. Путешествие прошло мирно, спокойно и скучно до безобразия.

Передвигались осторожно, без спешки, не минуя ни одного оазиса по пути. Проложенная двести лет тому назад дорога через Хеплитскую Пустыню до сих пор оставалась единственной более-менее надежной связью между Речным Королевством и многочисленными королевствами Велиморского Архипелага, в одно из которых входил Скальфальтар, хотя и располагался на материке.

Поручение, данное чародеем из Обсидиановой Башни, никакого восторга в душе Эдрика не вызвало. Семилетнее заточение также совсем не располагало к добрым чувствам в отношении хозяина темницы. Фремберг совершил настоящую глупость, выпустив его из Башни на таких условиях. Гордость Эдрика была задета. Эту гордость не смогла сломать даже Школа Железного Листа, которую Эдрик прошел полностью, сквозь боль, отчаянье и ужас, сквозь кровавое посвящение в Разбитом Храме, которого нет в реальном мире.

Однако пока стоило вести себя по возможности благопристойно. Даже предпринять поиски, на которые он послан. Не исключено, что Фремберг следит за ним при помощи заклинаний или каких-нибудь колдовских приборов, которых у него полно. Возможно, стоило бы прикончить колдуна сразу же, как только тот выпустил Эдрика из темницы. Но Эдрик слишком ценил свое слово, чтобы нарушить его по мелочам. С другой стороны, когда задание будет выполнено, ничто уже не мешает ему добраться до Фремберга. Если еще будет желание мстить. Кроме того, весьма вероятно, что в процессе расследования он натолкнется на подлинных врагов Пепельного Мага, о которых тот либо не знал, либо не захотел рассказывать. Если таковые обнаружатся, можно попробовать договориться с ними. Возвращаться в Скальфальтар только для того, чтобы убить владельца Башни, Эдрику было лень, но вот если недоброжелатели Фремберга ему хорошо заплатят, тогда можно и пересечь пустыню еще раз. Совместить полезное с приятным.

Аккуратно соскабливая и смывая грязь со Светляка, подкладывая сена в кормушку, расчесывая гриву, Эдрик еще раз обдумал свои дальнейшие шаги. Пообщаться с городским колдуном. Добиться аудиенции у князя либо у кого-то из его приближенных с целью получения доступа в библиотеку. Если удастся провернуть все втихомолку – очень хорошо. Не удастся – тоже неплохо. Дело слишком остыло за минувшие два месяца, чтобы вести его по «горячим следам». Следовало хорошенько все взбаламутить, чтобы заставить тех, кто был причастен к смерти Маскриба Рапхабелта, зашевелиться. Любопытно, кстати, что он был за человек? Зачем работал на Фремберга? Ради денег? Или ему Фремберг тоже обещал

поделиться своими безмерными знаниями? Эдрика это предположение насторожило больше всего. Ни один колдун, если он только находится в более-менее здоровом уме (а ни один колдун не может быть полностью нормальным), никогда и ни за что не станет делиться своими знаниями просто так. А тем более не с учеником, даже не с наемником, а с человеком, которого он заставил служить себе по принуждению. Вывод из всего этого напрашивался самый простой: либо Фремберг не собирался сдерживать своего обещания, либо эти знания – барахло. И какое из этих двух предположений ни было бы истиной, выходило, что Фремберг явно собирался его, Эдрика, нагло обмануть.

Эдрик нашел в конюшне овес, подсыпал в кормушку и его, набрал Светляку воды, постоял, размышляя, не забыл ли чего, и отправился обратно в трактир. Следовало позаботиться о собственном ужине и ночлеге.

Получить аудиенцию у волшебника стоило меньших хлопот, чем ожидал Эдрик. В приемной его мурыжили недолго, а стоило упомянуть имя Пепельного Мага, как секретарь мигом отыскал свободный часок в расписании своего хозяина. Господин волшебник примет уважаемого господина Мардельта завтра, в середине дня. Или у господина Мардельта настолько срочное дело, что он желает увидеть господина Аронгобана сегодняшним же вечером?.. Да нет, что вы, хмыкнув, ответил Эдрик, господин Мардельт вполне может подождать и до завтрашнего дня.

Выспавшись, с утра он отправился на поиски гостиницы, в которой жил Маскриб. Найти ее не составило труда. О престарелом чудаковатом книгочее, помешанном на книгах и манускриптах, знали многие, но ни близких друзей, ни родственников в Рендексе у него не имелось. В общем зале он появлялся только утром и вечером, а все дневные часы просиживал штаны в княжеской библиотеке. Стража, обходившая улицы утром, не раз наблюдала, как Маскриб, стараясь держаться стен, топал в сторону княжеского замка, осторожно, чтобы не рассыпать книг, маневрируя в толпе мелких лавочников, работников и слуг. Вечером можно было видеть обратную картину: он так же осторожно выходил из замковых ворот и тут же шмыгал в ближайший переулок.

Гостиница, дававшая приют книгочею, с первого взгляда приглянулась Эдрику. Здесь было куда чище, чем в той дыре, в которой остановился он сам.

В ходе разговора с трактирщиком у последнего возник законный вопрос: кем является Эдрик и отчего так настойчиво интересуется

обстоятельствами смерти Маскриба?

– Я его дальний родственник, – ответил Мардельт, рассчитывая таким образом не только объяснить свой интерес, но и получить доступ к имуществу покойного. «А что, если нужная Фрембергу книга по-прежнему находится среди вещей Маскриба?» – Пришла шальная мысль. Рассчитывать на такую удачу не следовало, но не проверить этот вариант было попросту глупо.

Владелец гостиницы разом оживился. Из его последующей экспрессивной речи стало ясно, что он прямо-таки жаждет содрать с прибывшего родственника деньги за ремонт комнаты Маскриба.

– ...за чей счет ее чинили? – Надрывался трактирщик. – Мясо со стен соскребали? Кто за мебель платил? Обратнo я!..

– Милейший, – произнес Эдрик таким тоном, что хозяин гостиницы подавился собственными словами, – если говорить о долгах, то должны мне *вы*, и немало. Ведь именно в *вашем* заведении погиб *мой* родственник. Вы готовы дать виру за его смерть?

– Нет, но ведь я не...

– Вы это допустили, – тоном судьи, зачитывающего смертный приговор, оборвал его Эдрик, угрожающе постучав пальцем по стойке.

Про деньги трактирщик больше не заикался и по первому требованию молча отвел Эдрика в бывшую комнату книгочая.

Комнату до сих пор никто не занял. Ремонт был давно закончен, и последствия нанесенного ущерба можно было оценить только по запаху извести, чистым, совсем недавно выбеленным стенам, новой мебели и обстановке.

– Никто теперь селиться здесь не хочет, – мрачно глядя в пол, пробурчал трактирщик. – А комната хорошая, с видом из окна...

– Ну, считайте, что постояльца вы уже нашли, – снисходительно бросил Эдрик. – Сегодня же перееду... А где вещи моего дорогого дядюшки?

Из вещей «дорогого дядюшки» мало что осталось. Все, представлявшее хоть какую-то ценность, хозяин продал, чтобы возместить убытки. Наименее полезную часть имущества выкинули, а большую часть оставшегося – растащили.

Принесли книги – изодранные, окровавленные ворохи бумаг. Ничего не разобрать – тушь расплылась, страницы перепутаны, измазаны кровью и золой. Покопавшись немного в этой груде, Эдрик отложил пока бумажный мусор в сторону. Неизвестно, будет ли от него вообще хоть какой-то прок...

До встречи с городским волшебником оставалось еще два часа; Эдрик

потратил это время на то, чтобы выжать из хозяина гостиницы максимум информации о Маскрибе Рапхабельте.

К сожалению, ничего интересного так и не всплыло. Друзей, как и врагов, у покойного не было. Единственный «подозрительный» (с точки зрения трактирщика) персонаж, который заявлялся в гости к Маскрибу приблизительно раз в месяц, на проверку оказался Ёнко Нарверишем – посредником, отвечавшим за доставку книг.

– Такой темноволосый, с крючковатым носом, по виду похож на торговца из Алмазных Княжеств? – устало спросил Эдрик. В промежутке между обедом и выдачей денег на дорогу Пепельный Маг подвел его к зеркалу и сотворил в нем два иллюзорных изображения: самого Маскриба и бесследно исчезнувшего Нарвериша.

– Во-во, точно. – Трактирщик со значением кивнул головой. – Это он, значица, Маскриба-то прикончил, как думаете?

Эдрик вздохнул. Объяснять, что никто Маскриба не убивал, что старикашечка решил самостоятельно попрактиковаться в магии, вызвал кого-то не того, за что и поплатился; что Нарвериш, с его крошечным колдовским даром, при всем желании не смог бы учинить с Маскрибом того, что произошло – объяснять все это трактирщику Эдрик почел совершенно излишним.

«Но, – подумал он затем, – Ёнко Нарвериш пропал сразу после смерти Маскриба. И спрятался так хорошо, что даже наш Великий и Могущественный Пепельный Мажонок не сумел его найти... Если Нарвериш не имеет никакого отношения к тому, что отправило на тот свет его приятеля, зачем ему исчезать?.. Хмм... А может, Нарвериша тоже убрали?.. Только без таких эффектов, как Маскриба, а тихо пришили и спрятали тело?..»

Эдрик снова вздохнул – на этот раз мысленно. Расследование начинало ему надоедать.

Так и не дождавшись ответа, трактирщик решил добавить еще кое-что.

– Беспокойный он какой-то ходил в последние дни...

– Маскриб?

– Ну да. Поест быстро, и – шмыг к себе. Все не терпелось за бумаги свои усесться. И пиво в последние дни пить перестал. Голова, говорит, ясная нужна. Вот до чего человека книжки доводят...

– Кошмар, – Эдрик насмешливо прицокнул языком. – А тот, второй... Когда он в последний раз здесь был?

– Который южанин? Да незадолго совсем до того дня... И на следующий день сразу. Ну так вот. В последний раз господин Маскриб

даже не поужинал. Сразу к себе. И пришел раньше обычного...

– У него не было каких-нибудь новых книг?

– Татайгу его знает. Может, и были... Ночь та была странная, – продолжал гнуть свое трактирщик. – Проснулся я... темно совсем... проснулся и чую: не то!.. Происходит что-то. Собаки дворовые брешут – страсть прям. Потом уже один из конюхов, который не спал, вспомнил, что грохнуло что-то наверху, будто бы упало... Но не громко, а так... Да... А в ту ночь, значит, не я один проснулся, и жена, и все в доме... Ну, обошли дом – вроде спокойно все. Думали – воры. Так нет. Ну, походили-походили и обратно спать... А наутро чего-то не выходит он. Ну, Маскриб значит. Поначалу подумали: он раньше ушел, засветло, не заметили... или, может, отдохнуть от бумажек своих решил... А потом служанка глядит: кошка у его двери лужу лижет. Присмотрелась – а лужа-то красная! – Трактирщик сделал большие глаза. – Ну, та орать!.. Прибегаю: что такое? Так и так. Стучусь – ответа нет. А дверь изнутри заперта. Позвал Тирка – вышибала наш – тот дверь снес. Заходим. А там – мамочки мои родные!.. Все в крови. Вся комната измазана, мебель переломана и измазана тоже, Маскриба нет, и ошметки мяса повсюду... Что же это такое творится, думаю? Это ж во сколько ремонт-то мне влетит?.. Недавно совсем поганец какой-то в колодец кошку дохлую бросил, так как про это постояльцы узнали, так сразу съехало двое. А теперь еще и это. Чем же мы богам-то светлым не угодили, думаю, чем провинились?.. Службы, может, и не всегда посещаем, но десятину-то исправно даем!.. Да и как не дать, когда указ королевский большое наказание за неуплату ее определяет...

– Короче, – оборвал его Эдрик. – Вернемся к комнате Маскриба.

– Ах да. Ну да. Как будто изнутри его разорвало. Клейга – ну, служанка наша – в обморок, да и я чуть умом не тронулся, когда прикинул, во сколько ентово дельце мне влетит. Как сейчас помню: кровь, значица, а в подсвечнике целое ухо с куском челюсти болтается – натюрморт вам такой. Только нам таких вот натюрмортов не надобно. Оттащил Клейгу в коридор, вызвал стражу... Сколько мы эту комнату потом мыли! Стены отскабливали... да что стены – и пол, и потолок также. Белили потом все опять известью. И все равно никто въезжать не хочет...

– Я въеду, – нетерпеливо поморщился Эдрик. – Сказал уже...

– Вот и хорошо, вот и славно... А то – смешно сказать – боятся некоторые...

– Чего боятся?

– Да ничего! Пустое все! Нечего бояться... Глупость одна... И я говорю: с чего бы тут покойничку бродить, когда от него и куска целого не

осталось?..

– А этот... приятель Маскриба, – Эдрик вновь постарался вернуть разговор в конструктивное русло. – Когда, говоришь, пришел?..

– Который южанин?

– Который, который... Нарвериш его зовут. Ёнко Нарвериш.

– А вы, извиняюсь, откуда про это знаете?.. – До трактирщика дошла очевидная несостыковка. – Если приехали недавно, да еще говорите, издалека...

– Дядюшка в своих письмах не раз упоминал про своего дорогого друга.

– А... понятно... А где он теперь, этот друг, не знаете?

– Не знаю, – процедил Эдрик, нацепив на свое лицо выражение «Еще-Один-Вопрос-И-Я-Сломаю-Тебе-Челюсть». – Но очень хочу узнать. Итак. Когда он пришел?

– Да... – Трактирщик растерянно почесал затылок. – В тот же день, с утра. Как пришел, так и ушел. Стража задержать его хотела, да отпустила потом... А народу в тот день много было. Только к вечеру разрешили убраться в комнате – до этого ходили, все осматривали, будто искали что-то. Даже комендант приезжал. И волшебник.

– Нашли что-нибудь?

– Да я-то ж откуда знаю, – трактирщик развел руками. – Рылись они у него целый день, а вот что нашли – про то мне не сказали.

Взяв на заметку, что надо будет пообщаться еще и с теми стражниками, которые осматривали комнату Маскриба, Эдрик задал несколько вопросов про Ёнко. Выяснилось, что ничего он из комнаты не выносил, смертью Маскриба был ошарашен не меньше, чем остальные. Даже чуть сознание не потерял, когда увидел окровавленную комнату. После чего позволил страже себя допросить, а затем и был отпущен на все четыре стороны.

– Когда вы вошли в комнату в самый первый раз, на полу ничего не было? Никаких кругов, пентаграмм, всяких знаков и символов?

– Может и были, – трактирщик пожал плечами. – Только под кровью не больно-то их разглядишь. Говорю ж вам: пол был залит весь, полностью. Какие уж там знаки...

Эдрик поразмыслил, есть ли еще вопросы, которые стоило бы задать; не обнаружил таких, поднялся и сказал:

– Ну хорошо. К твоему рассказу мы еще вернемся... а сейчас мне нужно идти. Всего доброго. Да... сколько, говорите, стоит эта комната?

– *Сикталь* в неделю.

Эдрик выложил на стойку четыре крошечные золотые монеты.

В конце Солнечной Эпохи золото в Кельрионе ценилось ниже серебра. Серебряных монет не существовало вовсе, зато этот металл из-за своих мистических свойств высоко ценился магами и широко использовался при изготовлении колдовских инструментов. В Речном Королевстве, Ильсильваре и Хальстальфаре были в обращении монеты одного типа и веса (хотя и с разными изображениями, в зависимости от того, где производилась чеканка). Большая золотая монета называлась *экталь* и равнялась 10—12 *сикталям*; один *сикталь*, в свою очередь, был равен 120—150 *талям*, обыкновенным медным монетам. Самой мелкой денежной единицей был *сапталь*, или просто *саб* (четвертинка), составлявший обычно четвертую часть таля. В Алмазных Княжествах действовало одновременно несколько денежных систем, и в некоторых из них наиболее крупными единицами являлись не монеты, а драгоценные камни (из-за обилия самоцветных месторождений на территории Княжеств).

– За месяц.

Когда он вышел из трактира, рев больших труб, установленных на башнях, возвестил о полудне. Быстрым шагом Эдрик направился в северо-восточную, наиболее благоустроенную часть города. Следовало поторопиться – он опаздывал на встречу с волшебником.

* * *

Всадник пересекал равнину. Шлейф пыли отмечал его путь; россыпи каменных брызг поднимались в воздух под ударами копыт его чудовищного коня. Бешеная скачка длилась уже вторые сутки, но существо в обличье коня, существо, на создание которого было потрачено более двух месяцев кропотливой работы, не умело уставать. Его создатель знал, что только такой конь способен преодолеть Игольчатый Мост за время, пока восходящее Солнце будет подниматься над горизонтом.

Всадник был похож на живого еще меньше, чем его конь. Сухая кожа обтягивала череп. Там, где она была разорвана, белели обнаженные кости. На плечи сползали остатки высохших грязных волос – когда-то красивых, каштановых. Губ не было, иссохшие их ошметки хлестали по желтым зубам, скалящимся в вечной ухмылке. Одежда, прежде добротная, расшитая серебром, была порвана и запылена.

В полдень он остановился. Осмотрелся, спрыгнул с лошади.

Место показалось всаднику подходящим. Осталось только дожидаться следующего рассвета.

Сомнения вновь одолели всадника. Выбор – идти к Слепой Горе Путем Демонов или Путем Людей – по-прежнему стоял перед ним. За ошибку

придется платить дорого, а ошибиться очень легко... ведь в его теле сражались две души – демона и человека. Переходя Мост до летнего солнцестояния, демон становился человеком. Переходя Мост после солнцеворота, человек становился демоном.

«Я демон, – мысленно сказал прибывший самому себе. – И человек Ёнко Нарвериш – лишь моя оболочка. Значит, надлежит идти путем демонов, это неизбежно. И это хорошо... слишком хорошо, вот в чем причина моих сомнений. Я боюсь поверить в то, что – после всех лет мучений и тьмы – мне... подлинному мне... удастся вернуть себе человеческое естество».

Он повернул голову на запад – небосклон полыхал огнем заката. Отбросив сомнения, получеловек-полудемон начертил Круг Врат. Последняя черта, слово и жест – и будет открыт путь на вершину исполинской колонны, чье основание тонет в Озере Грез – кладбище богов и бессмертных.

Пришла ночь. Не шевелясь, полудемон-получеловек сидел на песке, равнодушно внимая воплям мучеников, бьющихся на шипах Игольчатого Моста. Реальность Моста была еще скрыта от него, переход еще не совершен, но страдание, насыщавшее это место, перехлестывало через грань между мирами. К утру вопли стали стихать. Демон обнажил изломанный, пропитанный злым волшебством клинок... Пора! Солнце готовилось выглянуть из-за горизонта. Пришелец открыл Врата и растаял посреди неровно очерченного на песке круга.

Миг небытия, чувство падения вверх, во вне. Затем мир собирается заново – но уже в иную картинку. Мутное, гнилостно-зеленое небо, измазанное пульсирующими багровыми пятнами. Серые облака. Синий, серый, черный камень. Грандиозной величины плато. Если выглянуть за край – отвесная стена. У подножья Мирового Столба клубится туман.

Слепая Гора зияет глазами подобно старому, полежавшему в земле черепу. К горе ведет мост, свитый из агонизирующих тел, проткнутых серыми шипами. Под мостом бурлит кровавая река – движется, никуда не впадая и ни откуда не вытекающая. Река собирается из крови, что набухает в телах, корчащихся на длинных иглах Моста. Кровь стекает вниз, поднимается вверх густыми испарениями, насыщая кровавые пятна на небе.

Конь, в которого демон перелил большую часть жизненной силы, позаимствованной у Нарвериша, вступил на Мост. Призрак пустыни, принадлежавшей миру смертных, сгинул, оставив последний блеклый образ – Солнце, восходящее над горизонтом.

Всадник бросил коня в галоп. Мечом он рубил тянущиеся к нему руки мертвых и стальные шипы Моста. Конь, мчавшийся по телам умирающих, но каким-то образом продолжающих жить людей и демонов, дробил кости и черепа, протыкал копытами спины, но был бессилён подарить полумертвым-полуживым, не знающим ничего, кроме адской боли, блаженное небытие. Когда-то Владыка Мертвых дал клятву, что не вступит на Гору до тех пор, пока не будет выполнено его условие. Что это за условие, все давно забыли, но выполнено оно не было, и Владыка сдержал свое слово.

Всадник одолел Мост за отпущенное ему время. Сломанной куклой упал заколдованный конь – сила, данная ему всадником, иссякла... Упал, чтобы ожить. Чтобы присоединить свое ржание к воплям умирающих.

Человек с двумя душами отшатнулся от того, кто вышел из недр Горы ему навстречу – от своего двойника. Начался бой, который ему не суждено было выиграть. Отсекая руку своему двойнику... и видя, как падает в кровавую реку его собственная рука... он понял, что проиграл. Придя сюда в чужом обличье, он не сумел обмануть создателей этого места. Слепая Гора поймала его. Сначала он дрался с двойником смертного, в теле которого ныне находился, затем пришел черед нематериальных существ.

...Он бежал, скрывшись в той лазейке, которую использовал и прежде. И приготовился ждать годы, пока кто-нибудь наверху, на земле, не коснется оставленного ключа и не вызовет его из добровольного заточения.

...А тело... Тело со второй, вопящей от ужаса человеческой душой, упало на Мост, пронзенное металлическим шипом. Мертвому не место на Слепой Горе. Тело начало оживать... Натянулась высохшая кожа, налились кровью щеки, глаза наполнились болью, и в сто крат больше – отчаяньем. Кровью засочились разорванные губы. Человек закричал, смешивая вопли боли и проклятия. И не был одинок.

Демоны годового круговорота, прикованные к золотым часам на вершине Горы, безучастно внимали этому хору.

Глава четвертая

Снаружи Бэрверский холм не казался особенно зловещим местом. Земля еще была скрыта льдом, поверх которого, где-то по колено, где-то по щиколотку, стояла вода. Было прохладно, дул свежий весенний ветер.

На вершине холма располагались четыре каменные плиты, образовавшие четырехугольник. Пятая, находившаяся в середине, была отодвинута, оставляя открытой каменную лестницу, уводившую вниз. В солнечном свете, падавшем на ступеньки, медленно кружились частицы пыли.

Я постоял над лестницей. По ней спускались, причем в последний раз – не так уж давно. Насколько позволяли судить следы, навверх из тех, кто спустился, не вернулся никто.

Я хорошо помню эту минуту сомнения. Мог ведь тогда повернуть назад! Еще мог!.. Но лестница приглашала спуститься вниз – и поворачивать обратно, когда я стоял на пороге разгадки, совсем не хотелось.

Я поставил ногу на первую ступеньку. Проверил – держится. Следующий шаг... По мере погружения вниз становилось ясно, что некогда это место было полностью засыпано, потом его наспех расчистили – но не до конца. Временами, чтобы протиснуться дальше, приходилось проявлять чудеса ловкости. С потолка свисали нити плесени и корни деревьев, которых на поверхности не было. Это могло бы стать первым предупреждением, но я ему не внял. Я к этому времени уже основательно перемазался землей, кашлял от пыли и клял все на свете, всеми нехорошими словами, которые только знал.

Наконец лестница кончилась. Факел я не захватил, да он мне был и не нужен. Измененными глазами змеи я видел гораздо лучше.

Подземелье оказалось довольно обширным, и я долго бродил по нему, гадая, что это: подвалы какого-то древнего замка?.. а может быть, улицы давно забытого города?.. Время шло, и я постепенно убеждался в правоте последнего предположения. Настораживало то, что слишком уж много лестниц уводило навверх. Я попробовал подняться по одной, но не преуспел в этом: в верхней части лестница оказалась основательно засыпана землей и обломками камней. И все же я был уверен в том, что даже свободный от песка участок, пройденный мною, насчитывал, как минимум, вдвое больше

ступенек, чем та лестница, по которой я сюда спустился. А наверху, между прочим, была равнина с одним-единственным холмом. Меня обеспокоило то, что перехода в соседнюю реальность, в одну из ближних к земле Сфер я не почувствовал совершенно. Неужели путь из одного мира в другой здесь был стабильным, постоянным?.. Если так, то это действительно очень странное место. А может быть, все проще и только я околдован?..

Волны странной силы, выплескивающейся на поверхность земли в виде смертей и болезней, пронизывали все подземелье. Будто разлитая в воздухе призрачная радуга – расширяющаяся, выталкиваемая из глубин наружу... по крайней мере, так видели эту силу Глаза Змеи, через которые я смотрел. Если бы не песчаное колдовство, радуги убили бы меня очень быстро. Но я понимал, или мне казалось, что я понимал эту магию. Вага как-то раз демонстрировал нечто подобное...

Идя против течения, я постепенно приближался к источнику отравленных радуг. Трупы моих предшественников служили как бы указателями, свидетельствующими, что я продвигаюсь в верном направлении. Судя по положению тел, некоторые из них пытались бежать. От чего? Не сумели справиться с токами эфирного яда, пропитавшими подземелье?.. Да, похоже на то. Ран на мумифицированных телах я не обнаружил, одежда и кости сохранились в целости. Скорее всего (подумалось мне), они сунулись сюда, не представляя толком, с чем им придется столкнуться и пытались, не понимая природы господствующей здесь силы, закрыться от ее действия с помощью привычной им, традиционной волшбы. Я обнаружил массу бесполезных уже вещей, на которые их прежние обладатели, видимо, возлагали большие надежды. Амулеты, обереги, браслеты, кольца, кулоны... Волны разлитой в воздухе силы давно смыли с них всю прежнюю магию.

Я строил свою защиту совсем по другому принципу. С помощью приемов, освоенных в Хэплитской пустыне, я сумел подобрать заклинательный ключ к ядовитым радугам. Я не закрывался от них, а перенаправляя энергетические токи, заставлял радужные волны проходить стороной, мимо меня. Если проводить аналогию с рукопашным боем, то можно сказать, что я не ставил жесткий блок на пути сокрушительного удара противника, а мягко отводил его кулак в сторону.

Еще больше покойников оказалось в зале, куда, в конце концов, вывел меня коридор. Я был уже морально подготовлен к тому, что увижу, а потому не испытал особого удивления. Скелеты, скелеты, скелеты... Не знаю, когда именно они скончались, но одежда и вещи у некоторых сохранились в полном порядке до сих пор. Я решил, что, выполнив работу,

обязательно почту молитвами и делами демона Гишту, покровителя мародеров.

Ближе к центру зала мертвые тела выгибались так, как будто кто-то сознательно выложил их по кругу. Или поднялся вихрь, закрутил лежащие тела в безумном хороводе, а затем внезапно пропал, но мертвые, попадая на землю, все-таки сохранили какое-то подобие порядка в своем положении. Там, в центре зала, тела подверглись деформации куда сильнее, чем в других частях подземелья. Чем дальше, тем меньше было целых костей, а плоть целиком превратилась в пыль и прах. Самый центр не был виден – его закрывало свечение, от которого исходили те самые призрачные волны, что губили людей на поверхности земли. Большой и тусклый сгусток света был окружен огнями поменьше, находившимися на расстоянии шести-семи шагов от него. Я насчитал восемь рыжевато-белых огней, но так и не смог понять, что же поддерживало их горение. В какой-то миг огни показались мне цветками, произрастающими из мертвых тел, и я удивился: неужели *Шэ*, жизненная сила умерших, сохраняется здесь так долго, что даже спустя годы и десятилетия после разложения тел оказывается способна питать собой это странное волшебство? Куда естественнее было предположить, что топливом для огня служит не *Шэ*, а *Тэннак*, магическая сущность, но ничего, похожего на пойманную душу я не мог обнаружить. *Тэннак* колдуна ярок, его невозможно не заметить, он всегда имеет ту или иную форму, иногда – настолько четкую и определенную, что ее трудно отличить от материального тела. *Тэннак* – это магический облик, продолжение колдуна на другом плане реальности; он несет в себе заряд совершенно особой силы и часто продолжает существовать и после смерти физической оболочки. *Тэннак* может расти в течение всей жизни, если, конечно, колдун прилагает усилия к тому, чтобы развивать его, в то время как *Шэ* истощается с годами и окончательно умирает лишь немногим позже *Холока*, самой плотной из человеческих душ – той души, которая видима для глаз и чаще всего называется просто «телом».

Отложив изучение огней на потом, я попытался – уже посредством обычного, немагического зрения – разглядеть что-нибудь внутри центрального свечения... Ничего. Похоже, там вообще не было пола.

Я подошел, стараясь не наступать на кости.

За куполообразной мембраной света – обрыв. В черноте провала – крохотные светлячки. Я словно смотрел в ночное небо. Но поскольку небу у меня под ногами взяться было неоткуда, напрашивалось более прозаическое объяснение: демоны жгут огни глубоко в преисподней.

В некотором недоумении я обошел провал. Возникло впечатление, что темнота не отступает под светом огней, расположенных вокруг колодца, а, собираясь над ним, висит под светящимся куполом плотным, непроницаемым сгустком, почти невидимым из-за скрывающего ее света. Да, именно так. Этот свет не рассеивал темноту, а каким-то образом прятал ее.

Я попытался прощупать сияющий купол и зерно тьмы, скрытое под ним, всеми колдовскими способами, которыми располагал, но мало чего добился... Полагаю, Тень начала бы действовать и без моих попыток изучить ее. Не понимаю, почему она так долго выжидала... Собирала силы?.. Пробуждалась от сна?.. Или попросту развлекалась, наблюдая, как какой-то смертный пытается «изучить» ее?..

В ходе предварительных исследований я пришел к выводу, что растущие из мертвых тел цветки огней питали своим светом сияющую мембрану, а та, в свою очередь, преобразовывая еще и некий, пока невидимый для меня, ток энергии, поднимавшийся по колодцу из Нижних Миров. Свет создавал своего рода призму, искажающую, усиливающую и распространяющую вовне это подземное течение. Если погасить огни, призма исчезнет, и болезни, терзающие княжество, прекратятся. Поднимающийся из глубин ток будет накапливаться здесь в своем чистом, неискаженном виде. Вряд ли он вызовет к жизни что-либо доброе, но это зло будет локальным, смертельным лишь для того, кто по своей глупости решит спуститься в подземелье. А, скорее всего здесь со временем образуется Источник Силы, связанный с Нижними Мирами – штука, опасная для неумехи и очень полезная для опытного мага. Так я видел ситуацию в тот момент, и уже прикидывал, как бы половчее погасить призрачные огни, когда спрятанный под мембраной сгусток черноты внезапно расширился, выпустил Ночную Тень – словно вывернулся наизнанку – и исчез в ней же.

Я ожидал нападения. Собственно, я сражался с этим местом с того момента, как оказался в подземелье. Призрачные радуги убили бы незащищенного. Убили бы какой-нибудь быстротекущей заразой, ибо содержали в себе тысячи болезней. Мои предшественники защищали себя амулетами. Я сумел воспользоваться ядовитой аурой этого места, направляя ее воздействие на себя саму, заставляя болезни бороться друг с другом, словно бешеных зверей. Я самоуверенно полагал, что контролирую ситуацию, но в первые же секунды столкновения Тень продемонстрировала мне, что все совсем не так. Когда она собрала свет всех восьми светильников и направила их на меня, структура призрачных

радуг изменилась, их внутренняя сложность, изощренность возросли на порядок. Колдовские ключи, которыми я до сих пор сдерживал напор отравленной силы, вырвались из моих рук. Одни – стали бесполезны, другие – обратились против меня же. Я ничего не успевал, да и не мог сделать. Радуги, управляемые Тенью, влились в меня, мир помутился... Затем... Что-то начало происходить с моим телом. Оно словно... становилось каким-то вязким, текучим. Я сгнивал заживо. Сознание еще тлело. Из ниоткуда пришло озарение: Тень намеренно удерживает сознание в теле, готовясь присоединить к остальным, захваченным ранее.

Захватив *Келат*, разумную душу, Тень получит контроль и над двумя другими – Тэннаком и Шэ. Последнее сохранит связь с уже мертвым телом, агония распадающегося Шэ растянется на годы, давая энергию, необходимую для поддержания восьми огней. Их горение, в свою очередь, будет давать силу призрачной линзе над колодцем, а та – насыщать призрачную радугу. Для чего все это нужно самой Тени?.. В моем нынешнем состоянии причины ее поступков интересовали меня меньше всего, но знание вливалось в меня, несмотря на то, что я не желал его и не задавал никаких вопросов. Границы между «я» и «не-я» распались, разрушалась целостность *Келата*, целостность моей личности. Тень медленно переваривала меня, соединяя с соборным сознанием моих предшественников. А ответ на вопрос... Тень что-то получала от массовых эпидемий, вызванных призрачным свечением. Какая-то совершенно особая форма энергии умирающих переходила к ней в момент смерти.

Я сопротивлялся – если можно назвать «сопротивлением» тот самоубийственный шаг, что был предпринят. Я погибал, но отчаянно не хотел вливаться в сообщество мертвых волшебников, которые, несмотря на весь кошмар своего положения, все еще осознавали собственное бытие. Последним заклятьем, уже не обладая никакой магией, кроме той зловонной отравы, которую вливала в меня Тень, я искажил свой Тэннак и Шэ, превратив их в яд для той соборной сущности, к которой меня пытались присоединить. Возьми меня – и потеряешь всех.

Я ощутил эхо восторга, объявшего моих предшественников. Они ничем не могли помочь мне, они сами стали, если так можно выразиться, – тенями Тени, но и теперь, не имея никаких сил для собственных действий, ничего они не желали больше, чем вырваться из сферы влияния поработившей их демонической твари. Пусть даже освобождение означало бы их окончательную гибель.

Именно тогда, в момент частичного, еще незавершенного слияния и пришло это имя – «Ночная Тень». Кто-то из моих предшественников

назвал так свою будущую госпожу вскоре после того, как впервые увидел ее – и незадолго до того, как она его поглотила. Собственного имени Тень не имела. Или же не хотела раскрывать его своим рабам. Поглощенные были открыты для нее, но она открыта для них лишь в той мере, в какой желала сама.

Кажется, своим последним заклятьем мне все-таки удалось ранить ее. Я ощутил ее бешенство, когда собираемые веками Келат колдунов стали распадаться – не только как сообщество, но и как индивидуальности – до полного разложения Келат и торжества безумия.

Потом я потерял сознание.

Когда я очнулся, то плохо понимал происходящее, но, самое главное, я остался собой... По крайней мере, какой-то частью.

Тень возвращалась в сгусток черного свечения, унося что-то, ранее принадлежавшее мне. Что-то, похожее на сверкающий драгоценный камень.

Тень засмеялась:

– Уходи, если хочешь. Ты все равно мой.

Я бежал. Тень забрала почти все, что ей было нужно. А то, что осталось, достанется ей после моей смерти. Счет шел на месяцы и на дни. Изменения, которые я произвел в своем естестве для того, чтобы стать «невкусной едой», необратимы. Шэ и Тэннак распadaлись, тело выгнивало изнутри, и лишь заклятья могли заморозить, приостановить неизбежный распад. Но эта отсрочка была такой ничтожной, а кошмар слияния с соборной сущностью мертвых колдунов – столь ясным и неизбежным, что я совсем потерял голову. Даже имел глупость явиться к правителю Яртальского Княжества, который нанял меня на эту работу и рассказать о своей неудаче. Я надеялся, что он захочет помочь мне, разошлет гонцов с тем, чтобы пригласить других колдунов, более могущественных и мудрых, которые каким-то чудом сумеют исцелить меня и победить Тень. Я был дураком. Столь вопиющая глупость граничит с безумием, а уж в последнем-то нет ничего удивительного. Я полагал в те дни, что извращены, отравлены только мои Шэ и Тэннак – жизнь и волшебство – а личность не повреждена, сохранена еще в своей целостности. Все было совсем не так. Келат распadaлся, и даже быстрее, чем другие части моего естества, но в те, самые первые дни своей «послежизни» я еще не понимал этого простого факта. Болезнь развивалась во мне, но пока еще не прорвалась наружу.

Итак, я вернулся в Яртальское Княжество, забыв о том, что людям не

свойственно быть благодарными, а неудачников и вовсе никто не любит. Война с Яалом, едва не поглотившая все Алмазные Княжества, когда-то прославила меня, и яртальский князь знал об этом – но теперь предпочел забыть: так было проще. Прошлые заслуги – в прошлом, сказал он мне, а настоящее положение дел – в настоящем. Ты умираешь, ты бесполезен и слаб. Ты говоришь, Тень отравила тебя чем-то или ты сам отравил себя – не важно; важно то, что ты не смог выполнить взятых на себя обязательств и более того – сам стал источником чумы, с которой отправился бороться... Да, так или примерно так сказал князь – только другими, более обтекаемыми словами, используя целый каскад иносказаний и поэтических выражений, как требовали того придворные обычаи Алмазных Княжеств. Меня схватили и бросили за решетку. Я не мог поверить, что все это происходит со мной, вел себя как душевнобольной, кричал и вырывался из рук стражников, порывался что-то доказывать. Мир мутился, все распадалось на части, и в этом состоянии я был принужден объяснять, что же произошло в Бэрверском холме. Неудивительно, что я не справился с этой задачей...

Первые дни в клетке слились в размытое пятно...

Тюрьмы в наших Княжествах, по обыкновению не имеют отдельных камер... Камеры – это северная придумка, глупость полнейшая, по моему мнению. За стенами тюремщику не видно, чем занимается заключенный, как же он будет следить за ним?.. У нас – не так: большое помещение разделяется железной решеткой на отдельные части, куда и помещают людишек. Само собой, в клетки засовывают самых важных персон, прочих, как и везде – в общую яму. Из ямы не сбежишь...

Я, Нельбрис Лакри Ламкор, ученик некроманта, знаю об устройстве тюрем не понаслышке. Мой отец был тюремщиком в Херпеле, прежде – свободном городе на границе трех княжеств, а теперь...

Вон отсюда!..

Вон... Знай свое место.

Пролез все-таки. Так, спокойно. Взять себя в руки. Обуздать гнев. Я – Льюис Телмарид. Не какой-то вшивый Нельбрис, ученик некроманта, неумеха, не сумевший даже добраться до зала с огнями и выпитый Ночной Тенью в полглотка. Льюис Телмарид. Тот, кто ходил путями жизни и смерти, учился у друидов и бессмертного скайфера ваги, кто командовал тысячей всадников на Сепкразском поле, в той битве, где была сокрушена военная мощь Яала... Я, Я, Я. Не Нельбрис... не все остальные. Их память – моя, но они – не я. Нельзя забывать об этом.

Никогда нельзя забывать.

Поэтому – пусть сидят на своем месте и помалкивают, пока их не спросят.

Я продолжаю...

Первые дни в клетке слились в размытое пятно. Какое-то безвременье: слова, движения, чьи-то крики... кажется, меня били... или пытались кормить?.. События слепились в один ком, и теперь уже не разобрать, что же происходило.

Потом...

Потом наступило прояснение. Я осознал – пока еще очень смутно, интуитивно – что со мной творится что-то нехорошее, неправильное. Умирает не только тело, разлагается не только жизненная сущность, искажается не только волшебство. Поврежден и разум, быть может – необратимо. Какая-то часть еще может думать, осознавать себя, но другие... Хм. Другие тоже осознают себя. Каждая из частей по отдельности.

Там, в тюрьме, пока дни текли, как песок между пальцев, я пытался обуздать собственное безумие. Та часть моего разума, которая и была «настоящим мной», потихоньку оправлялась от шока, вызванного незавершенным слиянием с Ночной Тенью. Хозяин проснулся в собственном доме... и увидел, что дом заполнен сумасшедшими и калеками.

В Бэрверском холме я потерял часть себя, но успел набраться осколков чужих «я». Часть соборной сущности, волевой «осью» которой являлась сама Тень, была разрушена моим последним самоубийственным заклятьем. Но поскольку я и сам в этот момент вливался в объединенное сознание, часть разрушенной сущности прилепилась ко мне, другая – осталась в сфере ментального притяжения Ночной Тени.

И теперь осколки чужих Келат жили во мне, неполные, поврежденные, полубезумные. И каждый из осколков желал занять центральное место, утвердить свое «я». Призраки желали сбежать от собственного небытия.

Я не мог просто подавить их, вышвырнуть вон – мы слишком тесно слились друг с другом. Не трудно смешать разные краски – но попробуйте затем разделить их!.. Пытаясь обуздать своих новых «жильцов», я понял, что все эти попытки обречены: они все равно останутся жить во мне, и более того – постоянная борьба с ними парализует мое собственное «я», займет все силы разумной души и в конечном итоге закроет от меня окружающую действительность. Жить мне оставалось совсем недолго, и что же – убить последние недели на эту бесплодную борьбу?..

Я решил, что это не выход. Я хотел жить и совершенно не желал

присоединяться к Тени. Но чтобы изыскать средства противодействовать ей, мне требовалось вернуть себе утраченную способность здраво рассуждать... хотя бы в какой-то степени.

Я пошел на сделку с призраками, рвавшими на части мой разум. Я дал им долю в себе, навсегда отказавшись от того себя, каким я себя знал уже несколько десятков лет. Я попытался собрать разрозненную мозаику чужих сознаний в единое целое. Я притягивал осколки, включал их в себя и менялся сам. Процесс объединения увенчался успехом лишь отчасти, и не закончен до сих пор. Они все еще живут во мне, и часто рвутся к узлу воли, желая занять главное место. Но уже не так яростно, как раньше. По крайней мере, мне удалось освободить какую-то часть разума для повседневных нужд. За пределами этого маленького очага сознания – хаос и мрак, отчаянье и смерть. Я чувствую их, словно голодных зверей, раздраженно кружащихся у моего порога. Я не мог сразу приручить их всех, и не могу до сих пор. Но я пытаюсь. Иногда пряником, иногда – плетью.

Я собираю человека (забавно говорить о себе в третьем лице, но выглядит это именно так), не жившего никогда прежде, но обладающего неполной памятью двух десятков самых разных людей. Я обнаружил, что в мозаике не хватает нескольких деталей, принадлежавших когда-то Льюису Телмариду. Некоторые события из моего прошлого – белые пятна. Куда делись эти воспоминания?.. Не знаю. Возможно, утеряны в ходе «сборки» нового человека. Возможно, я утратил их еще раньше, в момент духовного контакта с Тенью. Часть того колдовского яда, в который я себя превратил, могла разесть и мой собственный Келат, так же, как была разъедена и соборная сущность мертвых колдунов, подвластных демонической бестии. Если верно последнее, то этими, недоступными мне воспоминаниями, сейчас может владеть Тень... Нет, не хочу думать об этом. Эта мысль отчего-то пугает меня, она как-то особенно омерзительна...

Надо смотреть в будущее, а не думать о том, что потерял в прошлом.

Я умер, и не один раз, а много. Умер – и вот теперь рождаюсь заново – но как же мучительно и ненавистно мне это рождение!

Более-менее разобравшись с самим собой, следовало разобраться со своим окружением. Для начала – покинуть тюрьму.

Тут обнаружили новые трудности. Вся или почти вся магия, которой я владел прежде, теперь мне отказала. Тэннак был истощен, колдовские способности – повреждены, сама их основа – извращена. Чудовищная порция яда, влитая в меня Тенью и еще более усиленная моим собственным заклятьем, не только сократила мою жизнь до считанных

недель, но и раздавила, практически уничтожила Тэннак. Я метался по клетке, как пойманный зверь. Я не мог ждать и не мог вырваться отсюда. И вот тогда-то у меня и обнаружилась одна очень странная способность...

Хоть вага и научил меня красть жизненную силу, я никогда прежде не пользовался этим умением. Друидское воспитание надежно ограждало от подобных поступков – да и необходимости в них не возникало. Теперь необходимость появилась, а многое из того, что прежде определяло поведение Льюиса Телмариды, в «новом» Льюисе сошло на нет. Тень исковеркала меня. Есть ли что-либо на свете, чего я не сделаю для того, чтобы не присоединиться к соборной душе, собранной Тенью, и оставаться под ее властью, питая собой источник смертельных болезней столь долгое время, которое живет душа? Не знаю. Не уверен. Наверное, нет.

Моим соседом, сидевшим в соседней клетке, был придворный сановник, осужденный князем за воровство и растрату. Я был плохим собеседником и больше молчал (иногда – с ревом и воем метался по клетке) в ответ на его попытки завязать разговор. Потом враждующие друг с другом обломки душ начали приходить в какое-то, еще очень неустойчивое равновесие, и наступавшее просветление достигало временами такой степени, при которой я уже мог отвечать нечто однообразно-утвердительно в ответ на реплики моего соседа. Или хотя бы кивать головой. Если у меня вообще возникало желание общаться, а такое случалось нечасто, поскольку в периоды перманентно наступающей ясности я мало интересовался окружающим миром, больше сосредотачиваясь на собственных проблемах. Тем не менее мой плавный переход из разряда «буйнопомешанных» в разряд «тихопомешанных», а также редкие ответы и кивки немного приободрили соседа, и он стал часами беседовать со мной. Тема была неважна, он мог обсуждать что угодно, начиная от качества еды, которой нас потчевали тюремщики, и заканчивая подробнейшим изложением собственной биографии. Кроме меня, поговорить ему больше было не с кем, а сидел он тут уже довольно давно. Его бесконечное тарыхтение поначалу воспринималось мною просто как шум, затем, по мере того, как разум оправлялся от шока, не слушать этого полудурка становилось все труднее и труднее. Против воли я принужден был узнавать сообщения относительно прошлой жизни моего соседа, его привычек, пристрастий, его мнений по поводу мнений других сановников князя, его воззрений относительно политики и общественной жизни. Меня утомляли эти бесконечные многоглаголанья, но я не мог – не понимаю, почему – приказать ему заткнуться, или, протянув руки через решетку, просто придушить его. Последнее не составило бы труда: до

встречи с Тенью я был не только колдуном, но и воином, и не самым худшим, этот же придворный взяточник и женолюб вряд ли когда-либо держал в своих руках оружие тяжелее кошелька или кисточки для письма. Тем не менее, я его не убил. Что-то заставляло меня внимать всему этому бреда, не давая толком сосредоточиться на собственных мыслях... В один из дней (хотя там, в тюрьме, сложно было отличить день от ночи), когда этот полудурок – в который раз! – рассказывал мне о своих женщинах, это самое «что-то» проявило себя чуть более определенно. Сосед говорил о женщинах, с которыми имел близость; особенно он выделял одну из них, роскошную придворную даму. Если и было в этом слизняке нечто, отдаленно похожее на подлинные чувства и страсти – те, которое выворачивают наши души наизнанку, ради которых мы совершаем немислимое, не жалеем и самой жизни, принося ее на алтарь ненависти или любви – то оно, это «нечто», относилось именно к этой женщине. Нет, не настоящее чувство, а именно тень его, что-то отдаленно (очень отдаленно) похожее. Что-то живое проскальзывало в нем, когда он говорил о своей Майгре Хеклек Сайпегра. Она была женой одного из дальних родственников князя, но жила отдельно с мужем и часто меняла любовников. Мой сосед был в их числе, но его Майгра, кажется, выделяла особо, потому как, даже получив формальную отставку, он не перестал быть частым гостем в ее доме, а иногда – и тем, кто в промежутках между смазливymi юнцами по-прежнему делил с Майгрой ложе.

И вот тут «что-то» и проснулось во мне. Я ощутил странную связь с этим человеком, будто бы коснулся чего-то, что, пока еще, не мог взять. Я не понимал, что происходит, но в тот момент я и не стал подвергать логическому анализу происходящее. Я ценю Келат, разумное начало в человеке, но никогда бы не смог стать колдуном, если бы не научился останавливать мышление, отодвигать Келат в сторону в тот момент, когда во мне начинает действовать Тэннак, начало интуитивное, вне разумное, колдовское. Я был поражен уже и тем, что магическая часть моего естества вообще оказалась способной на какое-то трепыхание после того, что с ней сотворили, чтобы еще и теперь, при первом намеке на оживление, тут же рассекать ее мечом логического анализа.

Не осознавая еще, зачем и для чего я так поступаю, я повернул голову к своему соседу и произнес:

– Завтра меня выпускают.

Он удивился:

– Откуда ты знаешь?

– Князь посадил меня сюда до тех, пока не оправлюсь, – я постучал

себя по виску. – Теперь, кажется, все в порядке, но лучше подождать еще день или два. Это старое проклятье, оно поработает меня на неделю или больше, всегда в одно и то же время года.

Мой сосед изумился настолько, что даже открыл рот. За последнюю минуту я произнес больше слов, чем за весь предыдущий период пребывания в клетке.

– Кто ты? – пораженно спросил он.

Я честно представился, не забыв упомянуть Яальскую войну, и собственную – отнюдь не последнюю – роль в ней.

Он уважительно качнул головой. Меня он не знал, но почувствовал, что я говорю правду. Я же говорил ему правду только для того, что скрыть ложь. Надо было *брать* его, пока он не оправился от изумления. Я сказал:

– Могу замолвить и за тебя словечко.

У него отвисла челюсть. Дернулся кадык. Даже глазки влажно заблестели. Он уже похоронил себя – а тут...

– Конечно, не за просто так, – продолжал я все тем же сухим, спокойным голосом человека, не привыкшего разбрасываться словами, но и не нарушающего данных обещаний.

– Что угодно... – поспешил он заверить меня.

– Отдай мне Майгру Хеклек Сайпегру, – произнес я, посмотрев ему в глаза без тени смущения или сомнения.

Он не понял. Вымученно улыбнулся:

– Что?..

Я повторил. Он снова ничего не понял – мое предложение представлялось ему полным вздором. Да и как он мог отдать Майгру, если запретить или разрешить ей что-либо не мог никто, даже ее законный муж?..

Сосед попросил меня объясниться. Я и не подумал это сделать. Я сказал:

– Отдашь – я распоряжусь, чтобы тебя выпустили.

«Я распоряжусь»!.. Как будто я не сидел в клетке по соседству с ним. Но надо было слышать, как это прозвучало. Сосед поверил сразу же. Да что там – в этот момент поверили бы и тюремщики, если бы только могли меня слышать...

– Но я не могу...

– Как хочешь.

Я пожал плечами и отвернулся. Никаких обсуждений, переговоров, объяснений. Предложение сделано – предложение отвергнуто. Более ты мне не интересен.

Он заволновался. Подполз к решетке, что-то еще пытался спрашивать, предлагать, просить – я не отвечал. Да я и не вслушивался в этот словесный шум.

А потом он выдавил, натянуто смеясь:

– Да забирай, если хочешь...

Он думал, что его согласие ничего не значит. Ну как, в самом деле, я могу забрать Майгру? Куда забрать?.. Если я настолько могуществен, что могу распоряжаться в Яртальском Княжестве наравне с князем (а учинить насилие над столь влиятельной придворной дамой мог разве что сам правитель), что изменит согласие или несогласие низложенного, заключенного в тюрьму сановника? Так он рассуждал, и, полагая, что его личное согласие ничего не значит, «отдал» мне Майгру. С таким же успехом он мог бы подарить Луну или Солнце. Да забирай, если хочешь. Мне не жалко.

Улыбаясь, я повернулся к нему и отнял у него душу.

Мне не нужна была придворная дама Майгра Хеклек Сайпегра. Да и что бы я стал делать с этой заносчивой шлюхой? Мне нужна была Майгра, которая жила в его душе, *потому что и сама его душа жила Майгрой*. Говоря о различных душах или действующих началах в человеке (я, по примеру древних авторов, склонен разделять их на Холок, Шэ, Тэннак, Келат и иные, более высшие начала), никогда нельзя забывать об их внутреннем единстве, совмещении – но без окончательного слияния. Любовь может жить во всех душах человека, она и живет во всех, но во всех – по-разному. Любовь есть стремление, тяготение к чему-либо, и в этом смысле все живое в семисоставном естестве человека есть любовь. В этом смысле и ненависть, и желание вкуснее пожрать, и скупость, и прочее – все это любовь, лишь обращенная к разным предметам. В отношении к Майгре проходил один из «жизненных нервов» моего соседа, потому что в этом чувстве заключалось то небольшое настоящее, нефальшивое, что он еще не успел утратить. Почти во всем остальном он был мертв, хотя и не подозревал этого – как, впрочем, не подозревает о своей смерти и множество других людей. Его жизнь состояла из привычек и бестолковых перемещений – ведь, в самом деле, никак нельзя назвать «действиями» или «поступками» жизнь моего соседа и до заключения в клетку, и после. Он жил по инерции, как и большинство людей, купался в теплом супчике телесных удовольствий, хотел устроиться поудобнее и жить поприятнее – и тем был доволен. К сорока годам все, что еще оставалось в нем настоящего, заключалось в отношении к Майгре, да и то, было размыто, расплыено всем остальным бесцельным, пустым существованием. В

остальном он был куклой, устроенной так, чтобы совершать определенные действия, произносить те или иные слова – и только.

Конечно, он не осознавал этого. Он полагал, что у него все в порядке, вот только в тюрьме он оказался совершенно напрасно, по собственной глупости и княжескому жестокосердному произволу. Ему не нравилась обстановка, но в себе самом его, в общем и целом, устраивало все, что есть. Да и как мертвеца может что-то в себе не устраивать?.. Полностью мертвым он еще не был, но уже почти.

И уж конечно, он не понимал, что я ему предлагаю. Я собирался забрать у него все, а он полагал, что ничего не теряет, произнося несколько ничего не значащих слов. Объяснять своей жертве правила Игры я не собирался. Впрочем, я и сам их тогда толком еще не понимал.

Я зацепил его через Келат, потому что именно там, в разумном, упорядочивающем начале человеческого естества, и возможно создать идеальное пространство для Игры, и провести на игровом поле одну из тех блестящих, молниеносных комбинаций, после которых поставленное на кон неизбежно переходит в мои руки. Зацепив, я могу взять все, но все мне не надо: к примеру, к чему мне Холук этого болвана? Его ущербный Келат с бесполезными воспоминаниями и жиденькими эмоциями также не особенно нужен. Тэннака у него и вовсе не обнаружилось, чего, в общем-то, и следовало ожидать: зачаток магической души давно иссох, так ни во что и не развившись, ибо ни разу за всю жизнь моего соседа не был им востребован. Человеческие души развиваются от действия; даже и самая плотная из них, Холук, растет и крепнет от того, что мы каждый день едим и двигаемся. Без еды и движения Холук не будет жить, и то же самое относится к другим, незримым частям человеческого естества. Келат моего соседа я назвал «ущербным» в самом точном смысле: он мало пользовался этой душой в течение сорока лет, да и кормил ее чем попало. Представьте, во что может превратиться ребенок, если запереть его в тесном ящике и изредка подкармливать через трубку какими-нибудь помоями. Если и выживет, вряд ли можно будет назвать его «нормальным». Таковым был Келат моего соседа. Но вот зато Шэ, даже при некоторой ослабленности и недоразвитости, у него имелось, и даже вполне себе сочное. И я вытянул ее всю, до капли.

Практическим следствием единства человеческого естества – при всей разности составляющих его начал – является возможность перевода энергии одного типа в другой, более высокий или низкий. К примеру, испытывая злость, можно с особенной силой ударить кого-либо, в обычном же расположении духа нанести такой удар невозможно. Так же и наоборот:

укрепляя упражнениями и здоровой пищей свое тело, укрепляешь и дух. Все это общеизвестно, я упоминаю об этом лишь для того, чтобы объяснить (усиленно воображая при том, будто рассказываю историю жизни не самому себе, а стороннему слушателю) каким образом, отняв жизненную силу у своей первой жертвы, я оказался способен повернуть вспять разложение своего тела, и, перелив часть приобретенной энергии в Тэннак, реанимировать – к сожалению, только временно – часть своих прежних колдовских способностей...

Освоившись с полученной порцией силы, я подошел к решетке, просунул руки через прутья, и, установив кисти напротив замка, прошептал короткий заговор. Услышав щелчок, я толкнул дверь и вышел из клетки.

Стражники, скучавшие за столиком у дверей большого помещения, услышали скрип петель и бросились мне навстречу по коридору, образованному двумя рядами клеток. Очевидно, они полагали, что легко справятся с помешанным заключенным даже без применения оружия, поскольку ни первый, ни второй коротких мечей из ножен не извлекли. Похоже, бедняг забыли проинформировать о том, кого им поручено охранять. Первый солдат был массивнее меня в полтора раза; наверное, он очень удивился, когда кулак, направленный мне в лицо, ушел в сторону, в то время как его собственный кадык столь же неожиданно оказался раздроблен костяшками моих пальцев. Увалень рухнул не сразу: несколько секунд он еще пытался дышать, вцепившись руками в горло и выпучив глаза. Я взялся за рукоять его меча и отступил назад, тем самым вытягивая клинок из ножен. Под руку первому сунулся второй, увидел блеск стали и тут же отпрыгнул назад, зовя на помощь и извлекая из ножен собственное оружие. Я догнал его и после короткого обмена ударами прикончил.

Можно было не сомневаться, что сейчас сюда набегут остальные. Они натасканы не лучше, чем положено обыкновенному солдату, и я без труда отправлю на тот свет еще двух-трех-четырёх. Но что дальше?.. Можно начать резню, но рано или поздно меня сомнут массой.

Шэ, позаимствованной у моего соседа, оставалось немного, но небольшой запас еще был, и я полностью истратил его на то, чтобы выбраться из тюрьмы. Интересно, о чем думал князь, бросая за решетку чародея?.. С другой стороны, он не мог знать, что я вообще был в Бэрверском холме. С его точки зрения, события могли выглядеть так, что я, заключив договор, вернулся через пару недель слегка помешанным и начал предъявлять двору в целом и князю лично какие-то невнятные требования. При этом от меня, вероятно, еще и воняло, как от помойки – результат

замедленного, но не остановленного разложения плоти – однако я в тот момент запаха не ощущал. Только теперь, полакомившись чужим Шэ и восстановив часть телесных функций, я начал понимать, как же от меня смердит.

Я отвел глаза тюремщикам и солдатам, выбрался за ворота с группкой женщин, пришедших навестить заключенных, на первой улице стащил с седла какого-то всадника и занял его место. Бывший владелец лошади был недоволен и даже пытался напасть на меня, поэтому пришлось раскроить ему череп. Я выбрался из города чуть раньше, чем до стражников, охранявших ворота, донеслась весть о побеге. Как водится, началось преследование, оповещение соседей и прочее в том же духе – все в точности так, как в юности. Только на этот раз я не был перепуганным мальчишкой, в ужасе удирающем от загонщиков. Местные власти, так не вовремя ополчившиеся на меня, воспринимались, скорее, как досадная помеха, еще одна головная боль – в довершение ко всем прочим. Первой по значимости, конечно, оставалась Ночная Тень, второй – множественность обитающих во мне «я», постоянно нарушавших условия перемирия, третьей – невозможность помыться и привести себя в порядок, пока на плечах висела погоня. Вскоре я выпил жизненную силу крестьянина, которому не повезло со мной повстречаться – и оказался способен сотворить еще несколько фокусов, поставивших в тупик яртальских солдат. Крестьянин слишком много боялся, я напугал его и тем подобрал к нему ключ. Уже позже, анализируя и испытывая на деле свою новую способность, я понял, что могу забрать душу далеко не всегда и не сразу. Наличие посторонних также осложняло Игру, заставляя моего «партнера» (а точнее – жертву) отвлекаться от собственно игрового процесса на всякие несущественные мелочи.

Естественно, я не мог не задуматься о том, как такая способность вообще могла у меня появиться. Самым параноидальным (и потому, в определенном смысле – самым привлекательным) было предположение о том, что во мне каким-то образом поселилась Тень, и теперь через меня действует в мире. Покойники – имею в виду мертвых колдунов, чья память потихоньку становилась «нашей общей» – пришли в ужас от этой идеи. Их паника едва не разорвала мой разум, и пришлось приложить уйму усилий, чтобы хоть немного их утихомирить.

Нет, это не Ночная Тень. Я помню ужасающий миг слияния наших Келат в Бэрверском холме и ясно осознаю, что теперь этой связи нет, она разорвана. Я дорого заплатил за разрыв, но взять мою душу там, в Бэрверском холме, Тень не смогла, и отложила эту процедуру

«немножечко на потом». Сумей она заполучить меня еще при нашей первой встрече, она бы так и сделала. Она искалечила меня, но то, что происходит теперь – не ее работа. Это нечто иное. Тень вряд ли бы обрадовалась, узнав, какую способность я приобрел: ведь пользуясь ею, я все дальше и дальше откладывал час нашего окончательного соединения.

Покидая Яртальское Княжество, я четко осознавал открывающиеся передо мной перспективы. Бесконечно убегать от Тени я не мог. Но я буду бежать, буду красть души до тех пор, пока не изыщу способа вернуть обратно то, что у меня отняли. Без новоприобретенной способности я не протяну долго; пользуясь же ею, я буду копить заимствованную силу, чтобы преобразовать себя и освободиться от влияния демоницы, а возможно, и вовсе уничтожить ее.

Так откуда же взялась эта странная способность?.. Прежде я мог красть души так, как меня учил вага, но для этого требовались инструменты и длительные колдовские процедуры. Игра занимала некоторое время, но в ее ходе я не творил заклинаний и не нуждался ни в каких инструментах. Полагаю, что приобретенный еще в пустыне навык сильнейшим образом исказился в тот момент, когда и мой Тэннак погибал под воздействием смертельного заклятья. Все остальное в Тэннаке омертвело, но эта часть – алчущая, хищная – наоборот, усилилась. В Тэннаке погибло все, кроме того, что в нем, хотя бы отчасти, не было родственно самой Тени. И именно таковой оказалась вампирская способность, которой некогда обучил меня вага.

Это предположение выглядело очень убедительно, и я принял его за неимением лучшего. А что, если я ошибаюсь?.. Тогда все равно уже ничего не изменить. Но мне противна сама мысль о том, что все предрешено и отчаянная борьба, которую я веду за свою жизнь, обречена изначально. Нет, нет... Я буду сражаться и с Тенью, и с собственными страхами, и с роем призрачных голосов в голове, и с теми, кто осмелится встать на моем пути до тех пор, пока не отвоюю свою свободу или не погибну на этом пути.

Искупавшись в лесном озере, я задумался о том, куда двигаться дальше. Было сильное искушение обратиться к кому-нибудь за помощью, но мысль о том, какой «помощи» я дождался от своего нанимателя, быстро меня отрезвила. Можно ли рассчитывать на лучший прием у друидов? Трезво оценив свои шансы, я пришел к выводу, что в Хальстальфаре мне ничего не светит. Не знаю, хватит ли друидам сил для того, чтобы уничтожить Ночную Тень, но меня они точно убьют. Мне придется выбирать, рассказывать ли им о том, каким я стал, или пытаться скрыть это.

Последнее вряд ли удастся, но даже если и повезет – зачем тогда вообще обращаться к друидам?.. Если же они узнают, меня не пощадят.

Может быть, снова вернуться в пустыню? Попросить о помощи вагу?.. Нет, тут тоже не стоило обманывать себя. Вага – скайфер, а скайферы не любят слабых. Никто из этого народа не станет помогать мне. Да, я был принят в один из скайферских кланов, но потом что-то произошло – что именно, как ни стараюсь, я не могу вспомнить – и я ушел от них. Меня изгнали?.. Может быть, я убил одного из них?.. Неверно повел себя во время набега на поселок людей, отказался убивать своих соплеменников?.. Могло быть что угодно, но ясно одно: я лишь короткое время был «своим» обитателям пустыни. Это время давно прошло.

Я мог рассчитывать только на самого себя. И тогда я обратился к чужим, а ныне принадлежавшим мне, воспоминаниям. Они были еще более отрывочны, чем память Льюиса Телмарида, но я искал, искал...

Ни один из моих предшественников не знал, кем или чем является Ночная Тень на самом деле. Про город им было известно – про адский город Морфъёгульд, превращенный в руины в Войне Остывших Светил, когда Князя Света, нынешние боги – и Князя Тьмы сражались за власть над миром.

Первая волна эпидемий пронеслась над страной более четырех столетий тому назад, и тогда же волшебником Яртальского Княжества был вскрыт прежде запертый вход в адский город. Тот волшебник стал первой жертвой Тени. Сначала эпидемии были редки, но чем дальше, тем меньшими становились промежутки между ними. Тень набирала силу.

Продвигаясь по сумбурным и почти всегда бесполезным воспоминаниям моих предшественников, я наткнулся на сведения о странном месте под названием Слепая Гора, вход на которую из определенных мест земной поверхности мог быть открыт, при соблюдении некоего ритуала, ночью, от заката до рассвета. Входящий на рассвете, в ту половину года, когда Солнце возрастает и день увеличивается, идет путем людей, входящий на закате, в полугодие, когда увеличивается ночь и Солнце теряет силу, идет путем демонов. Сумевший миновать Игольчатый Мост за время, пока появившееся Солнце покидает горизонт (либо, наоборот, опускается за него) меняет свое естество. Человек становится демоном, демон навсегда остается в той плоти, в которой закончил прохождение Моста.

Я понял, что это мой шанс.

Как человек, я почти мертв. Воровство душ – лишь отсрочка приговора, но даже если мне удастся бегать от смерти вечно, я не хочу вечно жить как

вампир.

Если изменить естество, можно начать все заново. Земля перестанет быть моим домом, но один из Нижних Миров примет меня, и в нем я смогу продолжить свой жизненный путь. Преображение закроет для меня возможности, доступные только людям, упростит сферу чувств – но и подарит способности и силы, присущие только демонам. А когда-нибудь, возможно, я обрету бессмертие, и границы между демонами и людьми потеряют свое значение.

К сожалению, из памяти колдуна я смог извлечь только самую общую информацию. Как и где проводить ритуал перехода – неизвестно. Возможно, при жизни он знал больше, однако эта часть воспоминаний полностью отсутствовала. Все, что удалось «выжать» из моего альтер-эго – тусклое воспоминание о том, где он сам получил сведения о Слепой Горе. Это случилось на западе Речного Королевства, в Рендексе. Существовала какая-то книга, в которой было записано все необходимое.

Неизвестно, сохранилась ли она, и если да, совсем не факт, что я сумею ее найти. Но я, по крайней мере, попытаюсь это сделать.

По пути я крал души людей – те, которыми мог завладеть быстро. Проститутки, нищие, стражники, торговцы... Детей я не трогал. Их души еще не успели омертветь, мышление и восприятие мира не механизированы. Пришлось приложить бы слишком много усилий, чтобы уловить их в Игре.

Одна из сложностей заключалась в том, что я не мог длительное время сохранять силу, выкачанную из чужих Шэ. Я мог поглощать, но не мог сохранить почти ничего из приобретенного. «Почти ничего» – потому что какие-то крупницы все-таки удавалось откладывать, переводя их в особые формы энергии, которыми оперирует Тэннак. К сожалению, очень мало. Большую часть похищенной силы я терял в процессе перевода, но если я оставлял ее у себя в изначальном состоянии, через короткое время чужая Шэ разлагалась и испарялась полностью, оставляя меня ни с чем.

Помимо колдовских проблем, приходилось решать и житейские. У меня не было ни денег, ни снаряжения. Приходилось заимствовать и то, и другое у тех, кому ни деньги, ни снаряжение теперь все равно уже не понадобятся. У оруженосца, соблаздившего супругу своего господина и удиравшего из Речного Королевства на юг, я забрал одежду и дорогие ножны для меча. У курьера с двумя сумками писем позаимствовал лошадь: ту, которую «приобрел» еще в Яртальском Княжестве, я к этому времени уже совсем загнал. Торговец снабдил меня деньгами, свою лепту внесла и уличная танцовщица, душу которой я похитил в Миррабате – первом из городов Речного Королевства, гостеприимно распахнувшем для меня городские ворота.

Глава пятая

– Сказал, что его приятель, – повторил усатый стражник. – И зашел по случаю.

– Выяснили, где он живет?

– Конечно. За рыночной площадью.

– А именно?

– Что «именно»? – Нахмурился стражник.

– «За рыночной площадью» – это не адрес. Если это гостиница – то как она называется? Если частный дом – кому принадлежит?.. Да, и о каком именно рынке речь. Город не маленький. Я видел уже три рынка, а я, между прочим, в городе нахожусь всего пару дней.

– Их семь, – буркнул капрал. – Восемь вместе с лошадиным.

– И?

Стражник ответил молчанием. Похоже, он не понимал, что от него хотят. Эдрик погасил раздражение. Если заговорил с тупицей, умей быть терпеливым.

– Так как мне найти дом Ёнко Нарвериша?

– За рыночной площадью.

– Это все, что вы выяснили? – недоверчиво уточнил Мардельт.

– Нет.

– Ну слава тебе, Солнце!.. Что еще он сказал?

– Сказал, что его приятель, – монотонно повторил усатый стражник, – никакого отношения к делу не имеет. И зашел по случаю.

С пробудившимся интересом Эдрик посмотрел на своего собеседника. Нет, это не обычная тупость. Два месяца назад разум капрала явно был подвергнут ментальному воздействию. Эдрик очень живо представил себе, как это было: невысокий, похожий на южанина, Нарвериш касается руки здорового детины и тихо так, проникновенно, говорит: «Я приятель Маскриба. Зашел по случаю. К убийству никакого отношения не имею. А теперь выпусти меня отсюда».

Эдрик мотнул головой, сбрасывая наваждение.

– На полу или на стенах комнаты не было каких-нибудь знаков? Кругов, многолучевых звезд, надписей на непонятных языках?.. Было вообще в комнате хоть что-нибудь необычное... помимо крови и мозгов на всей мебели?

– Еще? – хмыкнул капрал. – А вам что, этого мало?

Эдрик устало прикрыл глаза. У него не было настроения острить.

– Ответьте на вопрос.

– Ничего там не было.

– Спасибо. Кто еще был с вами?

Капрал назвал имена. Из трех названных один солдат был переведен в соседний город, второй сейчас находился в увольнении. Эдрик переговорил с последним, не особенно надеясь услышать что-нибудь новое. Солдат – совсем еще молоденький парнишка, был взят на место гибели Маскриба лишь в качестве мальчика на побегушках, никаких самостоятельных решений не принимал и поэтому, похоже, сумел избежать промывки мозгов. То, что Нарвериша отпустили так легко, его удивило, но не слишком: «шибко умным» он быть не старался, понимая, что мозги успешной карьере стражника не способствуют, а только вредят.

В целом его рассказ совпал с тем, что Эдрик узнал от трактирщика. Интересным была вот какая деталь: как и трактирщик, паренек упомянул, что Нарвериш едва не потерял сознание на пороге комнаты убитого. Правда, чуть позже он совершенно спокойно смотрел на окровавленные стены. И по поводу смерти своего друга не очень-то переживал. Приступ длился минуту или две (Нарвериша усадили в коридоре прямо на пол) и прекратился так же внезапно, как и начался.

– Полагаешь, плохо ему стало не от того, что он увидел? – задумчиво спросил Эдрик.

Паренек кивнул.

– Может, живот прихватило. Или сердце. А может, это... эпилептик. Кто его знает...

– Он бился в припадке?

– Нет. Ну... почти. Трясся так, что я думал – вот-вот начнется. Не началось.

Эдрик мысленно повертел эту непонятную деталь головоломки так и сяк, не нашел куда приложить и отложил в памяти. Необходимость проведения беседы с городским волшебником вырисовывалась все более отчетливо. К сожалению, вчера они не смогли пообщаться: Аронгобан был вызван за город по срочному делу. Аудиенцию перенесли на сегодня.

Перед тем как уйти, Эдрик еще раз заглянул к дежурному офицеру.

– Узнали, что хотели? – поинтересовался лейтенант Диориз, поднимая глаза от бумаг на столе.

– В общем, да, – Эдрик не стал рассказывать о том, что, как минимум, одному из подчиненных Диориза промыли мозги. Еще он не стал излагать

свои мысли относительно уровня работы городской стражи. Это не его проблемы, а города. – Кроме капрала Риблака и трех солдат там кто-нибудь еще был?

– Об этом вам нужно спрашивать не у меня, а у Риблака. Он...

– В том-то и дело. Он сказал, что больше никого не было. Даже сыщиков. Пришли четыре солдата, посмотрели на комнату и ушли. Вам не кажется это странным?

– Вообще нет, – спокойно ответил Диориз. – У нас мало людей. Особенно не хватает профессионалов. Финансирование... эээ... ограничено. Два месяца назад был полный завал. Что ни день, то труп. Как будто все с ума посходили. А тут еще и обокрали графа Гелвира. Хорошо обнесли – бумаги, фамильные драгоценности... А он, между прочим, состоит в городском совете. Можно сказать, правая рука князя. Скандал. Все резервы были брошены на расследование этого дела.

– И убийством Маскриба заниматься было уже некому?

– Совершенно верно. Только это не убийство.

– А что?

– Несчастный случай, – глядя Эдрику в глаза, самым нейтральным тоном произнес Диориз.

– Вы что, издеваетесь?

– Нет,нисколько. Не смотрите на меня так.

– У вас тут часто люди сами по себе взрываются?

– До сих пор ни разу, – признал Диориз. – Именно поэтому и был вызван волшебник.

– И что он сказал?

– Ничего определенного. Ну, мол, замешана магия. Но это все и без него понимали.

– И именно поэтому списали все на «несчастный случай»?

– Нет, не поэтому. У Маскриба не нашлось родственников.

– Да, потому что в Рендексе он был пришельцем.

Диориз кивнул.

– Именно. Позвольте, я вам кое-что объясню. Мы не можем заниматься всеми происшествиями. У нас просто не хватит на это ни сил, ни средств. Я вам уже... эээ... объяснял про финансирование. Приходится выбирать, какие именно дела расследовать. Член городского совета граф Гелвир – или никому не известный одинокий книголюб?.. ну, вы понимаете.

– Понимаю. Адреса, где жил Нарвериш, у вас, наверное, тоже нет?

– А кто это?

Эдрику пришлось объяснять. Очень хотелось вернуть что-нибудь

насчет того, что он за два дня, особенных трудов не прилагая, сумел раздобыть информации больше, чем городская стража за два месяца. Но Эдрик не стал язвить. Ничто не раздражает окружающих сильнее, чем правда.

– Нет, у меня нет, – покачал головой Диориз, когда Эдрик закончил рассказ. – Вы спрашивали у Риблака? У него должен быть...

– У него нет.

– В таком случае ничем не могу помочь. Я этим делом не занимался. Архив вы читали.

– Те пять строчек на промасленной бумаге, которые вы показывали мне сегодня утром? Да, читал. Есть ли еще записи? Изымалось ли что-нибудь из комнаты Маскриба?

– Если в деле об этом ничего не сказано – значит нет.

– «Не изымалось» или «официально не изымалось»?

– Вы что, подозреваете городскую стражу в... – начал было возмущаться Диориз – довольно лениво, надо заметить.

– Бросьте, – отмахнулся Эдрик. – Я не предъявляю никаких претензий. Просто хочу знать. Если такие вещи были, я мог бы их выкупить.

– Повторяю еще раз: меня там не было, – на этот раз в голосе Диориза промелькнуло легкое сожаление. – Вам стоит поговорить с Риблаком или с городским волшебником. Но я сомневаюсь, что они могли польститься на барахло Маскриба. Учитывая, в каком состоянии находилась комната и все вещи...

Эдрик кивнул и поднялся из-за стола, рассудив, что больше ничего полезного лейтенант ему не сообщит. Не знает или не хочет говорить.

– Ну что ж, похоже мне и вправду стоит пообщаться с Аронгобаном. До свидания.

– Всего доброго.

Аронгобан жил в высоком трехэтажном доме с частично застекленной (колдун, что с него взять?) крышей, сквозь которую можно было различить смутные очертания телескопа. Сбоку к дому примыкал небольшой садик – свидетельство достатка и преуспевания, ибо позволить себе отдыхать под тенью деревьев, не выходя за пределы внутренних городских стен, могли лишь очень богатые люди. Рендекс находился на краю пустыни, и от того скайферские рейды здесь не были редкостью. Город окружали две крепостные стены. Внешняя, попроще и пониже, когда-то представляла собой два деревянных частокола, между которыми была насыпана земля. По прошествии времени, однако, в связи с постоянной вырубкой лесов

вокруг города, хорошее дерево стало стоять не меньше, чем камень. Там, где деревянные части стены сгнивали или рассыхались, их стали закладывать глиняными кирпичами – материалом, приходившим в негодность еще быстрее, чем дерево. Внешняя стена давно обветшала и находилась в постоянном ремонте; кое-где она развалилась и, в общем, не представляла серьезного препятствия для скайферских коней. «Безопасной» в городе считалась лишь территория в самом его центре, за внутренними стенами, сложенными из камня – так называемый «верхний город». Чтобы купить здесь дом, а тем более – с садом, надо было обладать немалыми средствами и влиянием.

Из-за ценности земли дома плотно прижимались друг к другу, нависая над улицами бесчисленными балкончиками. Некоторые балконы были соединены между собой, образуя внизу арки и даже целые туннели. Так были соединены между собой вторые этажи домов Аронгобана и его соседа напротив. На общем балконе (также укрытым стеклом от непогоды) располагалась оранжерея.

Эдрик подумал, что если продать то количество стекла, которым щеголяло жилище волшебника, можно было бы купить целый квартал в нижнем городе.

На двери висел красивый деревянный молоток. Эдрик постучал, ему открыли, осведомились об имени и повели наверх.

Изнутри дом выглядел уютным, чувствовалось, что за порядком следит штат вышколенных, хорошо оплачиваемых слуг. Все очень аккуратно, вымыто, вычищено. На стенах, столах и полках развешаны, расставлены всякие диковинки – хрустальные птицы, маски, чучела животных, странные музыкальные инструменты.

Шли бесшумно – ноги по щиколотку утопали в мягком ковре. Слуга распахнул перед Эдриком дверь кабинета, дождался, пока гость войдет и, затворив дверь за его спиной, удалился.

Такой же густой ковер на полу. Стенные шкафы, от пола до потолка набитые книгами. Стол у окна. Одно из кресел пустовало, во втором сидел старик, который идеально соответствовал образу умудренного жизнью чародея: седые мягкие волосы, длинная седая борода, пронизательные глаза на заостренном лице. Одет в серебристо-голубую, расшитую золотом, мантию, пальцы украшены перстнями, поверх одежды – несколько дорогих амулетов.

Эдрик поздоровался, волшебник кивнул. Пробежал взглядом протянутый свиток.

– У вас высокий покровитель.

Хорошее настроение Эдрика вмиг испортилось.

– Могу я узнать, чем обязан чести вас видеть?

Эдрик объяснил. И вот что услышал в ответ...

– Маскриб Рапхабельт пришел ко мне четыре года тому назад. Ходили слухи, что в Обсидиановую Башню вернулся ее прежний хозяин, но ничего определенного не было известно... у бессмертных свои пути, у смертных – свои. Обычно мы малоинтересны друг другу. Можете представить, как я был удивлен, ознакомившись с рекомендательным письмом Маскриба – точно таким же, как ваше, – Аронгобан кивнул на листок пергамента. – Княжеская библиотека закрыта для посторонних, но отказывать бессмертному... Я использовал свое влияние, чтобы обеспечить Маскрибу доступ к книгам, и лишь попросил, чтобы книги не выносили из хранилища, а снимали копии. Маскриб работал один – его интересовали преимущественно записи, сделанные на Искаженном Наречье, а найти переписчика, который бы знал этот язык, не так-то легко. Маскриб находил и копировал книги, еще один человек, Ёнко Нарвериш, отвозил их Фрембергу. Княжеская библиотека огромна, у меня не было ни времени, ни желания выяснять, что именно копирует Маскриб – к тому же, признаться, покойный гораздо лучше меня разбирался в древних языках, в том числе – и в некоторых архаичных формах Искаженного Наречья. Хотелось бы мне знать, где Фремберг нашел такого специалиста... Но, похоже, Маскриб слишком увлекся той легкостью, с которой давались ему древние тексты. В нашем же деле... – Эдрик пропустил мимо ушей две-три фразы, которые, почти дословно, уже слышал от Фремберга. Походило на то, что версии о «несчастном случае» в результате небрежности или нелепой случайности склонны придерживаться не только ленивые стражники, но и колдуны. Аронгобан между тем продолжал:

– ...Это подтверждается тем, что я обнаружил в комнате следы демонического присутствия, совсем недавнего. Выяснить, занимался ли Маскриб в ту ночь магией или нет, довольно затруднительно по вполне понятным причинам, но я склонен утверждать, что да. Но это мое личное мнение.

– Вы что-нибудь брали из его комнаты?

– Ах да. Чуть не забыл, – волшебник поднялся. – Подождите меня, пожалуйста.

В отсутствие хозяина Эдрик внимательно осмотрел комнату. Не обыскал (хотя ему очень хотелось это сделать), а именно осмотрел – глазами. Перелистал пару книг. Поэзия Алмазных Княжеств. Астрономический справочник. Какое-то произведение на непонятном

языке. Эдрик услышал звук открывающейся двери и положил чужую вещь на место.

Волшебник принес два предмета: черный нож с вычурной рукояткой, украшенной завитками цветочных узоров и полупрозрачный черный шарик с фигуркой феникса, выгравированной на его поверхности.

– Единственные два предмета, в которых мне удалось обнаружить хоть какую-то магию... Нож ничего особенного из себя не представляет. Вероятнее всего, он использовался в ритуальных целях и несет на себе лишь остаточную, отраженную магию. Обсидиановый шарик – полноценный артефакт, но мне так и не удалось разобраться в том, что он из себя представляет. Фигурка феникса заставила меня предположить, что он мог принадлежать вашему работодателю...

Эдрик кивнул и достал из кошелька точно такой же шарик.

– Тайный знак?.. – полушепотом спросил Аронгобан.

– Средство связи.

– Ваш хозяин слышит, о чем мы говорим?..

– Он мне не хозяин, – отрезал Эдрик. – Нет, не слышит. Для установления связи необходимо время.

– А воспользоваться им...

– ...может лишь тот, кому Фремберг его дал. Давайте вернемся к делу. Вы сказали: в комнате были следы демонического присутствия. Поподробнее, пожалуйста, об этом.

– У меня есть... специальный амулет, способный... ммм... обнаруживать такие вещи. Даже если демона поблизости уже нет, амулет может уловить его эфирный след. Со временем, конечно, след исчезает... но не сразу.

– А по какому принципу работает этот амулет?

– Вы разбираетесь в Искусстве?

– Немного.

– Тогда я могу вам показать...

– Не надо. Лучше объясните.

– Ну... – Аронгобан задумался. – Вероятно, вы знаете, что каждая из человеческих душ по-своему взаимодействует с окружающей средой. Поглощает одно, выделяет другое. Состав воздуха, которым дышит ваше тело, меняется, проходя через вас. Точно таким же образом дело обстоит с жизненной сущностью. Шэ дышит энергией, но ее состав на вдохе и выдохе различен. Люди и демоны по-разному оперируют энергией и оттого по-разному насыщают ее, пропуская через себя. Зная это, можно обнаружить присутствие демона. По запаху, так сказать.

– И в комнате Маскриба он был?

– Верно. Слабенький совсем запах, но еще различимый.

– А сколько времени должно пройти, чтобы ваш амулет перестал чувствовать этот запах?

– Увы, не могу точно ответить на ваш вопрос. Все зависит от того, насколько сильна жизненная сущность демона. Обычно – через два-три часа амулет перестает что-либо чувствовать, но тут...

– Когда вы прибыли в гостиницу?

– В середине дня... ну, может быть, чуть раньше.

– Хмм... Если Маскриб вызвал какую-то тварь в середине ночи... – Эдрик замолчал.

– Именно, – кивнул Аронгобан. – Это было что-то очень, очень могущественное.

– И никаких беспорядков, которые можно было бы связать с этим происшествием?..

– Нет, ничего.

– Странный демон. Огромной силы, но ограничился убийством вызывающего. И никого больше не тронул. И таинственно исчез сразу после вызова.

– Ну... – Аронгобан задумался. – Возможно, ему было сложно длительное время пребывать на поверхности земли. У демонов, из-за нестабильности их плотского естества, такое часто бывает. Он мог разорвать Маскриба, а затем провалился обратно – туда, откуда его вызвали.

– Да, возможно. Я учту эту версию. К сожалению только, она не объясняет других фактов.

– Каких же?

– Вы знаете о том, что на капрала, занимавшегося расследованием, было оказано магическое воздействие? Безапелляционный приказ, который и до сих пор в силе?

Аронгобан кивнул.

– Знаете? – Эдрик приподнял бровь. – Так значит, это вы сделали ему внушение?

– Нет. Что вы! – Городской волшебник махнул руками, как бы отгоняя подальше от себя повисшее в воздухе нелепое подозрение. – Зачем мне это?..

– Если не вы, то кто?

– Вероятнее всего, Ёнко Нарвериш. Он был в гостинице незадолго до моего прихода. Если вам известно, что сознание капрала было обработано,

вероятно, вы знаете и содержание приказа. Ёнко заставил стражника отпустить его, не допрашивая.

– Вы не пытались выследить Нарвериша?

– Признаться, нет.

– Почему?

– Это человек Фремберга Либергхама, бессмертного Пепельного Мага, Хозяина Обсидиановой Башни. Я совсем не исключал того, что убить Маскриба мог и он. Мало ли по каким причинам. Или послать демона. А Нарвериш должен был проверить утром, сумел ли демон справиться со своей работой.

– Маловероятно, – сказал Эдрик.

– Да, – кивнул Аронгобан. – Ваше прибытие лишний раз подтверждает, что эта версия – между прочим, весьма правдоподобная – неверна. Если за смертью Маскриба стоял Фремберг, зачем ему расследование?.. Вот только два месяца назад я этого не знал. И поэтому не стал прилагать больших усилий к тому, чтобы обнаружить Нарвериша. Конечно, как городской чародей, я обязан следить за порядком в Рендексе, но я еще не настолько выжил из ума, чтобы переходить дорогу бессмертному.

– Значит, до моего появления вы были убеждены в том, что Фремберг сам же и организовал убийство...

– Нет, вы меня не поняли. Я ни в чем не был уверен. Но я не мог не учитывать и такую возможность. Я отправил письмо Фрембергу, где подробно излагал все обстоятельства дела. Через две недели – очевидно, сразу после получения письма – он навестил меня. Появился прямо в доме, миновав все защитные чары, которыми окружено мое скромное жилище... Он был встревожен и разозлен. Ничего нового я сообщить ему не мог. Он же сказал, что обязательно разберется с этим делом, но не сейчас – кажется, он был чем-то занят.

– И больше не появлялся?

– Нет. И не давал о себе знать. До вашего прибытия.

– Ясно. По поводу Ёнко Нарвериша вам больше ничего не удалось выяснить?

– Увы. Когда появился Фремберг, уже поздно было его выслеживать.

– А где он жил?

– За Малой рыночной площадью, в гостинице «Ослиный хвост».

– Ну и названьице... – хмыкнул Эдрик.

– Да нет, вполне себе приличная гостиница. У них над входом когда-то была фигурная вывеска, изображавшая некое фантастическое существо. Потом вывеску сломали, остался только хвост. Непонятно чей, но похож на

ослиный. Отсюда и название.

- Вывеску не могли новую повесить?
- Могли. И повесили. Но название уже закрепилось.
- Хм... Ёнко уехал в тот же самый день, когда погиб Маскриб?
- Да. Сразу после того, как побывал в его доме. Эдрик задумался.
- Есть еще что-то, что вы хотели бы рассказать мне по этому делу?..
- Пожалуй, нет.
- Мне будет открыт доступ в княжескую библиотеку?
- Конечно, конечно...

Надраенный до зеркального блеска паркет слегка поскрипывал под сапогами Эдрика. Его проводник, молоденький паж, скользил по полу совершенно бесшумно.

Княжеская библиотека впечатлила Эдрика: огромный светлый зал с двумя десятками высоченных стеллажей, заполненных свитками и книгами. Столы, стулья, подставки для пергамента... В углу, нахохлившись, сидел сутулый человек в рясе гешского жреца и кисточкой для письма что-то старательно выводил на листе мягкой бумаги.

– Где он работал? – посмотрев по сторонам, вполголоса спросил Эдрик.

Паж кивнул на столик, диаметрально противоположный тому, что занимал священнослужитель:

– Обычно – вот здесь. Если, конечно, не сидел в книгохранилище.

– Где это?

– Внизу, в подвале... Здесь, наверху, находятся только самые лучшие книги – по большей части те, что были собраны князем Арзеришем и его семьей. Внизу – те, что достались нам от предыдущего правителя, – паж поджал губы: о «предыдущем правителе» он явно придерживался невысокого мнения.

– Книги-то в чем провинились? – хмыкнул Эдрик.

– Простите?..

– Сменилась власть, но книги зачем в подвал относить?

– Как раз наоборот. При предыдущем, малообразованном князе, предпочитавшем гулянки и кутежи наукам и искусствам вся литература, до того собираемая родом Эс-Телэ в течение трех столетий, была варварски снесена в подвал, как явление вредное и много места занимающее...

– Да ну? – Эдрик улыбнулся еще шире. Напыщенная, «ученая» манера, в которой старался говорить юноша, его изрядно позабавила.

– Да-да, именно так. И только с возвращением законной династии свет разума вновь воссиял в этих стенах. К сожалению только, многие книги

отсырели и успели испортиться – и потому, хотя библиотеке и было возвращено ее законное место, заполнять ее приходится постепенно, реставрируя или даже переписывая заново те книги и свитки, что достались нам в наследство от...

– Ладно-ладно, – оборвал Эдрик распевшегося юношу. – Я понял. Покажи теперь, где этот подвал – и можешь быть свободен.

В подвале «литературы» обнаружилось еще больше, чем наверху: несколько комнат было забито ею под завязку. Здесь же постоянно трудилось несколько переписчиков и переплетчиков, однако, хотя за минувшие годы они и успели обогатить княжескую библиотеку тремя-четырьмя сотнями перелицованных – или переписанных заново – томов, работы при таких темпах им должно было хватить еще на несколько десятилетий. Переписчики, даже в ущерб собственному зрению, предпочитали работать в подвале ввиду отсутствия здесь какого бы то ни было начальства – в то время как библиотеку в любую минуту мог посетить князь или кто-нибудь из его сановников: пришлось бы вскакивать, кланяться, отчитываться о проделанной работе и прочее в том же духе. Переписчики предпочитали подвальную тишину всей этой суете. К появлению Эдрика отнеслись настороженно и постарались отвязаться от него как можно быстрее; на вопросы относительно Маскриба едва ли не хором ответили, что сей господин знакомств ни с кем не водил, сидел за своим столиком, работал увлеченно, однако с окружающими результатами своих трудов делиться не спешил. Показали комнату, из которой Маскриб в последние месяцы перед смертью брал книги. В указанном помещении – пожалуй, наиболее темном и сыром из всех – пахло плесенью, книжной пылью и крысиным пометом. Одного взгляда на груды – нет, целую гору – кое-как связанных книжных стопок, присыпанных сверху пергаментными свитками – Эдрику хватило для того, чтобы вновь ощутить страстное нежелание заниматься делом, которым нагрузил его Пепельный Маг. Эдрик слишком ценил свое время, чтобы тратить его на унылую, однообразную, кропотливую и совершенно неинтересную ему работу.

Поэтому он в тот день – четвертый от пребывания в городе и первый, когда ему был открыт доступ во дворец – ничего не стал делать, вернулся в гостиницу, поужинал, поднялся к себе и, расположившись на кровати, вынул из кошелька два одинаковых обсидиановых шарика. Один, полученный от Аронгобана, некогда принадлежал Маскрибу. «Интересно... – подумал Эдрик, неторопливо перекатывая шарики в ладони. – Почему Аронгобан не отдал его Фрембергу при личной

встрече?... Должно быть, так перепугался, обнаружив бессмертного в своем доме, что обо всем позабыл...»

Второй шар Фремберг вручил Мардельту собственноручно. Эта вещица являлась своеобразной волшебной нитью, с помощью которой можно было мгновенно установить связь с хозяином Обсидиановой Башни. Фремберг сказал, что на шар наложено заклятье, которое начнет работать само, без каких-либо усилий со стороны агента; нужна лишь определенная последовательность действий для того, чтобы запустить волшебный механизм. Эдрик поудобнее устроился на кровати, сосредоточился на шаре, слегка расфокусировав взгляд – так, как будто бы смотрел не на него, а за него. Изгнал из головы все мысли, оставив только одну, которую стал бубнить, как ритуальную молитву: «Фремберг, я хочу с тобой поговорить. Фремберг, надо пообщаться. Фремберг...» – не останавливаясь, до тех пор, пока комната не расплылась и не возникло ощущения движения. Шарик, зажатый в руке, стал трубой, в которую сознание Эдрика влетело на бешеной скорости и понеслось... серо-стальной вспышкой над пустыней, синим блеском над распахнутыми ртами подземелий, туманной струей между лучами твердого света... Возникшая впереди прямая, как стрела, башня из черного обсидиана захватила его, приняла в себя и выбросила в месте, которое не могло существовать в реальном мире. Место было похоже на переливающуюся зеленоватую сферу, границы которой растворялись в бесконечности.

Это была целая вселенная – но пустая, однообразная; и центром ее являлся Эдрик. Потянулись минуты... Ничего не происходило. Эдрик – вернее, его призрачный двойник – не мог двинуться с места: здесь некуда было идти. Все это слишком напоминало колдовскую ловушку. Усилием воли он попытался вырваться, вернуться обратно в свое тело – и ощутил только, что центр этого карманного мира смещается вместе с ним. Все осталось как было. Злость от чувства собственной беспомощности едва не затопила его разум, но стоило эмоциям достичь определенной черты, как сработал психический механизм, выработанный за годы обучения в Школе. Рассудок вновь стал ясным, ярость сменилась спокойствием, граничащим с отчужденностью. Его внутренний мир словно заледенел; в этом состоянии он не переживал и не о чем не беспокоился, он мог прождать вечность... а мог, смеясь, плюнуть в лицо собственной смерти. Не было ни страха, ни надежд, ни сомнений. Не было и времени.

Потом... что-то стало меняться. Однообразная сферическая вселенная будто чуть-чуть расширилась; ее центр уже не соответствовал Эдрику, а сместился вперед на несколько шагов. Эдрик понял, что в воображаемый

мир, созданный колдовством хозяина Обсидиановой Башни, вошло еще чье-то сознание – именно оно и вызвало смещение баланса. Центр мира помещался теперь как бы между Эдриком и вошедшим; секунду спустя Мардельт ощутил присутствие Фремберга. Контакт был столь ясным, что сознание услужливо подсунуло и зрительный образ: вон он, в темной мантии, висит в зеленоватой пустоте совсем рядом. Эдрик понимал, что то, что он видит – иллюзия, вдобавок – вызванная его же собственным разумом, но не стал изгонять этот образ. «Видя» собеседника, было куда удобнее и привычнее общаться с ним.

– Привет, – сказал Эдрик. И ощутил волну раздражения, накатившую со стороны Пепельного Мага – последнему явно не нравилась фамильярность наемника.

С трудом удержавшись от искушения позлить могущественного, самодовольного бессмертного разговором о погоде или качестве пива, Эдрик вкратце рассказал все, что уже успел разузнать.

– Забрал амулет у Аронгобана?.. Хорошо. У самого руки никак не доходили это сделать.

– У меня такое чувство, – задумчиво произнес Эдрик, – что ты не только об этом позабыл. Половина... а может, и все, что я тут разузнал – тебе ведь и так известно, верно? Спрашивается: какого черта...

– Нет-нет, твой рассказ очень интересен, – поспешно заверил Эдрика Пепельный Маг. – Новые подробности.

– И что они меняют в общей картине?

– Хочу напомнить, что твоей главной задачей было не расследование, а поиск книги...

– Вот-вот. «Поиск книги». Будет проще, если ты сразу скажешь, как она называется и где лежит. Это сэкономит нам время.

– Увы, – Фремберг покачал головой. – Если бы я знал – не стал бы тебя посылать. Оригинал, вероятно, до сих пор пребывает в княжеских архивах. Ищи.

– А название? Автор? Хотя бы тематика?

– Понятия не имею. Мы это уже обсуждали. Вероятнее всего, книга написана на Искаженном... или, по крайней мере, включает в себя достаточно много слов этого языка. Маскриб должен был в первую очередь интересоваться именно такими произведениями.

– Что он вообще говорил о ней?

– Не говорил, а писал. Три месяца назад, отправляя очередную партию, в сопроводительном письме упомянул о книге, которая может меня по-настоящему заинтересовать. И все, больше ни слова. Затем я узнал о его

смерти...

– Из письма Аронгобана?

– Нет, оно пришло позже. Мне сообщил об этом один... одно существо, приставленное к Нарверишу.

– Какое еще существо? – поинтересовался Эдрик.

– Ты скоро с ним познакомишься. До последнего времени он занимался другими делами, но как раз на днях вернулся в Башню. Я отправлю его к тебе.

– Но...

– Слушай и не перебивай. При Нарверише он выполнял обязанности гонца. Перед тем как исчезнуть, Ёнко послал его ко мне с совершенно идиотским поручением. А когда гонец вернулся, его уже не было.

– Может, ты все-таки скажешь, что это за существо? – хмуро спросил Эдрик.

– Тайвэ. Особый вид песчаных демонов-ищеек.

– А что за поручение?

– Якобы очень важное и срочное письмо, содержания которого тайвэ, естественно, не мог знать. На деле – чистый лист. Я решил было, что это либо дурацкая шутка, либо Нарвериш, по рассеянности, перепутал бумаги. Тайвэ опять прибыл в Рендекс, не обнаружил Нарвериша и занялся его поисками. Ничего не найдя, он вернулся ко мне. Я опять послал его в Рендекс, на этот раз – к Маскрибу, полагая, что хоть он, возможно, что-то знает о странном поведении Ёнко и его нынешнем местоположении. Тут и выяснилось, что Маскриб – убит. В этом деле есть еще несколько странных моментов, но о них пусть лучше расскажет демон, когда тебя найдет.

– А он найдет?

– Найдет.

– Ему не надоело метаться между Рендексом и твоей Башней?

– Тайвэ могут перемещаться в Нижние Миры и таким образом сокращать себе путь.

– Хмм... Похоже, ты повесил на них хорошие подчиняющие заклятья.

– Они свободные существа, и я закрываю тему об их способностях и причинах, по которым они мне служат, – отрезал Фремберг. – Ты еще что-то хотел узнать?

– В общем-то да. Что значит «искал, но не нашел»? Как искал?

– Я же сказал: это демон-ищейка. Он способен учуять эфирный след любого существа и найти его в любом из доступных ему миров.

Эдрику вспомнились слова Аронгобана о том, что демоны и люди, перерабатывая энергию, наделяют ее своим «запахом».

– Как я понимаю, след растворяется уже через несколько часов... – полувопросительно произнес он.

– Это кто тебе такое сказал?

– Аронгобан.

– Аронгобан – смертный, пользуется амулетами и прочей ерундой, – в голосе Пепельного Мага отчетливо проскользнули снисходительные нотки. – Тайвэ может взять след даже несколько месяцев спустя.

– Почему же не взял?

Насмешливый тон, которым был задан вопрос, Фрембергу явно не понравился.

– Спросишь у него самого, – буркнул он. – Что-нибудь еще?

– Пожалуй, все. Будем ждать твою нечисть.

– Займись пока книгой. Да, и вот что...

– Что?

– Если ты найдешь ее... я надеюсь, у тебя хватит ума не пользоваться ею. Если Маскриба сгубило собственное колдовство, а не что-то еще, то причиной смерти могло стать одно неверно сказанное слово в ходе ритуала. А Маскриб знал Наречье почти как свой родной язык. Он всю жизнь только им и занимался.

– Потрясающая забота. – Эдрик сделал удивленное лицо. – А я-то думал, что *всего лишь на тебя работаю*.

Фремберг скрипнул зубами:

– Не зли меня.

– Как можно.

– ...и прощай.

Образ расплылся, ощущение присутствия покинуло Эдрика. Его сознание устремилось по вытянутому пути, в скором времени сжавшемся в крошечный обсидиановый шарик, лежащий на ладони. Увидев ладонь и шар, он обвел взглядом свою комнату в гостинице и понял, что проснулся.

...В это же самое время далеко на западе, в башне из живого обсидиана бессмертный чародей Фремберг Либергхам устало откинулся в кресле. Разговор с Эдриком его утомил.

Глава шестая

Лассур Эридельт, второй сын барона Римбокского, капитан стражи Миррабата встречал гостя в своем новом кабинете. Стоило посмотреть, с какой заботой и любовью Лассур Эридельт устроил здесь все. Здесь не было избыточной роскоши, но все – мебель, ковры, обитые тканью панели на стенах, тяжелые занавески, изящные металлические узоры, защищавшие окна вместо обыкновенных решеток, – решительно все свидетельствовало о внимании Лассура к самым, казалось бы, незначительным мелочам. Все так удачно подобрано, так соответствовало друг другу, создавало такую непринужденную, гармоничную, и лишь самую чуточку роскошную обстановку, что, хоть однажды войдя в кабинет Лассура Эридельта, хотелось больше никогда его не покидать, избрав местом своего обитания одно из больших мягких кресел, а объектом исследования – один из переполненных книжных шкафов. На человека, относящегося к хозяину кабинета с опаской или даже настроенного враждебно, чары комнаты производили расслабляющее, успокаивающее воздействие, заставляя его, даже против воли, общаться в дружеском, непринужденном тоне, выбалтывая по ходу то, о чем говорить пришеллец изначально вовсе не собирался. На самого Лассура, а также на безусловно преданных ему людей, кабинет производил иное действие: здесь работалось лучше и комфортнее, чем где-либо еще в Витхаллаберском княжестве, совершенное устранение тревог и беспокойств внешнего мира способствовало скорейшему сосредоточению мысли на исследуемом предмете. Толстые стены и тройной ряд оконных стекол создавали в помещении совершенно изумительную звукоизоляцию.

Но гость, навестивший сегодня капитана стражи, остался, похоже, равнодушен к убранству кабинета. Гость – мужчина высокого роста, одетый богато, как и подобает благородному человеку. Сильное гибкое тело, выдающее умелого воина и танцора. Прямой взгляд, уверенность и непринужденность. Чтобы завершить образ дворянина, ходящего в фаворитах Витхаллаберского князя, не хватало только одной мелочи – оружия. Да, клинка у него не было. Конечно, отсутствие клинка в ножнах на поясе гостя именно здесь и сейчас могло оказаться странной случайностью, но не похоже было, чтобы он вообще его носил. Гость не казался человеком, ощущающим себя «голым» без оружия – а для

дворянина это, как минимум, странно. Впрочем, гость вообще переставал казаться обычным человеком, стоило только заглянуть ему в глаза. В спокойные и немного скучающие желтые глаза с вертикальными кошачьими зрачками.

Лассур Эридельт не стал предлагать Гилькару эс-Салькиру (именно так звали гостя) ни пищи, ни вина. Не потому, что капитан стражи считал ниже своего достоинства разделить с ним трапезу. Напротив. Гилькар принадлежал к числу тех немногих, чью дружбу Лассур Эридельт заполучить бы хотел, но по каким-то причинам не мог или еще не успел это сделать. Однако он достаточно хорошо знал своего гостя, чтобы не оскорблять его предложением отведать жареного мяса. Вино Гилькар, может быть, и выпьет – из вежливости. Так же, как из вежливости вертит в руках полупустой кубок на княжеских пирах. Но вино – не способ установить с ним доверительные отношения. Вино – это то, что он, так уж и быть, готов перетерпеть. И делает это только в силу того, что официально Лассур Эридельт считался (после самого князя) его прямым начальником. Хотя и прекрасно осознает всю относительность и условность своей власти...

Но сегодня он позвал Гилькара как раз для того, чтобы этой властью воспользоваться. Использовать занимаемую должность для того, чтобы распорядиться временем и силами этого... этого существа.

Не раздражая оборотня ни суетливостью, ни лишней болтовней, Лассур Эридельт протянул ему несколько листов бумаги.

– Читать сейчас? – Гость вопросительно посмотрел на Лассура.

– Хотя бы просмотри.

Гилькар пробежал взглядом записи. Лассур исподтишка наблюдал за его лицом. Никаких изменений. Спустя минуту гость оторвался от чтения. Все так же – сочетая внимание и равнодушие – взглянул на хозяина кабинета.

– По этому делу есть еще кое-какие сведения, – Лассур дотронулся до кожаного тубуса, полученного несколько дней тому назад. Но открывать его не стал. – Прислали недавно из Алмазных Княжеств.

– Когда он уже прошел? – уточнил гость.

Лассур кивнул.

– Да. Но они бы и не успели раньше. Послание шло за ним по пятам. А он не медлил.

– Установили, кто это? – лениво спросил Гилькар.

Лассур опять кивнул.

– Колдун. Достаточно известный на юге, особенно в связи с прошлой

войной. Ну, с этой... с кочевниками.

– Да, я слышал.

– Северянин по происхождению... он, похоже, довольно долго жил в Княжествах. При отражении нашествия даже стал у них там кем-то вроде местного героя, – хмыкнул Лассур. Нынешние «подвиги» этого «героя» ничего, кроме омерзения, у него не вызывали. – Но сразу после войны пропал на несколько лет. И теперь вот объявился.

– И что произошло?

– Судя по всему, он спятил. О подробностях мои... ммм... коллеги не сообщают, вероятно, они им самим неизвестны, но суть в том, что теперь этот господин либо сошел с ума, либо стал одержимым, либо то и другое сразу. Он оставил за собой длинный кровавый след еще в княжествах и на Азеритских равнинах. Его пытались достать. Ничем хорошим для преследователей это не закончилось. Когда неуспех погони стал очевидным, они состряпали это письмишко, – Лассур похлопал по тубусу. – Умывают руки и извещают нас, какой «подарок» прибыл к нам с юга.

Гилькар негромко вздохнул. Он уже понял, зачем его пригласили.

– И у нас он, значит, продолжил свои безобразия?

– Именно. – Лассур показал глазами на бумажные листы в руках оборотня. – Прежде других поступило сообщение о шлюхе, которую он... – Лассур помедлил, размышляя, какое слово лучше подобрать для описания того, что было проделано с уличной танцовщицей, – ...которую он выпил сразу после того, как объявился у нас. Потом стали поступать сообщения о других случаях. Кое-что произошло еще на перевале... и новые жертвы, когда он уже ушел из города. А потом пришло письмо от южан.

– Что-нибудь пытались предпринять? – спросил оборотень, возвращая бумаги на стол с таким видом, как будто бы ни ответ на вопрос, ни содержание текста его нисколько не волновали.

– Пытались. – Лассур болезненно поморщился. Это была самая неприятная – для него – часть разговора. – Выследить его, взять живым, а лучше – прибить на месте... еще до того, как узнали обо всем этом, – он снова похлопал по тубусу. Помедлив, процедил: – Потеряли семь человек.

– Как?

– Двоих он убил каким-то заклятьем... когда их обнаружили, они раздулись чуть ли не в два раза и почернели... Как будто бы их накачали... влили в них пару ведер какой-то отравы... еще четверых – в разных местах – убил без помощи магии, оружием. Он по-прежнему очень хороший воин,

сумасшествие в этом смысле ему никак не повредило... Еще одного он выпил. Как и ту девицу в городе. Как двоих крестьян сразу за ним. Как жену и мужа, которым «повезло» остановиться с ним в одном трактире. Как...

– Пустынное колдовство, – задумчиво произнес Гилькар.

– Что?..

– Яд. Змеиная магия. Такой пользуются в пустыне... Он точно человек? Не скайфер?

– По крайней мере, выглядит как человек... Но если он правда из пустыни... это все усложняет.

– Почему? – Гилькар пожал плечами. – Все равно, откуда он.

– Ты не понимаешь... Он пришел с юга, пересек горы. Миновав наш город, какое-то время двигался дальше на север, но потом, похоже, повернул... Невозможно сказать со всей уверенностью – мы все-таки заставили побегать его по лесам, покружить там – но все же, кажется, общее направление, куда он движется, очевидно. Он идет на запад. Если он из пустыни, значит, туда и хочет вернуться.

– Возможно. – Гилькар зевнул. Спросил: – Мне нужно догнать его?

– Да. – Лассур протянул ему свиток – на этот раз не мягкой, легко портящейся бумаги, а более надежного и дорогого пергамента. – Здесь все твои полномочия и прочее. Подписи – моя, князя и королевского судьи – уже стоят. Найди этого ублюдка и убей, на месте. Никакого суда, предъявления обвинений, приговора и прочего. Все уже сделано заочно.

Гилькар кивнул и взял свиток. Некромантов и демонологов редко брали живыми. Никто не ставил себе цели судить их по закону, выполняя все процессуальные требования. Колдуны, и особенно одержимые, были слишком опасны для того, чтобы обращаться с ними, как с обычными заключенными. В Хальстальфаре для них была организована специальная тюрьма, гасящая магию. В прочих странах, как правило, преступников-чародеев предпочитали убивать быстро, внезапно и без всякого суда – этот способ позволял вообще *хоть как-то* совладать с ними.

На роль убийц колдунов другие колдуны подходили плохо. Городские волшебники, как правило, были слишком тяжелы на подъем, слишком привязаны к своим обиталищам.

Наилучшими кандидатами на роль убийц считались оборотни. Они плохо поддавались магии, а для обычного оружия были почти совсем неуязвимы. Они в несколько раз превосходили в скорости и силе даже самых лучших бойцов из рода людей. У оборотней была своя, родовая магия: в отличие от распространенной среди людей «классической» и

стихийной. Она не могла принести им больших выгод, но вот зато, при должном уровне развития, могла служить весьма и весьма эффективным орудием убийства.

Поигрывая свитком, Гилькар спросил:

– Это все?

– Все.

Гилькар эс-Салькир, истинный оборотень из Древа Кошки, поднялся и вышел из комнаты. Предстояла охота на колдуна, и, предвкушая ее, Гилькар ощущал в себе смутное томление, схожее с тем, что испытывают все кошки при мысли о птицах.

Глава седьмая

Эдрик спустился в книгохранилище поздним утром. Там все было без изменений. Сновали по коридорам слуги, прилежно трудились в полутемных залах переписчики и книгочеи. В середине дня принесли обед. Эдрик, захвативший с собой хлеб и мясо, решил, что тарелка горячего, да еще и поданная прямо к рабочему месту, ему совсем не помешает. На этот раз, конечно, его никто не собирался кормить: князь обеспечивал пропитанием своих работников, а отнюдь не всех подряд, кто так или иначе оказался допущен к книгам. Слуги, сообщившие все это Эдрику, намекнули также, что за отдельную – не такую уж большую – плату без проблем могут договориться с поварами о дополнительной порции для него лично. Сим предложением Мардельт и воспользовался.

Вечером вернулся в гостиницу, поужинал и лег спать. С утра – опять во дворец...

Он сравнивал сохранившиеся остатки текстов с теми, что находились в подвале, в той его части, где работал Маскриб. Эдрик осознавал, что искать можно очень долго, поскольку не были известны ни наименования работ, ни имена авторов, ни то, чем они начинались и заканчивались. Безнадежно испорченные, заляпанные кровью и мясным крошевом переплеты трактирщик вырвал и уничтожил, связки листов – распотрошил так, что теперь уже невозможно было понять, что и за чем следует. Многие страницы отсутствовали, оставшиеся – перемазаны кровью и золой до такой степени, что подчас уже невозможно разобрать, что было на них написано. Эдрик, ни по профессии, ни по внутренней предрасположенности книгочеем не являвшийся – ни грамма удовольствия от изучения мозаики букв и мятых бумаг не получал. Не известно даже, сохранилось ли вообще хоть что-то от книги, которой пользовался Маскриб перед смертью: ведь если именно ее Маскриб употреблял для «вызова демона» то она, находясь ближе остальных к месту, где старикан «лопнул», вероятно, была разорвана на мелкие клочки и выкинута в таком виде вместе прочим мусором из комнаты Рапхабельта.

Просмотр тех страниц, которые все-таки сохранились, ничего не дал. Там не обнаружилось ничего такого, из-за чего стоило бы специально оповещать Фремберга. Конечно, Рапхабельт мог ошибиться и придать огромное значение какому-нибудь совершенно несущественному тексту

(например, принять мистические стихи со вставками из Искаженного Наречья за какие-то особые, необычные заклятья), однако в таком случае оставалось непонятным, почему книгочей так странно погиб. Кроме того, в своем деле, по словам Фремберга, он был профессионалом, и это значило, что «мистические стихи» и прочие заигрывания с Искаженным Наречьем, которым так любили предаваться излишне образованные обеспеченные горожане, вряд ли бы его обманули. По всему выходило, что искомая книга и в самом деле должна содержать в себе что-то особенное, выдающееся; кроме того, очень и очень вероятно, что в книге описана процедура вызова демона.

Прошла неделя. Кипа просмотренных книг росла, но ни конца, ни края работы не было видно. Манускрипты на Искаженном Эдрик просматривал особо тщательно, но среди ошметков, оставшихся от рукописей Маскриба, имелось несколько текстов и на других языках, малоизвестных или вовсе забытых. Руны вились причудливой вязью, то, что могло показаться набором палочек или цепью завитков, являлось на самом деле какими-то словами, некогда значившими для авторов этих строк очень многое. Может быть, это были стихи, а может быть – история, как всегда, кровавая и безжалостная, может быть, чье-то жизнеописание, а может – выдуманный рассказ или очередная притча из жизни богов, людей или бессмертных.

Временами, устав от подвальной сырости и темноты, Эдрик забирал стопку «особо подозрительных» книг на Искаженном и поднимался наверх, в библиотеку. Здесь было светло и чисто, и работалось куда легче, чем внизу. Временами в библиотеку заглядывали разные важные, богато одетые персоны. Эдрик не обращал на них никакого внимания, а они – на него. Не исключено, что среди посетителей был и сам князь Арзериш, но Эдрик, не зная его в лицо, не предпринимал попыток это выяснить. Во всяком случае, никто ни разу не потребовал от него немедленного оказания почестей правителю Рендекса, и Эдрик, отнюдь не горевший желанием их оказывать, был этим вполне доволен.

Жреца, замеченного во время первого посещения библиотеки, Эдрик здесь больше не видел. Да и вообще, присутствие в городе Гешского священства как-то особенно не ощущалось. Рендекс входил в состав Речного Королевства – страны, издревле признававшей религиозный авторитет Геша – но, похоже, конкретно в этой, самой западной области Королевства, Гешских жрецов не рассматривали как необходимейшую подпорку государственной власти. Они существовали, и их, конечно, никто не осмеливался преследовать, но никакими особенными благами жрецы в Рендексе наделены не были.

К концу недели Эдрик, неожиданно для себя, обзавелся новым знакомством. Да и не с кем-нибудь, а с симпатичной девушкой.

Произошло это в один из тех часов, когда он работал в библиотеке. Оградившись от внешнего мира стопками книг, как неприступными стенами, и свитками, как валом вокруг них, Эдрик изучал произведение, написанное около восьми столетий тому назад, на одном из диалектов Искаженного. Диалекта Эдрик не знал, и потому продирался через текст с большим трудом. Язык колдунов весьма непрост; даже самая древняя, «ортодоксальная» его форма содержит в себе тысячу двадцать четыре знака. Каждый знак – иероглиф и буква одновременно: он имеет как смысловое значение, так и особое звучание. Запись на Искаженном больше похожа на сложную формулу, чем собственно на текст; воплощая эту формулу в жесте и слове колдун тем самым произносит заклятье, способное воздействовать как на умы других людей, так и на косную материю. Слово, как совершеннейший образ порядка, соединение внешней формы и внутреннего смысла, творит и разрушает мир. По крайней мере, так полагают колдуны, практикующие «классическую» магию.

Диалекты Искаженного добавляют к «ортодоксальной» версии еще несколько тысяч редких или производных знаков, и миллионы комбинаций, которые в «классике» либо недопустимы, либо имеют совершенно иную интерпретацию. Все диалекты, вероятно, не знает никто, кроме Гайгевайса, Бога Мудрости; ведь каждый из них – плод многолетних трудов того или иного великого волшебника или целой заклинательной школы, с собственными традициями и определенным, отличным от других, вектором исследований. Появление диалектов – результат безуспешных попыток сделать Искаженное Наречье тем, чем оно не было и никогда не сможет стать – языком Истинным, универсальным, языком самого бытия, а не только проявленного, феноменального мира.

Конкретно этого диалекта Эдрик не знал, но всякая вариация Искаженного Наречья имеет в основе «ортодоксальную» версию, надстраивая над ней свою собственную знаково-смысловую конструкцию. Поэтому основной рисунок волшбы отследить было возможно – по крайней мере, теоретически.

Он услышал, как кто-то отодвигает кресло, чтобы занять место напротив. Поднял глаза и увидел молодую кареглазую девушку, с любопытством рассматривавшую его самого, а также – загромоздившие стол оборонительные рубежи из книг. Одета девушка была неброско, но со вкусом. Цвета тканей, фактура и вид подобраны умело и точно, однако никаких особенных украшений нет и драгоценностей – тоже.

«Камеристка какой-нибудь знатной дамы, – подумал Эдрик. – Или дочка небогатого дворянина. А вероятнее всего – и то, и другое сразу».

Девушка улыбнулась. Зубы у нее были ровные, белые, будто жемчуг.

– Здравствуйте, – сказала она. Эдрик кивнул. У него не было настроения изображать галантную суету. «Что ей от меня нужно?» – подумал он.

– Я уже не первый день вижу вас в библиотеке, – сказала девица. – Кто вы?

– Эдрик Мардельт. А вас как зовут?

– Вельнис.

– Просто Вельнис?

– Просто Вельнис. Вас это удивляет? Значит, вы нездешний. У нас не дают женщинам вторых имен до тех пор, пока они не выйдут замуж. А вы откуда? Из Хальстальфара?

Эдрик понимал, почему она так решила: высокий рост, прямые русые волосы и голубые глаза считались типичными для представителей этой страны. Правда, в последние века все так перемешалось...

– Нет, – произнес он. – Я ильсильварец.

– Вот как? Никогда бы не подумала.

Он равнодушно пожал плечами. Он не испытывал ни малейшего желания рассказывать о том, что собственная мать отказалась от него сразу после рождения. И вероятнее всего – потому, что зачат он был в результате насилия, совершенного над ней каким-нибудь хальстальфарским солдатом. Во всяком случае, знаменитый поход Изгнанных Орденов на Ильсильвар случился приблизительно за год до даты его предположительного рождения. Добавим русые волосы и голубые глаза против темных (или даже черных) глаз и волос, свойственных ильсильварцам, – и получим очень, очень правдоподобную версию событий, предшествовавших появлению на свет Эдрика Мардельта.

– Что ты читаешь? – спросила Вельнис. Навязчивое знакомство, переход на «ты» после нескольких фраз при других обстоятельствах заставили бы Эдрика предположить, что девица совсем не против где-нибудь в укромном местечке поупражняться с ним в любовной игре. Он знал, что нравится женщинам, и никогда не стеснялся пользоваться этим. Но сейчас... тут было что-то другое. Он не умел видеть души людей так же ясно, как Фремберг, но и того, что он чувствовал, хватало, чтобы понять: она не испытывает к нему влечения. Не было ни игры, ни кокетства. Чистый интерес, не замутненный ничем посторонним. Как у ребенка.

Он показал ей книгу.

– А-аа... – потянула Вельнис. – Абрут Ласкабри... никудышный некромант и еще худший философ.

Он не удивился – хотя и мог бы. Камеристке не полагается знать таких вещей. Камеристке вообще не полагается знать Искаженное Наречье. Однако она знала и кто такой Абрут Ласкабри, и на каком языке написано на обложке его имя. И это могло свидетельствовать только о том, что...

– Ты колдунья? – спросил Эдрик, хотя и так был уверен, что нет.

Вельнис улыбнулась.

– Нет.

Он кивнул.

– Значит, ты *сингайл*.

Она уже не улыбалась – смеялась.

– Ну... немножко.

Сингайл – поэт-мистик. Развлечение, распространенное в среде томящейся от безделья знати. Искаженное Наречье предназначалось для записи колдовских формул, и даже для общения оно не годилось... сингайлы же использовали его для поэзии. Со «стихами» сингайлов Эдрик был знаком весьма поверхностно, но подозревал, и не без оснований, что основана эта «поэзия» на полном пренебрежении какими бы то ни было правилами колдовского языка. У всякого заклятья есть свой ритм, в котором оно произносится и творится – но почувствовать его может лишь тот, кто практикует волшебство. Сингайлы, в большинстве своем, практикой либо не занимались вовсе, либо знали о ней крайне мало. Для них был важен не ритм, а рифма, важна не внутренняя связность, а внешняя соразмерность. Никто не мог объяснить, зачем они пишут стихи на Искаженном. Наверное, прежде всего потому, что это было дьявольски сложно. Во-вторых, потому, что в самом языке колдунов заключена какая-то тайна. Сингайлы тянулись к ней, хотели постигнуть и превзойти... но в результате – только опошляли язык колдунов. Наблюдавшие их собрания рассказывали, как они с важным видом произносят всякую тарабарщину, несут невразумительную чушь, наполняющую сердца непосвященных мистическим трепетом и заставляющую профессиональных магов в отчаянье хвататься за голову. У сингайлов был свой собственный интеллектуальный мирок, своя элитарная культура, свой язык и свои ценности, не понятные никому за пределами их круга.

...Эдрик не поддержал ее веселья.

– Зря, – сказал он. – Идиотское развлечение.

Он думал, она обидится. И ошибся. Не переставая улыбаться, она поставила локоть на стол, положила на ладонь подбородок и с

любопытством принялась разглядывать своего нелюбезного собеседника.

Иногда сингайлам, по случайности, в ходе своих литературных экспериментов удавалось составить настоящее заклятье. Последствия бывали самыми непредсказуемыми: от пожара в кабинете, вызванного неуправляемым огненным шаром до внезапного увеличения ушей у горепюэта в момент прочтения им трогательной сингайловской лирики.

– Почему? – спросила Вельнис. У Эдрика возникло ощущение, что она прекрасно знает ответ и спрашивает лишь для того, чтобы поддержать беседу. А если повезет – еще и поспорить с «моралистом».

Поэтому он ограничился коротким замечанием:

– Ты сама знаешь.

– Мы осторожненько, – произнесла она с таким видом, как будто бы оправдывалась. Впрочем – и это было видно по ее смеющимся глазам – она и не думала оправдываться.

– Недостает острых ощущений? – спросил Эдрик. Предложение прогуляться ночью в портовом районе он не стал озвучивать. Это было бы уже откровенным хамством.

– Ага. Во дворце так скучно. Так... безопасно. – Она наморщила носик с таким видом, как будто бы ей было противно даже произносить слово «безопасность». – Чему ты улыбаешься?

– Своим наблюдениям. Бродяги мечтают о доме, домоседы – о дороге...

– Наверное, человеку естественно стремиться к тому, чего ему недостает. О чем мечтаешь ты?

– Ни о чем.

– Совсем? – спросила она самым нейтральным тоном, стараясь не показать разочарования.

– Совсем. – Эдрик улыбнулся. – Я не мечтатель. Я прагматик. Я предпочитаю добиваться цели, а не думать о том, как было бы замечательно, если бы я ее достиг.

Вельнис окинула его взглядом – как будто пыталась понять, насколько он соответствует тому, что о себе говорит. О сделанных выводах – в лучшую для Эдрика сторону или в худшую – сообщать не стала. Спросила, кивнув на заваленный стол:

– Что ты здесь ищешь?

– Книгу.

– Какую?

– Пока еще и сам не знаю.

– Ты не похож на книгочея.

– Да уж... – Эдрик рассмеялся. Потянулся, хрустнув косточками. – А на

кого похож?

– На учителя танцев.

Эдрик изобразил на своем лице веселье пополам с изумлением. Сделанное девушкой предположение его позабавило...

– Ты не похож на бездельника, – пояснила она. – Ты мог бы быть рыцарем или младшим сыном какого-нибудь барона. Но у тебя нет мозолей на ладонях и двигаешься ты... слишком легко. Как будто бы ничего не вешишь.

Эдрик с деланным удивлением воззрился на свои руки.

– Вот уж не думал, что похож на мыльный пузырь... – произнес он.

– Возможно, я неудачно выразилась... Точнее сказать... когда ты идешь, кажется, что ты вешишь столько, сколько сам хочешь. Ровно столько, чтобы не утруждать себя при ходьбе.

Продолжая демонстрировать улыбку, он подумал – уже без всякого веселья: «Интересно, что еще она углядела?..»

– Так легко двигается у нас во дворце только один человек, – продолжала Вельнис. – Его зовут Яклет Самкрельт, и он учитель танцев. Правда... и с ним у вас больше отличий, чем сходств.

– Да? И чем же мы отличаемся?

– Он виляет задницей при ходьбе, а ты – нет.

Последняя реплика требовала если не смеха, то хотя бы улыбки, и он улыбнулся.

– Вижу, ты любишь наблюдать за людьми.

– А тут больше нечем заняться, – пожаловалась Вельнис. – Скучно. Разве что зарыться в книги... – Она показала глазами на разделявший их стол. – Но люди куда интереснее книг.

– Это правда. Но на этот раз наблюдательность тебя подвела. Я наемник, и танцую куда хуже, чем дерусь.

– А как же...

Он поднял руки, показывая ей чистые ладони и одновременно поясняя:

– Годы вынужденного безделья, вот и все.

– А ты не потерял форму?

Эдрик неопределенно мотнул головой – движение, которое можно было истолковать и как отрицание, и как согласие. Он не понимал, к чему она клонит.

Вельнис, копируя его жест, подняла ладони. У нее были узкие, аристократические кисти рук, нежные тонкие пальцы... от природы. Были. Когда-то. В результате упражнений кисть стала шире и сильнее, на сгибе между указательным и большим пальцами и на внутренней стороне руки

были ясно видны бугорки огрубевшей кожи...

– Не хочешь развеяться? – предложила она. – Заодно и проверишь свои навыки.

Эдрик улыбнулся.

– Я не дерусь с женщинами.

Девушка осуждающе посмотрела на него. Опустила руки.

– Кто тебя учил? – спросил Эдрик.

– Риерс, – произнесла она со значительным видом.

– Кто это?

– Телохраниитель княжны. Пойдем, – позвала она с лукавой улыбкой. – Не обязательно избивать меня до полусмерти. Просто покажешь, насколько ты хорош.

Продолжая улыбаться, он покачал головой.

– Я и так знаю.

– Вот зануда, – Вельнис поднялась, чтобы уйти. Теперь она не пыталась скрыть разочарования.

* * *

Возвращаясь вечером в гостиницу, он задержался во дворе для того, чтобы понаблюдать за солдатами. Двое стояли у ворот, неторопливо беседуя о чем-то. Еще двое сучали у бойниц наверху южной стены. Быстрым шагом пересек двор рыцарь в плетеной кольчуге и при мече. Лейтенант, появившись из низенькой дверцы юго-восточной башни, занялся проверкой постов. Еще минуту Эдрик следил за ним – пристально, но без интереса; бесстрастно, но очень внимательно. Затем, получив все, что ему было нужно, двинулся к воротам, ощущая, как с каждым шагом тяжелеет его тело. Он создавал в своем сознании образ – не думая о нем, а выстраивая определенную конструкцию внутренних ощущений, которые, будучи приняты как настоящие, отразятся и вне сознания, станут кажущимися свойствами тела. «Если ты захочешь устать – ты устанешь» – говорила настоятельница Лемерейн, когда он, измотанный упражнениями, валился с ног... Обычно ее слова означали, что тренировка будет продолжена, и немедленно – как наказание за то, что он позволил себе устать. Одна из аксиом Школы гласила, что слабость порождается не телом, а духом; усталость ощущается не потому, что измотано тело, а потому, что истощена воля. Учителя Эдрика полагали, что только воля определяет состояние всех семи тел – или семи душ – которыми наделен человек. Воля проявляет себя в желаниях: у необученного, слабого, ленивого желания беспорядочны; у прошедшего обучение – определены и

осознаны. В конце концов Эдрик научился желать так, чтобы не уставать никогда. Теперь от него требовалось совершить обратное превращение. Как оказалось, иногда сила может стать слабостью – например, если сила позволяет себя обнаружить. Девчонка на удивление наблюдательна, но то, что заметила она, может заметить и любой другой человек. Обычно они слишком поглощены своими мыслями, болячками, маленькими мирками личных проблем, но не исключено, что в самый неподходящий момент один из них может прозреть. Даже с простыми обывателями это иногда случается. Нужно перестраховаться. Нужно двигаться, как они, думать, как они, вожделеть, как они... Тогда он останется неузнанным. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание.

Через два дня Эдрик снова встретил ее в библиотеке. Вельнис стояла перед большим книжным шкафом и задумчиво разглядывала корешки. Эдрику она кивнула, как старому знакомому.

Вскоре после того, как он приволок из подвала очередную кипу, уселся за стол и приступил к переводу, Вельнис заняла место напротив, положив перед собой около десятка книг, вытащенных из шкафа.

– Решила составить мне компанию? – любопытствовал Эдрик.

– Моя госпожа любит читать. Вот... выбираю для нее.

– Прости за вопрос... ты фрейлина княжны или ее камеристка?

– Хм. Ну ты и хам. Будь я фрейлиной, следовало бы, самое меньшее, вlepить тебе пощечину.

– Значит, камеристка.

Вельнис не ответила. После продолжительного молчания (каждый деловито шуршал страницами) спросила:

– Как ты думаешь, что лучше отнести ей – «Священный напиток» Ямруза Экдельта или «Размышления о божественном естестве» Рэкла Сакайта Сильгера?

Эдрик оторвался от чтения и с любопытством посмотрел на девушку. «Странный выбор... – подумал он. – Неужели княжне интересно разбираться в этой зауми?»

– Сильгер в переводе? – спросил он.

– Нет, в оригинале. На стханатском.

– Твоя госпожа сможет это прочитать?

– А почему нет? – Вельнис не отвела глаз.

– Сколько ей лет?

– Мы одногодки.

– Ты знаешь, о чем эта книга?

Вельнис кивнула.

– Принеси ей лучше любовную лирику, – посоветовал Эдрик.

– Любовная лирика будет интересна ей лишь в том случае, если стихи написал сингайл, – парировала Вельнис. – Но измывательства над языком магов надоели моей госпоже несколько месяцев тому назад. Теперь ее привлекают философские категории, отношение между сущностью и явлением, реальным и кажущимся, актом и потенцией...

Эдрик молча слушал ее, стараясь понять, насколько всерьез она говорит о... о том, что говорит. «Вот откуда она знает Наречье, – пришла мысль. – Княжне от скуки нечем заняться, кроме чтения, и ее компаньонка, чтобы не потерять место, вынуждена читать те же книги, и интересоваться тем же, чем интересуется госпожа...»

– Думаю, ты куда лучше меня знаешь, чем увлекается княжна, – произнес Эдрик. – «Размышления» Сильгера – если продраться через тяжеловесный слог – по-своему... любопытны. Хотя это и странное чтение для молодой девушки. Вторую книгу я не читал. Ничего не могу сказать о ней.

– Ямруз строит свою философию на древней легенде, которую ты наверняка слышал, – начала рассказывать Вельнис, и Эдрику стало ясно, что уж она-то читала обе книги. – На легенде о том, как божественный напиток анкавалэн, эссенция бессмертия и творческой силы, был утерян богами в их войне, случившейся в начале времен. Утерян и пролит дождем в новосотворенном мире... Ямруз говорит, что «напиток» – лишь образ, поэтическая метафора, а что представлял собой анкавалэн на самом деле, нам невозможно и представить, как невозможно вообразить и божество вне человеческого или животного образа и как невозможно постигнуть свойства божеств вне известных нам индивидуальных и природных свойств. Анкавалэн проник в людей, и сделался их частью, самой тайной, самой невидимой... в другом месте. Впрочем, Ямруз выдвигает предположение, что именно капли этого напитка превратили нас в то, что мы есть, отделив от животных... но при этом сущность анкавалэна так и остается скрытой, недоступной для нас, а ведь она то – что нас образует. Далее он рассуждает о человеческой природе и о том, при каких обстоятельствах эта бессмертная сущность могла бы быть пробуждена к действию, стать действующей силой, а не потенцией...

Она замолчала.

– И?... – спросил Эдрик.

– Он пишет, что прежде всего должно измениться сознание. Мы плаваем на поверхности восприятия. Нужно заглянуть вглубь.

– Сменить внешнее восприятие на внутреннее?

– Нет, нет... Так мы ничего не добьемся. Поменяем одну картинку на другую. Вместо иллюзии, которую создают наши глаза, будем видеть иллюзию, которую создает разум. Будем жить во снах. Это очень важный момент, и Ямруз предупреждает об опасности.

– И что он предлагает? – Эдрику стало интересно. Как правило, мистики в поисках выхода из тюрьмы видимого мира, попадали в одну и ту же ловушку. Отвергая видимый мир, они придавали статус «реального» собственным фантазиям. Обращая взор от внешнего к внутреннему – они вовсе забывали о внешнем, старались изо всех сил отгородиться от окружающей реальности.

– Ямруз пишет, что восприятие должно стать... объемным, – Вельнис задумчиво почесала кончик носа. – Я не совсем понимаю, что он имеет в виду, но образы, которые он использует, заставляют задуматься. Он говорит: представьте себе сундук. На лицевой стенке одна картинка. Это наше обычное, «внешнее» восприятие, то, что мы видим глазами. На боковой стенке другая картинка. Это наш внутренний мир, очень интересный и сложный. Но нет никакой пользы менять одну картинку на другую. Мы должны видеть не ту или другую стенку, а сундук целиком.

– Так видят мир бессмертные и боги, – заметил Эдрик.

– Да, – Вельнис кивнула. – Разница только в том, что их «сундуки» пусты. Или заполнены различными предметами, но главного сокровища – анкавалэна – у богов и бессмертных нет. Оно есть у людей.

– Мало увидеть «сундук», – сказал Эдрик. – «Сундук» заперт на замок, и нужно найти к нему ключ.

– Хм... – Девушка задумалась. – Ямруз об этом ничего не пишет.

«Если бы писал, я бы заподозрил, что он проходил обучение в Школе», – подумал Эдрик.

– И какой, по-твоему, это ключ? – Вельнис испытующе посмотрела на собеседника.

– Какой?... – Эдрик рассмеялся. – Если бы я знал, я бы давно уже открыл «сундук». Но... ты не забыла, что мы говорим о метафоре Ямруза?

– Ты считаешь, она неверна?

– Метафора – это только метафора.

– Мне думается, она очень хорошо отражает настоящее положение дел... И твои слова про ключ и замок – тоже.

– Брось. Я всего лишь тебе подыграл.

Некоторое время Вельнис молчала.

– Знаешь, – сказала она затем. – Я думаю, это любовь.

– Что именно?

– Ключ. Ключ, которым открывается замок.

Эдрик пожал плечами с видом «да, может быть...». Камеристка княжны была необычной... пожалуй, это – самое странное знакомство за всю его жизнь... но она, несмотря на всю свою наблюдательность, на весь свой ум, на непринужденность и детскую чистоту восприятия – несмотря на все это, она жила в иллюзорном мире. Как и все остальные люди. Не следовало об этом забывать. Она говорила глупости, но не следовало ее в них разубеждать. Да он и не сумел бы. Людям так хочется верить, что законы, которыми управляется этот мир, в основе своей благи; что то, что важно для них самих – доброта, справедливость, любовь – важно и для всей вселенной... Не стоит лишать их иллюзий.

Поэтому он промолчал.

Но тут...

– Ты не согласен, – сказала Вельнис. Не задала вопрос, а констатировала факт. – Не согласен, но не хочешь со мной спорить. Почему?

Эдрик не вздрогнул только потому, что двадцать пять лет обучения в Школе Железного Листа слишком хорошо научили его контролировать себя. Но внутри что-то сжалось. Она что – читает его мысли? Это было уже слишком.

– Я не думаю, что смогу тебя переубедить, – признался он. Произнося эти слова, смотрел ей в глаза. Он больше не видел в ней симпатичную девушку. Видел – противника.

– Попробуй, – предложила она.

Как вызов на поединок.

– Почему – любовь? Это лишь одно из чувств человека. Ничем не лучше ненависти или печали. Множество людей испытывало это чувство. Ни к какому целостному видению они не приходили, «сундука» не открывали. Это – лишь картинка на стенке.

– Нет, – удивленно возразила она. – Любовь это не чувство. То есть, есть и чувство, которое называют этим словом, но я говорю о другой любви. Настоящая любовь – это отношение воли, ее устремление к чему-либо. Такая любовь может быть совершенно бесстрастной, не сопровождаться ничем лишним. Когда любовь – это чувство, желаешь, чтобы и другой любил тебя. Когда любовь – отношение воли, желаешь, чтобы другой был счастлив.

Эдрик задумался.

– Не думаю, – сказал он наконец, – что воля должна растрчивать себя

на отношение к чему-либо. Или к кому-либо. Это – потеря силы, а не приобретение ее.

– Воля, которая ни к чему не относится – воля, которой нет. Так не бывает. Все любят что-то. И твои последние слова – про потерю силы – лишний раз это доказывают. Ты не хочешь любить Другого только потому, что уже любишь Силу.

– А что любишь ты? – спросил Эдрик.

– Не скажу, – озорная улыбка заиграла на ее губах. – Разгадай меня.

«Все женщины играют, – подумал Эдрик, разглядывая ее лицо. – Решила поиграть и она. Что это?.. Кокетство, за которым – желание соблазнить или быть соблазненной?.. Скука? Любовь с первого взгляда?.. Нет. Что-то другое...» Но он, как ни пытался, не мог увидеть фальши в ее поведении, словах, голосе. Все было совершенно естественно. И он должен был реагировать так, как следовало бы реагировать обычному мужчине: включиться в игру или – соблюдая правила – отказаться от участия. От умеренной порции романтики с интимом Эдрик совсем бы не отказался, тем более что последние семь лет он провел не только без еды и питья, но и без женского общества. И все же... и все же Эдрику не давало покоя ощущение, что за предлагаемой ему «картинкой» скрывается нечто большее.

Но пока одна часть, глубинная часть его сознания оценивала поведение Вельнис так и сяк, где-то на поверхности плавали совсем другие мысли...

«Я слишком подозрителен, – думалось ему. – Пытаюсь увидеть то, чего нет... Но даже если я прав... есть только один способ это проверить».

Вслух он сказал:

– Ну что ж. Уговорила. Пойдем, пофехтуем.

Вельнис отвела его на старую башню, после чего ушла – ей нужно было переодеться. Когда она появилась вновь, Эдрик едва узнал девушку: мужская одежда, волосы стянуты в «хвост», в руках – два затупленных меча и два шеста.

Эдрик не собирался заниматься «восстановлением формы». Не стремился он и добиться неременной победы в бою. У него была одна-единственная цель: посмотреть, как она двигается, как ведет бой. Пластика говорит о человеке больше, чем слова: слова выражают то, что человек думает, а пластика – то, чем он является. Он полагал, что после боя хоть что-то да прояснится.

Ничего подобного.

Фехтовала она неплохо, а если учесть, что сие занятие женщине, мягко

говоря, не приличествует – то просто великолепно. Но...

Она умела импровизировать, однако вся ее техника опиралась на «средний стиль», традиционный для Речного Королевства. Она – дитя этой страны и этого времени. Скорее всего, ее и вправду обучал один из княжеских телохранителей.

В мире существовали самые разные фехтовальные школы. Отличия в традициях, в используемом оружии, в истории, даже в религии и темпераменте определяли возникновение и развитие боевых стилей. Естественно, всегда присутствовало и взаимное влияние их друг на друга.

Но была только одна Школа, которая создала совершенно особый, универсальный стиль. Он назывался «Душа Меча», и не являлся плодом личного творчества или военного опыта – у него было совсем иное, сверхъестественное происхождение. Прочие стили рассматривались теми, кто знал его, как вместилище «Души». Их (все остальные стили) так и называли – «Тело Меча». Знающий «Душу», мог овладеть любым другим стилем за считанные дни. Ему было достаточно увидеть лишь несколько разрозненных приемов для того, чтобы понять общий рисунок боя, вжиться, почувствовать стиль изнутри – зачастую лучше, чем чувствовал и понимал его сам создатель стиля или основатель школы.

Знали о существовании универсального стиля лишь те, кто был ему обучен. А обучиться ему можно было лишь в одном-единственном месте.

Если бы Вельнис имела хоть какое-то отношение к Школе Железного Листа, она бы неминуемо выдала себя во время поединка. Дерись она хуже, чем могла бы, – Эдрик мгновенно распознал бы, что его водят за нос. Но она выложилась полностью, показала все, на что была способна, и ему стало ясно, что «Души Меча» она не знает. На какой-то момент Эдриком даже овладело искушение позволить ей коснуться себя, но мастерство – пусть и несовершенное – вызвало в нем невольное уважение, и он не стал оскорблять ее игрой в поддавки. К тому же, с ее наблюдательностью, почти сверхъестественной для человека, она могла и разгадать обман, даже самый искусный.

– Я подозревала, что ты очень-очень необычный человек, – сказала Вельнис после боя, когда они отдыхали, заняв места на запыленной скамье за древним столом. – Я знаю, что могу, а чего нет. Я могла бы и сама служить телохранителем князю...

– Я думал, ты служишь княжне.

Она кивнула, чтобы скрыть улыбку.

– Ты не камеристка, – заключил Эдрик. – Ты...

– У меня много обязанностей, – оборвала она его размышления. – Но

сейчас мы говорим не обо мне. Я могла бы стать личным телохранителем князя... или самого короля. Я знаю, что была бы лучше многих. Но ты... Ты лучше всех.

Эдрик не стал спорить. «Все-таки, надо было поддаться... – с тоской подумал он. – Позволить ей победить... Нет. Не надо было вообще устраивать эту дурацкую „тренировку“».

– ...ты очень необычный воин, – продолжала Вельнис. – Знаешь «средний стиль» в совершенстве. Ты как будто бы дышишь им, живешь им... Где так учат?.. Кто тебя учил?

– Все понемногу, – туманно ответил Эдрик на второй вопрос для того, чтобы вовсе не отвечать на первый.

– В бою ты словно читал мои мысли...

«Не твои, а твоего меча», – с иронией подумал он. А вслух сказал:

– Не преувеличивай. Это просто опыт. И язык тела. Твое тело само говорит, какое движение сделает.

– Я бы хотела научиться этому языку...

– Учись. – Он пожал плечами. – Понимание придет с опытом.

– Не хочешь помочь мне в его приобретении? – Вельнис улыбнулась.

– Увы. При всем желании не могу стать твоим учителем.

– Почему?

– Штаны в библиотеке я просиживаю не ради собственного удовольствия. Кроме того, я плохой учитель.

– Жаль.

– Впрочем, – Эдрик обвел глазами комнату, в которой они сидели. В потоках света, сочившегося из бойниц, кружились частички пыли. – Можем встречаться здесь... иногда. Если хочешь.

– Хочу.

Глава восьмая

Первый из трех странных снов, приснившихся мне на пути в Рендекс, я увидел на следующую ночь после того, как пересек границу Витхаллаберского Княжества. Игра в прятки с блюстителем порядка задержала меня на несколько дней, но и позволила выжать из душ этих растяп солидный объем силы. Когда они наконец сообразили, что в этой игре преследуемый и преследователи меняются местами слишком легко, то разом утратили большую часть своего служебного рвения. Вместо поисковых рейдов по лесам теперь они скапливались в поселках и городках, намереваясь устроить в ближайшем будущем крупномасштабную облаву. Но, пока они стягивали силы и готовилась к сему мероприятию, я сумел выскользнуть из оцепленного региона и повернул на запад, к Экфорду – я и так слишком сильно забрал к северу во время беготни по лесам. У меня появилась хорошая лошадь – пегая кобыла, позаимствованная у командира патруля. Возможно, он был неплохим бойцом, но мне так и не пришлось это проверить. Я приказал его сердцу остановиться, вогнал кинжал в бок второму патрульному, а третьего, перетрусившего юнца, вовлек в Игру. Он слишком испугался, совсем потерял себя в страхе. В таком состоянии нетрудно было *зацепить* его и выпить...

В седельных сумках нашлось немного мяса и хлеба, что оказалось весьма кстати – я не ел уже два или три дня. В одной из трофейных фляг плескалось не вода, а пиво, и я не стал проявлять чрезмерную брезгливость. Лошадка, прежде принадлежавшая командиру, отнеслась ко мне поначалу враждебно и даже, выказывая норов, пыталась разmozжить копытами голову. У меня не было времени уговаривать ее по-хорошему и, потому, чтобы побыстрее создать между нами хорошие отношения, пришлось пожертвовать частицей вытянутой из мальчишки силы. Лошадь, из-за ее пестрой расцветки, я назвал Ягодой, и, как выяснилось, был дважды прав – она обожала землянику...

На следующую ночь... Я остановился всего на несколько часов – в основном ради того, чтобы не загонять лошадь. По дороге я отнял еще несколько жизней и теперь они бурлили во мне, наполняя тело выносливостью и силой. Очень скоро эта энергия испарится, уйдет, но пока она со мной, я не уставал и не испытывал нужды ни в пище, ни во сне.

Я думал, что слишком возбужден, чтобы заснуть, но стоило мне опуститься на землю, закрыть глаза и расслабить мышцы, ощущая лопатками и затылком шершавый ствол дерева – как разум вдруг погрузился в странную дремоту. Как будто бы я отделился от своего тела: я был слаб и истаивал, исчезал – в то время как тело бурлило от переизбытка энергии. Между моментом, когда на меня навалилось это странное состояние и до того, как я исчез «окончательно», я ощущал ужас перед наступающим небытием – ужас, слабеющий по мере того, как меня оставалось все меньше. После Бэрверского холма все мои сны стали кошмарами: оскаленные морды, горы трупов, пожирающие плоть насекомые, затягивающая болотная трясина – в общем, полный набор. Центральным мотивом всех этих страхов, их содержанием, всегда было одно и то же – ощущение потери себя, распад «я», забвение и угасание личности. Безразлично, как это выражалось – в образе трупа, закопанного под землю и медленно сжираемого червями; в образе беглеца, разрываемого на части одичавшей стаей собак, или как-то еще – центральное ощущение всегда оставалось одним и тем же. Я исчезал, переставал быть и это было ужаснее, чем любая пытка. Страх телесной смерти можно преодолеть, но ужас перед распадом собственной воли, своего «я» преодолеть невозможно. В этом – причина того, почему я отнимаю чужие жизни так легко, без всякого внутреннего протеста – я знаю, что если не сумею собрать силу, если не достигну Слепой Горы или не преодолею моста, оцетинившегося стальными иглами – тварь из Морфьёгульда придет ко мне и то, что терзает меня во снах, станет реальностью.

В ту ночь не было образов, никаких собак или червей, все произошло слишком быстро. Чистое ощущение угасания «я» – и столь же чистый, слабеющий с каждым мгновением ужас. Но потом, когда черта пересечена, когда меня уже нет... потом... пришло одно видение.

Я стоял в ослепительном мире.

Вернее...

Не я. Кто-то другой. Существо, воспринимавшее мир совершенно иначе, чем я. Действующее в иной системе координат. Вообще – другое.

Я как будто смотрел его глазами. Как будто бы где-то подобрал крошечный кусочек чужой памяти. К чужим воспоминаниям мне не привыкать, но все осколки чужих Келат, что влились в меня на Бэрверском холме, принадлежали людям. Это воспоминание – нет.

И все же, чтобы как-то передать его содержание, мне придется прибегнуть к образам и понятиям человеческого мира. Иначе – я просто не

представляю, как об этом рассказать.

Итак, он стоял в невыразимо красивой, ослепительной стране. В месте, целиком состоявшем из света. Он был не один – рядом находились те, кому принадлежал этот свет. Могущественные. Сильные. Прекрасные.

Он был пленником, но не испытывал перед ними страха. Он знал, что ему не на что рассчитывать. Они лишили его свободы, оградили его силу, но ненависть, которую он испытывал к ним, не стала меньше. Потерпевший поражение, окруженный светом и огнем, он не вымаливал прощение и не надеялся на милость. Если бы он мог, то уничтожил бы их всех, до единого – пусть даже в итоге погиб бы весь мир. Уничтожил даже ценой собственного бытия.

Такова была его ненависть.

...Он презрительно улыбнулся, когда они заговорили о чем-то, предполагавшем их общее родство. Имелись причины, заставившие их смягчить наказание. Он был готов разрушить все ради мести, но они, победители – нет. Его наказание не включало – пока не включало еще – лишения жизни, но... Он перестал улыбаться, когда ставший тяжелым, как молот, свет смял его и бросил вниз...

Боль... Горело лицо, горло, глаза, внутренности, пылало в огне все его/ мое существо... Как падающая звезда, он/я пронизал сферы, в стремительном падении оставляя на них частицы своей души, кровь своего тела...

...Темнота... Где я?.. Я словно выплываю на поверхность из мрака, в котором пребывал века. Вокруг иной мрак, и страх поселяется в моем сердце. Я рожден тьмой, и знаю, что в темноте должен видеть лучше, чем где-либо еще, но здесь... не вижу ничего.

Неужели я ослеп?.. Я судорожно касаюсь своего лица – лица, которое так легко изменялось, когда я хотел этого... И чувствую каменную маску – спекшийся, еще горячий камень... Я хочу кричать, но не могу – не раздвигаются непослушные твердые губы...

...Я поднимаюсь. Как они милосердны! Оставили жизнь, лишив всего остального...

Напрасно.

Ненависть вспыхивает, встает над миром, подобно тяжелой жгучей волне. Я выберусь отсюда. И когда окажусь на их месте – на месте победителей – то не повторю их ошибки...

Через два дня я остановился на ночлег в замке Рэйнфлик. Старый барон не был богат, замок, окруженный болотами и лесами, давно требовал

ремонта. Как часто бывает в глуши, разница между высокорожденными и простолюдинами не была как-то особо заметна: тут не водилось роскоши, которая могла бы отличить первых от вторых. Пища – простая и сытная; господа и слуги ужинали за одним большим столом в общем зале. Меня, как гостя, усадили где-то посередине; увидев, что я не слишком-то разговорчив, вскоре перестали приставать с вопросами. Старый барон, похоже, страдал от какого-то недуга: он передвигался по замку с трудом, одной рукой опираясь на трость, второй – на плечо слуги. Его дочка – не старше двадцати-двадцати двух лет – была весьма собой недурна; если бы она улыбнулась за ужином хоть раз, я бы назвал ее красавицей. Но она не улыбнулась. Переживала из-за отца?..

Нет, не думаю. За ужином они не сказали друг другу ни слова.

В другое время я бы не стал гадить в доме, где меня приютили, но куш был слишком велик, и потому пришлось отбросить сантименты. Баронова дочка обладала врожденным Даром, но пользоваться им, похоже, не научилась. Я выжимал чужие Шэ, чтобы дисциплинировать их, преобразовать и сохранить крошечную частицу колдовской силы. Здесь же, в случае успеха, я мог получить чужой Тэннак. За ужином я размышлял, какой тактики придерживаться, но никаких гениальных идей у меня не появилось. Слишком мало информации, чтобы составить хоть сколько-нибудь определенный план для предстоящей Игры. Оставалось только положиться на импровизацию.

Я могу сомневаться до начала действий и после того, как все закончилось, но решив что-либо, я уже не сомневаюсь и не терзаю себя до тех пор, пока все не закончится – как бы неприятно мне не было то, что я делаю. Я отодвигаю эмоции в сторону и осуществляю задуманное, всем сердцем веря в то, что я делаю – правильно и необходимо. Неуверенность открывает дорогу слабости и ошибкам, и в конечном итоге ведет к поражению. Свои приоритеты я определил давно; жалость и сострадание могут сколько угодно стучаться в двери моего сердца – но пока я не осуществляю то, что задумал, я не впускаю их. Потом – может быть. Но не сейчас.

Задача номер один заключалась в том, чтобы застать баронессу одну, но я не представлял, как это осуществить. На одно только волшебство я не мог полагаться – магию следовало применять выверено и точно, только для того, чтобы поставить в Игре последнюю точку. Если я воспользуюсь ею слишком рано, баронесса Лакайра Рэйнфлик почувствует ее и насторожится – и Игра будет сорвана, даже не начавшись.

После ужина, когда все в замке готовились ко сну, я отловил служанку

и попросил передать баронессе, что у меня есть послание, предназначенное для нее лично. Я уже знал – успел выяснить у слуг, что баронесса не замужем – но наверняка у этой красавицы был любовник или хотя бы воздыхатель, который мог бы время от времени отправлять ей любовные послания; а если не имелось и такового – одно только любопытство должно было заставить ее выяснить, от кого это письмо.

Вскоре меня пригласили в личные апартаменты баронессы Лакайры. Две служанки, присутствовавшие здесь же, служили чем-то вроде обязательного приложения к беседе.

Войдя, я, как и положено, поклонился. Баронесса коротко кивнула. По видимости, она ждала, что я сам сообщу о своих целях, и мое молчание вызвало в ней явное неудовольствие.

– И? – нетерпеливо бросила Лакайра. – Мне сказали, что у вас что-то для меня есть.

И протянула руку в требовательном жесте.

Я снова поклонился.

– Это так. – Я посмотрел по очереди на служанок, занимавших места справа и слева от своей госпожи и прямо-таки сгоравших от любопытства. – Но мне было приказано передать послание вам наедине.

Служанки посмотрели на меня так, что я понял: с этой минуты у меня появилось два новых смертельных врага. Эта мысль меня позабавила, и я с трудом смог удержаться от улыбки.

– От кого оно? – холодно спросила Лакайра.

Я промолчал, снова посмотрев на служанок.

В принципе, она могла вышвырнуть меня за дверь, и это была бы первая партия, которую я проиграл. Но я поставил на женское любопытство и не ошибся.

– Кляя, Сагрин. Оставьте нас. – После короткой паузы благоразумно добавила: – Но будьте поблизости.

Служанки вышли – это было уже кое-что, хотя я не сомневался, что они будут подслушивать у двери. Но это уже не имело значения – в те несколько секунд, которые понадобились женщинам, чтобы покинуть комнату, я понял, что буду делать и как. Это было нечто вроде вдохновения – впрочем, следует признать, что все или почти все мои партии начинались так.

Баронесса была молода, красива и явно скучала в этой глуши. Не может быть, чтобы она не была ни в кого влюблена. У нее могла быть обыкновенная интрижка, а могли быть и весьма возвышенные чувства... скажем, в отношении какого-нибудь придурковатого рыцаря,

отправившегося совершать героические деяния во славу своей возлюбленной. Могло быть что-то еще, но что-то наверняка было: молодым людям естественно влюбляться. Возможно, ее возлюбленный существовал только на бумаге или в воображении. Это неважно. Это – тот ключ, который откроет ее для меня.

– Я жду, – напомнила баронесса, разглядывая меня.

Я провел рукой по лицу. Настало время волшебства, и свитая из чар сеть наваждений оплела ее разум. Я рисковал, но ее врожденный талант не был огранен должным обучением, она не умела толком пользоваться своим Даром и не смогла защититься – потому только, что не понимала происходящего и не подозревала, что нуждается в защите.

Когда я опустил руку, то увидел ее глаза – распахнутые, пораженные... На лице – растерянность, боль, недоверие.

– Малкриф?.. – Она медленно встала, не сводя с меня взгляда... вернее будет сказать – не с меня, а с того, кого она в эту минуту видела на моем месте. – Ты?.. Но... как?.. Откуда ты здесь?..

Грустно улыбаясь, я протянул к ней руки, и она сделала ко мне шаг... второй... третий... бросилась и обняла, плача и бормоча что-то невнятное. За спиной я услышал скрип двери, и представил, какое удивление испытают девушки, увидев свою госпожу рыдающей на плече незнакомого мужчины. К счастью, им хватило ума, убедившись, что никакого насилия тут не творится, дверцу немедленно прикрыть... иначе, опять-таки, вся Игра была бы сорвана. Но люди действуют по определенным схемам, определяющим их поведение, и если знать эти схемы, можно управлять людьми.

Заданности поведения нет лишь у детей, но дети не приспособлены к самостоятельной жизни. Приспособленность как раз и означает выработку тех самых схем в психике, но когда человек растворяется в этих схемах, когда выбранная роль становится им самим, тогда он умирает как самостоятельное «я», и превращается лишь в более или менее сложный психофизический механизм, который, в общем-то, не так уж сложно взять под контроль.

Но наибольший интерес представляет для меня не полностью «мертвая» душа – в такой душе слишком мало силы – а та, которая лишь тронута смертью: еще жива, но уже поработана тем, что способно, при дальнейшем развитии, омертвить ее.

Некоторые воображают, что любовь, в отличие от всех прочих влечений, не поработана человека, а, напротив, дарит ему какую-то особенную свободу. Это полная чушь. Какая разница, какой ошейник на

тебя надевают: шелковый или железный? Шелковый даже прочнее, ибо мягок и приятен для шеи...

– Малкриф... – плакала баронесса. – Я думала, ты умер... говорили... что отец затравил тебя в лесу... гнал... со своими псами... как зверя... я даже... прокляла его...

Кое-что стало проясняться. Не знаю, кем был этот Малкриф, но он явно никак не подходил дочурке барона в качестве достойной пары. Смазливый паж?.. Молодой стражник?.. Видимо, был серьезный повод, раз барон так рассердился, что даже затравил бедняжку собаками. За что и сам поплатился, получив в благодарность проклятье от своей Одаренной дочурки.

Я погладил ее по спине, плечам, ощущая, как она дрожит, прижимаясь ко мне. Поднял подбородок – она сама потянулась к моим губам. На мгновение я вновь увидел ее глаза – затянутые пеленой из ее слез и моих чар. Потом мы целовались – она впивалась в мои губы так, как будто хотела прокусить их – и я ласкал ее тело, постепенно освобождая его от лишней одежды. Никакого протеста. Дыхание стало глубже, поцелуи – еще более страстными; она то прижималась ко мне, то слегка отстранялась, помогая побыстрее себя раздеть.

Она не помнила о двух служанках, оставшихся за дверью, не пыталась узнать, как я-Малкриф, могу быть жив, хотя и должен быть мертв. Она вообще ни о чем не думала, но жила в эти мгновения как будто во сне. Я соткал это сновидение для ее разума – пришлось истратить частицу силы из своих «кладовых», чтобы достичь нужного эффекта. Нельзя получить все, не вложив ничего; но я рассчитывал, что конечная выгода покроет все предварительные затраты.

Рано или поздно чары спадут, ее полуосознанный Дар разорвет узы и она проснется. Но я не собирался ждать, когда это произойдет само. Задрав юбку Лакайры, я гладил и ласкал ее ноги, живот, лобок; ее извивающееся тело умоляло только об одном «продолжай»... в этот момент я снял чары.

Думаю, нетрудно представить ее состояние, когда сон пропал, она вернулась в реальность и увидела, что стоит, полураздетая, перед незнакомым мужчиной, страстно прижимаясь к нему, высоко задрав одну ногу, с вожделением принимает его более чем непристойные ласки...

Этот момент – когда одна схема поведения вдруг стала непригодной, а новая еще не вступила в действие – очень важен для Игры. Именно здесь, в этом разрыве, я и ловлю души. Мгновением раньше она еще нежилась в объятьях возлюбленного, мгновением позже она истошно завопит и начнет вырываться из моих рук, но между этими двумя мгновениями есть еще

третье, в которое я вхожу и беру то, что могу взять. Чтобы растянуть это мгновение, я воткнул палец под нижнюю челюсть Лакайры, пробил кожу и мышцы, и прижал язык, не позволяя ей кричать. Она подавилась собственной кровью, но захлебнуться ею не успела – я выпил ее раньше. Потом я позволил ее иссохшему трупу упасть, пробормотав «Прости», вытер руки о платье покойной и повернулся к двери, слыша, как скрипят петли: служанки, заподозрив неладное, решились заглянуть сюда еще раз. Я не хотел убивать и их тоже, но мне пришлось это сделать, иначе своими воплями они поставили бы на уши весь замок.

Эти три трупа найдут, и очень скоро, но какое-то время у меня еще было, и я не тратил его зря. Забрал свои вещи, вышел во двор, приказал караульному открыть ворота, сел на Ягодку и уехал. Волшебство бурлило во мне, как обжигающее, кипящее вино. Остекленевший взгляд караульного, застывшего у распахнутых ворот – вот последнее, что я увидел. За спиной я услышал крик – кажется, баронессу нашли – и усмехнулся: поздно. Вам уже не встать у меня на пути, и значит – трупов сегодня будет не так много, как могло было быть. Это почему-то показалось мне смешным, и я смеялся, как сумасшедший, до тех пор, пока мой смех не перешел в плач. Ночь к этому времени давно приняла меня в себя, и я скользил в темноте легко, как птица в небе или рыба в водной стихии. Я как будто слился с Ягодой в одно целое, целиком отдался бешеной скачке в никуда, через ночь – и может быть, только это и уберегло меня от рецидива безумия...

Я остановился только под утро. Лошадь была измотана до предела, я тоже, но мое изнеможение относилось не к телу, а к разуму. Более низшие души – Шэ и Холук – все еще были полны сил. Я уже жалел о том, что выпил баронову дочку. Я получил огромный приток силы, поглотив ее девственный Дар; но если прежде я не чувствовал Тэннака потому, что он был практически мертв, то теперь вместе с ощущениями вернулась боль. Во время скачки она только нарастала, но я сумел отстраниться от нее, теперь же она вцепилась в меня с утроенной силой. Пройдет немало времени, прежде чем боль утихнет и я позволю Тэннаку сделать первый вздох, молясь при этом всем богам Тьмы, чтобы после всех низостей, убийств и мучений способность забирать энергию из мира естественным способом вернулась ко мне, избавив от необходимости красть чужие души и выжимать из них сок.

Искупав Ягоду и подыскав для нее лужок с сочной травой, я расположился под деревьями, съел несколько сухарей и прикрыл глаза. Я не собирался засыпать, но, как и в первый раз, провал в сновидение

произошел вне моей воли. Угасание «я»; ужас, сменяемый оцепенением; беспамятство и ничто; нет даже того, кто мог бы сказать «меня нет»...

...Я-он поднимается по горной тропе, среди мертвых камней и скал, утопающих в белесых клубах тумана. Он идет медленно, прихрамывая на левую ногу, поврежденную давным-давно – в те дни, когда его сбросили с небес и лишили сил, которыми он был наделен изначально... Клюка постукивает по камням... Он обрел новые силы, была война, завершившаяся полным поражением, но его так и не смогли окончательно уничтожить. Теперь он возвращался – из серо-стального озера смерти, по спиральной дороге к вершине горы – туда, где алая муть облаков вот-вот готова пролиться кровавым дождем...

Он шел вверх – зная, ощущая всем своим естеством, что есть некто, стремящийся к вершине горы – но идущий к ней другой дорогой. Два пути соразмерны, но первый направлен вверх, второй лежит в плоскости чужого мира. И все же на вершине горы они пересекутся, встретятся лицом к лицу. Чем ближе к месту встречи один, тем ближе второй.

...Когда я очнулся, солнце поднялось уже высоко. Кипение краденой силы поутихло, и боль Тэннака стала меньше. Я не мог понять, что за чертовщина со мной творится. Что это? Галлюцинация? Осколок чужой, нечеловеческой памяти, подцепленной у Ночной Тени? Или эти видения имеют под собой какую-то реальную основу? Но какую?.. И почему я все это вижу?.. У меня не было ответов. Ясно было только одно: если тварь, поднимающаяся из озера смерти, и в самом деле существует, я каким-то образом оказался связан с ней; но как и почему – не понимаю. Возможно, яд, исказивший мое естество, оставил в Тэннаке не только способность красть души, но и вскрыл какие-то иные, неизвестные силы; кажется, где-то я читал о том, что часть человеческого естества, почитаемого человеком за «свое», с тем же успехом могла быть названа «своею» богами и демонами. Нам принадлежит в самих себе меньше, чем мы думаем. Психическим состоянием – одним и тем же – две сущности владеют, будто совместным имуществом, ничего не зная о существовании друг друга. Энергетические связи между всем, что есть, гораздо сильнее и глубже, чем мы обычно себе представляем; возможно, подумалось мне, колдовской яд, разрыв оболочки Тэннака, Шэ и Келата, обнажил эти глубинные связи. Человек в себе самом, в своей глубине связан с иными мирами и невообразимыми существами, с духами стихий, с обитателями небес и обитателями ада, с богами Света и владыками Тьмы. Действия, совершаемые нами, имеют причину не только в нас, в нашей воле, но и в

том, что вне нас, в иных сущностях и иных волях. Это нельзя понимать в том смысле, что мы не несем ответственности за свои поступки: все гораздо сложнее. Выбор человека – в каком состоянии ему пребывать и как действовать; но какое бы состояние человек не выбрал и как бы не стал действовать, он действует совместно – с теми сущностями или с другими, потому что они также совершили свой выбор, и также выбрали это состояние, а не другое. Присутствие других не осознается, поскольку каждый полагает достигнутое состояние – своим. Природа людей переливается в природу богов и природу демонов, человеческая душа – одна из нитей, связывающих небеса и преисподнюю.

Возможно, дело в повреждении, полученном мною в Бэрверском холме. Целостность моего собственного существа разъята, во мне словно проделана дыра, в которой я могу разглядеть кого-то иного. Странно, но кажется, что он знает обо мне немногим больше, чем я – о нем. Не только потому, что он, как и я, был поврежден; его восприятие само по себе, кажется, более целостно... более объемно.

Что это за существо? Можно ли установить с ним контакт? И если – да, то стоит ли это делать?..

Нет. Не стоит. Любопытство не мешает мне трезво оценить его силы и мои. Если мы окажемся в общем пространстве, отыщем способ взаимодействия – чем это закончится? Мы живем в разных пространствах и свободно пользуемся одним и тем же состоянием души, потому что ничего не знаем друг о друге. Но если мы окажемся не в разных плоскостях бытия, а в одной – что тогда? Неизбежен конфликт, столкновение интересов, разрыв того общего, чем в данный момент мы владеем сообща. Или – не разрыв, но поглощение одной воли другой; и я слишком уж сомневаюсь в том, что смогу победить в этой борьбе. Нет-нет, лучше уж оставаться в неведении – если приобретаемое знание несет с собой смерть.

Я должен как можно скорее добраться до Рендекса и найти эту проклятую книгу. Когда я перейду в новую, нечеловеческую форму существования, все нынешние проблемы останутся позади.

* * *

Тем же вечером я рискнул сотворить скромное заклинание для разведения огня. Ничего особенного – просто хотелось проверить в каком состоянии пребывает Тэннак, боль в котором, кажется, поутихла.

Меня замутило. Мир завертелся, как волчок, а затем сдавил меня, стало трудно дышать. Я был близок к обмороку, и прошло немало времени, прежде чем мне удалось прийти в себя.

Итак, Тэннак не восстановился. Напротив, все стало еще хуже. Большой приток энергии вызвал не регенерацию полуразрушенной магической сущности, как я надеялся, а спровоцировал еще больший дисбаланс. Форма Тэннака размывалась, энергетические токи, составляющие его «скелет», выходили из-под контроля, течения силы принимали хаотическое, произвольное направление, «нервные узлы» Тэннака смещались, связи между ними рвались.

В конечном итоге все это грозило перерасти в полное разрушение магического тела. Не-магу не понять, что это значит. Это хуже, чем лишиться руки или ноги. Но дело не только в этом. Если Тэннак будет разрушен, можно никуда не ехать. Никакие книги, никакие формулы мне уже не помогут. Я просто не смогу осуществить переход. Будет человек и будет книга – но не будет инструментов, способных воплотить написанное в реальность.

С этим надо что-то делать, и при том срочно, пока процесс саморазрушения не зашел слишком далеко.

Сложность заключалась в том, что сам себе помочь я не мог. Мое положение было сродни положению врача, которому переломали запястья.

Полтора десятка сознаний, живущих в моей голове, осознав эту новость, подняли дикий вой. Каждая трудность, с которой я сталкивался, всегда приводила их в ужас; безумие, которым они были отравлены все, поголовно, переходило в активную стадию и в моей голове начинался полный бардак. Пришлось их успокаивать – это заняло какое-то время. Каждый рвался к волевому узлу; все, достигнутые ранее договоренности трещали по швам. Им, видите ли, показалось, что сделать уже ничего нельзя, мы обречены и неизбежно отправимся на обед Ночной Тени. Слизняки. Было непросто справиться со всеми сразу, но все-таки не так трудно, как в самом начале наших «отношений». Кажется, мы все-таки потихоньку срастались в одно целое – Келат Льюиса Телмариды и полтора десятка огрызков, подхваченных на Бэрверском холме... Чем быстрее закончится этот процесс, тем лучше. Одной заботой станет меньше.

К утру, кое-как утихомирив этих ублюдков, я получил возможность спокойно поразмыслить и пришел к мнению, что если хочу вернуть хотя бы ту малую толику волшебства, которая осталась у меня после Бэрверского холма, придется слегка откорректировать свои планы. Я сел на лошадь и отправился в ближайшую деревню. Придется все-таки обратиться за помощью.

Ни колдуна, ни ведьмы в деревне не нашлось. В соседней жила травница, но к ней я не стал и обращаться. Я провел весь день в седле,

солнце уже клонилось к закату, и мое настроение, и без того невеселое, становилось все хуже и хуже. Чем больше времени пройдет, тем сложнее будет остановить процесс разложения Тэннака. В третьей по счету деревне нужного человека опять не оказалось.

– Может быть, живет где-нибудь поблизости? – мрачно поинтересовался я.

Селянин задумчиво поковырялся в ухе.

– Да, – сообщил он, – живет тут один... вроде.

И объяснил, как добраться.

К указанному дому я подъехал уже затемно. Забарабанил в ворота. Подождал, послушал. Не обращая внимания на захлебывающийся лай собаки, постучал снова. Погромче.

Скрипнула невидимая мне входная дверь. Шаги. Звук отодвигаемого засова. Между воротами появилась щель, откуда выглянул довольно рослый мужчина лет сорока пяти. Прямой, ничего не выражающий взгляд. Сильное, мускулистое тело.

У меня возникло ощущение, что этот человек длительное время был солдатом, а еще вероятнее – наемником, и на земле осел лишь совсем недавно. В образовавшийся проем, не переставая гавкать на меня, попытался пролезть дворový пес, но мужчина пренебрежительно отпихнул его ногой.

– Ты колдун? – спросил я.

Здоровяк нахмурился.

– Чего? – он явно не понял вопроса.

– Мне сказали, что в этом доме живет колдун.

Несколько секунд он рассматривал меня, как полоумного. А затем... затем, кажется, его осенила какая-то мысль. Потому что жесткая складка рта вдруг расслабилась, краешки губ поползли вверх, он запрокинул голову назад и стал ржать.

Разве я сказал что-то смешное?

Насмеявшись вдоволь, здоровяк снова уставился на меня – на этот раз снисходительно, даже с сочувствием.

– Зря ехал, – сообщил он.

– Почему?

– Обманули тебя.

– Жаль, – угрюмо сказал я. Мне было не до смеха.

– Издалека ехал? – полюбопытствовал мужчина.

Я неопределенно кивнул.

– Специально к нам?

Я покачал головой, но он, кажется, этого не заметил.

– Сказки про нашего дурачка, гляди, уже по свету гуляют, – посмеиваясь, произнес он.

– Вашего дурачка? Он кивнул.

– Братец Аны, жены моей. Дурень редкостный, да и тунеядец к тому же. Ниче делать толком не умеет, тока руками размахивать да про всякую херню рассуждать. Но не колдун он. Ниче не умеет.

– Совсем ничего? – уточнил я на всякий случай.

– Совсем. На него глянешь тока – сразу сам поймешь, что к чему.

Я усмехнулся.

– Можно взглянуть?

– Не, нельзя. Нету его. Опять на ночь глядя в лес умотал. Ты это... оставайся, если хочешь. Переночуешь у нас, а утром своей дорогой поедешь. Темно уже.

– Нет, спасибо.

– Ну как знаешь.

Я забрался в седло и поехал на запад. Уже на окраине деревни подумал, что стоило бы остаться – если не мне, то лошади требовался отдых. Но возвращаться не стал. Переночую в лесу.

Выбирая подходящее место для ночлега, я заметил вдалеке, между деревьями, огонек.

Подойдя ближе, я увидел расчищенную полянку и юношу, явно собирающегося приступить к некой магической процедуре. Мне стало любопытно. Очевидно, это и есть тот самый дурачок, про которого мне говорили.

Юноша начертил два круга, изукрасил их заумными знаками, в один круг встал сам, а на другой начал показывать руками, время от времени бросая в стоявшую рядом жаровню какие-то вонючие травы и торжественно произнося непонятные мне слова... вероятно, это было Искаженное Наречье, только перевранное до немыслимой степени. Я так и не понял, кого он собирался вызвать. Но кто бы он ни был, этот неизвестный некто, он не пришел. Юноша был разочарован. Понурившись, он постоял в кругу какое-то время, затем поелозил ступней, стирая часть линий. Усталое опустил на землю. Он так переживал свою неудачу, что заметил меня только когда я сел рядом.

Он судорожно прянул в сторону. Капюшон плаща упал, открыв лунному свету соломенные волосы. Худое, скуластое лицо. Тонкие губы. Да и весь он был какой-то нескладный, угловатый, тощий.

– Ну и кого ты пытался вызвать? – спросил я.

Он полминуты вглядывался в меня, пытаюсь понять, кто я такой и откуда взялся, и, вероятно, гадая, не являюсь ли, часом, той самой тварью, которая должна была явиться по вызову?.. Собравшись с духом, парень, запинаясь, ответил:

– Аллешариха, Отверзающего Врата Прозрения...

Я хотел спросить «Ты что, идиот?» – но удержался и вместо этого задал другой вопрос:

– Сколько тебе лет?

Он отвел взгляд и буркнул:

– А вам-то что за дело?..

– Двадцати, наверное, еще нет... – произнес я, задумчиво разглядывая его лицо. – Зачем тебе слепнуть так рано?

Он недоуменно посмотрел на меня.

– Вы о чем?

– О демоне, которого ты пытался вызвать.

– Почему – «слепнуть»?.. Наоборот... Аллешарих дает прозрение... открывает колдовской мир перед взором человека...

Он перестал говорить, услышав мой смех.

– Прости, – сказал я, заметив на его лице выражение обиды. – Как тебя зовут?

– Лердвих. Лердвих Вайалэр.

– Откуда ты узнал обряд вызова Аллешариха? Сам придумал?

– Нет. Прочел в книге. Вот в этой. – Он склонился над своими вещами и вскоре извлек увесистый том. Обложкой служили две тонкие деревянные пластины, соединенные между собой металлическими скрепками.

– Откуда она у тебя? – спросил я, подходя поближе к жаровне, открывая книгу и наклоняя ее так, чтобы можно было хоть что-то рассмотреть.

– Купил в городе.

Не оборачиваясь, я кивнул.

– Так я и думал. Ну и ну... Как же тут все перевернуто!.. И конечно, ничего не говорится об ослеплении?

– Нет. Я не понимаю... Каком еще ослеплении?

– Мальчик, магия – это не просто пара рисунков на земле и десяток слов, после которых все силы мира бросятся наперегонки, чтобы послужить тебе. Магия – это взаимодействие. Понимаешь? «Взаимо»... Ты не способен даже правильно произнести заклятие, неужели ты думаешь, что у тебя хватит мощи подчинить демона? Тебе очень, очень повезло, что твоих способностей не хватило на то, чтобы его вызвать...

– Но... я думал...

– Что? – Я насмешливо посмотрел на него.

– Что дух, дающий прозрения, не так кровожаден, как прочие демоны, и...

– Вы сможете договориться? Заключить сделку?

– Да.

– И что ты готов ему предложить?

– Не знаю, но...

– А надо знать.

Юноша не ответил. Я продолжал листать книгу.

– Да, похоже, тут и впрямь ничего не сказано о последствиях... писал, по видимости, грамотей вроде тебя... все заклинания переврал... Зато иллюстрациями свою книжонку снабдить не забыл. Вот посмотри на эту картинку. Видишь, какой красавец?.. А что это у него на поясе?..

Лердвих некоторое время вглядывался в рисунок.

– Не знаю, – признался он. – Похоже на гроздь винограда.

– Это связка глаз, – сообщил я. – Аллешарих носит их на поясе, путешествуя по Нижним Мирам. А знаешь, откуда у него эти глаза?

– Н-нет...

– Он выдирает их у заклинателей вроде тебя.

– Что?! Вы шутите?

– Нет.

– Но... зачем?

– Спроси у него самого, – хмыкнул я. Однако Лердвих выглядел так убито, что я сжалился и объяснил:

– Это одно из его *скрэ*.

– Скрэ?

– Элемент магического облика. Мы состоим из нескольких тел или нескольких душ, или нескольких начал – разные люди их называют по-разному. Тело, называемое Тэннак, является тем, что позволяет магу творить чудеса. Разница между телом и обликом состоит в том, что тело – это то, что дано нам, а облик – то, во что мы его превращаем. К примеру, – двумя пальцами я помял край его рубашки, – ты не родился в этой одежде. Но сейчас она часть твоего облика. Схожим образом дело обстоит и с Тэннаком.

– Скрэ – это его одежда?

– И да, и нет. Тела подобны друг другу, но не во всем и не до конца. Скрэ – любой оформленный действующий элемент облика. Бывают скрэ, предназначенные для единственного использования. Другие – остаются

постоянно, но лишиться их не страшнее, чем утратить вещь: жаль, но вреда от этого нет. Другие скрэ настолько важны, что, утратив их, Тэннак уже не может нормально существовать. Все равно, что лишиться тебя дома или одежды зимой. Или даже части тела. Скрэ – это часть формы, которую принимает изначально аморфный Тэннак.

– Но зачем Аллешариху... нужны глаза моего тела... я имею в виду – вот эти?.. – Лердвих показал на лицо.

– Зачем ему глаза твоего Холока? Миры и начала не отделены друг от друга полностью, и ты, вызывая демона в мир людей, лишней раз это подтверждаешь. Не только энергии, но и предметы из одного уровня могут быть перенесены на другой, хотя при переносе структура их совершенно изменяется. То, что на уровне Тэннака является чем-то совершенно обычным, будучи воплощено в видимом мире, приобретет необыкновенные свойства. То, что в Холоке никого не удивляет – например, глаза простого деревенского мальчишки – будучи взято в Тэннак приобретет куда большую ценность... по крайней мере, для существа, знающего и способного этой вещью воспользоваться.

– А как он ею пользуется?

– Я объяснил бы тебе, но ты вряд ли поймешь. Ты пытаешься писать стихи, не зная и азбуки. Скажем так... для Аллешариха эти глаза служат источником определенного рода способностей и сил... Кстати, а зачем ты вообще хотел его вызвать?

– Я хотел... прозреть. Хотел видеть мир так, как видят его маги. Посмотреть на Верхние и Нижние миры.

– О, он дал бы тебе Прозрение!.. Перед твоими глазами, болтающимися в связке на поясе демона, пронеслись бы десятки Нижних Миров... Ты был бы принужден созерцать кошмарные, немислимые реальности, вынести которые твой разум был бы не в состоянии. Ты бы спятил и, в конце концов, вероятно, убил бы себя. По крайней мере, так закончило свой путь большинство вызывателей.

– Но зачем его тогда вообще вызывают?

– Сейчас в основном – по глупости. Как ты. Прежде, во времена Стханата и даже еще раньше, были умельцы, способные выцедить знания из безумной круговерти образов, возникающих, когда Отверзаются Врата Прозрения... Они слепли, как и все, но приобретали больше, чем теряли. Их разум уже был подготовлен к тому, чтобы противостоять безумию, хотя и «нормальными» их трудно назвать. Это были великие некроманты и демонологи, сохранившие еще нить знаний, переданную человечеству некогда самими Князьями Тьмы. Небесные Избранники, создавшие

Стханат, Империю Порядка, истребили их всех, и традиция прервалась, но те, кому все же удалось избежать смерти, преобразили свое естество и покинули землю. Теперь они – обитатели Нижних Миров, демоны, подобные Аллешариху или даже бессмертные.

Юноша смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Кто ты? – спросил он вдруг.

– Я не скажу тебе своего имени.

– Почему?

– Потому.

Даже если преследователям известно мое имя, вряд ли селян успели предупредить. Но я не хотел рисковать. Если я представлюсь, и этот мальчик поведет себя неадекватно, мне придется его убить.

– Некоторые вещи лучше не знать, – подвел я итог своим размышлениям.

– Ты, наверное... чародей?

– Был.

– А теперь?

– Возникли некоторые сложности. Признаться, мне указали на тебя как на колдуна, и я ехал сюда, надеясь получить помощь.

– Какую помощь?..

– Забудь. Ты все равно ничего не умеешь.

– Это правда... – понурился Лердвих. – Один раз, когда я... ну... проводил один ритуал в лесу... днем... на меня наткнулась соседка. С тех пор слухи и поползли.

Я опустил на землю. Лердвих сел рядом. Я думал о том, что теперь делать. Успею ли найти мага до того, как процесс разрушения Тэннака станет необратимым?.. И где его искать? Разве что в городе, но в городах меня ждут. Выпив Лакайру Рэйнфлик, я надеялся, что смогу миновать эту часть страны быстро и без хлопот. Я объявился бы только в Рендексе, взял бы то, что мне нужно, и снова пропал бы. Вместо этого я утратил ту крошечную толику магии, которой обладал и опять навел стражников на свой след.

Я думал, думал, думал...

Потом...

Не могу сказать, что меня посетило озарение. Идея, как какая-то фантастическая рыба, поднималась к свету сознания из тех темных глубин, где обитают идеи и морские чудовища. Идея простая и непритязательная, но в случае успеха она могла спасти меня. В какой-то момент мне показалось, что я хватаюсь за соломинку, но если и так, лучше попытаться

сделать хоть что-то, чем сдаться и не делать ничего.

– Когда человек собирается учиться волшебству, – произнес я. – То самое лучшее, что он может сделать – найти учителя. Конечно, можно пытаться и самому, но это гораздо сложнее, чем самому научиться читать. Если у тебя есть букварь и крупица мозгов, это возможно... правда, только в том случае, если тебе скажут заранее, какому звуку соответствует каждая буква. Маг начинает с определенных состояний, в которые приводятся его Шэ и Келат, и положений, в которые приводится Холок. Состояния этих душ, которыми мы можем ограниченно управлять, и сообщают первичное движение Тэннаку. Это – базовые ноты магии, из которых впоследствии можно будет сложить мелодию. Изменения течений в Тэннаке увязываются с определенными состояниями сознания, в которые мы приводим себя, и до тех пор, пока мы не научимся управлять Тэннаком непосредственно и прямо, эти состояния сознания и будут теми рычагами, которыми мы будем двигать его.

Между учителем и учеником с самого начала устанавливается особого рода связь, основанная на доверии. Их души как бы сближаются, и учитель может вести ученика по тем путям волшебства, которые ему известны. Когда Тэннак учителя совершает движение, магическое тело ученика увлекается его токами и совершает движение вместе с ним. Эту связь учитель может использовать для того, чтобы установить тотальный контроль над учеником, и поэтому, прежде чем отдать свою душу в чужие руки – пусть даже и временно – следует понять, что за человек, которому ты ее отдаешь, насколько он честен и можно ли ему доверять. Это риск, но это и лучший способ обучиться. Когда Тэннак окрепнет, и ученик научится самостоятельно пользоваться им, тогда он перестает нуждаться в опеке. Вначале же пути она необходима. Без непосредственного контакта учителя и ученика трудно сделать первые шаги на дороге волшебства...

Подождав, пока мои слова худо-бедно улягутся в голове Лердвиха, я продолжил:

– Я не могу, да и не хочу быть твоим учителем. Но вывести тебя на эту дорогу я сумею. Ты согласен?

– Да, – бездумно согласился он. Но кое-что из того, что я говорил ему раньше, кажется, все-таки застряло у него между ушами, потому что вскоре после этих слов он поспешно добавил:

– Чем мне придется заплатить за это?

Я улыбнулся: мальчик не безнадёжен. Сначала я хотел солгать, но затем, повинуясь какому-то безотчетному импульсу, сказал правду:

– Ничем. То, что я получу, ничего от тебя не отнимет. Я знаю, как

творить заклинания, но мой Тэннак поврежден, и я *не могу* творить их. Ты здоров. Ты *можешь*, по крайней мере – потенциально, но ты *не знаешь*, как. Поэтому, если быть точным, ты поведешь меня по дороге, а не я тебя. Я лишь укажу тебе, куда идти.

– Но... ты говорил, что учитель нужен, чтобы сообщить «правильное» состояние ученику...

– На этот раз, в виде исключения, все будет наоборот. – Я усмехнулся. – Ты сообщишь мне состояние. А я помогу тебе достигнуть его. Я сказал, что самому ученику сделать это сложно. Но возможно. Есть способы.

Он согласился, и мы приступили к подготовке.

Среди барахла, которое Лердвих притащил с собой в лес, сыскалось кое-что полезное. К счастью, не все травы он сжег в жаровне. Корень мандрагоры, белладонна, листья ламисеры и еще несколько травок сразу настроили меня на оптимистический лад. Я отобрал нужные растения, мелко нашинковал их (мандрагора слегка зачерствела и пришлось, сняв кожуру, долго кромсать ее ножом, соскабливая стружки), насыпал в миску и приказал Лердвиху толочь все это до тех пор, пока содержимое не превратится в однородную массу. Время от времени, чтобы не подсыхало, я добавлял чуточку воды. Пока Лердвих трудился, я, стерев его неумелый рисунок, нарисовал на поляне свой: пятиугольник в круге. Меньший круг – в центре. Надпись на Искаженном внутри малого круга, в каждом из углов, последнюю – вокруг всего рисунка.

Я уложил Лердвиха так, чтобы он оказался заключенным в пентаграмму, которая, собственно, и представляла его самого, точнее – его еще не рожденное магическое тело. Затем наполнил кружку водой, а кашицу из трав завернул в ткань и завязал, сделав некое подобие мешочка.

– То, что мы сделаем сейчас, ты никогда не должен повторять, – сказал я. – Хотя есть недоучки, использующие эти растения постоянно, ты должен знать, что вещества, содержащиеся в них, дурно воздействуют на Холок. Одного раза вполне достаточно. Ты испытаешь необычные состояния, но души человека устроены таким образом, что пережив что-либо, затем могут вернуться в испытанное состояние уже без всяких внешних к тому побуждений. Расслабься, прогони страх. Перестать думать. Слушай то, что я буду говорить, и не задавай вопросов. Просто слушай. И повторяй, когда будет нужно.

Я опустил мешочек с кашицей в воду, дал ему намокнуть, а затем вложил Лердвиху в рот. Когда он вытянул влагу, я начал говорить. Предварительный период – до того, как наркотик начнет действовать, крайне важен: именно в этот период сознание подготавливается к работе в

непривычном режиме. Если этот период пропустить, сдвиг состояний станет неуправляемым: мы получим череду ярких галлюцинаций, толку от которых будет – ноль. Необходимо настроить юношу именно на тот психический ритм, который нам нужен.

Я научил его простой фразе – крошечному заклинанию на Искаженном Наречье, – которую он должен был повторять весь подготовительный период. Я подробно разъяснил ему значение каждого элемента фразы и смысл целиком – это очень важно. Я сказал, ему, что он должен думать и чувствовать, когда произносит каждый звук, и, повторяя заклинание раз за разом, он все глубже входил в тот ритм и ту форму, которые оно задавало. Через несколько минут его язык начал заплетаться. Это означало, что предварительный этап завершен и пора переходить к основной части. Я произносил заклинание, он повторял его, я повторял за ним – уже как введомый. Почти сразу меня затошнило, мир поплыл, стала болеть голова. Отчасти, мне передалось состояние ведущего, отчасти – «приятному» эффекту я был обязан своему деформированному Тэннаку, категорически нежелающему возвращаться к естественным формам оперирования энергией. Я чувствовал себя так, как если бы подросток пытался вправить мне кость.

После произнесения каждого заклинания я заставлял Лердвиха удерживать в сознании ощущение, которое его сопровождало. Чтобы закреплялось легче, я описывал – уже на обычном языке – те образы, с которыми могли ассоциироваться элементы заклятья. Сообщаемые картинки не позволяли его разуму скатиться в полный хаос, потеряться в мешанине, всплывающей из тех частей Келата, которые обычно остаются вне внимания бодрствующего сознания. Время от времени я снова давал ему пососать мешочек с кашицей из истолченных растений. Когда явилось шесть духов, соответствующих шести растениям, из которых был приготовлен наркотик, я подробно описал каждого из них, чтобы Лердвих знал, из чего ему придется выбирать. Я спросил, кто из них зовет его за собой, и он сказал, с трудом выговаривая слова:

– ...который черный. Этот. Пустой и без лица. Холодный. В капюшоне.

Я не мог даже выругаться – нужно было продолжать процедуру. Почему он выбрал духа Ламисеры, олицетворяющего конечное небытие, смерть и пустоту?.. Дух Ламисеры менее всего подходил для него, как мне казалось. Я был почти уверен, что он выберет кого-то другого, и все же...

Неужели это я подтолкнул его на этот путь? В вампирической способности, которой я пользовался после Бэрверского холма, смерть бесконечно доминировала над всеми остальными стихиями. Сейчас же мой Тэннак и только нарождающаяся магическая душа Лердвиха находились в тесном взаимодействии; он, не осознавая, выправлял мой Тэннак, но и я, не желая того, мог сообщить ему тот облик, который за последние месяцы стал для меня «естественным». Может быть, и не сам облик, а только часть его, саму организацию энергетических токов – но этого было достаточно, чтобы толкнуть Лердвиха туда, где я и сам, будь моя воля, не хотел быть...

Или все-таки это его собственный выбор?.. У меня не было времени размышлять об этом. Черная тень привела его на вершину горы, где бездна над головой и бездна внизу – прыгай в любую. Когда я скажу ему колдовское имя Ламисеры, он повторит его и – на какое-то время – станет одним целым с тенью, которая на самом деле, конечно, была не самостоятельным существом, а лишь олицетворением определенного состояния, энергетического узла, которого Лердвих вот-вот должен был достигнуть. Состояния, настолько далекого и чуждого, что он, скорее всего, будет думать, что стал кем-то другим. Но будь это перевоплощение подлинной заменой, он бы никогда не смог сказать «я стал другим» – говорить «я» было бы некому.

Смерть будет первой стихией, первой формой его нарождающегося Тэннака. Скрэ он, конечно, не приобретет, но какие-то способности получит... по крайней мере, потенциально. Далее ему придется развивать их – день за днем, неделя за неделей, через скуку, усталость и разочарование... Хватит ли у него терпения, чтобы научить свой новорожденный Тэннак – я не говорю бегать – но хотя бы ходить? Если хватит, соседям этого мальчика явно не повезло.

Впрочем, на них мне глубоко наплевать.

Как, в сущности, и на этого мальчика.

Главное – я получил то, что мне было нужно.

Сердце моего собственного Тэннака, хотя и с перерывами, хотя еще и неровно, забилося вновь. Я тоже был там, падал в бездну вместе с черным духом Ламисеры – в то время как мальчик взмывал с ним ввысь.

Я восстановился, теперь можно продолжать путь.

Мне следует поторопиться.

* * *

На завершающей стадии, когда действие наркотика шло на убыль, я старался уже не беспокоить Лердвиха, лишь следил, чтобы он не слишком

задерживался на той или иной фазе и не сбивался с пути. К утру он более-менее пришел в себя. Я повторил:

– Не пытайся повторить испытанное с помощью этих или подобных трав. Самая обычная обманка – что ты что-то недопонял, что еще чуть-чуть и тебе откроется Главный Секрет. Не давай этому чувству водить тебя за нос. Чем больше ты будешь гнаться за Главным Секретом – таким способом, – тем больше он от тебя будет ускользать, потому что с каждым новым разом ты станешь терять силу, а не приобретать ее. Не привязывайся к этому способу. Повторяю: одного раза более чем достаточно. Если тебе нужен второй, и третий, ты никогда ничему не научишься. Научись произвольно, без помощи растений, вызвать состояние, испытанное сегодняшней ночью. Важны не образы, которые пред тобой мелькали, а ощущения, которые с ними увязывались. Вызови ощущение и действуй, оставаясь в нем, действуй так, как тебе в этом состоянии будет свойственно. Это – твоя дверь в мир волшебства.

Я сел на Ягоду и уехал, размышляя о том, что после сегодняшней ночи одним колдуном-недоучкой в этом мире стало больше.

Если он начнет развивать свой Дар, скорее всего, государственная машина Речного Королевства (с гешским жречеством у главных рычагов) прихлопнет Лердвиха еще раньше, чем он толком обучится.

Учитывая, *какой* Дар у него, скорее всего, разовьется.

Глава девятая

Эдрик и Вельнис встречались в старой башне почти каждый день. Вельнис училась увлеченно, внимание же Эдрика занимали не столько тренировки, сколько сама девушка. Он полагал, что Вельнис служит княжне не только камеристкой, но и ближайшим телохранителем – во всяком случае, уровень ее подготовки для этого был вполне достаточным, а юбка, стройная фигурка и симпатичная мордашка могли ввести в заблуждение любого злоумышленника, сумевшего миновать внешний кордон дворцовой стражи.

Сам Эдрик от тренировок не получал ничего. С таким же успехом он мог бы фехтовать игрушечным мечом в песочнице с пятилетним мальчуганом. Он не говорил ей об этом. Тренировки были поводом для встреч. Конечно, она заманила его, кокетничала и вертела хвостом, но в конце концов сумела возбудить в нем любопытство. Она была необычной, независимой, такой же свободной и уверенной в себе, как и он сам. Эдрик собирался – рано или поздно – закрутить с ней романчик, но пока – он чувствовал это – раздевать ее еще слишком рано. Всему свое время. Трактирную служанку он мог бы заманить на сеновал с куда меньшими усилиями, но что служанка могла дать ему, кроме скуки?.. К механической стороне секса Эдрик Мардельт относился так же, как к еде, питью и сну – хорошо, когда они есть; но если их нет, можно обойтись и без них. Вельнис казалась ему экзотическим цветком, выросшим в унылом лабиринте человеческого мира. Он был готов потратить силы и время на то, чтобы рассмотреть цветок поближе и, может быть, даже сорвать...

Постепенно их отношения становились все более близкими. Она смеялась его шуткам, не противилась прикосновениям, не стеснялась, говорила о том, что думает и чувствует – сознание Эдрика отмечало все эти детали, как маленькие шажки на дороге соблазна. Впрочем, неизвестно еще, кто кого соблазнял. Она пригласила его в игру, но он знал, что стоит ему ошибиться, перестать чувствовать ее, поторопить события или, наоборот, пропустить знак, разрешающий сделать следующий шаг – и ее нынешняя увлеченность сменится разочарованием. Он окажется недостаточно хорош для нее. При таком отношении у нее вряд ли могло быть много любовников... если они вообще были. Она предъявляла к мужчинам слишком высокие требования. Обычный ухажер на месте

Эдрика давно испугался и убежал бы от нее... или, занервничав, допустил бы ошибку. Эдрик не беспокоился, потому что не боялся проиграть. Он вообще не допускал мысль о поражении. Он чувствовал, что именно это качество, эта уверенность и привлекает ее больше всего – в свою очередь, она хотела победить, разгадать Эдрика.

Но даже общение с Вельнис, которое он по большей части воспринимал как игру, развлечение – не могло надолго развеять его дурного настроения, возникавшего, как только предстояло снова садиться за чтение. Чтобы как-то отрешиться от опротивевшего перелистывания страниц, Эдрик на досуге придумал еще одну версию случившегося. Версия заключалась в том, что колдун Аронгобан вовсе не был так отстранен от работы Маскриба, как хотел показать. Когда Маскриб нашел по-настоящему ценную книгу, Аронгобан решил, что в его библиотеке она будет смотреться лучше, чем в Обсидиановой Башне, для чего и подстроил «несчастный случай». Оставалось только придумать, как можно проверить эту идею, но Эдрик сомневался, что даже при всех своих талантах сможет вывести на чистую воду волшебника, отдавшего практике магии всю свою жизнь. За прошедшее время Аронгобан, если он и вправду был замешан в убийстве Маскриба, мог промыть мозги всем вольным и невольным свидетелям столь тщательно, что до правды уже никогда и никому не добраться.

От этой версии пришлось отказаться, когда книга нашлась. Если б Аронгобан и впрямь так не хотел, чтобы Фремберг получил сие литературное произведение, он после убийства не оставил бы книги в библиотеке, куда потом допустил Эдрика.

Сначала Эдрик обнаружил несколько фолиантов, имевших одинаковые рисунки с теми, что были изображены на разрозненных листах, с которыми он сверялся в поисках. Однако тщательное изучение текста породило очень серьезные сомнения в том, что это то, что ему нужно. В книгах не содержалось ничего настолько ценного и необычного, чтобы об этом стоило докладывать заранее, до высылки копии, как поступил Маскриб. Имелась, правда, еще одна книга на незнакомом языке... Эдрик на время отложил ее в сторону и буквально на следующий день нашел то, что заставило его прекратить поиски. Не потому, что закончились обрывки тех произведений, которые хранились в комнате Маскриба – их было еще предостаточно. Не потому, что в книге были записаны заклятья или ритуалы по вызову могущественных демонов, мечтающих разорвать вызывателей на части. Книга содержала нечто важное для самого Эдрика.

Он выпрямил спину и прекратил чтение, когда понял, что обнаружил. Ритуалы несколько отличались от известных ему, текст, большей частью на

одном из диалектов Искаженного, не всегда был понятен, но такие названия, как Игольчатый Мост, Кипящая Река и Слепая Гора, невозможно было спутать с чем-то еще.

С этого момента дело переставало быть его личной проблемой. Следовало известить Школу о своей находке.

Эдрик ушел из библиотеки в середине дня. В книжной лавке купил несколько старых книг – первое, что попало на глаза.

Около часа посвятил медитации – копил энергию перед тем, как послать Зов.

Когда короткое послание было отправлено, он понял, что в ближайшие часы не сможет заснуть. Зов отнял слишком много сил, нервное напряжение, овладевшее им, все еще было слишком велико. Следовало расслабиться, и Эдрик решил совместить приятное с полезным – спустился в общий зал, чтобы что-нибудь выпить.

– Господин Мардельт!.. – затараторил трактирщик прежде, чем Эдрик успел сделать заказ. – Вас тут разыскивал один человек...

– Какой еще человек?

– Да вот он сидит!.. – Трактирщик махнул рукой вглубь зала.

Эдрик перевел взгляд в указанном направлении и за дальним столиком, у стены, заметил сутулую фигуру в длинном плаще. Лицо скрыто капюшоном. «Неужели так скоро? – удивился Эдрик. – Нет. Не может быть. Это не Школа. Тут что-то другое...»

– Будете что-нибудь заказывать? – спросил трактирщик.

Эдрик покачал головой.

– Может быть, позже...

Он чувствовал, что человек, сидящий за дальним столиком, внимательно наблюдает за ним. Ощущал его взгляд почти физически. «Что же ему надо?..»

Он пересек зал и занял место за столом напротив незнакомца. Но тот, похоже, не собирался начинать разговор первым – все так же сидел, повернув капюшон в сторону Эдрика (лица по-прежнему не видно) и молчал.

– Ты меня искал? – спросил Эдрик.

– Да.

«Содержательный ответ», – мысленно усмехнулся Мардельт.

– Кто ты такой?

– Меня зовут Аайглато, – представился незнакомец. У него был глубокий, грудной голос. Казалось, что слова, которые он произносил, начинали зарождаться еще где-то на уровне живота.

– И где только дают такие имена... – хмыкнул Эдрик.

– В Нижних Мирах, конечно, – ответил пришелец без всякого намека на улыбку. Поднял капюшон – ровно настолько, чтобы Эдрик мог разглядеть его лицо.

Это был не человек. Миндалевидные лиловые глаза, расщепленные надвое черной молнией зрачков. Вытянутые вперед нос и челюсти, делающие их обладателя более похожим на животное, чем на человека. Странные красноватые пористые образования на этой вытянутой части... лица?.. морды?.. перемежаемые с влажными черными участками. На лбу и щеках – грубая, как будто спекшаяся кожа. Прижатые к черепу уши, выглядящие как бесформенные уродливые наросты.

– Да ты просто красавчик, – сказал Эдрик, разглядывая демона. – Что надо?

Капюшон вернулся на место.

– Меня прислал Фремберг Либбергхам.

– А-аа... Теперь начинаю понимать. Ты – тот тайвэ, который ему служит?

– Да.

– Долго же ты меня искал.

– Долго? – переспросил демон. – Что для тебя означает «долго»? Я покинул Обсидиановую Башню вчера ночью. В Рендекс прибыл два с четвертью часа назад. Уже час и три четверти часа жду тебя в этом зале. Я опоздал?

– Нет, – скрупулезная точность демона развеселила Эдрика. – Не думал, что демоны измеряют время человеческими часами.

– Я ознакомлен с вашими понятиями, языком и мерами измерений, – сообщил Аайглато.

– Это хорошо. Сколько времени ты тут еще сможешь пробыть?

– Столько, сколько тебе нужно.

– Я имею в виду – на поверхности земли.

– Время не ограничено.

– Вот как? – хмыкнул Эдрик. – Любопытно. А я вот слышал, что демонам проблематично надолго задерживаться в мире людей.

– Не всем, – не меняя тона, ответил Аайглато.

– У прочих тайвэ такие же способности?

– Нет. Только у меня.

– Почему?

– Фремберг усовершенствовал меня.

– ...и он же познакомил тебя с нашими понятиями, языком и мерами

измерений? Верно?

– Верно. Он дополнил меня. Научил мыслить как вы. Иначе мне было бы сложно с вами общаться.

Эдрик вздохнул.

– Ну что ж. Давай обсудим все по порядку. Расскажи мне о Ёнко Нарверише и Маскрибе Рапхабельте.

– Что именно ты хочешь знать?

– Я думаю, ты понимаешь – что. Если ты и вправду умеешь думать, как человек. Так что давай-ка ближе к делу.

Рассказ тайвэ являлся лишь более подробной версией того, что Эдрик уже слышал от Фремберга. Три месяца назад Ёнко во главе маленького каравана прибыл в Башню с очередной партией книг. Он собирал их у переписчиков, архивариусов и букинистов на территории всего Речного Королевства. Едва ли не в каждом крупном городе у Фремберга был свой человек. Обычно к самим книгам переписчики прилагали списки, в которых указывались и отправляемые книги, и те, которыми они только собирались заняться. В большинстве случаев Фремберг оставлял эти послания без ответа (если, конечно, не считать ответом кошельки с золотом, доставкой коих до книгочеев также занимался Нарвериш), но иногда все же Пепельный Маг указывал, что из предлагаемой литературы его интересует в первую очередь, что – во вторую, а что не интересует вовсе. Некоторые, желавшие отличиться, расхваливали свой «товар» не хуже торгашей на рынке. С многозначительным видом они намекали на несметные сокровища, хранящиеся в той или иной частной библиотеке. Здесь – последний экземпляр давным-давно исчезнувшей книги заклятий, там – таинственные таблички с письменами, вытасченные из могилы безымянного древнего властителя, где-то еще – редчайшие свитки, чудом уцелевшие после пожара, уничтожившего Билкайрийскую Академию Высоких Искусств, древний центр ереси и чернокнижия... Требовались только средства, чтобы выкупить все эти несметные сокровища. Фремберг относился к таким сообщениям с изрядной долей скепсиса. Самых неумных дураков он увольнял, тех, кто пытался его обворовать – наказывал.

Маскриб никогда не числился среди тех, кто всеми правдами и неправдами пытался выколотить из Пепельного Мага побольше денег. Вот уже несколько лет он честно выполнял свою работу. Именно поэтому на его сообщение о том, что найдено нечто уникальное, Фремберг обратил внимание. Нарвериш отправился в обратный путь на восток, и первым городом на его пути был Рендекс. В своем письме Маскриб не сообщал

никаких подробностей – очевидно, на момент отправки послания он еще толком не успел разобраться в том, что именно попало к нему в руки. По прибытии в Рендекс Нарвериш должен был отправить в Башню более подробный отчет. Они прибыли в город вечером, перед самым закрытием ворот, в гости к книгочею Нарвериш отправился ранним утром. Аайглато остался в гостинице. Нарвериш вернулся, запечатал письмо и отправил тайвэ с этим посланием в Обсидиановую Башню. Прошло более суток, прежде чем Аайглато сумел достигнуть цели – в Нижнем Мире, через который он шел, бушевала гроза. Вскрыв письмо, Фремберг нашел только чистый лист...

– По пути ты никуда не сворачивал? – как бы невзначай обронил Эдрик. Аайглато несколько секунд молчал, а затем произнес:

– Ты зря подозреваешь меня, человек.

– Насколько мне известно, демоны – особенно такие умные, как ты – не считают ложь чем-то предосудительным.

– Поверь мне, люди еще более лживы, чем мы.

– Может быть. Но забавно наблюдать, как ты играешь словами. Не отвечаешь на вопрос прямо, а вместо этого уводишь разговор в сторону, силясь создать о своих действиях то впечатление, которое считаешь подходящим.

– По пути я никуда не сворачивал и никому послания не отдавал. Не совершал подмен и не пытался вызнать, о чем пишет Нарвериш. Я мог бы перечислить еще десятки «не», но может быть, тебя удовлетворит и сказанное? Я бы не стал лгать Фрембергу хотя бы из-за того, что знаю, кто он такой.

– И кто же? – Насмешливо полубопытствовал Эдрик.

– Бессмертный. Великий чародей. Полубог. Не все обитатели Нижних Миров злы и коварны. Некогда он оказал нашему народу великую помощь. За это мы служим ему – без принуждения, сменяя друг друга каждые десять лет. Был долгий перерыв, но пять лет назад он призвал нового тайвэ – меня – к себе на службу. Он наделил меня талантами и способностями, которые я никогда бы не приобрел сам. До сих пор я получал от него лишь благо, и я знаю, что он – добрый господин. Я не раб ему, хотя обычно колдуны и предпочитают, для надежности, накладывать на вызванных магические узы. Но хотя он – добрый господин, я хорошо могу представить то, что ждет меня в случае предательства. Что я получу, предав? Мучительную смерть. Что я имею, оставаясь верен? Свободу и силу. Поэтому...

– Ну-ну-ну!.. Хватит, – Эдрик устало махнул рукой. – Право, не стоит

так распинаться. Проверить лжешь ты или нет, в данный момент все равно невозможно. Поэтому продолжай, мне очень любопытно. Что, говоришь, случилось у вас дальше?

Некоторое время демон молчал.

– Теперь я понимаю, что имел в виду мой господин, характеризуя тебя как человека, способного взбесить и святого, – наконец произнес он.

– Вот как? Я польщен. А что он еще обо мне говорил?

– Что ты, вероятнее всего, и не человек вовсе, хотя очень ловко себя за него выдаешь.

Эдрик рассмеялся.

– Боюсь, твой господин тяжело болен. Параноидальный страх, маниакальная подозрительность – самые частые спутники магов... особенно таких великих.

– Мне кажется, – заметил Аайглато. – Наш разговор перестал быть содержательным.

– Верно. Вернемся к твоей истории. Ты видел, как Нарвериш пишет письмо?

– Нет. Я находился в другой части комнаты. Нарвериш стоял ко мне спиной. Я видел, как он окунает перо в чернила. Но не видел, как пишет. Он сделал все очень быстро. Я полагал, потому, что само послание – короткое. Может быть, одна строчка или две. Но я бы отнес и пустой лист. Может быть, это какой-то особый сигнал, о котором мне не положено знать?

– Так тебе было известно, что там пустышка? Или нет?

– Нет. Я не знал.

– А Нарвериш... каким он тебе показался? Может быть, он был взволнован? Нервничал? Вел себя необычно?

Тайвэ надолго замолчал, а когда заговорил вновь, интонации его голоса – впервые за время беседы – изменились. Появилась неуверенность...

– Да, он... не был обычным. От него шел... странный запах.

– Запах? Давай-ка поподробнее.

– Я... – Тайвэ запнулся. – Я не знаю, как передать свои ощущения на вашем языке.

– Насколько я понял, «запахом» вы называете выделения, остающиеся в эфире после того как энергия, воспринятая душой, исходит «на выдохе» обратно в окружающее пространство.

– Да. Это можно сравнить с дыханием. Каждая сущность оставляет свой особый запах, след своего дыхания.

– И запах Ёнко изменился? Что это значит?

– Запах души постоянно меняется. Любое чувство насыщает выделяемую энергию своим ароматом.

– И какие эмоции испытывал Ёнко?

– Странные. Комбинации запахов. Радость и страх – сразу. Удовольствие и боль – сразу...

– Удовольствие от боли? Он что, был извращенцем?

– До того утра я этого за ним не замечал.

– Хм... Я слышал, что запахи людей и демонов кардинально различаются. Это так?

– Да, это так. Каждый род живых существ по-своему перерабатывает энергию. Потому имеет свой, особый вид запаха.

– В то утро... или еще ночью... ты не заходил к Маскрибу?

– Нет.

– Странно. Городской маг, конечно, не такой хороший нюхач, как ты, но даже он – с помощью своих амулетов – смог установить, что в гостинице побывал демон.

– Не в гостинице, – поправил Эдрика тайвэ. – В комнате Маскриба.

– Откуда ты знаешь?

– Я осматривал это место уже после того, как пропал Нарвериш.

– И?

– Что – «и»?

– Ты узнал его? Демона, который тут был?

– Нет. Надеюсь, ты не считаешь, что все демоны знакомы друг с другом?

– Но хоть что-то ты можешь о нем сказать? Ты ведь ощутил его запах? Аайглато задумался.

– Очень слабый, – произнес тайвэ. – И след от него слабый. Не думаю, что такой мог представлять опасность. Силы в нем почти что и не было.

– Ты судишь об этом только по слабости следа?

Капюшон согласно качнулся.

– Значит, в принципе, можно допустить, что это был очень могущественный демон – настолько могущественный, что сумел замаскировать свой след?

– Не думаю, что это возможно, – усомнился тайвэ. – Чем больше могущества – тем больше потоков задействовано. Нельзя... по крайней мере – я не представляю, как можно очистить потоки от своего следа. Всякое действие лишь усилит твой запах. Можно только не проявлять себя, ничего не делать. Но тогда ты не сможешь и скрыть того, кто ты.

– Что-то больно мудрено, – усмехнулся Эдрик. – Наверняка есть какой-

нибудь способ. Ладно... Ты не можешь определить... смерть Маскриба была вызвана тем «слабеньким демоном» или нет?

– Нет. Собери он столько энергии, чтобы превратить человека в кровавую пыль, его след был бы гораздо сильнее. Несравнимо сильнее.

– Ну хорошо... А когда Нарвериш вернулся и дал тебе пустышку вместо письма – от него этим демоном не пахло?

– Нет, – уверенно сказал Айглато. – Фремберг тоже подозревал одержимость. Но я этого не заметил. Его сущность по-прежнему принимала и отдавала энергию так, как свойственно людям. Замены не произошло.

– Ты в этом уверен?

– Да. Он пребывал в странном состоянии. Но он оставался человеком... по крайней мере, на тот момент.

– Что значит «на тот момент»? – заинтересовался Эдрик.

– Получив пустое письмо, Фремберг немедленно отправил меня обратно, в Рендекс. Решил, что Нарвериш ошибся, перепутал один лист с другим. Но когда я вернулся, Ёнко здесь уже не было. Люди, которые находились с ним...

– Какие еще люди?

– Слуги и телохранители. Не мог же он один следить за всем караваном.

– Где они теперь?

– По большей части, пристроены к другим поставщикам. Ты хочешь поговорить с ними? Они все равно ничего не знают. По их словам, Ёнко забрал лошадь и уехал сразу после того, как ушел я. Своих действий он не объяснил.

– Очень интересно. Полагаю, ты попытался его найти?

– Да. – Айглато опять ненадолго замолчал. – Он выехал из города и отправился на юг. След был ясным и четким, но я стал замечать, что чем дальше, тем сильнее меняется запах Ёнко.

– Опять странные эмоции?

– Не только. На этот раз менялись и сами способы взаимодействий. Он начал по-другому забирать силу из мира и по-другому ее отдавать. Он как будто перестраивал себя.

– Превращался в демона?

– Не знаю. Не могу сказать. Но его сущность становилась все более подвижной и гибкой. Это более свойственно демонам, чем людям.

– Значит, превращался... а запах, случаем, не становился похож на тот, который ты ощутил в комнате Маскриба?

Тайвэ задумался. Капюшон снова качнулся – на этот раз отрицательно.

– Нет. Совсем другой обмен.

– Скажи, а есть существа... демоны... которые способны использовать разные способы обмена? В зависимости от ситуации и личных нужд?

– Да. Но это очень высокоразвитые демоны.

– Может, именно с таким мы и имеем дело?.. Ладно, можешь не отвечать. Я и так знаю, что ты не знаешь. Это просто мысли вслух. Чем кончилось твое преследование?

– Ничем. Нарвериш предвидел, что я буду его искать. Сам он все это придумал или им кто-то управлял, мне неизвестно, но он сумел сбить меня со следа. Его колдовские способности необычайно возросли за эти два дня.

– Что он сделал?

– Создал заклятье... тошнотворный запах, едва не сведший меня с ума. Я... мне было очень плохо... Я почти ничего не помню. Вероятно, в какой-то момент я ушел домой. На Остров Цветущих Песков. Это меня и спасло. Там я исцелился. Когда токи моего мира очистили меня, я отправился к Фрембергу. Оказалось, что я отсутствовал две недели. Тогда Фремберг сам попытался найти Нарвериша, но не сумел.

– Обсидиановый шарик у Нарвериша был?

– Он выкинул шар сразу на выезде из города.

– Хорошо. Что дальше?

– Пока Фремберг занимался поисками, я получил задание навестить Маскриба. Тогда ни мне, ни моему господину еще не было известно, что он мертв. Но странное поведение Ёнко началось сразу после визита к нему, и нужно было выяснить, что произошло и о чем они говорили. Оказалось – ни о чем. Они не встречались. Маскриб погиб до появления Ёнко, еще ночью.

«Начинаю понимать, почему расследовать это дело Фремберг отправил именно меня, – думал Эдрик, в пол-уха слушая Аайглато, подходившего к финалу своего повествования. – Понимаю, почему он не отправил за книгой еще одного переписчика... Он не знал, с чем имеет дело. Требовался не только книгочей, но и боец – сочетание, которое встретишь нечасто. Вдобавок это должен быть человек, которым, в случае чего, не жаль пожертвовать... Если вдруг со мной произойдет то, что случилось с Маскрибом... или с Нарверишем».

– ...после того, как я рассказал о Маскрибе, Фремберг наложил заклятье, сделавшее меня невосприимчивым к отраве Нарвериша. Я снова начал преследование. К сожалению, прошло слишком много времени. Он накопил энергию и ушел в какой-то другой мир. По путям, которые мне

неизвестны.

– Преследование? Он что, тебя ждал?

– Нет. Я неверно выразился. Я взял остывший след, но шел по нему недолго. Нарвериш остановился вскоре после того, как создал заклятье с тошнотворным запахом. Ему просто нужно было время. Около недели, я полагаю. Переход он осуществил еще тогда, когда я вымывал из себя отраву на Острове Цветущих Песков.

– Ты не пытался найти его в Нижних Мирах?

– Пытался. Но проще найти песчинку в Хэплитской пустыне.

– А чем ты занимался в последнее время?

– Этим и занимался. Все время. Пока Фремберг вновь не призвал меня и не отправил к тебе.

– Понятно. – Сказал Эдрик. – Я тут уже не первый день роюсь в княжеской библиотеке. Кое-что откопал. Не уверен, что это именно то, что нужно твоему хозяину, но об этом пусть он судит сам. Завтра вечером передам тебе книги. Идет?

– Если ты еще не нашел, не нужно спешить. Я подожду...

– А если нашел? Я не собираюсь сидеть тут годами, выискивая для твоего господина неизвестно что. Отнесешь ему книги, которые я тебе дам. Завтра. Ты понял?

– Да. Как прикажешь.

– Тебе есть, где заночевать?

– Я не нуждаюсь во сне. Могу подождать здесь.

– Посетителей и так почти нет. Через пару часов трактирщик тебя выгонит и отправится спать. А может, и раньше. Ты ведь ничего не заказывал.

– Я могу уйти в Нижние Миры.

– Отлично. Там и оставайся до завтрашнего вечера.

Капюшон согласно качнулся.

* * *

Купленные в лавке книги Эдрик оставил в княжеском книгохранилище, а вместо них – положил в сумку те, с которыми когда-то работал Маскриб. Три изученные и переведенные полностью, книгу на непонятном языке и ту, в которой содержалось упоминание о Слепой Горе. Последнюю он отдавать не собирался.

Всучить Аайглато хоть что-то и заставить его убраться из города Эдрику нужно было для того, чтобы без лишних свидетелей встретиться с посланцем Школы. Точного часа прибытия Эдрик не знал, но полагал, что

посланец прибудет в ближайший день-два. Хорошо, если Аайглато задержится в Обсидиановой Башне подольше... Он мог перемещаться очень быстро, но пока еще Фремберг разберется с тем, что именно принес тайвэ...

Эдрик вернулся в гостиницу ранним вечером. Завернул книги в какую-то ветошь и даже успел поужинать прежде, чем объявился демон. Вторая встреча получилась совсем короткой. Когда Аайглато ушел, Эдрик заперся в своей комнате и – уже более внимательно – принялся изучать текст единственной по-настоящему важной рукописи, неизвестно каким образом оказавшейся в княжеской библиотеке Рендекса.

Чтение он закончил в середине ночи.

Совпадений с тем, что практиковала Школа Железного Листа, оказалось гораздо меньше, чем он предполагал поначалу.

Только правила подсчета дней, в которые ритуал надлежало совершать и наименование места, куда отправлялся совершающий.

Частично – не совсем – совпадало и открывающее путь заклятье. Впрочем, расхождения тут были неизбежны, учитывая, что и написано заклятье было не на классическом Искаженном, а на одном из его диалектов. Но рисунок ритуального круга, схема накопления энергии – все очень похоже.

Куда больше его удивили цели и действия, необходимые для их осуществления. Пробежаться по Игольчатому Мосту до конца? Сменить естество человека на естество демона? Или наоборот – если пробежку совершит демон? Эдрик перечел страницы, где говорилось об этом, несколько раз. Все это выглядело полной ахинеей. «Все равно, как если бы собака хотела превратиться в кошку, – подумал он. – Даже если это возможно – зачем?..»

Школа Железного Листа ставила при переходе на Слепую Гору совсем другие цели... и неудивительно, что и ее методы были совершенно иными.

Но более всего его привлекла та часть книги, где рассказывалось о вызове демона, могущего стать проводником по Мосту. Когда он закончил чтение, ему захотелось начать его снова... нет, не просто перечитать – выполнить то, о чем там говорилось. Провести ритуал и вызвать это существо.

Странное желание. Он ведь никуда не собирался перемещаться. Или... собирался? Эдрик уже не был в этом так уверен. Он попытался вспомнить, куда хотел отправиться. На Слепую Гору?.. Но для чего?.. Впрочем, это не так важно. Важно вызвать демона. Проводника. Вот это действительно важно. Он должен это сделать немедленно.

Он начал было вставать, чтобы приступить к процедуре, когда вдруг *понял*, что происходит. Понимание возникло не в разуме – его мысли в этот момент, в некотором роде, ему не принадлежали – а вне, на каком-то более глубоком уровне его «я». Как только пришло понимание, он начал действовать. Захлопнул книгу. Нырнул еще глубже, отстраняясь от желаний, мыслей, от того образа себя, каковой он ежедневно демонстрировал окружающим. Найдя себя-настоящего, Эдрик победил то, что едва не овладело его волей. В этот момент он мог бы вовсе отбросить человеческую форму, как делал уже не раз, и принять свой подлинный облик, но он не стал. Чтобы одолеть этого противника, достаточно было и духовного перевоплощения. Хотя бы совсем короткого – только чтобы привести себя в чувство. Затем Эдрик перешел обратно. Выстроил человеческую психику заново, вновь начал чувствовать, мыслить, желать. Теперь это было безопасно. Пребывание в *настоящем* «я» уничтожило заклятье без следа.

Эдрик с любопытством посмотрел на закрытую книгу. Надо же – с виду такая безобидная вещица – а едва не достала его.

Теперь – когда разум вернулся на место – он мог попытаться осмыслить то, что произошло.

Книга-ловушка. Помимо записи заклятий, не имеющих никакой силы до тех пор, пока их не приведут в действие, книга содержала некое вторичное заклинание, как бы «вшитое» в сам текст. Эдрик слышал о таком и раньше, но видел впервые. Тот, кто это сделал, хорошо понимал, как устроена человеческая психика. Прочитываемый текст оставался просто текстом... за исключением нескольких символов Искаженного, расположенных в особой последовательности. Эта последовательность складывалась в простейшее мини-заклятье, отдававшее команду на бессознательном уровне. Человек, не понимая, что происходит, продолжал читать, а команда уже приводила в движение структуры его собственной психики – по-прежнему вне сознания. Читатель начинал желать то, чего хотел добиться автор «вторичного текста», и несчастная жертва даже не понимала, что с ней происходит. Желания, вызванные командой, проскользнувшей мимо фильтров разума, она воспринимала как свои собственные... более того, в каком-то смысле они и были – вернее, становились – ее собственными.

«Маскриб попался на это, – с грустью подумал Эдрик. – Вот что произошло. Пока он переписывал книгу и переводил, заклятье – чья-то дурная шутка – полностью овладело им. Он совершил ритуал и вызвал демона... А демон разорвал его на части. Чтобы не говорил на этот счет

Аайглато. Не понимаю только, для чего все это понадобилось автору книги... какой-то извращенный способ убийства».

Можно было бы отдать книгу Фрембергу и сообщить о том, что свои обязательства Эдрик выполнил и дело, в сущности, раскрыто... но сначала он хотел показать рукопись эмиссару Школы. Тут не нашлось никакой по-настоящему важной информации за исключением упоминания о Слепой Горе, да и эти сведения были преподнесены в перемешку с весьма странными рекомендациями и заклятьями, работающими прежде всего против самого заклинателя.

Затем Эдрик подумал, что все-таки можно было бы вызвать демона. Посмотреть, на что тот похож. Способен разорвать человека на части или нет? А если нет – если Аайглато прав – то, может быть, хоть у вызванной твари найдется объяснение того, что случилось с Маскрибом?

Страха Эдрик не испытывал. Не потому, что заклятье снова овладело им – он знал, что ему нечего бояться, и это знание не было иллюзией.

Он был способен побеждать не только симпатичных девиц, заскучавших в княжеском дворце.

К примеру, ужасающий Страж, охранявший Обсидиановую Башню, был совсем не похож на такую девицу.

И вряд ли демон, вызываемый с помощью книги, окажется сильнее Стража.

Чтобы второе, «вшитое» в основной текст, заклятье не отвлекало внимание, Эдрик раскрыл книгу посередине и наугад затер несколько значков, складывавшихся в скрытую команду. Он старался не думать о том, как команда выглядит в целом виде. Воображение могло запустить ее в действие не хуже, чем чтение, а второй раз отстраняться и очищать себя ему совсем не хотелось.

Ножом кое-как накарябал на деревянном полу круг, выцарапал нужные символы.

«Интересно все-таки, – подумал он, – кому все это понадобилось?.. Просто дурная шутка?.. Или нечто большее?.. А может быть, – как озарение, посетила его внезапная идея, – сам демон эту книгу и написал? Почему бы и нет?.. Книга-о-Том-Как-Меня-Вызвать. Автоматическая доставка демона к его ужину. О последствиях, конечно, ничего не сообщается... а то, что сообщается – сплошное вранье. Любопытно, что он предпримет, когда поймет, что на этот раз все не так, как прежде?.. Надо постараться не убить его ненароком. И не сильно покалечить. Только допросить. А дальше – пусть Фремберг им занимается».

Эдрик начал произносить заклятье вызова. В левой руке он держал

книгу, правой жестикулировал в соответствии с инструкциями. Он ощущал, как выстраивается энергетическая структура, способная, после своего завершения, изменить часть окружающей реальности.

Он не был хорошим магом, но его таланта и знаний хватило на то, чтобы создать паутину и привести ее в действие.

Затем – по тому, как стали смещаться линии – он начал понимать, что *это не заклятье вызова.*

Совсем нет.

Линии укорачивались, в них нагнеталось давление, цветовая гамма стремительно смещалась в область «низких» энергий.

Эдрик выпрыгнул из круга за миг до того, как меняющаяся структура приняла свой окончательный вид. Он не успел понять, что сейчас произойдет – сообразил только, что ловушки проклятой книги одним безобидным внушением не исчерпывались...

Он должен был достичь двери за один прыжок – но опуститься на пол так и не успел. Успел преодолеть половину расстояния, разворачиваясь в воздухе и прижимая книгу к груди...

Беззвучный взрыв, грянувший за его спиной, второй раз превратил обстановку в комнате Маскриба Рапхабельта в груды мусора.

Но этого Эдрик уже не видел.

С добавленным ускорением его тело, уже в бессознательном состоянии, вышибло дверь и, вместе с нею вылетев в коридор, врезалось в противоположную стенку.

* * *

Когда Эдрик очнулся, его тошнило, а комната раскачивалась, как лодка во время шторма. Вдобавок это была чужая комната.

Он лежал на животе – спина и ляжки горели огнем. Если не считать бинтов и повязок, он был совсем голым. Едва не теряя сознание, сумел кое-как поднять голову.

Почти такое же помещение, как и то, что он занимал. Шкаф, стол, стулья...

За столом сидел человек.

Услышав, как зашевелился Эдрик, человек повернул голову к кровати.

На вид незнакомцу было лет сорок. Волосы – когда-то темно-каштановые, а сейчас – выгоревшие на солнце и вдобавок обильно приправленные проседью. Прямой нос, сжатые в жесткую складку губы. Уверенные движения воина. Но взгляд – совсем не бойцовский: слегка рассеянный, задумчивый. Что-то не так с этим взглядом. Кажется, что

человек, который так смотрит, или безумен, или тяжело болен.

– Успокойтесь, – сказал незнакомец. – Отдохните. Нам обоим будет лучше, если вы еще немного поспите.

– Это еще почему? – Приложив титанические усилия, Эдрик сумел привстать на локте.

Новый приступ головокружения. На этот раз он справился с ним быстрее, чем с предыдущим.

– А ты крепче, чем кажешься, – взгляд незнакомца перестал быть рассеянным. – Совсем недавно я гадал – выживешь ты или нет? У тебя в спине и, пардон, в заднице было столько осколков, что, если их склеить, можно было б собрать табуретку... а может, и целый письменный стол.

– Пусть моя задница вас не волнует, – буркнул Эдрик. – Кто вы... кто *ты* такой?

– Случайный прохожий, – с усмешкой ответил незнакомец. – На твое счастье. Пока эти идиоты догадались бы позвать врача, ты бы давным-давно истек кровью.

– Так это ты меня перевязал?

– Да... Эй! Тебе этого лучше не делать!

Но Эдрик не стал слушать добрых советов. Шипя от боли, он сел на кровати. Поставил ноги на пол. Он чувствовал, как повязки набухают кровью – но это неважно. Он мог решить проблемы с поврежденным телом за несколько секунд. Сознание достаточно прояснилось, чтобы он мог *перейти*.

В истинном облике проблем у него не будет. Никаких.

Он медлил, потому что, с одной стороны – оценивал свое инкогнито выше чужой жизни, а с другой – не хотел убивать незнакомца. Тот все-таки его перевязал.

А потом Эдрик заметил, что на столе перед незнакомцем лежит книга. Та самая.

В раскрытом виде.

Глава десятая

Третий, самый последний сон, приснился мне уже в самом Рендексе, когда до летнего солнцестояния оставался всего один месяц.

На этот раз не было ужаса перед надвигающимся небытием, я оставался собой; впрочем, в какой мере это действительно был я – тот еще вопрос. Я осознавал себя, понимал, что вижу сон, но ничего не хотел и не желал. Моя воля как будто бы перестала существовать; все прочее – осталось. Я стал бездушной куклой, големом, которого неведомая сила привела в действие, заставила повернуть голову и посмотреть в определенном направлении.

Возникло ощущение движения – я будто бы опять падал во тьму вместе с духом Ламисеры. Потом направления сместились: провал стал надвигающимся горизонтом, падение – полетом по заданному пути. В пустоте, сквозь которую я плыл, образовалось отверстие – без определенных размеров, без краев, просто отверстие в пустоте – и все. В появившейся дыре посреди ничего я увидел большие золотые часы. Часы располагались то ли на башне, то ли на скале...

Красивые, округлые, со множеством декоративных деталей, они были расколоты неровной черной трещиной, делившей циферблат на две части. Вместо цифр – надписи. Очевидно, половинки, когда-то составлявшие одно целое, теперь располагались под углом друг к другу: я решил так потому, что освещение, падавшее на них, было разным. Правую часть свет окрашивал в кровавые тона, левая часть оставалась жемчужно-белой.

С двух сторон, изгибаясь по периметру циферблата, находились фигуры двух демонов. Правый висел вверх ногами. Поначалу я принял их за элементы декора, но потом увидел, как шевелятся их губы, и понял, что демоны самые настоящие. Я стал прислушиваться, но так и не сумел узнать, о чем они беседовали. Меня они не заметили. Откуда-то пришло знание, что одного зовут Артаквэйс, а второго – Тэвкэ.

Я не успел подробно рассмотреть место, где находились часы, запомнил только мутные небеса, где набухающие багровые облака вот-вот, казалось, были готовы пролиться кровавым дождем. Думается все-таки, что часы находились на вершине скалы, а не башни, хотя и неясно, для чего их там разместили.

Затем что-то сдавило грудь, картина смазалась и я обнаружил, что сижу на кровати в комнате, снятой вчера вечером. Я тяжело дышал, простыни

были мокрые от пота. Что бы ни стояло за этим «видением», моему телу оно явно не понравилось. Я чувствовал себя так, как будто едва не умер. Впрочем, распад воли при сохранении разума не менее отвратителен, чем полное разложение того и другого.

Все эти «видения» начали мне уже порядком надоедать. Смысла в них не было ни на грош, но ощущения, сопровождавшие их, приводили меня в бешенство – уже после того, как все возвращалось на круги своя и момент «исчезновения» оказывался, к счастью, лишь иллюзией, кошмарным сном. Я никогда не примирюсь с тем, что исчезну, перестану быть не только *как вот это* тело или *вот эта* индивидуальность, но и как сокровенное «я», как сущность, наделенная свободой и внутренней творческой силой. Эти же сны ставили под сомнение то, в чем я всегда был абсолютно уверен, атаковали подлинные, внутренние основания моей веры в себя.

Больше всего мне не нравилось, что эти сны могут отражать – пусть очень искаженно – какую-то подлинную реальность, какой-то настоящий дефект, затронувший не только Шэ, Келат и Тэннак, но и нечто еще более глубинное. Это очень странно, поскольку оценивая свои действия после Бэрверского холма, я не могу не признать, что как бы ни были они мерзки – я был целеустремлен, как никогда прежде. Моя воля не повреждена... или я не чувствую повреждения? Сны свидетельствовали о втором. Но если принять их свидетельство за правду – как я исцелюсь? Эти мысли сводили меня с ума, они не могли принести ничего, кроме отчаянья. Однако так уж я устроен, что собственное бессилие вызывает во мне только ярость. Между злостью и отчаяньем злость предпочтительнее.

Такова была первая реакция. Когда ярость отхлынула, я постарался осмыслить проблему более-менее спокойно.

Возможно, за странным состоянием, которое я испытывал уже в третий раз, действительно стоит какая-то самостоятельная сущность. Мы как бы «делим на двоих» одно и то же состояние. А возможно, что и нет. Это не так важно. Вопрос в том, как от этого избавиться. Возможно, связь между нами существовала и раньше – я уже упоминал о нитях, связующих человеческое естество с естеством богов, духов и демонов. Строго говоря, никакого собственно «человеческого» естества и нет вовсе, есть неделимое бытие, разбиваемое сознанием на иллюзорные, якобы самостоятельные части. Но эта связь между мной и Другим, если она действительно есть, не должна осуществляться так, как сейчас, когда мы проникаем друг в друга не на уровне «естеств», но и как самостоятельные, независимые персоны. При таком взаимодействии неизбежной станет борьба до полного разрушения или порабощения другого. Похоже, что предчувствие сего

финала и отражается в моих снах в виде сцен гибели, разложения, распада.

Знает ли существо в маске о нашей связи? Если и да, то не думаю, что связь доставляет ему столько же хлопот, как мне. Ему не о чем беспокоиться. Ведь он гораздо сильнее. Возможно, то, что для меня – ужас перед наступающим небытием, для него – удовольствие от предвкушения победы. Но тут я могу только предполагать, исходя из того небольшого, что мне о Другом известно. Он и раньше-то не был паинькой, а после того, как его сбросили с небес (вспомним мой первый сон), характер этой твари окончательно испортился. Не удивлюсь, если он окажется демоном, занимающим в иерархии Нижнего Мира не самое последнее место – вроде того же Аллешариха. Не исключено, что это может быть и бессмертный. То-то его так и не сумели убить.

Можно ли свести наш контакт на нет, на уровень тех глубинных связей, что существовали между нами раньше, когда мы взаимодействовали не вредя друг другу и даже не подозревая о существовании «соседа»?

Затем мне пришло в голову, что, возможно, не все так плохо. Вероятнее всего, повреждена не сама воля (иначе я давным-давно отказался бы от борьбы, просто сложил бы ручки и безвольно ждал, чем все это закончится), а один из ее передаточных механизмов, находящихся в Шэ. Во что превратились Шэ, Келат и Тэннак после стычки с Ночной Тенью, я уже неоднократно упоминал. Кое-что с тех пор я сумел выправить, но далеко не все. Возможно, причина лежит именно на этом уровне. Надо проверить.

Келат анализирует и обобщает, обнаруживает причинно-следственные связи, Шэ – чувствует, Тэннак же связи устанавливает. Заклинания в этом смысле являются инструментами, конструкциями, которые, будучи собранными Тэннаком, значительно увеличивают спектр его собственных возможностей.

Я начал делать набросок предстоящей работы. Перо, бумага и чернила тут бы совсем не помешали, но увы – я не располагал ни первым, ни вторым, ни третьим. Быстро достать все это посреди ночи вряд ли возможно, поэтому я не стал и пытаться. Обойдусь и так. Не в первый раз... Составив общий план, разобью заклинания по группам. Разработав и выстроив конструкции одной группы, перейду к следующей. Соединю две части. Перейду к третьей. И так далее. При необходимости – сделаю еще подробную разбивку. Медленно, зато верно.

После той ночи, когда я встретился с Лердвихом и помог родиться его Тэннаку, моя собственная магическая душа быстро пошла на поправку. На самом деле, как выяснилось, я паниковал зря: выпитый Дар Лакайры Рэйнфлик ничего не повредил. Причина дисбаланса и в самом деле

проистекала из-за смещения «нервных узлов» Тэннака и перераспределения его токов; но «скелет» Тэннака и без того был смещен в Бэрверском холме, естественный обмен – нарушен. Воспринятая от Лакайры сила не внесла еще больший хаос (как мне в какой-то момент показалось), напротив, она восстанавливала повреждения. Новое смещение узлов возвращало их на те места, где они должны были находиться. Но сам процесс не был мгновенным, он растянулся на некий период времени, когда я не мог пользоваться вообще никакой магией. В общем, я шел на поправку, и способности вернулись бы ко мне в любом случае. Ритуал, проведенный вместе с Лердвихом, только подстегнул восстановление.

Конечно, восстановилось не все, а только то, что вообще могло быть исцелено. К тому уровню, на котором находились мои способности до встречи с Ночной Тенью, они теперь вряд ли когда-нибудь вернуться – сколько бы Одаренных баронесс я не выпил. Полное восстановление – вернее, не восстановление, а преобразование – произойдет, когда, преодолев Игольчатый Мост, я войду в недра Слепой Горы. Но все же, благодаря выпитому Дару Лакайры, мой текущий арсенал стал существенно шире...

Заклятья я составлял на том варианте Искаженного, которому меня когда-то научил вага. Это был один из древнейших диалектов колдовского языка – диалект, возникший еще до Стханата, до времени, когда посланные богами Избранники занялись повсеместным искоренением черной магии. Большинство других диалектов, разработанных в предстханатскую эпоху, до нас не дошли, но этот сохранился у обитателей Хэплитской пустыни. Более того, скайферы значительно расширили его и усовершенствовали. Во всяком случае, для их, скайферской магии, он теперь подходил идеально, а в моем распоряжении сейчас была только она.

Некоторые аспекты скайферской магии свидетельствуют о ее чрезвычайной близости к Древу Змеи: многие способы оперирования энергиями откровенно копируют те, коими пользуются оборотни, принадлежащие к этому Древу; в основе большинства скрэ лежат змеиные прообразы. При этом скайферы не являются перевертышами, они заимствуют свое колдовство не только от Змеиного Древа, но и от иных чудодейственных мест, расположенных в Нижних Мирах: от Источника Каменного Ветра, от Храма Песков и тому подобных средоточий Силы. Весь этот набор соединялся воедино посредством того самого диалекта Искаженного, о котором я говорил выше; собственно, весь смысл разработки диалекта и заключался в том, чтобы сбалансировать элементы скайферской магии между собой.

Хотя человеческие души и различны, они не разделены между собой и

могут, при необходимости, замещать друг друга. Особенно в этом смысле выделяется Тэннак, поскольку именно эта душа обеспечивает установление новых энергетических связей и ликвидацию прежних. Тэннак младших богов, бессмертных и тех, кто превосходит их, настолько развит и усложнен, что, по сути, вбирает в себя все более «низшие» души. Поэтому младший бог, воплощаясь, способен создать для своих нужд полноценный Холок или Шэ; развоплощаясь, он с той же легкостью избавляется от них – его Тэннак как бы вбирает в себя плотное тело. Многие демоны способны создавать для себя временные тела, однако не способны поддерживать их постоянно; равно как и человек, держащий на вытянутых руках тяжелый предмет, рано или поздно устанет, и вынужден будет опустить руки.

Я рассказываю об этом для того, чтобы объяснить, какое заклинание собирался составить и как оно должно было работать. Я предположил, что нарушен один из передаточных механизмов Шэ, но я не мог просто посмотреть на себя «со стороны» и увидеть повреждение. Если дефект и был, то находился он, конечно, не на поверхности жизненного тела, а на более глубоком уровне, в самой структуре Шэ. Конечно, я не демон и не бессмертный, и не могу перевести свою жизненную и телесную сущности целиком на магический план, но я могу максимально приблизить их к нему, по крайней мере – временно. В этом случае Шэ пройдет через ряд преобразований, и по дефектам, возникающим на каждой ступени изменений, можно будет косвенно оценить, какого рода повреждение присутствует... и есть ли оно вообще.

Преобразующие заклинания я свел наконец в систему, еще раз мысленным взором окинул план предстоящих действий и приступил к работе.

Почти сразу участилось сердцебиение, стало тяжело дышать, повысилась температура тела. Я внес в систему необходимые коррективы; перед глазами поплыло янтарное желе, сменившееся вскоре прозрачным голубым светом – когда пропал и он, я почувствовал себя значительно лучше.

Но это было только начало. На второй ступени пульсирующими толчками от позвоночника начала разливаться боль. Большую часть неприятных ощущений я сумел блокировать, но не все. С этим ничего нельзя было поделать, и я знал, что дальше будет только хуже. Помимо внутреннего повреждения структуры, которое я пытался обнаружить, Холок и Шэ были изрядно повреждены и с точки зрения их структурной организации. После Бэрверского холма я компенсировал эти дефекты установлением новых связей, служивших как бы «протезами» для

неработающих органов; но поскольку сам Тэннак был поврежден не меньше, ни о какой полноценной замене, конечно, речи идти не могло. Сейчас все полуживые ткани Холока и Шэ вновь дали о себе знать. Пока проходили преобразования, искусственные связки пришлось по большей части убрать; в своем «естественном» состоянии, без поддержки заклятий-«протезов», я чувствовал себя на редкость отвратно. По сути, я был уже наполовину покойником, и только волшебство, подпитываемое краденой силой, позволяло мне оставаться наполовину живым, как бы застыв на пути к смерти.

Я проводил неприятную, но необходимую работу. Сейчас Тэннак – по сравнению с первыми днями после Бэрверского холма – находился в куда лучшем состоянии, и я мог заменить часть искусственных связок, поддерживающих телесную и жизненную сущности, более качественными заклинаниями. Лучше бы, конечно, восстановить естественные связи Шэ и Холока, но сделать это я не был способен. Слишком уж сильной деформации они подверглись.

Я проходил ступень за ступенью, однако помех, из-за упомянутых нарушений структуры, было слишком много, и я так и не смог понять, какой именно узел жизненного тела сообщает мне то ощущение распада воли, которое я переживал в своих снах. Вероятнее всего, виноват даже не отдельный узел, а несколько, работающих неправильно: складываясь, их ошибки и вызывают переживание, от которого я хотел избавиться. Но поскольку повреждены были почти все, приходилось проверять вслепую. У меня было несколько идей, как и где провести перенастройку – на что я, собственно, и потратил следующие полтора часа, по ходу проводя обратные преобразования Шэ и Холока, и проверяя, как все работает. В целом, работа была выполнена просто великолепно, я уже почти закончил, когда...

Выплеск чужой силы ударил по комнате. Перед глазами все будто бы вспыхнуло белым пламенем. Перед тем, как приступить к работе, я снял магическую защиту – и волна, обрушившаяся на меня, погрузила Шэ и Тэннак в кипяток. Я скорчился на полу и несколько секунд был совершенно беспомощен; все мое естество разрывалось от боли. Потом боль стала тише... тише... я смог вздохнуть... открыть глаза... и убедиться, что это – не нападение.

Но во имя Горгелойговских выблядков, что же это такое?.. Какой подонок так со мной пошутил?

Нет, выяснять будем потом. Вставая, я восстановил защиту. Тэннак еще не оправился от магической волны – меня едва не вывернуло наизнанку,

когда я попытался задействовать свою магическую сущность, но неприятные ощущения – неприятными ощущениями, а безопасность – безопасностью. Кто знает, что это такое?.. Может, прямо сейчас это повторится?..

Не повторилось. Подождав некоторое время и немного придя в себя, я создал простое заклятье виденья. Огляделся. Никого. Никаких невидимых колдунов, демонов и подозрительных сгущений силы. Магическое пространство было на редкость спокойным... столь же спокойным и чистым, как остров после бури. Обычно этот уровень прямо-таки кишит мелкими паразитами, разного рода энергетическим мусором и всевозможными наистраннейшими объектами, описанию которых можно было бы посвятить многие часы и даже дни. Сейчас всего этого не было. Мусор был выметен волной, паразиты – попрятались по щелям.

Нередко можно услышать, что маги способны покидать свои тела (под «телом» подразумевается, конечно, самое плотное из них – Холок). Это неверно: с тем же успехом можно сказать, что и рука, вытягиваясь вверх, «покидает» ногу. В известном роде, различные начала относятся к целому человеку так же, как члены нашего тела – к самому телу. Они могут находиться дальше или ближе, действовать совместно или порознь, но о настоящем разделении можно говорить лишь тогда, когда одно из начал разрушается, отсекается от целого. Такова, например, плотская смерть, когда Холок разрушается от старости, от болезни или от нанесенных ему ран.

Состояние же, описываемое как «выход из тела», есть задействование той же самой способности Тэннака, каковую применяют и ясновидящие для того, чтобы видеть далекое или скрытое от прямого взора. Одни видят далекие картины и слышат незнакомые звуки, оставаясь на месте, другие, видя те же картины и слыша такие же звуки, мнят себя разлученными с телом. Но разлучается ли кисть руки с остальной плотью, когда мы вытягиваем руку для того, чтобы сорвать яблоко, висящее над нами? Холок – не более чем нога, остающаяся на земле; Тэннак – не более, чем рука, тянущаяся к яблоку. Если наше внимание сконцентрировано на яблоке и тянущейся к нему руке, может показаться, что ноги остались где-то далеко-далеко внизу. А чаще – мы и вовсе забываем о них.

В этом смысле и я ощутил себя «выходящим из тела» в тот момент, когда, вооружившись заклятьем виденья, осматривал ближайšie дома и переулки. Я был там и здесь – одновременно, на чем я сильнее концентрировал свое внимание, то и казалось мне более реальным, центральным. Я поднялся над этим районом и увидел нечто вроде пустого

круга – ту территорию, которую внезапный всплеск силы очистил от энергетического мусора. Чем дальше от центра, тем воздействие становилось слабее, волна быстро угасала. Затронут был сравнительно небольшой участок города: моя гостиница находилась всего лишь в двух кварталах от эпицентра. Если поблизости в момент всплеска находились еще какие-нибудь колдуны, всплеск они непременно должны были почувствовать, а те, которым не повезло оказаться без защиты, должны были пережить не менее «приятные» мгновения, чем я. Однако никого из своих коллег по ремеслу поблизости я не ощутил. Впрочем, выплеск энергии должны были ощутить и обычные люди, особенно те, что жили по соседству с домом, где все произошло.

В центре выжженного пространства находилось странное завихрение, на глазах теряющее форму и насыщенность. Похоже, в момент наибольшей активности именно оно и вызвало ту самую волну силы, которая прокатилась по ближайшим улочкам, выжигая все на своем пути. Пытаясь понять, что это за штука, я пришел к выводу, что передо мной, вероятнее всего, работающие Врата, только необычно устроенные. Чего хотел добиться тот, кто их ставил? Вызвать демона? Переместиться?

Интересно, достиг ли он своей цели? Сомневаюсь...

Вернулся в свою комнату. Собачий лай за окном уже притих. Я оделся, собрал вещи и спустился вниз.

Вышел на улицу. Так и есть: проснулся не я один. Люди выглядывали из окон, слышался скрип ставень и дверей, отовсюду доносились взволнованные голоса. Всех он сна лишил, этот безымянный колдователь. Я пошел быстрее.

Остановился перед домом, где все случилось. Это тоже была гостиница, только классом повыше, чем моя. Змеиное Виденье показало, что обитатели дома не спят, а перемещаются по зданию в сильнейшем беспокойстве.

Я постоял, понаблюдал, как схлопываются Врата. Когда они закрылись окончательно, меня окатило еще одним выплеском силы, но к этому я был готов и, как мог, защитился. Змеиное Зрение показало, что тот, кто наколдовал Врата, почему-то не умер, несмотря на то, как он их открывал – а открывал он их, замыкая заклинание не на местность, как полагается в теории, а на самого себя. Даже не на самого себя, а на себя как на местность. Делая свое тело Вратами. Но почему-то он все-таки при этом не был разорван. Сейчас, кажется, он находился в бессознательном состоянии, но точно определить, что с ним, было трудно – мешали толпившиеся вокруг люди.

Я не спешил входить в дом потому, что в последнее мгновение перед закрытием Врат успел разглядеть тварь, проскользнувшую между смыкающимися створками. На магическом плане реальности существо казалось похожим на сгусток черного дыма. Демон не мог покинуть места вызова, ограниченный, по всей вероятности, колдовским рисунком, или каким-то условием вызова – и поэтому пытался вселиться во всякого, кто подходил достаточно близко. Пытался – и отступал. Люди не видели его, не воспринимали – а без этого захватить их души он почему-то не мог. Настолько слаб? Но к чему тогда с такой алчностью смотреть в мою, простите, сторону? Он ведь не мог не понимать, что если кто-то из нас двоих в результате поединка окажется съеденным, то это уж наверняка буду не я. И тем не менее...

Я постучался в закрытые двери, а когда мне не открыли – постучался так, что чуть не отбил кулак. Из плаксивых восклицаний впустившего меня толстяка, выяснилось, что хозяин гостиницы ждал соседей. Внутри горели свечи, были слышны взволнованные голоса, молитвы и проклятья. Поднявшись на второй этаж, я увидел выломанную дверь и лежащего на ней человека. Под ним натекла целая лужа крови, а обилие впившихся в спину щепок делало его похожим то ли на ежа, то ли на дикобраза.

На следующем шаге я споткнулся. Демон, обрадованный тем, что я наконец-таки оказался в пределах его досягаемости, попытался занять мое тело.

Я предполагал, что он так поступит, но совершенно не опасался нападения. Соотношение наших с ним сил было приблизительно такое же, как у рыцаря в полном доспехе и хорька, собирающегося его «атаковать». Этот демоненок мог бы очень долго грызть мою защиту, в то время, как мне хватило бы и одного движения, чтобы раздавить его. Он даже и обычным человеком овладеть был не в состоянии. Подобных мелких тварей в магическом пространстве обитает великое множество, но обычно им хватает ума не нападать на тех, кто сильнее...

Так я воспринимал ситуацию изначально. Я ошибался. Я недооценил эту тварь. «Хорек» сумел миновать мою защиту – так, как будто ее и не было вовсе. Наблюдая за моим приближением, он имел полное право облизываться. Потому что он тоже умел Играть.

Демон поймал меня так же, как я ловил людей, с которыми встречался на своем пути. Человек открыт для Игры, когда маска, которую он носит, становится им самим, когда роль, которую он играет в этой жизни, увлекает и растворяет в себе «я», даруя вместо свободы безопасность и уверенность в том, что все идет так, как надо. В каждом из нас есть что-то

от машины, в потоке существования мы влечемся по проторенному пути, полагая, что это и есть жизнь. Я думал, что Игра – это мое собственное открытие, уникальная способность, за которую я заплатил дорогую цену; но оказалось, что это не так. Я жил, как чародей, и действовал, как чародей, я так свыкся со своей ролью, что не заметил начала Игры, а когда понял, что происходит, было уже поздно. Эта тварь уже зацепила меня и теперь распространяла свою власть дальше; я обнаружил вдруг, что не владею уже ни Тэннаком, ни Шэ, ни плотским телом. Я опускался на пол в коридоре гостиницы, и мое тело тряслось, как у эпилептика, а бушевавшая в разуме война подходила к своему итогу. Магические способности демона были не просто слабы, а убоги, но Игра стала тем козырем, который покрыл все. Обычного человека он не мог зацепить только потому, что люди не воспринимали его; неведение служило им наилучшей защитой.

Все произошло очень быстро. На игровом поле, которым стал мой разум, я сопротивлялся как мог. Демон стремительно наступал. Потом... что-то изменилось.

Игра будто бы приобрела еще одно измерение. Демон замер – хотя он был куда лучшим Игроком, чем я, с подобным он явно сталкивался в первый раз. Я тоже не понимал, что происходит, но я находился в слишком отчаянном положении, чтобы задумываться над природой изменений. Я увидел, куда можно ударить и как, и не замедлил воспользоваться этой возможностью. Я отбросил эту тварь назад. Как только контроль над основными узлами Тэннака перешел в мое распоряжение, я использовал парное скрэ для того, чтобы окончательно извлечь эту тварь из себя. Если бы кто-то из людей, толпившихся в гостиничном коридоре, был бы наделен способностью колдовского зрения, то увидел бы, как две змеи, выросшие из моих лопаток, вцепились в размытую, будто состоящую из черного дыма, пиявку и выдернули ее из моей груди.

Как только паразит был извлечен, порвать его уже не составило никакого труда. Змеи сделали несколько яростных движений; структура, и без того хлипкая, развалилась; пиявка расплылась в воздухе тусклым вонючим пятном.

Я открыл глаза.

Несколько человек – очевидно, постояльцы – настороженно смотрели на меня. Их опасения можно было понять: решили, наверное, что столкнулись с припадочным...

– Эй... с вами все в порядке? – осторожно спросила какая-то женщина. Я кивнул. С трудом поднялся на ноги.

Только теперь, когда уже все закончилось, я в полной мере осознал,

насколько близко на этот раз подошел к могиле. Этот слизняк почти достиг своей цели. Когда я подумал, какое будущее ждало бы меня в случае его победы, то не смог сдержать дрожь. Он выел бы меня изнутри, стал бы мною, выбросив вон Истинное Я – высшую из душ – и натянув прочие души на себя, как маску, как вторую кожу.

Откуда только у этой пиявки, слизняка, способность к Игре? Кому понадобилось вызывать такого демона? Он слишком опасен даже для своего хозяина. Кому и зачем?..

Не менее странно было и то, как я смог победить его. Что произошло с игровым полем? Почему изменились условия? У меня не было ответов. С чем-то отдаленно похожим я сталкивался до сих пор только один раз: в Бэрверском холме, когда мои заклятья внезапно усложнились и обернулись против меня самого. Сейчас произошло нечто подобное, только на этот раз мне на пользу: оружие, которым пользовался нападающий, обернулось против него самого...

Может быть, это какая-то особенность Игры, которая проявляется лишь тогда, когда на поле сталкиваются два Игрока?.. Не знаю.

Напрасно я испугался и сразу же уничтожил «пиявку». Если уж расклад вышел в мою пользу, надо было поймать и поработить эту мелкую пакость. Сделать с демоном то, что он собирался сделать со мной. А заодно и выяснить, где он научился Играть...

Впрочем, что жалеть об упущенных возможностях? Я огляделся. В коридоре за прошедшую минуту ничего не изменилось, только людей стало больше. Подтянулись соседи. Кто-то пытался утешить толстяка-хозяина: мол, на этот раз, номер хотя бы кровью не замызган, убытки не такими большими будут... «Проклятая комната!» – рыдал толстяк. Интересно, о чем это они толкуют?..

Я протолкался к лежащему человеку. Он мирно покоился на двери, которую вышиб, очевидно, своим же собственным телом, и по-прежнему пребывал в бессознательном состоянии. Голова повернута влево. Я разглядел тонкий, аристократический профиль лица. Бабский любимчик, не иначе. Правда, сейчас этот красавчик выглядел совершенно непривлекательно – в каком состоянии находились его спина, бедра и ягодицы, я уже упоминал. Он и вправду напоминал ежа – так много сидело в нем щепок. Как ни странно, он до сих пор был жив.

Я бегло оглядел комнату, из которой он вывалился. Полный разгром. Ну, еще бы. Странное какое-то это горе-вызыватель применил заклинание: едва не погиб сам, да вдобавок еще вызвал опаснейшую, неуправляемую тварь. Зачем он это сделал?.. Да и понимал ли он вообще,

что творит?

Выяснить все это можно было только одним способом. Поскольку хозяину гостиницы все еще было дурно, а прочие присутствующие довольствовались ролью зевак, командовать пришлось мне. Соседняя комната оказалась свободна – туда мы и перенесли полумертвого «аристократа». Когда его поднимали, оказалось, что он прижимает к животу какую-то книгу. Книга выпала из его рук, служанка (надо же, грамотная!) подняла и стала листать. Пришлось рывкнуть, чтобы положила чужую вещь на место, принесла тряпки и воду. Хозяин гостиницы попытался невнятно возразить, но, похоже, он и сам толком не понимал, против чего возражает. Я успокоил его, пообещав, что оплачу все расходы. Кто-то робко предложил послать за врачом и городской стражей, но я категорически отверг и то, и другое. Эти люди были слишком растеряны, чтобы усомниться в моем праве командовать ими. Так бывает всегда: обыватели, ведущие тихую, сытную жизнь, в критической ситуации теряются и без возражений выполняют команды любого человека, способного взять на себя ответственность за принятие решений.

Вызывателя уложили на кровать. Достав нож, я срезал с него остатки одежды, выгнал всех из комнаты и приступил к работе. Жаль, конечно, тратить энергию, которую я собирал так долго, но мне нужны были ответы, а мертвый дать мне их не сможет. Я влил в него свежие силы, наложил заклинание, препятствующее заражению крови, аккуратно вытянул щепки из ран, применил еще несколько заклятий, обеспечивающих восстановление кожи и мяса. Кости, к счастью, не были повреждены. В ходе работы я понял, что пациент мне попался не самый обычный: его жизненное тело было на удивление здоровым, сильным и чистым. Пожалуй, впервые за всю свою жизнь я видел настолько здорового человека. Шэ совершенно свободно от шлаков и язв. Даже без учета заклятий, которые я наложил, он должен был исцелиться очень быстро, мое же волшебство поставит его на ноги за считанные дни. Интересно, кто он такой?.. Служанки в последний раз поменяли воду и унесли окровавленные тряпки. Мой «пациент», из-за многочисленных перевязок, теперь казался похожим на мумию. От девушек я узнал, что его зовут Эдрик Мардельт, он живет здесь около двух месяцев, держится замкнуто и целыми днями где-то пропадает. Я не хотел возвращаться в свою гостиницу: этот господин мог очнуться в любой момент, а мне хотелось как можно скорее выяснить, каким образом он смог вызвать демона с талантом Игрока, зачем ему это понадобилось и в каком, собственно, уголке вселенной эти твари обитают. Эта информация могла прояснить что-то насчет моих собственных

способностей, приобретенных после Бэрверского холма.

Я отослал служанок, уселся за письменный стол и раскрыл книгу, на которой лежал Эдрик. Диалект Искаженного, на котором она писалась, был мне хорошо знаком – правда, не из воспоминаний Льюиса Телмарида. Этот диалект в совершенстве знала Дикла Сарбельт – бестиолог, престарелая чародейка, павшая в поединке с Ночной Тенью приблизительно за сорок лет до того, как в подземелья под Бэрверским холмом вошел Льюис. Теперь воспоминания Диклы стали моими собственными – конечно, не целиком, но в кои-то веки среди обломков чужих жизней нашлось что-то полезное.

...Я перелистнул пару страниц, посмотрел на рисунки, торопливо, еще не веря себе, разобрал несколько заклятий – и понял: это то, что я искал.

Глава одиннадцатая

...Несколько секунд Эдрик разглядывал своего назойливого благодетеля.

– И много ты успел прочитать? – мягко спросил он.

– Ты об этом? – Незнакомец показал на книгу.

Эдрик кивнул.

– Только начал. Не против, если ее одолжу?..

– Против.

– Брось, – незнакомец рассмеялся, – я потратил на тебя уйму сил и времени. Ты был на последнем издыхании...

– Сомневаюсь, – холодно оборвал его Эдрик. – Кто ты такой и что тебе нужно?

Властный тон, которым был задан вопрос, незнакомцу явно не понравился. Добродушная улыбка пропала, губы снова сложились в жесткую складку.

– Льюис Телмарид, – представился он.

Интонация и взгляд поведали Эдрику куда больше, чем мог предположить незваный лекарь. «Он посмотрел так, словно хотел понять: знакомо мне это имя или нет... – пронеслось в голове Мардельта. – Если так – его имя *может быть* мне знакомо. Почему?.. Это что, важная персона? По виду не скажешь... Беглый преступник?.. Возможно. Но что-то уж слишком он уверен в себе – для беглеца...»

– Это только половина ответа.

– Хочешь знать, что мне нужно? – Льюис ухмыльнулся. – Мне нужна книга. Вот эта самая. Ради нее я проделал длинный путь... очень длинный.

– И совершенно напрасно. Ты ее не получишь.

– Почему?

– Потому, – отрезал Эдрик. Затем все-таки решил объяснить. – Она опасна. Похоже, она предназначена для уничтожения тех, кто ее открывает. Ты видел, что она со мной сделала. Кроме того, в сам текст вшито заклятье, заставляющее...

– Я знаю, – улыбнувшись, сказал Льюис. – Здесь есть несколько глав, которые нельзя читать. Как она к тебе попала?

Эдрик ответил не сразу. «Он что-то знает... – подумал Мардельт. – О книге и о том, что тут происходит... Нет, нельзя его убивать. Не сейчас.

Сначала – пусть выложит, что ему известно. А потом решу, что с ним делать».

– Откуда ты сам про нее узнал? – ответил он вопросом на вопрос.

На этот раз паузу взял Льюис. Улыбался, разглядывая собеседника. У Эдрика снова возникло впечатление, что этот человек тяжело болен. Как будто бы он долго выгнивал изнутри – сохраняя до сих пор вполне благопристойную внешность. Но эта внутренняя гниль все равно проявляла себя – в улыбке, взгляде, в выражении лица... На какой-то момент Эдрику показалось, что он беседует с ожившим покойником.

– Нет, так не пойдет, – сказал Льюис. На его устах играла все та же омерзительная улыбочка. – Совсем не годится. Ты просто бездельник, решивший поупражняться в волшебстве от скуки. А мне она нужна. По-настоящему нужна...

– Для чего? – холодно осведомился Эдрик.

Льюис не успел ответить.

Что-то ударило в дверь с той стороны. Громкий скрежет и треск, двойные доски в районе засова и петель разлетелись в щепки, средняя часть двери рухнула внутрь. Порог перешагнул высокий человек в серебристо-серых одеждах. Серебряной была его кольчуга, белым – изображение прыгающей кошки на фибуле плаща.

Собственно, и человеком-то он мог показаться только издалека или на первый, поверхностный взгляд. У людей не бывает белых – именно белых, а не седых – волос с ровными серыми прядями. У людей не бывает желтых глаз с вертикальными зрачками. В общем, пред очами уже готовых вцепиться друг другу в глотки собеседников предстал чистокровный оборотень из Древа Кошки. Его звали Гилькар эс-Салькир, но этого, конечно, ни Льюис, ни Эдрик знать не могли. А Гилькар не собирался представляться.

Если бы вошедший в комнату как-нибудь объяснил свое поведение, объявил об аресте или хотя бы дал понять, что нападать собирается только на Льюиса Телмарида, переполнившего своими злодеяниями чашу терпения человеческого и божеского – возможно, все могло сложиться иначе. Но оборотень этого не сделал. Он предпочел ударить первым, не желая тратить драгоценное время на напыщенные фразы и рисковать собственной жизнью сверх необходимого.

Он двигался вдвое быстрее Льюиса и полностью использовал свое преимущество, совершив резкое движение рукой сверху вниз (пальцы скрючены, как когти кошки) за то время, пока Льюис, поднимая руки, только-только начинал творить первые такты защитного заклинания.

Льюис упал. Кровь фонтанами била из его разодранного тела. На мгновение возникший в воздухе призрачный образ огромной кошачьей лапы исчез, стоило перевертышу опустить руку.

Льюис еще пытался бороться. Он хрипло заговорил. В воздухе потянуло плесенью, зашептали призрачные голоса... Новый удар, быстрый и резкий, смял нарождающееся заклятье прежде, чем оно было завершено. Льюис содрогнулся – его силы были на пределе, Тэннак и жизненная сущность, от которых не успело еще отделиться заклятье – разорваны вместе с чарами. Он умирал. Синхронно с движением руки Гилькара призрачная кошачья лапа начала завершающее движение, которое должно было поставить точку в скоротечном поединке.

Все произошло за считанные секунды. У Эдрика не предоставили возможности разобраться в том, кто прав, кто виноват. Нужно было делать выбор – и быстро. Оборотень ясно показал, что пришел сюда убивать, а не играть в благородство.

И тогда Эдрик прыгнул...

* * *

Аайглато прибыл в Обсидиановую Башню в середине дня. Слуги Фремберга – такие же демоны, как и он сам – сообщили тайвэ, что хозяин занят. Последние месяцы Фремберг почти безвылазно находился в своих заклинательных покоях, покидая их только для того, чтобы заглянуть в кабинет или в библиотеку. Иногда – это случалось не каждый день – спускался в столовую или в спальню. Но чем дальше, тем реже волшебник вспоминал о пище и сне. Ведь настоящей потребности бессмертные не испытывают ни в том, ни в другом. Фремберг был всерьез увлечен работой. Аайглато подозревал, что затевается что-то грандиозное. Лично для себя от грядущих перемен тайвэ ничего хорошего не ждал. Менялись энергетические токи, связующие колдовскую цитадель с Верхними и Нижними Мирами; зарождались энергетические взаимодействия такого уровня, которые могли напугать не только обыкновенного демона-ищейку, но и существ, обладающих неизмеримо большим могуществом. Знает ли Фремберг, что он делает? Аайглато надеялся, что да.

Пепельный Маг принял его поздним вечером, во время короткого перерыва в волшебстве, сделанного для того, чтобы перекусить и заодно разобраться с текущими делами. Гольбор – караванщик, отвечавший за доставку книг из Ильсильвара – представил списки привезенных книг и дал отчет о сделанных и предстоящих затратах. Слушая, Фремберг рассеянно кивал. Среди людей и нелюдей, работающих на бессмертного волшебника,

уже не один месяц муссировались слухи о том, что Фремберг собирается перестать оплачивать услуги караванщиков и архивариусов. Мол, все лучшие новинки, появившиеся за последние столетия, он уже успел скупить, а второсортной литературой забивать библиотеку Башни не собирается. Аайглато не знал, насколько достоверны эти слухи. Его эта сторона вопроса абсолютно не беспокоила. Прекратит Фремберг пополнять свою библиотеку или нет – в любом случае тайвэ без работы не останется.

Закончив с караванщиком, Фремберг отпустил его и кивнул Аайглато. Последнему хватило и нескольких слов, чтобы обрисовать ситуацию. Все в порядке, встреча произошла, новостей нет, вот эти книги Эдрик просил передать вам, господин...

– Положи их сюда. – Фремберг указал на стол. Как только Аайглато выполнил требование, он произнес заклинание быстрого чтения. Первая из книг поднялась в воздух, раскрылась. Зашуршали страницы. Через несколько минут она опустилась на стол, на смену ей поднялась вторая, затем третья.

– Это не то, – сообщил Фремберг, с болезненной миной растирая виски.

– Он говорил, что это лишь те, которые ему удалось разыскать на данный момент. Он еще не закончил поиски...

– И не закончит, пока не найдет, – отрезал бессмертный. После короткой паузы велел:

– Возвращайся к нему. Выясни, чем он там занимается. Не только из его слов... Посмотри, как там все *на самом деле*. С кем он общается. Что делает. Как проводит время.

– Слушаюсь, господин.

Тайвэ еще не успел покинуть столовую, а Фремберг уже выкинул из головы и его, и Эдрика Мардельта, и пропавшего Ёнко Нарвериша, и покойного Маскриба Рапхабельта. Все это не так уж важно – на самом-то деле. Смерть Маскриба, исчезновение Ёнко – загадка, и не более того. Фрембергу любопытно ее разгадать, но по-настоящему его интересует совсем другое. Четкий баланс заклинаний, соотнесение друг с другом бесчисленных энергетических форм, идеальные схемы, стоящие за многообразием внешнего мира явлений – вот та область, погружаясь в которую, он ощущал, что живет настоящей жизнью, находил в ней свое призвание, смысл и цель. Первоначальным толчком, побудившим его взяться за ту работу, которой он посвятил последние годы, была месть, но месть вскоре отошла на второй план. Конечно, он уничтожит владения Морайлы, сметет ее замок, обратит в ничто ее саму – но это будет лишь побочным следствием его творения. Творения удивительного,

необыкновенного, бывшего доселе по плечи лишь самим богам и Светилам...

Наскоро допив морс, он вышел из столовой и поднялся наверх. Лекемплет – гигантское энергетическое образование, сложнейшая система, превосходящая обычное заклинание так же, как кит или дракон превосходят крошечного жучка – начинался здесь, у Источника Башни. Система, которую он создавал последние годы и которую почти закончил... закончит этой ночью.

«Нет, не так, – мысленно поправил себя Фремберг. – Этой ночью все только начнется...»

Сегодня будет исчерпана лишь подготовительная часть. Далее последует реализация. Он еще не знал, сколько времени она может занять. Изменения, которые лекемплет внесет в существующую систему миров, будут слишком масштабными, чтобы заранее можно было предвидеть все последствия, которые они вызовут. Для кого-то эти последствия окажутся катастрофическими – ну что ж... так тому и быть. Этические вопросы Фремберга не слишком занимали. Куда важнее, чтобы эксперимент завершился удачно. Фремберг верил в успех, но умом понимал, что ему еще придется столкнуться со множеством неучтенных факторов... Слишком уж много неизвестных... Вероятно, в ближайшие месяцы его ждет еще более напряженная работа, чем раньше – надо будет следить за тем, как разворачивается лекемплет, проводить необходимую корректировку, дополнять и настраивать систему во время каждой из фаз, пока будут идти преобразования...

Впрочем, трудности такого рода его всегда только вдохновляли. Преодолевая их, изучая возникающие на пути препятствия, он в конечном итоге только расширял свои знания о мире, увеличивал собственное могущество, укреплял свою власть над силами и стихиями этого мира.

...Спустя четыре часа были завершены последние тесты. Все ошибки устранены, система управления давно отлажена, необходимый потенциал колдовской силы – собран. Можно приступать. Фремберг глубоко вздохнул, выдохнул и привел лекемплет в действие.

Первые несколько минут ничего не происходило. Были развернуты внешние резервуары, и токи силы, текущие к Обсидиановой Башне со всех концов вселенной, начали наполнять их. Когда концентрация силы достигла определенного уровня, появились и первые внешние эффекты. Жители соседнего города, к примеру, могли наблюдать, как постепенно образуются вокруг Обсидиановой Башни протянутые к небесам лучи света, как увеличивается их толщина и яркость. Воздух вибрировал, ритмичная

дрошь медленно перерастала в низкий рокочущий гул. Небо над Обсидиановой Башней пришло в движение; облака мчались по кругу, в центре которого находилась колдовская цитадель...

Когда резервуары наполнились, лекемплет, повинувшись воле Фремберга, захватил токи силы, питавшие Башню. Расширяясь, заклинательная система включала в себя все новые и новые Источники Силы, становившиеся составными частями растущего лекемплета. Каждая из Сфер, совокупность которых образует Сальбраву, вселенную, имеет собственную Тэннак – магическое «тело», позволяющее миру существовать, расти и развиваться. Созданный Фрембергом лекемплет перерабатывал магические тела миров, включая в себя наиболее «ценные» (с точки зрения растущей системы) их части. Ткань реальности плавилась и текла, принимая новую форму. В рамках существующей вселенной Фремберг хотел создать как бы еще одну, меньшую, но вполне самостоятельную. Знаний для того, чтобы осуществить нечто подобное ему хватало; контроль над «нервной системой» Сальбравы предоставляла бессмертному Обсидиановая Башня, являвшаяся одной из пяти важнейших узловых точек мироздания.

Оставалось только собрать силу, способную смещать миры относительно друг друга; а для того, чтобы эту силу накапливать и удерживать, Фрембергу и потребовался лекемплет, созданию которого он посвятил последние годы. Как уже говорилось выше, его изначальное желание отомстить отошло на второй план; конечно, в ходе переработки ткани миров от замка Морайлы, от ее Источника и самой, ее силы не останется и следа, но это уже не так важно. Сам титанический замысел, дерзновенная попытка перекроить мироздание согласно своей воле – вот что сейчас вдохновляло Фремберга. Где лежит граница могуществу бессмертных, обладающих желанием изменить мир, наделенных фантазией и упрямством? И есть ли граница?..

Все шло по плану, когда одно из координирующих заклинаний сообщило вдруг о резких перепадах давления внутри лекемплета. Фремберг запустил тест, который должен был установить конкретную причину неполадок, но больше ничего не успел сделать – сигналы о деформации лекемплета начали поступать один за другим, наперебой. Создаваемая так долго магическая структура распадалась, уничтожая саму себя. Фремберг заметался. Сотворил несколько заклинаний, долженствующих удержать лекемплет в целом виде, попытался запустить предохранительные и ремонтные системы, которые наличествовали в его детище в презрительном числе – бесполезно. Подгоняемые друг к другу

ткани различных Сфер расходились, и все, что успевал Фремберг – отводить высвобождающиеся океаны энергии так, чтобы не подставить под удар ни Башню, ни свой родной город. Пузырь, который пытался выдуть Фремберг, пузырь из сшитых между собой кусков мировой плоти, просто лопнул, едва начав формироваться.

Когда все закончилось, волшебник отошел от Источника Силы и устало опустил в кресло. А ведь казалось, что все было рассчитано с такой скрупулезной точностью! Сколько времени отдано расчетам, подготовке лекемплета, подведению стабильных линий силы к опорным точкам реальности, внутри которой маг собирался поместить набор карманных миров, почти не соприкасающихся с материнской вселенной.

В чем причина его поражения, столь быстрого и бесславного? Фремберг не мог понять. Конечно, в чем-то он мог ошибиться, что-то не предусмотреть, но он слишком хорошо знал Искусство, чтобы пропустить настолько серьезные дефекты, которые могли развалить колдовскую систему едва ли не сразу после начала ее работы. Он встал и хотел было проверить все расчеты еще раз, но так и не сделал этого. Он знал, что все рассчитал правильно. Причина неудачи заключалась в чем-то другом.

Некоторое время задумчиво побродив по своим заклинательным покоям, Фремберг вышел на балкон. Подышать свежим воздухом. Вид спящего города, влажный ветер с моря, шум древесных крон где-то внизу, под Башней – эти незатейливые вещи всегда действовали на него успокаивающе.

За стенами Обсидиановой Башни бушевал настоящий ураган. Бешеные порывы ветра рвали друг друга, как дикие звери. Ломались деревья, со стороны города доносились смазанные звуки колокола, море выплескивало на сушу огромные пенные валы. Ветер едва не сорвал Фремберга с балкона, и волшебник, чтобы не быть унесенным в темноту, был вынужден вцепиться в перила. Чуть позже он сотворил заклинание, обеспечивающее на балконе своеобразный островок покоя, и огляделся.

Облака уже не кружились над Башней – они закрыли все небо. Кипящее море смыло скальфальтарский порт и наступало на город. Сверкали молнии, начался дождь. Ветер нес льющуюся с небес влагу, мешая ее с морской пеной, с пылью, поднятой с земли, с листвой искалеченных деревьев...

Фремберг мрачно созерцал хаос, бушующий за пределами Башни. Это были последствия распада лекемплета. Не такие уж значительные, по правде сказать. Пусти он распад системы на самотек, здесь не было б ни моря, ни города, ни неба – на многие мили вокруг Башни все обернулось

бы в бурлящее крошево из частичек земли и капель воды. Но основную угрозу от города и Башни он сумел отвести.

Пепельный Маг почувствовал вдруг, что уже не один. Повернув голову влево, в свете молний он увидел прекрасного мальчика, сидящего на перилах балкона. Его глаза, волосы и губы казались живыми сапфирами, а огромные распахнутые крылья за спиной сверкали всеми цветами радуги. Это был посланник Гайгевайса, птицеголового бога. Взгляд мальчика был тверд и ясен, он смотрел на Фремберга пристально, не опуская глаз.

Голосом, ласковым и певучим, посланник Гайгевайса произнес:

– Фремберг Пепельный Маг, ты слишком возомнил о себе. На этот раз боги будут к тебе снисходительны; но второго предупреждения ты не услышишь. Не поступай так больше. Не надо. Этот мир – не твой, и не тебе его менять. Смертный, ставший бессмертным... твоя вечность может стать очень неприятной, если ты не усвоишь этой простой истины.

– Я понял, – Фремберг скрипнул зубами и отвернулся.

– На первый раз твое наказание будет легким, – продолжал мальчик. – Ты вернешься туда, где нес стражу после того, как обрел бессмертие и сменишь того, кто несет ее ныне. Боги надеются, что ста лет, которые ты проведешь там, хватит, чтобы вразумить тебя.

– Но...

– Отправляйся немедленно, Пепельный Маг, и возблагодари богов за столь незначительное наказание.

Посланник Гайгевайса исчез, а Фремберг молча вернулся в свою Башню. Его душило бешенство. Теперь ясно, каким образом развалился лекемплет, это подлинное произведение искусства; ясно, силы какого порядка вмешались и нарушили внутренний баланс системы так, что он, бессмертный чародей, не сумел углядеть и следа чужого вмешательства! Пять лет работы – коту под хвост. В эти минуты Фремберг ненавидел все и вся самой жгучей ненавистью. Позови его под свои знамена любой из Последышей – тех девяти Темных Князей, что бросили вызов Солнцу и его богам на заре времен – встал бы не задумываясь. «Смертный, ставший бессмертным»... тьфу! Боги недвусмысленно дали понять, что считают его таким же насекомым, ползающим под их благословенными стопами, как и остальных людей. Он мог учиться Искусству, приобретать могущество, утверждать свою власть над стихиями – это ничего не меняло. Существовал потолок развития, и были те, кто внимательно следил, чтобы никто не смел нарушать существующий порядок вещей. Чтобы никто даже не помышлял выбраться за границы песочницы, которые они – всемогущие властители Сальбравы – определили для всех живущих.

Потом ярость утихла, и Фремберг стал собираться в путь. В место, где соприкасаются все реальности, где нет границ между действительностью и сном, в место, где – если соблюсти определенные условия – демон может стать человеком, а человек – демоном, где можно приобрести один из компонентов, необходимых для достижения бессмертия, в месте, где рождение и смерть сходятся в одной точке...

Он мог негодовать сколько угодно, но Фремберг был не настолько глуп, чтобы проигнорировать прямой приказ богов. Окончательно уничтожить бессмертного практически невозможно, но это ничего не значит, если всю оставшуюся вечность ему придется провести на дне Озера Грез... вернее, не самому бессмертному, а единственной неуничтожимой его частице – Камню Воли, средоточью его естества, центральному узлу, соединяющему в себе все семь начал. В Озеро Грез сбрасывались и куда более могущественные персоны, чем волшебник, обретший вечную жизнь всего-то сто лет тому назад...

Глава двенадцатая

У оборотней отличная реакция. Что и было мне продемонстрировано.

Он едва не убил меня первым же ударом, разорвав Когтями Тотема грудь и плечо до костей. Я уберег горло – призрачный коготь прошел чуть ниже, разрезав ключицу. Попытка контратаковать была пресечена в зародыше.

Я упал, бессильно наблюдая, как оборотень заносит руку для завершающего удара. Никакому суду и следствию меня предавать не собирались, сочтя, очевидно, слишком опасным злодеем.

Перед глазами все поплыло. Звуки стали тягучими и гулкими, цвета и формы слипались. Это смерть?.. Я куда-то падал. Потом...

...Сознание возвращалось рывками. Мир, превратившийся в тошнотворную бесцветную реку, продолжал нести меня в никуда, но, кажется, я потихоньку всплывал на поверхность. От груди и плеча расходились волны боли: кто-то перетягивал мои раны.

Больше всего меня удивляло то, что я все еще жив.

Я снова обратился к той кладовой, которую с таким усердием наполнял по дороге в Рендекс. Дотянулся, зачерпнул силы... А я ведь так надеялся, что больше уже никого не придется убивать...

Чтобы ускорить регенерацию, я стал перераспределять энергию по своему телу. К сожалению, я не мог исцелиться полностью: раны, наносимые призрачным обликом перевертыша – совсем не то же самое, что раны от обыкновенного оружия. Была повреждена и жизненная сущность, а восстанавливать ее гораздо труднее, чем Холок. Вместе с тем, не восстановив нормальную циркуляцию жизненной энергии, я не мог исцелить и само тело. Я находился не в том состоянии, чтобы накладывать хоть сколько-нибудь сложные заклятья, но на то, чтобы остановить кровь и стянуть незримыми нитями самые серьезные разрывы жизненной сущности, моего контроля над Тэннаком хватило. Затем наступило очередное затмение, а когда я вновь пришел в себя, то обнаружил, что лежу на кровати. Левое плечо и грудь туго перевязаны – и нещадно болят. Повернув голову, я увидел Эдрика, совершенно голого, обыскивающего труп оборотня. Картина довольно забавная, но было в ней кое-что, что всерьез меня обеспокоило... Повязки, которые я всего лишь пару часов назад накладывал на раны Эдрика, теперь валялись на полу. И когда он

только успел от них избавиться?.. Но самое главное – этот парень был абсолютно здоров. Ни единого рубца на спине. Не осталось даже шрамов.

Из тубуса, болтавшегося на поясе покойника, Эдрик извлек несколько бумаг. Бегло просмотрел. Повернулся ко мне. Взгляд у него был мрачный... Ну еще бы. Узнать, что ты только что своими руками убил королевского посланца.

– Ты знал, что за тобой охотятся? – спросил он. Вопрос почти риторический, но, тем не менее, я на него ответил:

– Да.

– Что ты натворил?

Я хотел было пожать плечами, но вовремя сообразил, что в моем состоянии делать этого не стоит.

– Какая разница?.. Надо убираться из города, и побыстрее.

– А может, лучше отдать тебя городской страже?

– Может быть, и лучше... но не для тебя... – Я ненадолго замолчал, борясь с очередной волной беспамятства. Когда стало чуть лучше, продолжил:

– Они будут допрашивать меня с применением магии... И тогда быстро всплывет, кто – на самом деле – убил его... – Я показал глазами в сторону трупа.

– Тогда, может, мне самому тебя прикончить? – поинтересовался Эдрик.

Я прикрыл глаза. Ну что я мог на этот ответить?

Больше идиотских вопросов Эдрик мне не задавал. Чуть позже я услышал возню, и открыл глаза, чтобы узнать, что он там делает. Выяснилось – снимает одежду с трупа. Они с оборотнем были примерно одинакового роста. Заколдованной серебряной кольчугой, стоящей, наверное, целое состояние, он почему-то побрезговал.

– Эдрик, – раздался сухой, спокойный голос.

Я перевел взгляд в сторону дверного проема. Там, опираясь на посох, стоял престарелый мужчина. Дорожная одежда, длинный плащ... Бардак в комнате ничуть его не смутил.

Эдрик приветственно кивнул. Похоже, они со стариком хорошо знали друг друга.

– Ты его прикончил? – любопытно спросил пришелец, показав на труп. Эдрик снова кивнул.

– Будем говорить здесь или...

– Нет. – Эдрик быстро посмотрел на меня. Перевел взгляд обратно на старика. – Спустимся вниз. Заодно и проследим, чтобы никто не побежал

за стражей.

– Хм. Пока я шел сюда, обратил внимание, что именно эту мысль прислуга давно пытается донести до хозяина. Он почему-то отказывался. – Пожилой мужчина легко улыбнулся. – Твоя работа?

Еще один кивок.

Так... похоже, пока я находился в отключке, здесь успел побывать хозяин гостиницы. И теперь он категорически не хочет звать стражу. «*Твоя работа*»?.. Похоже Эдрик подавил волю трактирщика и сделал ему небольшое внушение.

Я подумал, что следует начать составлять список необычных способностей моего нового знакомого. Может, хоть так удастся выяснить, что он из себя представляет.

Мне не нравится то, чего я не понимаю.

Очевидно, я вызывал у Эдрика не меньше подозрений, чем он – у меня, потому что книгу, до сих пор валявшуюся на столе, Эдрик забрал с собой. Ну и зря. При всем желании я бы не смог сейчас отсюда сбежать.

Когда эта странная парочка покинула комнату, я подумал, что, приложив некоторые усилия, смогу, наверное, добраться до трупа. Я хотел понять, каким образом был убит оборотень.

Стоило мне сесть на кровати, началось головокружение. Пару минут я отдыхал и изо всех сил пытался не потерять сознание в очередной раз. Стало ясно, что идти я не смогу. Опустился на пол. На коленях, опираясь на правую руку (левой, привязанной к туловищу, я не мог и пошевелить), кое-как пополз.

Я подозревал, что Эдрик – точно такой же оборотень, как и тот, кто явился по мою душу. Ну, разве что принадлежавший к другому Древу и не дававший присяги королю Юркелю. Эта версия хорошо все объясняла. Эдрик обернулся, прикончил эмиссара, а когда перешел обратно, ран на его теле уже никаких не было. Этих перевертышей вообще очень сложно убить.

Однако осмотр трупа мою версию не подтвердил. Похоже, драки не было. На груди оборотня красовалась большая вертикальная рана, но я не представлял, чем Эдрик мог ее проделать. Ничего похожего на следы клыков или когтей – пусть даже и призрачных. Больше всего напоминало удар меча. Но клинка у Эдрика не было. Кстати, как и у королевского посланца. Единственный меч, находившийся в комнате, покоился в моих собственных ножнах. Но это был самый обычный клинок, который скорее сломался бы, чем пробил зачарованную кольчугу. А рана, кажется, еще и сквозная.

Чтобы убить таким образом оборотня, недостаточно просто повредить его тело. Стоит ему *перейти* – и рана исчезнет. Нужно поразить не только Холок, но еще Шэ и Тэннак. Что в данном случае, похоже, и было проделано.

Оружие, одновременно действующее на трех (как минимум) планах реальности? Способное без труда пришить истинного оборотня?

Я почувствовал, что Эдрик нравится мне все меньше и меньше. Слишком уж странными способностями обладал этот красавчик. Если не оборотень – то кто он? Или – *что* он такое? Какой-нибудь могущественный демон, искусно маскирующийся под человека? Новый Избранник, посланный небом на землю? Судя по легендам, в те времена, когда создавался Стханат, некоторые Небесные Избранники могли по своей воле вызывать божественное оружие на время битвы.

М-да... Только этого дерьма мне еще не хватало.

Мои размышления были прерваны появлением очередного посетителя. Человек средних лет, рыхлого телосложения, робко заглянул в комнату. Наверное, кто-то из постояльцев.

Пугливые крысы... Пока парень с желтыми кошачьими глазками разносил дверь в щепки, а затем кромсал меня на части, они трусливо отсиживались в своих номерах. А теперь, когда все поутихло, им, видите ли, стало любопытно, что же тут происходит.

– Извините, а что случилось?.. – Глазки так и стреляли по комнате. – Кого-то убили, да?..

Я поймал его взгляд и почувствовал начало Игры. Страх и любопытство. Ну конечно же... Я жалобно взмолился:

– Помогите...

Только подойди ко мне, дружок. Только подойди...

Ну же!..

Помедлив еще секунду, он наконец перешагнул порог. Поспешил на помощь.

«Умница», – подумал я.

* * *

...К тому времени, когда в комнате вновь появился Эдрик, я уже успел припрятать второй труп в здоровенном пустом сундуке, стоявшем справа от входа. Наличие иссохшего тела наверняка вызовет лишние вопросы, а если я начну на них отвечать, реакция Эдрика может стать непредсказуемой. Один черт знает, чем он на самом деле руководствуется в своих поступках. Если я в своих скитаниях повстречался с чем-то вроде

нового Небесного Избранника, финал у моей истории будет быстрый и самый неприятный. У этих Избранников пунктик насчет темной магии.

То, что я могу самостоятельно перемещаться, Эдрика неприятно удивило. Он даже не попытался это скрыть. Вопросов, однако, относительно моего «чудесного» исцеления задавать не стал. Спросил только:

– Ты остановился в гостинице?

– Да.

– Где она?

– В паре кварталов отсюда... Ну что? Дозрел наконец до мысли, что нам обоим нужно сматываться из города? И как можно скорее.

Эдрик окинул меня еще одним неприязненным взглядом. Чужую правоту он, судя по всему, признавать не любил.

– Пошли, – процедил он.

Спустились вниз. Там тоже был небольшой разгром. Несколько скамеек перевернуто. В углу – испуганно жмутся друг к дружке служанки и постояльцы. Трактирщик сидит на стуле и тупо смотрит перед собой. Похоже, он уже ничего не соображает. У его ног – вышибала, чьей головой пробита стойка бара. И еще четыре тела – в обмундировании городской стражи. Вероятно, кто-то из слуг, невзирая на приказ хозяина гостиницы, все-таки решился их позвать. Ну и зря. Стражники живы, некоторые даже что-то бессвязно бормочут, но, похоже, в сознание придут не скоро. Интересно, это Эдрик их так уделал? Или ему старичок помог, который, вытянув ноги, сейчас расположился на скамье, перекрывающей входную дверь?

При нашем появлении пожилой мужчина встал, освобождая путь на улицу.

– Сколько тебе потребуется времени? – спросил он у Эдрика.

– Несколько минут. Нужно оседлать лошадь.

– Иди. Дашь знать, чем все закончится.

Эдрик согласно наклонил голову.

Забрав из конюшни лошадь Эдрика, мы направились в мою гостиницу. На улице все было тихо и мирно, как в раю. Где-то пели петухи, и восходящее солнце раскрашивало серые стены домов яркими огненными красками.

Когда мы добрались до моей гостиницы, я честно расплатился за постой. Я ведь, в сущности, честный, добрый и порядочный человек – когда могу себе это позволить.

Беспрпятственно выбрались из города. Выходило, что оборотень

действовал в одиночку, даже не поставив в известность стражу. Это и к лучшему – и для нас, и для них. Без колдовской поддержки солдаты все равно бы не смогли задержать нас, а на каждый выход по волшебнику не поставишь.

От городских ворот мы повернули на юг и весь день ехали вдоль Велаты – широкой реки, являющейся также еще и западной границей королевства. Дальше к закату – редкие леса, холмы и пустоши, а за ними – бескрайняя Хэплитская пустыня. Здесь, на левом берегу Велаты, можно еще встретить редкие поселения, большая часть которых – либо временки, возведенные на скорую руку, либо могучие, хорошо укрепленные замки. Но здесь люди, по возможности, все-таки старались не селиться. Через бурную реку скайферы переправиться не могли, но совершить грабительский рейд в приграничную область хотя бы раз в год считали своей святой обязанностью. Я сам этим занимался, когда жил среди них. В скайферском языке даже существует специальное словечко, означающее действия такого рода – пожалуй, его можно перевести как «священное насилие». Или «благословленное злодеяние». Ибо боги, которым поклоняются скайферы, никогда не наделяют удачей мягких и слабых...

Вряд ли когда-нибудь люди сумеют по-настоящему освоить эту территорию. Дети пустыни не позволят им этого. Да, был период, когда благодаря усилиям Небесных Избранников скайферское племя находилось на грани уничтожения. Но затем Избранники развратились и сгнули сами, и нелюди-кочевники быстро восстановили свою былую силу. Когда-нибудь они перейдут реку и предадут огню города и села Речного Королевства. Меня это не радует: хотя я и был принят скайферами, как один из своих, все же по рождению я – человек. Но я уверен – вторжение произойдет, рано или поздно. Оно неизбежно. Люди слишком слабы. Они отдали свою силу светлым богам, но защитят ли их боги от орд кочевников, которые хлынут сюда через сто – а может быть, уже и через десять лет?... Не знаю. Возможно. Несколько тысяч лет тому назад – защитили. Тогда на землю явились посланцы Небес и был создан Стханат.

Но захотят ли боги вмешиваться вновь? Мне думается, за прошедшие века смертные, такие слабые и нестойкие в своей вере, должны были здорово их разочаровать...

Мы остановились вечером, в рощице на вершине холма. Пустили пастись лошадей, приготовили ужин. И только после этого начали разговор о делах.

– Итак, – сказал Эдрик. – Я хочу знать твою историю. Кто ты, откуда,

почему за тобой охотятся, что ты знаешь о книге... все.

– У меня тоже есть вопросы.

– Какие?

– Кто ты, откуда, что ты знаешь о книге и как она к тебе попала, – скопировал я его тон.

Он несколько секунд задумчиво разглядывал меня. Как будто что-то решал.

– Хорошо, – произнес он ровным, ничего не выражающим тоном. – Я тебе расскажу. Начинай.

Что-то ответить ему было нужно, но тут передо мной встала настоящая дилемма: лгать или нет. К сожалению, я не знал, какая правда ему понравится больше всего. Он мог быть Небесным Избранником... а мог и не быть. У него могли быть моральные принципы... а могли и не быть.

Хотя... учитывая, что он не выказал никаких мук совести после убийства оборотня, с принципами у него все в порядке.

И с чего я только взял, что он – новый Избранник?.. С таким же успехом он мог служить и богам Тьмы. Или вообще никому не служить.

Я пришел к мысли, что в некоторых случаях лучше полагаться на правду, чем изощряться во лжи.

И я ему все рассказал. Ну, почти все. Конечно, я немного подсократил свой рассказ, убрав из него излишние натуралистические подробности – вроде того, что я проделал с Одаренной девицей в замке Рэйнфлик. Про свои сны я тоже не упоминал.

– Расскажи подробнее о том, кто и зачем написал эту книгу, – потребовал Эдрик после того, как я закончил.

– Мне не так уж много известно. Колдуна, в чьей памяти содержалось знание о книге, звали Шальга Кермет.

– И сейчас его воспоминания принадлежат тебе?

– Да, но они очень отрывочны. Шальга был талантливым черным магом, но к концу жизни слегка изменил свои взгляды и даже принял сан в одном из храмов Осолагбора. Он стал одной из первых жертв Ночной Тени, а до того, как это случилось, прожил около трехсот лет.

– Он что, был бессмертным? – осведомился Эдрик.

– Нет. Просто знал несколько фокусов. Он был уже глубоким стариком, когда полез в подземелье.

– Откуда он узнал о книге?

– Книгу написал его учитель. Имя его мне неизвестно, но, судя по всему, он был настоящим мастером чернокнижия. Кроме того, к тому моменту, когда началось обучение Шальги и еще нескольких мальчишек,

он уже был демоном – а стал он им, совершив переход по Игольчатому Мосту и изменив свое естество. То есть родился он человеком. Впоследствии он записал часть своих знаний о переходе, о Слепой Горе, о трансформациях, соответствующих годовому циклу. Так появилась эта книга. Но уже в ходе работы планы учителя Шальги изменились. Воспитанники подросли, а новых учеников он брать не хотел. Он вообще собирался закрыть школу и отправиться в далекое путешествие. Но перед этим он решил отомстить. Сделать «подарок» одному своему недругу. Его имя мне тоже неизвестно, знаю только, что он жил в Рендексе и был несколько столетий тому назад какой-то важной шишкой – может быть даже, местным князем. Учитель Шальги откорректировал текст. Последнюю треть книги он построил таким образом, что текст как бы прошивало некое невидимое читателю заклятье, которое приводилось в действие Тэннаком того, перед чьими глазами находился текст. При том команда, пробуждающая Тэннак, проходила мимо сознания. Читатель, не осознавая этого, как бы сам себя заколдовывал. В памяти Шальги все это так хорошо отложилось потому, что его учитель на примере своего «труда» прочел воспитанникам целую лекцию, как можно проводить такие воздействия и какие системы шифров, зная которые можно отмыкать чужие души, вообще существуют. У читателя должно было появиться желание прочитать заклятие, содержащееся в самой последней части книги. То, что с тобой, случилось, когда я тебя нашел... я так понимаю, это результат того, что ты поддался на воздействие?

– Не совсем, – Эдрик поморщился. – Я понял, что книга как-то странно влияет на мой разум и сумел перебороть ее силу. Но мне стало любопытно, для чего оно вообще было нужно. На последних страницах было записано заклинание, могущее вызвать некоего «проводника по Мосту». Я хотел призвать эту тварь и посмотреть, что она из себя представляет.

– Похоже, ты все еще находился под действием заклинания...

– Нет, – отрезал Эдрик.

– Нет? Вызвать неизвестно зачем неизвестно какого демона... Это не похоже на разумное решение.

Эдрик не ответил.

– А что произошло дальше? – любопытствовал я.

Он косо на меня посмотрел.

– То, что и должно было произойти. Ты что, не знаешь?

– Нет. В воспоминаниях Шальги этого нет.

– Там была вторая ловушка. Сложное заклятье, которое собиралось таким образом, что его элементы в итоге складывались совсем в иную

конструкцию, чем та, которую рассчитывал получить заклинатель. Если бы я не успел отпрыгнуть, превратился бы в кровавую пыль. Такое уже произошло с одним магом несколько месяцев тому назад. Долго гадали, почему он так странно умер. Теперь понятно, почему.

– Да? Интересно... Я могу узнать эту историю?

– Позже. Что случилось с учителем Шальги?

– Как и собирался, он отправил книгу своему недоброжелателю, распустил школу и уехал. Он собирался податься на службу к Королю Теней. Больше Шальга его не видел и ничего о нем не слышал. Вероятно, его учитель погиб.

– Почему ты думаешь, что в этой книге есть вообще хоть слово правды? – спросил Эдрик. – Если она создавалась как оружие...

– Изначально – нет. Кроме того, учитель Шальги рассказывал своим ученикам о Слепой Горе и изменениях естества. Значит, не все, что там написано – ложь.

– А ты не думаешь, что правды там ровно столько, чтобы ложь выглядела правдоподобной?

– Возможно. Но это мой единственный шанс. У меня не так много времени осталось, я это чувствую, – неожиданно для себя я обнаружил, что говорю об этом совершенно спокойно, так, как будто бы речь шла о ком-то другом. – Я почти покойник. Единственная моя надежда – изменить естество, начать все с начала. Иначе – смерть.

Мы долго молчали. Эдрик смотрел в огонь.

– Я помогу тебе, – наконец произнес он.

– Просто отдай мне книгу – и все.

– Как раз этого я сделать не могу.

– Почему?

– Есть причины.

– И как же тогда ты собираешься мне помочь?

– Отправлюсь с тобой к Пустому Морю, – он потянулся и зевнул. – Только на его берегах может быть открыт путь туда, куда ты хочешь попасть...

– Но для создания пути нам все равно придется воспользоваться книгой. Так почему бы тебе...

– Не придется. Я не знаю, какие еще ловушки в ней могут находиться и не собираюсь рисковать. Я открою путь без ее помощи.

– Как?

– Увидишь.

– Ты что, уже был там? – недоверчиво спросил я.

Эдрик согласно качнул головой.

– Но... ты человек!.. Значит, раньше ты был демоном?!

– Нет. – Он помолчал. – Я удивился, узнав о том, что пробежка по Мосту способна изменить природу бегущего. Но Слепая Гора... это вообще очень странное место. Выходит, что силы, которые оно таит в себе, могут быть использованы по-разному.

– Как использовал их ты?

– Уже поздно. Поговорим об этом в другой раз.

Мне не оставалось ничего другого, как смириться с его решением. Тем более что Эдрик прав: мы проговорили полночи, а завтра предстоит долгий день. Не мешало бы поспать. Хотя бы несколько часов.

Глава тринадцатая

Заканчивался ужин. Деревянные ложки стучали по доньшкам мисок, выгребая остатки похлебки. Крайп наклонил миску, наполняя последнюю ложку, Делила кусочком хлеба вычищала стенки посуды, а маленький Йанни растерянно заглядывал в котел – неужели и вправду совсем ничего не осталось?

– Мама, я хочу добавки!

Лердвих отвел глаза. Как объяснить ребенку, что добавки нет и не будет еще очень долго... если, конечно, не свершится чудо и барон Кэрон Тирабельт не вернет то, что отнял?..

Ана что-то сказала своему сыну. Ана умудрялась находить нужные слова тогда, когда мужчины молчали, давя в себе желание взяться за оружие и объявить войну собственному господину. Кэрон Тирабельт не любил, когда крестьяне осмеливались у него что-то просить, даже если они просили позволения оставить им хотя бы часть того, что возвращали на своих полях. Но еще больше барон не любил бунтов и мятежей. Несколько семей из соседнего поселка, доведенных до крайности, осмелились оказать сопротивление людям барона, пришедшим, чтобы отобрать у крестьян последнее, что у них еще было – зерно для посева. Солдат сильно избили; Кэрон, пришедший в поселок с большим отрядом, сжег дома «бунтовщиков», а их самих повесил вдоль дороги. Не пожалели ни женщин, ни детей. Показательная казнь должна была послужить уроком для всех остальных. Это случилось в прошлом году.

Лердвих перевел взгляд на мужа Аны, Секвера. «Только бы он не наделал глупостей...» – с тревогой подумал юноша.

До того, как Секвер поселился в деревне, он был воином, наемником. О своей предыдущей жизни рассказывать не любил. Три отрубленных пальца на правой руке, шрам через все лицо и легкая хромота – вот все, что принесла ему война. Он был таким же нищим, как Ана и Лердвих, потерявшие, незадолго до появления Секвера, своих родителей. Секвер поселился в их доме – у него не было денег, чтобы платить за комнату в трактире. Что-то случилось с ним на войне – оружия он больше видеть не мог, и даже к топору и охотничьим ножам лишний раз старался не прикасаться. Он хотел совершенно забыть свою предыдущую жизнь и стать обычным крестьянином – и ему это почти удалось. И только иногда в

нем прорывалось что-то звериное: глаза наливались кровью и он был готов убить, казалось, за одно только неосторожное слово. Он боялся зверя, живущего в нем самом, и нередко молился Белой Богине о том, чтобы она изъяла ярость и гнев из его сердца. Он говорил – уже после того, как женился на Ане, – что сама Мольвири послала ему эту девушку. Гнев никогда не овладевал им, если Ана находилась поблизости; он говорил, что в ней – его спасенье, и, кажется, всерьез в это верил...

Через год после свадьбы родился Крайп, спустя еще два года – Делила, за ней – Йанни. Своего родового имени Секвер так и не назвал, и дети получили второе имя от матери. Злые языки шептали, что Секвер был не просто наемником, а бандитом, объявленным вне закона... Не исключено, в этих рассказях было больше правды, чем мнилось тем, кто придумывал и распространял их.

Улыбки детей стали тем лекарством, которое почти исцелило душу Секвера... но сейчас Лердвих боялся, что ярость может вернуться. Он и сам испытывал жгучую ненависть к барону, но его гнев был бесплоден: он знал, что никогда не осмелится напасть ни на Кэрона, ни на его людей. Он совсем не боец, его поступок вызовет у двуногих псов Тирабельта разве что смех. Секвер – другое дело. Если ярость возьмет верх над его разумом, солдатам барона станет не до веселья. И если так случится, то обречены все они – и Секвер, и его семья, и Лердвих. Сколько солдат бывший наемник сумеет отправить на тот свет, прежде чем прикончат его самого?..

Лердвих чувствовал внутренний пожар, бушевавший в муже Аны, и не знал, что сказать – юноша боялся, что любое произнесенное им слово лишь подольет масла в огонь. К нему самому Секвер относился со смесью отеческой заботы и снисходительного пренебрежения. Бывший наемник был прагматиком до мозга костей; увлечения Лердвиха книгами и колдовством, мечтательность и неприспособленность к реальной жизни вызывали в зяте лишь насмешливое недоумение.

– А Мелерк уйдет в лес, – беззаботно сообщил Крайп. – К лесным братьям.

– Не говори глупости. – Нахмурилась Ана.

– Это не глупости! – возмутился Крайп. – Это секрет... Никому не говорите, ладно? Мелерк сам слышал, как его родители об этом говорили, когда думали, что все спят. Им не пережить эту зиму в деревне. А города не принимают беглых...

– Помолчи. Никуда они не уйдут.

– Почему?

– Потому.

– Мама, – хриплым голосом (она еще не оправилась от недавней болезни) спросила Делила. – А кто такие лесные братья?..

Лердвих встал.

– Спасибо, Ана. Я спать пойду.

Он успел улизнуть до того, как малыши начали требовать ежевечернюю сказку. Сегодня он не был в настроении сочинять добрые сказки, сказка получилась бы злая, жестокая – а кому такая сказка нужна?.. Вот именно, что никому.

Лердвих поднялся наверх. Он занимал просторное чердачное помещение под самой крышей. Здесь постоянно дуло, а когда шел дождь – еще и капало сверху, но зато вся мансарда принадлежала ему одному. При свете огонька, тлеющего в плошке с маслом, можно было спокойно читать или заниматься волшебством (*пытаться заниматься волшебством* – так будет вернее) без опасения, что расшалившиеся малыши опрокинут жаровню, купленную на ярмарке несколько лет тому назад. И не боясь, что Секвер отпустит несколько едких словечек, после которых не останется уже ни веры в магию, ни желания ею заниматься... захочется опустить руки, выкинуть все книжки в выгребную яму, и, отвернувшись к стене, попытаться заснуть, презирая себя за собственную никчемность.

«Самое обидное, – думал Лердвих, измеряя шагами свою комнату, – в том, что Секвер прав – кругом прав». Свою долю родительского наследства Лердвих потребовал, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Дом, пашню, огород, свинью и корову он был готов признать за Аной; ему же самому требовались деньги, обнаруженные, когда Секвер стал чинить прогнивший пол на первом этаже. Одна из половиц скрывала тайничок, сделанный, вероятно, родителями Лердвиха и Аны; пахнувшая землей и плесенью кубышка оказалась заполнена талями. Попалось и несколько мелких золотых монет. Именно на эти деньги претендовал Лердвих. Ана и Секвер пытались его урезонить – без толку. Он угрожал, что, если не получит свое, то расскажет о находке деревенскому старосте и потребует от" общины рассудить, сколько из найденных денег причитается ему, а сколько – Ане. Сейчас, при воспоминании об этом, его охватил нестерпимый стыд. В конце концов, ему отдали требуемое. Он по-прежнему жил в доме Секвера и Аны, пользовался общим имуществом, не замечал молчаливых упреков и глушил уколы совести уверениями в том, что, изучив колдовство, сможет легко обогатиться, после чего они выкупят себя из-под власти барона, приобретут большой просторный дом, заведут слуг, оденутся в бархат и шелка... На ярмарке Лердвих купил несколько книг, жаровню, магические инструменты. Деньги закончились куда

быстрее, чем он предполагал...

Волшебство оказалось обманом. Духи не являлись на его зов, удивительные миры не спешили распахивать перед ним свои врата, облака и не думали расходиться, когда он желал этого. А потом место старого барона занял его сын, алчный до роскоши и развлечений. Он ввел новые налоги, всеми правдами и неправдами выжимал из крестьян последние соки. Когда наступили тяжелые времена, Лердвих пытался продать что-то из купленного во времена достатка. Но серебряный амулет оказался лишь посеребренным, обсидиановый нож – никому не нужной безделушкой, а жаровня – обычным дешевым барахлом. Секвер и Ана давно простили его, но Лердвих старался бывать дома как можно реже – ему было стыдно смотреть им в глаза...

От отчаянья он стал вызывать демонов, рассчитывая хотя бы с их помощью получить что-то реальное: силу, богатство, власть... Он был готов на сделку с ними, но даже демонам, похоже, он не был интересен – жалкий, слабый мальчишка, возомнивший, будто сможет покорить своей воле мировые стихии...

И вот-то тогда и произошла эта удивительная встреча. Путешественник, так и не назвавший своего имени, вернул ему угаснувшую веру в волшебство, а заодно – и веру в себя самого. Перед появлением незнакомца, Лердвих сидел на земле и думал о самоубийстве; жизнь казалась пустой и бесцельной. Он жаждал смерти, потому что не мог быть в мире с самим собой – колдун подарил ему смерть. Он упал в бездну вместе с черным духом Ламисеры, и образы видимого мира сгнули, он ослеп и оглох; наступила совершенная тьма. Он умер, перешел за черту, перестал быть...

Потом...

Потом Лердвих возродился, и все изменилось. В нем?.. в мире?.. Он не знал, где проходит граница. Он чувствовал какую-то глубинную связь с мирозданием: внешнее переходило во внутреннее и наоборот. Мир был целостен, един в бесконечной борьбе бушевавших в нем сил; жизнь и смерть превращались друг в друга в непрерывном круговороте; и эту целостность обрел теперь и сам Лердвих. Следуя совету незнакомца, в последующие дни, он, изгоняя из головы все мысли, старался вернуть испытанное состояние. Расслабляя тело, он обнаружил, что двигаясь свободно, произвольно, будто исполняя какой-то странный танец, он может входить в это состояние быстрее и легче. Как оказалось, состояние имеет свой собственный ритм, и Лердвих мог чувствовать и слышать его. Если он двигался расслабленно, ни о чем не думая и ни к чему не стремясь,

ритм заполнял его сознание и тело целиком; танец определял состояние и наоборот. Состояние становилось дверью, за которой открывалась целая вселенная – безвидная, беззвучная, но все же ощущаемая с предельной ясностью; Лердвих не знал, как можно назвать способ, которым он исследовал ее: не зрение, не слух, не обоняние, не осязание, не вкус. Было что-то еще, неуловимое, неопределяемое языком людей, имеющих в своем распоряжении только пять обычных чувств. Если бы ему пришлось рассказывать о своих переживаниях, он сказал бы, пожалуй, что чувствует вокруг какие-то незримые течения, теплые и прохладные, быстрые и медленные, сильные и слабые. Некоторые течения были вне, другие – принадлежали ему самому, исходили из самого его существа; эти вторые, «свои» течения он ощущал так же ясно, как собственные руки и ноги. Впрочем, между «вне» и «внутри» здесь не было непреодолимой границы: он выяснил, что способен расширяться, захватывать внешние течения и управлять ими посредством своих собственных. Как будто бы он снова стал ребенком: еще толком не умея пользоваться собственными «руками», начал хватать все, до чего мог дотянуться. Но именно так – во взаимодействии с внешним миром – он развивался сам...

А потом... потом в деревню пришел еще один человек. Вернее, не совсем человек... Он спрашивал, не видел ли кто-нибудь проезжавшего недавно путника – и описывал в точности того, чей облик врезался в память Лердвиха навсегда.

Это демон в человеческом облике, говорил второй, сам не принадлежащий к человеческому роду – потому что не бывает у людей желтых кошачьих глаз. Но при нем был знак королевского посланца, и никто не усомнился в его словах.

Он рассказал о злодеянии в замке Рэйнфлик: из дочери бароны вытянули всю жизненную силу и красивая девушка превратилась в сморщенный, иссохший труп. Лердвих не хотел верить – он почти боготворил незнакомца – но в последующие дни не мог забыть о том, что услышал из уст королевского посланца. Неужели все это правда?.. Лакайра была далеко не единственной жертвой незнакомца; если оборотень не лгал, то Лердвих той ночью повстречался с настоящим чудовищем, которому не место среди людей. Но он помнил и другое: незнакомец, кем бы он ни был, помог Лердвиху найти себя. Он вернул в жизнь юноши смысл, показал, что путь, который тот выбрал для себя – не иллюзия, не ложь; заставил поверить, что колдовство возможно, что в тюрьме обыденного мира есть потайная дверь, через которую можно вырваться наружу, в свободный, подлинный мир. Как же к нему теперь относиться? Пусть для Лердвиха он

был спасителем, но для многих других он был палачом, нелюдем – и нельзя сказать, что эти «многие» были неправы. Лердвих чувствовал себя так, как будто его разрывали надвое. Две правды противостояли друг другу в его сознании, рвали его на части; и он не мог отказаться ни от одной из правд во имя другой. Палач или спаситель?..

Мучительное внутреннее противостояние закончилось так же внезапно, как началось. В детстве Лердвиха едва не загрызла огромная одичавшая собака; с тех пор он начал бояться собак. Он ничего не мог поделать с собой: в своих мыслях он любил этих существ, но, встречая их, непроизвольно испытывал ужас, словно проваливался сквозь время в тот момент своей жизни, когда здоровенная бешеная тварь, захлебываясь рычанием и лаем, рвала его тело... Он не мог избавиться от страха, и собаки чувствовали его состояние; теперь он сам делал себя их жертвой. Он выглядел забавно, пытаясь убежать или защититься; и вскоре стал предметом насмешек со стороны соседских детей. Прошло пять или шесть лет; два подростка, Лердвих и Карбат, сцепились из-за какой-то ерунды; в отчаянной драке Лердвих победил своего соперника, да еще и посмеялся над ним. Карбат был вне себя от бешенства; он плакал от бессилья и боли, а деревенские дети улюлюкали ему вслед, когда он оставлял поле боя. План мести созрел быстро. Карбат стал науськивать на Лердвиха своего дворового пса, Хага: все ведь знали, что Лердвих боится собак. Один раз Хаг серьезно покусал его; если бы не вмешался Секвер, неизвестно, чем бы все закончилось. Прошли годы, мальчишки выросли и перестали «воевать» друг с другом – хотя неприязнь между ними и сохранилась. Хаг по-прежнему охранял двор, но на цепь его никто не сажал; и если случалось так, что Лердвих проходил мимо и Хаг слышал его запах, то пес бросался проверять: заперты ли ворота. И если оказывалось, что незаперты, то он выскакивал на улицу и пытался добраться до человечка, чей едва замаскированный страх вызывал в нем такую ярость...

Миновала неделя с тех пор, как ушел королевский посланец. Поздним вечером Лердвих возвращался домой. Засов положили небрежно, и ветер распахнул соседские ворота. Хаг выскочил на улицу; в его горле зарождалось глухое рычание, когда он бежал к своему врагу. Внутренности юноши заледенели от страха, но на этот раз страх не обернулся трусливым бегством, он перешел в какое-то иное качество. Мир сдвинулся, дух Ламисеры был здесь, совсем рядом, наполняя сердце восторгом, мучительным экстазом, энергией, выталкивающей человечка за пределы себя... Черная тень Ламисеры рванулась вперед, протянулась от Лердвиха к бегущему псу, и Хаг остановился. Он тоже почувствовал, что все

изменилось. Черная фигура, маячившая перед ним, внушала страх и ненависть, от нее веяло смертельным холодом. Хаг припал на брюхо и зарычал, но тень не исчезла, а стала гуще, сильнее; он хотел броситься на нее, но не мог. Тогда он заскулил и отполз...

Равнодушно наблюдая за ним, Лердвих вдруг осознал, что нет никакого духа Ламисеры; есть другой Лердвих, еще пару недель назад неизвестный ему самому – Лердвих Ламисера. Он понял, что человек – нечто большее, чем кажется; понял, что до сих пор знал лишь крошечный кусочек настоящего себя. Он повернулся и пошел к своему дому. По мере того, как слабела сила и таял Лердвих Ламисера, юноша возвращался к своему обычному миру. Но память о произошедшем осталась. Теперь, в «обычном» мире, сделанное уже не вызывало в нем восторга, а только страх. Лердвих понял, что ничем не отличается от человека, разыскиваемого королевским посланником. Пес уже мертв, Лердвих отнял у него жизнь. Пока Хаг еще может ходить, но через несколько дней, а может – часов – издохнет: Лердвих повредил его жизненную сущность так сильно, что исцелить ее уже невозможно. В эти минуты Лердвих узнал о себе несколько неприятных вещей. Он убил Хага, но будь в ту минуту рядом со своей собакой хозяин – пощадил бы Лердвих его? Нет. Он мог убить, чтобы спасти свою жизнь; мог убить того, кто пытался его унижить. Мог ли он убить за оскорбление?.. За одну насмешку?.. Только за то, что тот или иной встречный просто не понравился ему?.. Убить ради мешка с золотом, после которого ни ему, ни Ане, ни детям не придется больше страдать от людей барона, унижаться перед ними, голодать зимой?.. Ради половины мешка?.. А ради одного кошелька с золотом?..

Лердвих смотрел внутрь себя и находил одни и те же ответы: да, да, да... Он вполне способен на все это. Он не знал себя, потому что у него никогда не было подлинной силы. Теперь сила пришла, и он начал раскрываться: но каков он? кто он? Все тот же добрый мечтательный паренек? Уже нет. Чудовище? Возможно. Такое же чудовище, как и тот, за кем охотились власти... Разница в том, что он, Лердвих, только начинает свой путь, а тот, второй, его уже прошел.

Проще всего было сказать, что во всем виновата полученная сила, что именно она влияет на его поведение; но он был слишком честен, чтобы перекладывать ответственность на чужие плечи. Сила – это просто сила и ничего более; она откликается на его желания и подчиняется им. Проблема была в том, что он и сам подчинялся своим желаниям: желания не вытекали из «я», а жили своей собственной жизнью, растворяя «я» в себе. Люди полагают, что они свободны, если ничто не препятствует им

осуществить свои желания – Лердвих узнал, что это чудовищная ложь: на деле все обстоит совершенно иначе. Желания владеют людьми, создавая у людей иллюзию того, что являются их естественными продолжениями; однако человек служит своим желаниям, а не наоборот. Меряя шагами каморку, Лердвих думал, как можно избавиться от этой зависимости. Зависимости от того, что он так долго считал органичной, необходимейшей частью самого себя, но что – на самом деле – им самим вовсе не являлось... Чтобы обрести подлинную свободу, он должен уничтожить все свои желания или каким-то образом победить их; но как этого достичь, он не мог и представить.

Чувствуя, что не сможет заснуть, Лердвих спустился вниз. Он думал о Хаге, о незнакомце, об управляющих этим миром Князьях Света и Тьмы, о себе самом – обо всем... У постели Делилы сидела Ана. Несколько дней назад девочка сильно простудилась. У нее был жар. Ана варила какие-то горькие настойки, поила дочь теплым молоком с маслом, но болезнь не проходила.

– Ана, – сказал Лердвих. – Иди спать.

Он сел на краешек кровати, осторожно прикоснулся к лицу племянницы. Кожа Делилы горела; мокрая ткань, которую Ана положила ей на лоб, потихоньку сохла. Лердвих смочил повязку в плошке с водой и заново положил ее. Делила проснулась и попросила пить; сделав несколько глотков, она опять заснула. Лердвих смотрел на нее, и чувствовал, как сострадание захлестывает его сердце: племянница была такой крошечной, худенькой, слабой... Пульсируя, сила начала пробуждаться в нем – но на этот раз не для того, чтобы разрушать. Он ощутил, как дух Ламисеры окутывает Делилу, проникает в нее и пожирает духа болезни; он исцелил ее, выправил те незримые течения в Делиле, которые были повреждены, поменял их насыщенность и цвет... Лердвих не знал, что надо делать, он никогда не лечил людей таким образом и книги на этот счет ничего не говорили – но Лердвих Ламисера *знал*, и ему не нужны были книги. Сила, которую обрел юноша, могла не только убивать, но и исцелять; вернее сказать, она убивала всегда, но иногда, убивая, могла и даровать жизнь. Он убил болезнь, и тем самым вылечил девочку.

Делила пропотела, к утру жар спал. Она кашляла и была еще слаба, но у нее проснулся аппетит и вечером она уже сидела за общим столом со всеми, уплетая за обе щеки олады с медом. Лердвих смотрел на нее и думал о том, что нашел способ быть свободным. В его поступке не было ничего особенного, он действовал, потому что любил Делилу и, в определенной степени, был так же зависим от своей любви к девочке, как и

от страха перед Хагом. Желания противостояли друг другу: любовь и ненависть, радость и страх. Можно было воспользоваться силой одного, чтобы победить другого. Получалось, его свобода состояла в том, чтобы самому выбирать себе господина. Это не так уж много. Но по сравнению с полным рабством, в котором он провел всю свою жизнь – не так уж мало. Пока он думал, что его желания – это он сам, он был их рабом; сейчас его статус изменился – он стал слугой, вольным в выборе хозяина. Он наберется сил, а потом, возможно, найдет способ стать полноправным владыкой в доме своей души... Хотя Лердвих и понимал, как нелегко будет этого достичь. Он начинал смутно догадываться о том, что этот дом – вся вселенная, от Эдема до Дна...

Таковы были его мечты и мысли – как всегда, фантастические, запутанные, отчасти непонятные даже ему самому. Реальность жила своей жизнью. Через два дня явились солдаты и стали выносить из погреба все, что там было. Лицо Секвера побагровело от бешенства, огромные кулаки то сжимались, то разжимались, будто бы их обладатель вот-вот намеревался вцепиться в чье-то горло. Но Ана обнимала мужа, и Секвер ни в кого не вцепился. Он был бессилен что-либо сделать. Бессилен был и Лердвих – только в другом смысле. Он намеревался победить «плохие» желания с помощью «хороших» – но, смотря на наглые морды баронских солдат, он понял, что не хочет побеждать. Смерть раскрылась, словно волшебный цветок теней, и потянулась к людям. Он ощутил незримые токи-течения солдат как свои собственные и вошел в них, он чувствовал разрушительную силу, которой отзывалось каждое прикосновение к их жизненным телам, но не испытывал никаких угрызений совести. Пройдет немного времени – дни, а может, недели – и некоторые из них умрут; другие тяжело заболеют. Он знал, что так будет. Он не сразу понял, как называется то, что он с ними сделал: это дошло до него чуть позже. «Порча» – затасканное словечко, по делу и без его обожают употреблять невежественные суеверные люди... Теперь Лердвих узнал, что же – на самом деле – оно означает.

Глава четырнадцатая

...На следующее утро они продолжили путь к верховьям Велаты. Эдрик знал, что пройдет еще несколько дней, и они увидят далеко впереди изломанную гряду Ханнарок, Гор Гнева. Иногда в Речном Королевстве их еще называют Птичьими Горами – за то, что на их крутых утесах никто, кроме птиц, жить не способен. Ханнарок с севера полукольцом охватывают Пустое Море, чьи мутные, пахнущие серой воды совершенно лишены морских обитателей.

Древняя катастрофа, сотворившая Хеплитскую Пустыню и Выплаканное Море, омертвила Море Мечтаний, которое с тех пор и стали называть Пустым. И хотя за прошедшие века люди основательно заселили почти все земли, которые только можно было заселить, берега Пустого Моря так и остались безлюдными.

Легенды о причинах катастрофы говорят следующее.

Когда-то на небе сияли не два Светила, как теперь, а три: Солнце, Луна и Горгелойг, Черное Светило, пылавшее всеми цветами Тьмы. Земля пребывала в хаосе, людей еще не сотворили, и юные боги не враждовали друг с другом. Точнее сказать, в те дни перворожденные дети Светил богами еще не были, а были только бессмертными. Некоторые так бессмертными и остались.

Идиллия продолжалась до тех пор, пока не разгорелся спор за божественный напиток анкавалэн. В той войне, длившейся довольно долгое время (боги попутно успели заселить землю людьми и прочими бегающими, летающими и ползающими тварями), Черное Солнце низвергли, а из его осколков сотворили ночь.

Луне повезло немногим меньше. Ее плоть была умерщвлена, сила – отнята, а душа скована и заточена внутри ее собственных Сфер. Так Солнце стало высшим над мирами.

Отведав анкавалэна, верные Солнцу бессмертные стали богами и поселились в Эдеме, между Сверкающей Обителью и Верхними Мирами. Лунные Князья были заперты вместе со своей родительницей, а Темных Князей обрекли вечно пребывать на Дне Нижних Миров. Они признали верховную власть Солнца, и за то им позволили править некоторой частью демонических царств – той частью, которой Боги Света не могли повелевать сами: силами зла, смерти, распада и истощения.

Но нашлось несколько приближенных Горгелойга, которые отвергли союз с Солнечными Богами. Они взрастили последнего сотворенного Горгелойгом бессмертного – Солнечного Убийцу, Убивающего. Они называли себя Последовавшими, имея в виду, что идут дорогой Черного Солнца, не изменяя своему творцу и господину, и продолжают воплощать его замысел о том, каким должно быть миру. Но вышло так, что они лишь разделили его участь и были выброшены в ничто вслед за Горгелойгом.

Об этом сложена масса легенд: о том, как Солнце открыло замыслы темных бессмертных богам, о том, как боги трижды приходили на остров, где рос Убивающий и трижды были обмануты Лицемером, примерявшим каждый раз новые лица, о том, как на остров пришел Князь Мертвых, но не смог забрать Убивающего, как началась новая война, которую назовут потом Войной Остывших Светил, и как верные Горгелойгу были разбиты. Элайна, любимица Солнца, зачаровала Убивающего, а боги сковали его нерушимыми оковами. Но (как говорится в тех же легендах) когда настанет конец этого мира, Убивающий вырвется на свободу и низвергнет Солнце. А потом Солнце воскреснет и зло будет уничтожено окончательно.

...В последнем – в полном и окончательном уничтожении всякого зла – Эдрик сильно сомневался. Даже боги в свое время осознали необходимость существования зла и тьмы – как антитезы добру и свету – для поддержания целостности мироздания, начавшего разрушаться после Падения Горгелойга. Если уничтожить Нижние Миры, рухнут и Верхние. А чем тогда станут править боги?

Кроме того, в самой их борьбе зло становилось добром и наоборот – так, что уже невозможно было отличить, где тьма, а где свет. Конечно, люди почитали Богов Света как всесвятых и всеблагих, однако именно громовой жезл Осологбора расколос материк надвое, из-за чего образовалось Выплаканное Море, и иссушил Страну Хрустальных Городов, превратив ее в Хеплитскую пустыню. Другой бог, Салург, наслал на землю великий дождь, уничтоживший почти все живое – только для того, чтобы умертвить хуриджаров, огненных демонов, рожденных от брака Земли и Ада. Судьбы простых смертных заботили Богов Света меньше всего, когда они использовали свое оружие против темных бессмертных. Даже в легендах, которые включены гешскими жрецами в каноны (не говоря уже о тех, что отринуты и признаны еретическими) – даже в них боги предстают зачастую самыми обычными убийцами, кровосмесителями, клятвопреступниками и ворами.

Имена Последовавших за Черным Светилом были преданы забвению. Поверженные враги, желавшие на заре времен разрушить мир для того,

чтобы отомстить Солнцу, превратились в пугалку для богобоязненной паствы. Последовавшие стали Последышами, а Лицемер и Истязатель – персонажами детских считалок и страшных сказок. Кроме того, их имена использовали, когда хотели выругаться более-менее цензурно.

...Эдрик думал о богах потому, что до сих пор не решил еще, как относиться к своему спутнику. Боги поделили все, что есть, на черное и белое, и в этом мире Льюис Телмарид, безусловно, был чудовищем, заслуживающим самой мучительной смерти. Но Эдрик не жил в черно-белом мире. Как действовал бы он сам, окажись он в ситуации, аналогичной той, в которую попал Льюис?.. Идеальный выбор между Добром и Злом существовал лишь в рамках гешской религии, которая сама являлась лишь средством контроля, позволяя богам и их слугам держать в подчинении безропотное людское стадо. На практике, однако, и боги, и их жрецы менее чем кто-либо стремились следовать идеалам, которые они сами же и провозглашали. Этим доказывалась та очевидная истина, которую исповедовала Школа Железного Листа: нет ни добра, ни зла вне человеческого воображения; выбор всегда происходит не между абсолютными величинами, а между относительными; каждый сам определяет, кто он есть, насколько силен или слаб. Непреклонная воля, с которой Льюис Телмарид шел к намеченной цели, по-своему импонировала Эдрику: в рамках его собственных представлений воля, внутренняя сила, сила духа и была той единственной ценностью, которая определяла все остальное. Мир, в котором жил Эдрик, не раздирался надвое бесконечной борьбой добра и зла, не расщеплялся неразрешимым противоречием между «должно, но не хочу» и «хочу, но нельзя». Мир Эдрика был целостным, тяготевающим к единому центру, и этим центром было чистое «я», освобожденное от всех влечений и качеств. Воля – вот та сила, которая исходила от «я», и позволяла ему проявлять себя в поступках, не привязывая себя ни к чему, действуя непреклонно, свободно и бесстрастно.

Поэтому в мире Эдрика Льюис Телмарид не был чудовищем. Там вообще не было ни праведников, ни негодяев. Там были враги Эдрика и союзники Эдрика, слабые и сильные, рабы богов и те, кто пытался следовать собственной дорогой. Только тот, кто обладал внутренней силой, мог стать Эдрику другом или врагом. Тот же, кто собственной волей не обладал – с точки зрения Эдрика Мардельта, не существовал вовсе.

Такой вот незатейливой философии он придерживался.

* * *

Их попытались задержать у Бисариха – торгового городка, расположенного там, где начинался самый южный караванный путь, ведущий от оживленных городов Речного Королевства к океанскому побережью. Здесь от Велаты отделялся ее рукав, впадавший через пятьдесят миль в Горькое Озеро. Проток – быстрый и бурный; и поскольку Эдрик и Льюис не собирались соваться в город, им пришлось воспользоваться бродом. У брода, однако, их ждали: полсотни солдат, спешно выведенных из крепости Агимор, что прикрывала Бисарих с запада, и чародей Хаздор Киправельт, комендант этой самой крепости.

Хаздор – сорокапятилетний мужчина могучего телосложения, облаченный в посеребренные доспехи, уверенно восседал на крупной пегой кобыле. Перед ним расположилось полтора десятка лучников, а перед лучниками – мечники и копейщики. Хаздор прибыл на берег буквально за несколько минут до того, как там появились беглецы. Об их приближении он узнал слишком поздно и организовать полноценную засаду просто не успел.

Когда Эдрик и Льюис выехали из леса к рокочущей реке, стрелки уже приладили стрелы и натянули тетивы луков, до предела. Солдаты двинулись к всадникам, собираясь взять их в полукольцо.

– Ручаюсь, по нашему следу скачет еще полсотни, – не поворачивая головы, беззаботно обронил Эдрик.

Льюис молчал, яростно сверля глазами подступавших солдат. Их было слишком много, чтобы Игра, магия или собственный клинок могли помочь ему. Так глупо попасться!.. И когда? Когда они уже почти вырвались из Речного Королевства, когда конечная цель пути стала близка, как никогда ранее...

– Бросайте оружие и сдавайтесь, – приказал Хаздор Киправельт. В правой руке он сжимал серебряный жезл, хрустальная сфера на конце которого горела лиловым огнем. Заклятье, которое готовился, в случае сопротивления беглецов, произнести Хаздор, было не атакующим, а защитным: в послании, что доставил почтовый голубь, было сказано, что, по крайней мере, один из беглецов – опасный колдун. Люди Хаздора защищены, но опытный заклинатель способен снять или проломить охранные чары, и комендант собирался пресечь любые попытки черного мага применить Искусство против простых солдат. Он защитит солдат от враждебной магии, а они уж как-нибудь управятся с этими двумя.

Эдрик поднял руки, показывая, что он не вооружен.

Льюис, ощущая бессильный гнев, смотрел, как его спутник слезает с лошади. Разум подсказывал: последуй его примеру, сдайся. Пусть они

решат, что победили тебя, пусть возьмут в плен. Потом ты найдешь способ вовлечь кого-нибудь в Игру. Ты получишь огромный, но кратковременный приток силы – и сбежишь. Может быть даже, полакомишься колдуном – кто знает?..

Разум подсовывал великолепные картины. Но чутье твердило: не лги себе. Ты не выберешься отсюда живым. Предложение сдаться – всего лишь уловка, на самом деле никто не собирается брать тебя в плен. Они не идиоты. Они знают, как ты опасен. Тебя убьют прямо здесь и сейчас, вне зависимости от того, что ты будешь делать. Разница лишь в том, что если ты сдашься, то пойдешь под нож, как покорная скотина.

Телмарид не был бы магом, если б не привык доверять своему чутью. Собственная беспомощность бесила его, безвыходность создавшейся ситуации наполняла его сердце дикой яростью. Сдаваться он не собирался.

Через десяток шагов Эдрик сблизился с солдатами, которые двигались ему навстречу.

И вот тут начали происходить непонятные вещи.

Никто не понял, каким образом один из солдат Хаздора упал на землю, а его копьё вдруг переключилось в руки Эдрика. Соратники упавшего бросились к Мардельту. Эдрик, будто танцуя, сделал несколько легких, свободных движений. За движениями копья в его руках взгляд уследить не успевал. Еще три человека упали. У одного была проломлена височная кость, у второго – раздроблено колено, у третьего – смята нижняя челюсть.

Хаздору стало ясно, что негодяи по-хорошему не хотят, и он скомандовал лучникам:

– Пли!

Лучники выпустили стрелы не в Эдрика – тот со всех сторон был окружен пехотинцами – а в Льюиса. Но они опоздали. В тот момент, когда они отпустили тетивы луков, Льюис уже начал падать с лошади. Он не представлял, на что надеется его товарищ, выходя без оружия и без доспехов против пятидесяти вооруженных людей, понял только одно: оставаться в создавшейся ситуации дальше под прицелом – самоубийство. Падая, он слышал, как стрелы свистели над седлом, но времени на то, чтобы произнести даже самую короткую благодарственную молитву Богам Тьмы, у него не было. Одна из стрел попала в Ягоду и лошадь, заржав, прыгнула прочь. Бормоча охранное заклятье, Льюис откатился за дерево. Прижался к стволу. Быстро выглянул, чтобы оценить ситуацию.

Происходило что-то странное. Полсотни бывалых, обученных, хорошо вооруженных солдат не могли справиться с одним-единственным человеком, у которого не было ни кольчуги, ни шлема, ни щита, ни меча,

ни боевого коня – ничего, кроме отнятого у одного из солдат копья. Кстати сказать, железным наконечником Эдрик никого не бил, и даже улучил несколько мгновений, чтобы обломать его. Полученным таким образом «оружием» он пользовался как обыкновенным шестом. Противников он как будто бы вовсе не замечал, двигаясь раскованно, свободно, с какой-то развязной ленцой. Словно озорной мальчишка решил постучать палкой по неподвижным пенькам. Его удары казались легкими, небрежными, но это было обманчивое впечатление – каждый из них выводил из строя одного солдата. Доспехи, защищавшие их тела, Эдрика не останавливали. Он не бил в грудь, в живот, в плечи – не бил туда, где плоть закрывали сплошные пластины. Его больше привлекали коленные и локтевые суставы, кисти рук, открытые части лица. Здесь не было рыцарей, закованных в железо с ног до головы, и древко копья, порядком помятое от ударов, выскивало цели с беспощадной точностью. Попытки лучников подстрелить Эдрика также ни к чему не привели: его почему-то не оказывалось там, куда летели стрелы, и те либо втыкались в землю, либо попадали в солдат Хаздора.

Указав жезлом на Эдрика, чародей произнес короткое, но мощное парализующее заклинание. Из хрустальной сферы вылетели светящиеся лиловые линии, складываясь в воздухе в подобие полупрозрачной сети... Но до Эдрика они не долетели – что-то вмешалось в действие заклятья. Линии спутались, смятая сеть замерла на середине пути. Подняв взгляд, Хаздор увидел второго беглеца – он уже не прятался за деревом, а стоял, полузакрыв глаза, вытянув вперед левую руку. Секундой позже Льюис сделал кистью вращательное движение, и сеть, закручиваясь в том же направлении, растаяла в воздухе.

Взмахнув жезлом, Хаздор выкрикнул три коротких слова, призывая к себе Огонь, Смерть и Свет. Их мощи достало бы с избытком, чтобы испепелить, уничтожить черного мага. Но воспользоваться призванной силой он не успел. Он еще не закончил говорить, как Льюис уже начал произносить собственное заклятье, содержащее в себе те же три колдовских слова, но вывернутые наоборот. Заклятье, которое плел Хаздор, начало разрушаться за долю секунды до того, как он спустил Стихии с цепи. Оковы распались, совершенный порядок рухнул, Стихии вернулись в те колдовские царства, из которых они были призваны. «Его колдовство – такое же, как у скайферов, – подумал Хаздор. – Оно разъедает мои заклятия...»

– Стреляйте в колдуна! – заревел комендант Агимора, указывая на человека рядом с деревом.

Но лучники не успели выполнить его приказ – смерч из движений,

выпадов, блоков, в который превратился Эдрик, был уже здесь. Эдрик двигался столь быстро, что, казалось, расплывался в воздухе, пехотинцы падали под ударами копья как деревянные солдатики. Пространство позади Мардельта было усеяно искалеченными людьми. Теперь он взялся за лучников. Кто-то прынул в сторону, кто-то не успел – и упал в грязь перед копытами лошади Хаздора. Два или три лучника выстрелили, но в колдуна не попали: пехотинцы, которые, как мячики, отлетали от одного-единственного, почти невооруженного человека, слишком уж действовали им на нервы. Хаздор Киправельт вымолвил Слово Смерти, обратив его к человеку, который менее чем за четверть минуты искалечил полсотни обученных солдат... и сейчас добивал последних из них. Когда Хаздор уже отпустил заклятье, что-то будто толкнуло его, заставило повернуть голову ко второму. Заметив усмешку на губах Льюиса, он понял какую глупость совершил. Слишком поздно. Структура последнего заклятия, как и двух предыдущих, была нарушена, но на этот раз сила не растаяла, не ушла туда, откуда ее призвали. Смерть, вызванная Хаздором, как бешеный зверь, вцепилась в него самого. Он закричал и продолжал кричать все время, пока Слово Смерти разрывало чародея на части, алчно обгладывая его собственную жизненную сущность.

Льюис оглядел поле боя. Берег, усеянный людскими телами. Эдрик задумчиво поигрывал измочаленным древком копья. У него был такой вид, как будто бы то, что произошло, не имело к нему ни малейшего отношения.

Все солдаты были живы – хотя многие из них от боли лишились сознания. Льюис подошел к одному из раненых, поймал взгляд... Это был парень лет двадцати пяти, с переломанными коленями. Его не нужно было даже вовлекать в Игру. Боль, паника, полное непонимание произошедшего уже сделали все сами: Льюису осталось только забрать то, что ему так настойчиво предлагали...

Мардельт, не выказывая ни одобрения, ни осуждения, бесстрастно смотрел, как его спутник наклоняется к солдату, как Тэннак впивается в жизненную сущность раненого и опустошает ее до дна... Отвращения он не испытывал, но и радости наблюдаемое Эдрику не доставляло. Прежде чем решать, как к этому относиться, нужно понять, что это такое. Восприятие Эдрика, пожалуй, можно сравнить с восприятием человека, наблюдающего за тем, как паук поедает пойманную муху. Эдрик – ни на стороне «паука», ни на стороне «мухи», он сам по себе. Он только наблюдатель. Он мог бы вызвать в себе жалость к умирающему, мог бы пережить наслаждение вместе с Льюисом – в Школе их учили, как

создавать из отдельных состояний психики целые букеты переживаний, устойчивые модели отношений к окружающему миру. Но он не сделал ни того, ни другого. Сейчас эмоции только помешают. Эдрик хотел изучить процесс.

Льюис закончил и подошел к другому солдату...

– Не хочу тебя отвлекать, но через несколько минут здесь будут еще полсотни, – сообщил Эдрик. Присвистнув, подозвал к себе Светляка. – Разбираться с ними будешь сам.

Подойдя к броду, он оглянулся. Как ни странно, Льюис за ним не последовал. Он зачем-то добивал раненых – уже без всякого волшебства, обычным оружием. «Он и вправду безумен...» – с жалостью подумал Эдрик.

Отправив на тот свет пять или шесть человек, Льюис, как мог быстро наложил на трупы несколько заклинаний. Один из лучников, искалеченный Эдриком не слишком сильно, переборов боль, поднял лук и попытался подстрелить Телмариды. Стрела ушла в сторону – охранные чары, которые Льюис наложил на себя, отсидевшись за деревом, все еще работали. Подозвав Ягоду, Льюис поспешно направился к броду. Лошадь вела себя беспокойно. Ему все-таки пришлось остановиться и аккуратно извлечь из нее стрелу.

Когда он уже выходил на другой берег, появились наконец всадники, которые, по первоначальному замыслу Хаздора, должны были блокировать беглецам все пути к отступлению. Вид пятидесяти разбросанных по берегу тел привел новоприбывших в состояние легкого ступора. Все были живы, кроме предводителя и еще шести солдат – но эти, мертвые, выглядели так, как будто пролежали под палящим солнцем не один день: раздувшиеся, обезображенные, омерзительно смердящие. Чуть позже всадники осторожно двинулись вперед. Сила, которая за считанные минуты уничтожила чародея и отряд пехотинцев, заставляла считаться с собой, но беглецы, находившиеся на другой стороне реки, казались такой близкой, такой уязвимой целью... Те, у кого были луки, уже прилаживали к ним стрелы...

На другом берегу реки Льюис Телмарид поднял правую руку. С отвратительным чавкающим звуком лопнули тела семи мертвецов. Чудовищный, непередаваемый смрад поглотил противоположный берег. Трупный запах был таким густым, что казалось – здесь разлагаются не семь, а десятки тысяч человеческих тел.

Лошади новоприбывших сходили с ума и бросались в стороны, всадники теряли сознание и падали на землю. Те, кто еще не успел

вступить на берег, поспешно повернули обратно, ругаясь, оплевываясь, зажимая руками рты и носы.

Эдрик с интересом наблюдал за происходящим. Потом перевел взгляд на своего спутника. Льюис уже опустил руку и теперь молча сидел в седле, глядя на текущую воду. Почувствовав, что на него смотрят, обернулся.

– Это их задержит, – произнес он.

«Логика в его безумии все-таки есть... – подумал Эдрик. – Посмотрим, что будет дальше».

* * *

Вечером они увидели Сайбо – укрепленный городок на холме. К городу путники не приближались. Пересекли дорогу, ведущую к переправе, миновали заболоченное поле, достигли леса...

– Остановимся здесь, – предложил Льюис, придерживая поводья.

Эдрик собирался провести в седле еще несколько часов – до тех пор, пока совсем не стемнеет. Но он не стал возражать. Он почувствовал, что его спутник хочет остановиться здесь – и не столько предлагает, сколько *просит* об этом. Эдрику стало интересно.

Любопытство его, впрочем, было скоро удовлетворено. Расседлав Ягоду и быстро умывшись у ручья, Льюис сообщил:

– Мне нужно отлучиться. На несколько часов. Не следи за мной.

Эдрик, в этот момент достававший из переметной сумы сушеное мясо и гречневую крупу – их нехитрый ужин, – остановился.

– Ты куда? – спросил Мардельт.

– В город.

– Зачем?

Льюис помолчал, а потом, придя к выводу, что проще объяснить сразу, чем бесконечно уходить от ответов, сказал:

– Я истратил слишком много сил сегодня. Мне нужно восстановиться.

– А, понятно... – Эдрик испытал легкое разочарование от того, что причина их остановки вблизи города оказалась такой незатейливой. Как все банально, оказывается: кровопийца жаждет крови... Он позволил скуке и разочарованию отразиться в своем голосе, когда задал следующий вопрос:

– Ты ведь выпил душу одного из солдат на берегу. Тебе что, мало?

Льюис кивнул. Полное безразличие к проблемам морального порядка, выказываемое Эдриком, как бы ставило их двоих на одну плоскость, позволяло говорить на одном языке. Если бы тот же самый вопрос был задан иным тоном, Льюис не стал бы отвечать. Но Эдрик не выказывал ни

одобрения, ни осуждения. Как будто бы они говорили о приготовлении салата или резьбе по дереву. Голые факты, без всяких оценок «хорошо-плохо»... Льюис сказал:

– Да. Мало. Я потратился на колдуна, а потом – на последнее заклятье. Тот человек компенсировал кое-какие затраты. Но не все. Кроме того, очень много сил ушло еще в городе. И потом, когда мы ехали. Эта вонючая кошка меня сильно изуродовала. – С болезненной гримасой он коснулся левой ключицы.

«Вот почему он так быстро поправился, – подумал Эдрик. – Воспользовался своим „запасом“... Ну конечно».

Вслух он ничего не сказал.

– Не ходи за мной, – повторил Льюис. И ушел.

Когда он скрылся из виду, Эдрик, вздохнув, побросал продукты обратно в сумку. Однообразная еда надоела, а в пище, как в средстве для поддержания жизненных сил, он не слишком-то нуждался. При Льюисе он ел, чтобы спутник не заподозрил неладное, но сейчас, когда тот ушел – для чего изображать человека?..

Вместо заботы о собственном желудке Эдрик позаботился о лошадях. Нашел для них подходящую полянку. Вычистил Светляка. Уже после того, как зашло солнце, вернулся к месту стоянки. Сел спиной к дереву. Стал ждать.

Он мог бы войти в состояние, когда пропадают все мысли, когда ничего не ждешь и не хочешь, когда ты просто есть и есть мир, и нет никаких преград между тобой и миром, когда ты и мир – одно. Это было хорошее, очень ценное – с точки зрения Эдрика – состояние: ведь, если бы он не знал его, то, наверное, сошел бы с ума от скуки за те годы, что провел у Фремберга в плену. Но это состояние, признаться, за последние годы ему немножко надоело. Теперь ему все чаще хотелось думать, беспокоиться, суетиться – иными словами, жить. Поэтому он отпустил свои мысли, позволил им бессвязно скользить по поверхности разума, наслаждаясь самим процессом скольжения и не придавая ему решительно никакого значения...

Ему, получившему весьма специфическое воспитание в Школе Железного Листа, предаться подобным мысленным блужданиям было в чем-то даже сложнее, чем обычному человеку – совершенно изгнать из разума всякие мысли. Но он справился с этой задачей, восприняв ее как нечто среднее между полезным упражнением и увлекательной игрой. Ему вспомнилась Вельнис. Они так и не стали любовниками. Даже не попрощались. Жаль. За день до того, как он воспользовался книгой и чуть

не погиб, Вельнис обещала познакомить его с юной княжной, которой она служила. Кажется, девочка посматривала на него, как на своего потенциального жениха... Эдрик усмехнулся. А это могло бы стать забавным. Но не станет. Ничего, еще найдет себе мужа... Как только пришла эта мысль, следом за ней явилась и другая: Эдрик вдруг понял, что не может представить себе Вельнис замужем за другим человеком. Что-то не сходилось. Она как будто была специально... предназначена для него. Подходила так, как подходит телу одежда, сшитая на заказ. Как ключ – к замку. Странно, что он не замечал этого раньше. Эдрик ощутил беспокойство. Он не ревновал Вельнис, не переживал из-за того, что она, выйдя замуж за другого, будет несчастлива – дело было совсем в другом... Она была загадкой. В городе он лишь слегка выделял ее от других людей, почти не обращал на нее внимания, его любопытство оставалось поверхностным. Сейчас, на расстоянии, он увидел вдруг, насколько они друг другу подходили. Сделанное открытие привело Эдрика в легкую растерянность. Это нельзя назвать любовью или судьбой... но что это? И почему так? Как будто бы он нашел половинку себя. Но разве это не иллюзия, не самообман?.. Он не знал. Если и иллюзия, то настолько искусная, что он не мог увидеть ее природу. А если это не ложь – что тогда? Тогда иллюзия – его нынешнее восприятие мира; иллюзорна вся философия Школы, от начала и до конца. Он вдруг понял: это вызов, настоящий вызов! В груди поднялась волна радости: он чувствовал себя так, как если бы ему предложил вступить в поединок равный ему мастер меча. С тех пор, как он постиг Душу Меча, все его бои с другими людьми стали так смертельно скучны и бесцельны... Вельнис не могла сравниться с ним во владении оружием, но на каком-то глубинном уровне бытия она сумела зацепить его – и он, совершенный, неуязвимый воитель, радовался этому, как ребенок. Ах, если бы только хоть кто-нибудь из солдат Хаздора сумел бы сегодня днем задеть его своим оружием, хотя бы сумел отбить один-единственный удар! Тогда Эдрик был бы счастлив совершенно...

Он вернется в Рендекс, решено. Девочка слишком заинтересовала его, чтобы он мог так просто все бросить. На карту поставлены все вошедшие в его плоть и кровь истины Школы, вся его жизнь – тем лучше! Он или разгадает Вельнис, или изменится сам. Страх потерять себя в нем не было. Только восторг перед предстоящей битвой. Что с того, если они станут сражаться не клинками, а чувствами?..

Он вернется – но не прямо сейчас, конечно. Сначала нужно разобраться со всей этой ерундой – с Фрембергом, с книгой, с полусумасшедшим колдуном, который стал его спутником... В любом случае к летнему

солнцестоянию все должно решиться. Он посмотрит, действительно ли меняется природа бегущего по Мосту, изучит Слепую Гору (в первый раз такой возможности у него было), а потом...

Что-то отвлекло Эдрика от размышлений. Разум снова стал пуст. Восторженные благоглупости, только что переполнявшие сознание, пропали, сменившись холодным, бесстрастным вниманием. Он не шевелился и не дышал, вслушиваясь в окружающий его ночной лес.

Когда он понял причину беспокойства, ощущение пружины, взведенной где-то внутри, пропало. Эдрик сказал:

– Выходи. Я знаю, что ты здесь.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем из темноты выплыла сутулая фигура. Как и во время их первой встречи – лицо скрыто капюшоном.

Эдрик скептически разглядывал демона.

– И давно ты за мной следишь? – поинтересовался он.

– Два дня, – сообщил тайвэ.

– Что не показывался?

– Ты был не один.

После короткой паузы Эдрик спросил:

– Ты его видел?

– Кого?

– Моего спутника.

– Конечно.

– И что ты о нем скажешь?

Аайглато задумался.

– Он почти мертв, – наконец изрек демон. – Кое-как поддерживает себя заклинаниями.

– Он человек?

– Насколько я могу судить – да.

– Хм... у тебя на этот счет есть какие-то сомнения? – заинтересовался Эдрик.

– Нет, – капюшон качнулся. – Я просто хотел напомнить, что не обладаю абсолютным знанием. Твои же вопросы предполагают однозначные ответы. Если я буду давать их, у тебя может появиться иллюзия, что я знаю все.

Эдрик рассмеялся.

– Не беспокойся за меня. Я помню о том, что ты можешь ошибаться. И, тем не менее, я хотел бы услышать твою оценку.

– Я ее уже сообщил.

– А почему? Почему ты так думаешь?

– Твой спутник выглядит, как человек, и пахнет, как человек.

– И в нем нет ничего, что отличало бы его от остальных людей? – продолжал допытываться Эдрик.

– Все вы чем-то отличаетесь. Но он вполне укладывается в поток человеческой расы.

– Какой еще поток?

– Так мы разделяем группы запахов.

Эдрик вздохнул. Помолчал.

– А одержимым он не может быть?

– Я этого не заметил.

– А энергетические тела одержимых вообще имеют какие-нибудь особые «запахи»?

– Как правило, да.

– «Как правило»?.. Значит...

– Я вообще очень мало что знаю о запахах одержимых, – известил Эдрика тайвэ. И спросил в свою очередь:

– А почему ты подозреваешь его в одержимости?

– Есть причины. Тебе их знать не обязательно. А вот скажи-ка... его запах не похож на запах Ёнко Нарвериша? Ну, в то последнее утро, когда он вернулся от Маскриба и послал тебя к Фрембергу с пустым письмом?..

– Нет.

– Или потом, по пути, когда Ёнко уже начал меняться...

– Нет.

– Ну что ж... хорошо... – Эдрик задумался. Он был почти уверен, что нюхач-тайвэ даст другие ответы. Льюис, с его странными способностями, с расшатанным разумом, с сумасшедшей историей, включавшей в себя духовный интим с древними порождениями тьмы, обитающими под холмами в демонических городах, – почти идеально соответствовал образу одержимого. Но тайвэ был уверен, что это не так. С другой стороны, нюхач мог и ошибаться...

Эдрик вынул из сумки книгу и протянул ее Аайглато.

– Вот, возьми. Это то, что искал Фремберг.

Тайвэ осторожно принял фолиант.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Почему?

– Потому. Отдай Фрембергу, он разберется.

– Я могу идти? – спросил Аайглато спустя четверть минуты,

заполненных лишь шелестом ветра в кронах и стрекотом сверчков в темноте.

– Да, можешь.

Ночь поглотила тайвэ так, как будто его и не было вовсе, вобрала в себя, как вода принимает брошенный камень... Тайвэ больше не было здесь, в этой реальности, в видимом мире, на поверхности вещей.

Эдрик усмехнулся.

Конечно, Фремберг разберется.

А если и нет, если попадетя на ловушки, оставленные в книге ее безымянным автором?

Эдрика это не беспокоило.

В конце концов, Фремберг ведь всего лишь его нанял.

Глава пятнадцатая

Я вернулся в середине ночи. От обилия поглощенной силы казалось, что я не иду, а плыву по воздуху; вот сейчас протяну руку – и переломлю дерево движением пальцев. Ощущение легкой тошноты в теле, на душе – мерзость. Но я не позволял себе думать об этом. Не в том я положении, чтобы ослаблять себя еще и бесплодными муками совести.

Эдрик не спал. Сидел у костра, задумчиво глядя в огонь. Головы в мою сторону не повернул, но я знал: еще до того, как я подошел к стоянке, он каким-то образом уже почувствовал мое приближение. Ясновидец?.. Нет, он не профессиональный маг, в этом я был уверен. Скорее, создавалось впечатление, что все эти странные способности присущи ему по природе – так же, как они присущи демонам, оборотням и стихиялям.

Я сел напротив. Поразительно, как привлекает наше внимание пламя. Можно часами наблюдать за игрой его алых языков, любовно ласкающих поленья, алчно пожирающих тонкие ветки... Огонь – это чистая энергия, явленная в грубом телесном мире, огонь олицетворяет ту внутреннюю сущность, силу, что стоит за маской видимого мира, ту мощь, которая охлаждаясь, утяжеляясь, приобретает форму вещей нас окружающих. Существовать – означает действовать...

Мы с Эдриком будто бы вышли в какое-то безвременье, где не было ни прошлого, ни будущего. Два человека в ночном лесу у огня. И все. Есть только *сейчас*. Нет ни «завтра», ни «вчера». Мы чужие друг другу, но бесформенный мир, лежащий за границами круга света, даваемого костром, чужд нам обоим еще больше...

– Будешь спать? – спросил Эдрик. – Два часа до рассвета.

Я покачал головой.

– Нет. Все равно не смогу заснуть.

– Переизбыток силы?

– Да.

Он некоторое время молчал, а потом спросил:

– Ты знаешь, что вредишь себе еще больше, поглощая силу таким образом? Ты себя разрушаешь.

В его голосе не прозвучало ни осуждения, ни назидательных ноток. Просто констатация факта.

– Да, знаю, – сказал я. – Но у меня нет выбора.

Прошла, наверное, целая минута, а может – и больше, прежде чем он произнес:

– Ты действуешь очень хорошо... для обычного человека. – Короткая пауза. – Впрочем, для того, кто стоит на пороге смерти, это не редкость. Лишившись иллюзорных надежд, человек осознает, кто он таков на самом деле. Но пережить это открытие могут далеко не все – в большинстве случаев правда о себе постигается слишком поздно. Меня удивляет даже не то, *как* ты действуешь, а то, *сколько* времени ты сумел продержаться на плаву...

– Не знаю... – У меня были смутные чувства. – Я не уверен, что правильно тебя понял... О чем ты...

– Ты сражаешься за жизнь, как зверь, загнанный в угол. Теперь ты вполне узнал цену условностям и правилам. Весь этот высокоморальный бред, нормы поведения, «хорошее-плохое» – все это больше ничего для тебя не значит. Трепаться о ценности человеческой жизни могут только люди, которым в данный момент ничего не угрожает. Тогда можно поразглагольствовать о смысле жизни, о правде и добре. О мировом зле. Но когда ты оказываешься в ситуации «или-или» – или *твоя* жизнь, или *чужая* – вот тогда, и только тогда ты узнаешь настоящую ценность человеческой жизни. Она не так уж велика, правда?.. – Эдрик спокойно посмотрел мне в глаза. – И какой бы выбор ты не сделал... начинаешь видеть все немного в другом свете, не так ли?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь. Тебя что – радует то положение, в котором я оказался?

В моем голосе прозвучала скрытая угроза. Но он не обратил на нее внимания и беспечно ответил:

– В некотором смысле – да. Не потому, что тебе плохо или хорошо. Мне нет до этого дела.

– Почему же тогда?..

– Потому, что ты протрезвел.

– В каком смысле?..

– В том смысле, что все люди – пьяны. Опьянены иллюзиями. Придают великую ценность вещам маловажным и не замечают того, что имеет значение на самом деле. Боль, страдание, преддверие смерти – та точка, откуда все видно гораздо ясней. *В правильной перспективе*. Твой случай уникален тем, что ты, пробудившись, сумел растянуть эти предсмертные минуты на недели и месяцы. Но, к сожалению, ты – как и все остальные пробужденные – обречен. Ведь и ты протрезвел лишь тогда, когда тебя смертельно ранили.

– Думаешь, у меня нет шансов? – спросил я.

Я знал, что он чувствует мою злость.

Эдрик помедлил, а потом ответил:

– Все возможно...

Трещали поленья, пожираемые огнем... Прошло немало времени, прежде чем я нарушил молчание:

– Расскажи о себе.

– Что? – Он мельком посмотрел на меня. Спросил так, как будто бы не расслышал вопроса и просил повторить.

– Ты слышал мою историю. Теперь я хочу услышать твою.

– Я воин, а не поэт, – он усмехнулся. – Даже не сингайл. И не маг.

Слова – твоя стихия, а не моя.

– Перестань. Ты обещал.

– Разве?

– Да, обещал. Или у тебя такая короткая память?

Он помолчал, а затем произнес:

– Я не умею рассказывать истории. Что именно ты хочешь знать?

– *Кто ты.*

Эдрик усмехнулся:

– Поскольку самый простой ответ на вопрос «кто ты?» – это имя, а мое имя тебе известно, остается предположить, что под этим простеньким вопросом скрывается целая куча других. Таких, например: «откуда ты?», «сколько тебе лет?», «кому ты служишь?», «во что веришь?», «каковы твои цели?»...

– Верно, – кивнул я.

– Я родился в Ильсильваре приблизительно тридцать пять лет тому назад. Своих родителей я никогда не знал. Меня воспитала Школа Железного Листа. Слышал когда-нибудь о ней?

– Нет, – я покачал головой.

– Это довольно... своеобразная организация, – Эдрик ненадолго задумался. – По-своему, весьма могущественная. Но она редко вмешивается в происходящие в мире события. По крайней мере, открыто не вмешивается.

– Когда она появилась? Каковы ее цели?..

– Школу основал Хелак Первый Освобожденный. Это случилось очень давно. – Эдрик усмехнулся. – Никто уже и не помнит, когда. У Школы долгая история, но я, признаться... никогда ею особенно не интересовался. Школа всегда была немногочисленна, и случались периоды, когда она состояла всего лишь из двух-трех адептов. Потом мог следовать период

расцвета, когда число настоятельниц и мастеров достигало нескольких сотен – затем снова спад... Школа прошла несколько этапов становления, значительно развив первоначальное учение, преподанное Хелахом. Некоторые аспекты учения были переосмыслены, другие – отброшены, методики – значительно усовершенствованы. Но первоначальная идея осталась все той же, что и была. За прошедшие века Школа приблизилась к реализации цели, поставленной ее основателем, хотя извилистый путь, который она прошла, Хелах вряд ли мог предвидеть.

– Что это за цель? – спросил я.

Он посмотрел мне в глаза и сказал:

– Вернуть то, что отняли у нас боги.

– А, понимаю... Вы служите Адским Князьям?

– Нет.

– Лунным Владыкам?

– Нет. Ты не понимаешь. Мы никому не служим. Только себе самим.

Я усмехнулся.

– Все люди так думают.

Он кивнул:

– И все ошибаются.

– Кроме вас, конечно?

Он не повелся на подначку. Спокойно подтвердил:

– Да. Кроме нас.

– Чем же вы такие особенные?

– Нам известна природа того, что владеет человеком. Сущность желаний, страданий, наслаждений, привязанностей и влечений... Постигая ее в процессе обучения, мы уничтожаем свою зависимость от всего этого и становимся свободны от ложного эго... Это называется Освобождением от Формы. Только освободившийся может стать тел-ан-алатритом, совершенным воином. Внутри люди подобны застывшим глыбам – неподвижные, неповоротливые, косные... Освобожденные – как вода; они могут принять любую внутреннюю форму.

– Если все так, – я пожал плечами, – то я не понимаю, что вами движет. Если у вас нет предпочтений... как вы действуете? Почему выбираете то, а не это? Поступаете так, а не иначе?

– Выбор, – сказал Эдрик. – Личный выбор и больше ничего.

– Получается, ваш выбор совершенно произволен? Ты не похож на сумасшедшего.

– У сумасшедших нет выбора. Их влечет то, чего они не понимают и не осознают. В этом смысле – все люди немного сумасшедшие.

– Кроме вас?

– Кроме нас. Нас ничто не влечет. Но мы знаем все влечения.

– Но все-таки... я не понимаю мотивов. Например, почему ты помогаешь мне. Почему ты едешь на юг, а не лепишь куличики из песка. Если выбор ничем не обусловлен...

– У тебя неверное представление о выборе. Ты думаешь – если он не обусловлен ничем, то совершенно случаен. Это не так. Выбор – не произволен и не предзадан. Он вне того и другого. Свобода выбора – одна из тайн, которая не сводима ни к каким объяснениям, даваемым «извне». Это – один из ключей, которым открывается тайник анкавалэна.

– Что?.. – Мне показалось, я ослышался. – Что ты сказал? Какой еще тайник?.. Анкавалэн – это напиток богов...

– Боги утеряли его в Войне Остывших Светил. Ты ведь наверняка помнишь эти легенды. Анкавалэн был пролит на землю. Теперь он принадлежит людям, но скрыт в них. И поэтому те, кто правят землей и всеми остальными мирами, не желают, чтобы он пробудился. Ведь тогда они, всемогущие властители Сальбравы, утратят могущество, молодость и силу, станут тенью самих себя и, в конце концов, исчезнут.

Я рассмеялся.

– Оригинальное у вас представление о миродержцах. А с чего бы им исчезать? Вы собираетесь покорить Небеса? Скинуть Солнечных Князей с их тронов?..

– Нет, зачем? Этого не потребуется. Они сильны до тех пор, пока питаются нашей силой. Мы им служим, поработав себя государству, религии, наслаждениям, страху, страданиям. В тот миг, когда мы не принадлежим себе, мы отдаем силу кому-то другому...

Я вздрогнул. То, что говорил Эдрик, внезапно перестало казаться забавным. Это было слишком уж близко к сути Игры... а об Игре я ему ничего не рассказывал.

– ...люди несвободны почти всегда, – продолжал он. – Боги сделали нас своими рабами и употребляют нас, как свою пищу. Школа... ставит своей целью разорвать эту зависимость.

– И что вы сделаете, когда обретете свободу?

– Мы уже ее обрели.

– То есть? Вы открыли способ пробудить силу анкавалэна? – Я рассмеялся. – Ты не мог бы сотворить парочку миров... не то чтобы я тебе не верил, но все же...

– Нет. Еще нет. Мы приблизились к ее сути, мы очень многого достигли, но на «сундуке», который прячет эту тайну, не один замок...

– «На сундуке»? – переспросил я.

– Просто... метафора такая. – Он рассмеялся. – Не обращай внимания.

– Хорошо. А если говорить конкретно? Чего именно вы достигли?

– Ты сам все видел.

Я вспомнил, как утром он – почти без оружия, играючи – справился с отрядом солдат... Это впечатляло.

– Сложно этому научиться? – поинтересовался я.

– Да, непросто. В Школу принимают только детей. Как правило, еще младенцев. Во всяком случае – не старше двух-трех лет. Но и это считается поздним сроком, предпочитают брать детей до года. Покупают на невольничьих рынках или у многодетных крестьян. Забирают из приютов.

– И когда они вырастают... каждый из них в состоянии справиться с сотней солдат?

– Или с тысячей, – бесстрастно ответил он. – Вас так и разбили, кстати.

– Кого – нас?

– Орден Крылатых Теней. Чванливых хальстальфарских ублюдков. – Теперь он опять улыбался.

– Ах, так вот в чем дело... Я не помню, что тогда произошло. Я ведь говорил тебе. У меня утеряна эта часть памяти. Значит... в политику вы все-таки вмешиваетесь?

– Иногда. Нечасто. Изгнанные Ордена в Ильсильваре нам были не нужны.

– А почему? Чем они вам помешали?

– Не знаю. – Эдрик пожал плечами. – Я тогда еще не родился.

Я смотрел на него и думал... Он не был похож на ильсильварца. Совсем не похож. Скорее уж – на одного из моих соплеменников. Светлые волосы, голубые глаза, высокий рост... типичный хальстальфарец. По сравнению с ним – я был нетипичным.

Родился после войны... не знает родителей... я вдруг подумал, что его отцом мог быть кто-то из моих товарищей – из тех, кто занимались грабежами и насилиями в захваченном Льюхвиле. Сам я папашей Эдрика не смог бы стать при всем желании – младшему помощнику лекаря во время войны работы хватало по горло. Я не помню всего, что там было, но помню – обычно я выматывался так, что мечтал лишь об одном: хоть где-нибудь прикорнуть часок-другой. Кроме того, тогда я был еще совсем сопляком. С мозгами, основательно промытыми друидской философией ненасилия и любви ко всему живому. Вряд ли у меня в те времена хватило бы смелости прижать в уголке какую-нибудь смазливую девчонку. Все возможно, конечно, но... вряд ли.

– А кто управляет вашей организацией? – самым невинным тоном осведомился я.

– Прорицательница.

– Она правда может предвидеть будущее?

– Почти все настоятельницы в какой-то степени на это способны.

– А мужчины?

– У мастеров другие способности.

– И какое положение в Школе занимаешь ты?

– Я тел-ан-алатрит.

– Этого трудно добиться?

– Непросто. Для этого нужно выдержать обучение... – Мимолетная улыбка скользнула по его губам. – Что удастся далеко не всем. А затем пройти последнее посвящение. Во время него и определяется, кто сумел Освободиться от Формы, а кто – нет.

– И что происходит с несумевшими?

– Они умирают.

– А с прошедшими испытание? Что дальше?

– А дальше – всё.

– Не понял.

– Ты можешь уйти. Или остаться учить молодежь. Во втором случае тебя будут называть «мастером».

– Как я понимаю, ты выбрал первый вариант?

– Совершенно верно. – Он опять улыбнулся. – Как видишь, я здесь.

– Вы поддерживаете какую-нибудь связь?

– Да, если нужно. Помнишь пожилого человека в трактире? Это была одна из моих настоятельниц.

Мне показалось, что я ослышался.

– «Настоятельница»?.. Там был пожилой мужчина.

– У них нет пола. Вернее сказать, они могут принимать любой пол по своему усмотрению.

– Почему тогда... настоятельницы, а не настоятели?

– Потому что в Школе они обычно пребывают в женских обличьях. Считается, что женщина управляет лучше. Настоятельницы составляют административную иерархию Школы.

– А мастера?

– А мастера – отдельно. Такие, как я, в Школе ничем не управляют. Да нам это и не надо.

Я подумал, а потом спросил:

– Почему ты сказал, что пройти обучение удастся не всем?

– Потому что оно не очень-то легкое. С точки зрения нормального человека... наверное, все это должно выглядеть как непрерывная цепь издевательств над детьми и подростками.

– И что хорошего может вырасти из детей, «воспитанных» таким образом? – произнося все это, я смотрел на него. Вообще-то, ответ на мой вопрос находился у меня перед глазами.

– Никто не ставит целью вырастить что-то «хорошее», – терпеливо разъяснил Эдрик. – Цель – Освободить от Формы. Любыми методами. Выдерживают не все. Некоторые ломаются, сходят с ума, убивают себя, умирают от перенагрузок. Другие закаляются. Как... как клинки, погружаемые послековки в масло. Потом... потом все это становится неважным. Возникает понимание: *ты просто есть*. Здесь и сейчас. И ты свободен. А то, что привело тебя к этому пониманию... не имеет значения.

– И как ты теперь к ним относишься?

– Тел-ан-алатрит свободен от всего. В том числе и от самой Школы. Я ничего им не должен. И они мне ничего не должны.

– Но если ты не стал мастером... значит, какая-то неприязнь все-таки осталась?

– Нет. Я всегда мечтал посмотреть мир. Я знал, что смогу осуществить эту мечту только в том случае, если выживу на последнем посвящении. Иначе из Школы не уйти.

Я помолчал, а потом произнес:

– Мрачная какая-то у вас организация.

Эдрик кивнул. Он по-прежнему улыбался. Безмятежной улыбкой младенца.

Глава шестнадцатая

...В полутемном кабинете сидит девушка. Она не слишком красива – дородная, широкая в кости, с явной склонностью к полноте. У нее круглое лицо, карие глаза и румяные щеки. Каштановые волосы заплетены в косу. Обычно она носит дорогое платье, и не брезгует украшениями, но сейчас ее одежда – самая обычная. Она любит смеяться, но уже неделю в крепости Агимор никто не слышал ее смеха.

С тех пор, как умер ее отец. Точнее сказать – с тех пор, как его убили. Девушку зовут Сазки Киправельт.

* * *

...Скрипнувшая дверь отвлекла Сазки от невеселых мыслей. Она обернулась. Вошел Норбак Шуртальт – помощник отца, заправлявший здесь всеми бумажными делами. После смерти Хаздора он принял на себя управление крепостью – кому-то надо было это делать. Пока еще пришлют нового коменданта... Норбак двигался скованно, осторожно, как будто боялся нарушить тишину. «Лучше бы он вел себя, как прежде...» – с тоской подумала Сазки. Но она знала, что это невозможно. Уже ничего не будет прежним, никогда. Не считая ее отца, пало пятьдесят солдат. Те, кто знал их – живущие в Бисарихе и Агиморе родственники и друзья погибших – все еще не могли прийти в себя от случившегося. Говорят, солдаты были еще живы, когда к броду подъехал второй отряд. Но потом по берегу разлилась удушающая вонь, а когда, спустя час, она начала постепенно рассеиваться, то все раненые, оказавшиеся в зоне действия смердящего облака, были уже давно мертвы.

Из сорока всадников ни один не осмелился последовать за двумя убийцами. Теперь многие смотрели на них, как на трусов. Так же воспринимала их и Сазки... хотя разумом она и понимала, что и всадники вряд ли бы сумели что-то сделать с этими двумя. Если им хватило всего нескольких минут, чтобы уничтожить отряд пехоты, если в городе они убили оборотня из Древа Кошки, если... Сазки почувствовала, как к горлу подступает бешенство. Она закрыла глаза и приказала себе ни о чем не думать. Иначе она снова выйдет из себя, будет ломать и крушить все вокруг – а потом ударится в слезы.

Нельзя этого делать. Хватит. Не сейчас. Не при Норбаке.

Грузный мужчина осторожно сел в кресло. Сазки был невыносим его вид, это постное выражение лица, это сочувствие на дне его глаз... Она отвернулась.

– Как ты? – тихо спросил Норбак.

Она покачала головой. Он вздохнул.

Сазки тупо смотрела на письменный стол отца – как и неделю назад, когда он был еще жив, заваленный книгами, письмами, бумагами... Она с ненавистью уставилась на свиток пергамента со сломанной печатью Рендекса.

Хаздор получил послание перед самым появлением этих двоих. Он ничего не успел сделать. Обнаружил их в хрустальном шаре уже совсем близко, у перепутья. Едва-едва успел добраться до брода по юго-западной дороге. Всадников он отправил через город, на север: выбравшись на тракт, они должны были перекрыть беглецам путь к отступлению.

За неделю Сазки успела несколько раз перечитать это письмо. И каждый раз ей хотелось разорвать его в клочья. Из-за этого клочка пергамента погиб ее отец!.. Послание, помимо кратких комментариев одного из лейтенантов рендексовской стражи, содержало в себе точную копию другого письма, отправленного в Рендекс из Экфорда, а еще прежде, в Экфорд – из Миррабата, капитаном тамошней стражи Лассуром Эридельтом.

– Я от Органа, – негромко произнес Норбак.

– И что говорит капитан? – безучастным голосом спросила Сазки.

– Хочет, чтобы я стал комендантом.

Сердце Сазки сжалось, но внешне она постаралась сохранить спокойствие.

– Никто не справится с этой работой лучше тебя.

– Не знаю... я не уверен... – Норбак еще больше смутился. Изложив самую трудную – с его точки зрения – новость, сказал:

– К Бисарих прибыл курьер из Рендекса.

– Где он? – вскинулась Сазки. – Я хочу с ним поговорить!..

– Он не привез ни одного ответа на твои письма... – Норбак опустил взгляд. – Вернее... все ответы предназначались Органу. Они считают, что он теперь... командует. И поэтому пишут ему.

Сазки сжала кулаки так, что побелели костяшки. Ее отец погиб, защищая порядок в этом гребаном королевстве. А они, видите ли, не могут выделить полчаса, чтобы написать письмо его дочери. Им всем наплевать...

Ее раскаленная добела ярость трансформировалась в гудящую

потрескивающую электрическую дугу, которая, как змея, обвила руку. Такое с ней и раньше бывало, когда она выходила из себя.

– Эй, эй!.. – Норбак вжался в кресло и поспешно замахал на нее руками. – Перестань, перестань!.. Ты что делаешь...

Сазки полузакрывает глаза и в очередной раз приказала себе расслабиться. Норбак ни в чем не виноват. Не нужно его пугать. И разносить помещение нельзя. Это ведь все-таки папин кабинет.

Когда, спустя несколько секунд, она снова посмотрела на свою правую руку, ослепительной молнии там уже не было.

Норбак смотрел на девушку по-прежнему настороженно. Он знал, на что она способна в таком состоянии. Сазки была не менее сильной колдуньей, чем ее отец; единственное, чего ей не хватало – это его опыта.

Впрочем, Хаздору и опыт не помог...

– Тебе хоть что-нибудь удалось узнать?.. – спросила девушка спустя какое-то время.

– Да, они говорили при мне.

– И?

– Второй – некто Эдрик Мардельт. Он длительное время зачем-то копался в княжеской библиотеке. Утверждал, что работает на Фремберга Либергхама.

Сазки скрипнула зубами. Только бессмертного здесь еще не хватало!

– Это правда? – напряженно спросила она. Если эти двое в самом деле связаны с Хозяином Обсидиановой Башни, как она сумеет им отомстить?.. Под защитой столь могущественной они могут не беспокоиться ни о чем...

– Не знаю, – сказал Норбак. – По крайней мере, он себя за него выдавал. Неизвестно, насколько тесно он связан с Фрембергом... но, похоже, со вторым у них была назначена встреча. Из Рендекса уже отправили письмо в Обсидиановую Башню с просьбой как-нибудь... разъяснить эту ситуацию... но на ответ в ближайшие две-три недели, как ты понимаешь, рассчитывать не стоит. Возможно, бессмертный тут не при чем. Но если нет... я не знаю, что мы можем сделать.

– Убить их, – процедила Сазки. – Пусть они служат хоть трижды бессмертному. Хоть кому.

– Сазки, я понимаю... твоё состояние. Но прошу – не делай глупостей.

– Не указывай мне, что делать! – Лишь колоссальным усилием воли она не позволила бушевавшему в ней гневу превратиться в локальную грозу... в закрытом помещении и в самом деле не стоило совершать таких выходов.

– Сазки, я не указываю, я прошу... – максимально проникновенным, спокойным голосом повторил Норбак. Руки у него при этом, однако, слегка

дрожали.

– Иди к черту, – процедила она, закрывая глаза...

Когда она открыла их в третий раз, в комнате уже никого не было. И слава Осолагбору, всемогущему Богу Грома, которого Сазки считала своим покровителем. Еще немного – и она бы точно кого-нибудь убила.

* * *

Прошло несколько часов, за окном стемнело, а Сазки по-прежнему недвижно сидела в кресле. Она словно пребывала в каком-то оцепенении. По щекам текли слезы, но она не замечала этого...

Как же так получилось?.. Отец был жив еще совсем недавно, и вот теперь он – мертв. Кажется, он еще здесь, в комнате все дышит им, но его нет и уже никогда не вернуть.

А тот, кто убил Хаздора, тот, кто отнял у Сазки самого дорогого ей человека – жив.

Он едет куда-то на юг, и она ничего не может с ним поделаться. С ним – или с ними? Она не знает, кто из них двоих убил его. Наверное, этот колдун. Капитан миррабатской стражи писал, что он очень опасен. «Отец понимал это, и взял с собой столько солдат, сколько успел собрать... – подумала Сазки. – Но все же их оказалось недостаточно».

Она понимала, что колдуна уже не остановить. Она проследила за этими двумя, сколь могла – использовала птиц и духов, прирученных еще Хаздором. Колдун закрывался, и точное его местоположение она узнать не могла, но было ясно: эти двое едут на юг. Предположение Лассура Эридельта о том, что одержимый чернокнижник стремится попасть в Хэплитскую пустыню, не оправдалось. Еще несколько дней, и они покинут пределы королевства. Никто не станет преследовать их и мстить. Чудовище, вырвавшееся откуда-то из Алмазных Княжеств, слишком всех напугало. И так уже очень много людей погибло, пытаясь его задержать. Сазки могла представить, что будет дальше. Похоронят убитых и постараются забыть. Если те, кто обладают властью, не могут выделить времени даже на то, чтобы чиркнуть пару строк дочери убитого коменданта – в ответ на все те гневные письма, что она отправила в Рендекс – неужели они найдут время (и немалые деньги!) для того, чтобы нанять кого-то, достаточно могущественного, чтобы справиться наконец с одержимым нелюдем?! Нет. Им не до этого. Им самим ничего не угрожает. Они не считают, что чем-то обязаны тем, кто им служит.

Они – власть. Бездушные королевские чиновники, зажавшиеся феодалы, боготворящие свою голубую кровь князя... Им нет дела до ее

горя. Так всегда было и так всегда будет.

«Что ж, – с внезапной решимостью подумала Сазки, – значит, и я им ничем не обязана. Да пропади оно пропадом, это прогнившее королевство!..»

Она резко встала. Она чувствовала себя так, как будто бы только что проснулась. Отцовские вещи, создававшие ощущение его присутствия, Сазки больше видеть не могла. Вместе с тем сам их вид запрещал ей делать то, что она собиралась. Она опять засомневалась...

«Ну уж нет...» – сказала она себе. Вытерла слезы.

– Прости, отец...

Направилась к двери.

Ей нужно было попасть на самый нижний из подземных этажей Агимора.

Поначалу ей никто не препятствовал. Ее вид пугал людей – все знали, каким могуществом она обладает и как плохо способна контролировать его, когда ей больно.

Она миновала первый подземный этаж, где размещались кладовые, беспрепятственно прошла второй – там находились камеры для заключенных, но сейчас они пустовали. Вход на третий и последний был закрыт. Она вернулась к дежурному, потребовала ключ. Ей отказали. Сазки наградила солдата электрическим разрядом, отправившим его в беспамятство, забрала ключи, и снова спустилась вниз. После нескольких неудачных попыток отыскала наконец нужный ключ.

С другой стороны замка не было, но имелся тяжеленный засов, который Сазки не замедлила заложить. Чтобы не помешали.

Держа в правой руке тускло мерцающий фонарь, она спустилась по лестнице и вступила в каменный зал, где пахло пылью и тлением.

Примерно на середине комнаты она остановилась. Подняла фонарь выше.

На противоположной от входа стене имелся барельеф, изображавший фигуру в мантии. Никаких изысков, лишних деталей. Просто выпуклость на стене, кое-как стилизованная под нечто человекоподобное.

Сазки поставила лампу на пол и произнесла первые строки вызывающего заклятья.

Несколько сотен лет тому назад скайферы напали на Речное Королевство. Но это был не обычный грабительский поход. Их вел молодой вага, которому потребовались человеческие жертвы. Никто теперь не знает, для чего ему нужно было сразу столько.

Возможно, он хотел как-то отличиться перед своими ублюдочными

покровителями, сброшенными давным-давно на Дно Преисподней, побежденными, но все еще алчными до крови.

Было сожжено несколько городков с той стороны реки. Замучено огромное множество людей.

Вагу остановили. Видимо, он слишком разошелся. И, похоже, не собирался убираться в пустыню.

В сопровождении королевских войск прибыли чародеи и гешские жрецы. Вага был силен, но в одиночку со всеми справиться не смог. Скайферов разгромили, остатки клана бежали в пустыню. Пленных не брали. За одним-единственным исключением.

Темный волшебник был обездвижен, его способности – заблокированы.

Затем его убили. Прямо здесь, в этой комнате, в подземельях разоренного скайферами Агимора.

Но не обычным способом.

Гешские жрецы своей божественной магией перекрыли те каналы, которые связывали пленника с его томящимися на Дне покровителями.

Чародеи (говорят, среди них были и бессмертные) поработили душу молодого ваги. Его Тэннак, Шэ и Келат были преобразованы во что-то еще более жуткое и более могущественное, чем при жизни. Отныне он стал прикован к Агимору и был вынужден оберегать людей от своих же соплеменников, продолжавших регулярно тревожить западные границы королевства.

Существовало специальное заклятье-ключ, которым можно было его вызвать.

Правда, к его услугам прибегали очень редко. После смерти он приобрел чудовищную разрушительную силу, которая, если ее направляли куда-либо, проявлялась спонтанно, не подчиняясь велениям управляющего вагой колдуна.

Впрочем, называть это существо «вагой» неправильно. Для мертвых колдунов, отделенных от плоти и прошедших через такого рода преобразование, существует другое наименование: кадёты.

...Сазки услышала шум за спиной – кто-то пытался открыть дверь. Она не отреагировала. Сейчас важно было только одно – правильно произнести заклинание. Даже когда комендантом Агимора назначался обычный человек (в прошлом такое происходило нередко), при нем всегда находился колдун, имеющий доступ к магической системе, которой был подчинен кадёт. Иногда, кроме самого штатного колдуна крепости, ключ знал один из его учеников. Или старший сын.

Или единственная дочь.

Хаздор передал ей ключ два года назад, когда его ранили стрелой... нет, не скайферы. Обычные бандиты, разобраться с которыми городская стража не могла несколько месяцев подряд.

«Мало ли что...» – неопределенно сказал отец, вручая Сазки колдовской ключ. Он взял с нее клятву, что она не станет пользоваться им никогда, если только не возникнет непосредственной угрозы городу или королевству.

Теперь Сазки собиралась эту клятву нарушить.

Она считала, что это королевство серьезно задолжало ее семье. А поскольку королевство, судя по всему, долги возвращать не собиралась, Сазки собиралась взять то, что ей причиталось, самостоятельно.

В дверь снова заколошматили.

– Сазки, открой!!! – захлебывающийся крик Норбака. – Не сходи с ума!.. Не делай этого!..

Поздно.

Незримая сеть, которая пронизывала комнату насквозь, изогнулась. Перед Сазки возникло пятно тьмы – и свет, исходящий от лампы, не был способен ее разогнать.

Ощущение жути. Скрытая мощь. Что-то бесстрастно, безмолвно, но внимательно разглядывало ее. Смутные очертания парящей в воздухе человеческой фигуры в длинной темной мантии.

Она выпрямилась и сколь могла твердо произнесла:

– Найди этих двоих, – она показала ему *Склепок* одержимого. – Найди и убей их.

Склепок – особый комплекс ощущений, который с помощью простенького заклятья может быть отделен колдуном от себя и передан другому. Это не изображение плотского тела (хотя и оно может присутствовать в Склепке), но отпечаток состояния энергетических тел во всем неповторимом их своеобразии. Иные называют это «запахом», другие – «чувством».

Склепок можно «поймать» не только после личной встречи с человеком или демоном, но взяв в руки предмет, которым он длительное время пользовался, или поработав на месте, где он недавно творил свои чары.

Сазки не один час провела там, на берегу, где до сих пор висел «аромат» сотворенного Льюисом колдовства. И, как она надеялась, ее усилия не пропадут зря.

Она услышала вздох и холодный голос, раздавшийся прямо у нее в голове.

– Я не могу.

– Я приказываю тебе.

– Я привязан к этому месту. Человека, которого ты ищешь, в пределах моей досягаемости нет. Он был здесь. Но сейчас я бессилён.

Сазки помедлила. Она была готова к такому ответу. Ах, если бы только отец сразу воспользовался услугами кадёта, все было бы иначе!.. Но он никогда не сделал бы этого, не зная с чем столкнется – а узнать это он мог только одним способом. Хаздор слишком боялся силы, заключенной здесь, в недрах Агимора, и ни разу не прибежал к ней.

Она же собиралась сделать то, за что отец, несомненно, проклял бы ее – если бы только был жив.

– Дай клятву своим подлинным именем, что найдешь и убьешь этого человека. А также его спутника... или спутников. Дай такую клятву, и я освобожу тебя от уз.

– Сазки!!! – кричал где-то далеко Норбак Шурталът. – НЕТ!!!

Она не слушала. Солдаты начали ломать дверь, но это было уже не важно. Она знала, что они не успеют.

И когда кадёт поклялся именем, заключавшим в себе его колдовскую сущность, она расплела удерживающий узел. С ее стороны это сделать было совсем легко. С его стороны – невозможно. Хотя он и превосходил силой, знаниями и способностями дочь Хаздора в десятки, а то и в сотни раз.

Оказавшись на свободе, он поднялся в небо и помчался на юг – по следам человека, убить которого кадёт поклялся.

Но перед тем как покинуть Агимор, он выпил душу Сазки Киправельт и убил всех людей, толпившихся за дверью. Он уничтожил колдовскую систему, которая так долго удерживала его в себе, словно в клетке, и обрушил подземные этажи цитадели.

Он ведь не давал обещания этого не делать.

Глава семнадцатая

Мы ехали на юг. Местность дичала, со стороны пустыни дул горячий сухой ветер. Десятого июня мы увидели на противоположном берегу Иклин – последнее крупное поселение в юго-восточной части страны. Южнее его – только крепость Льяр, стерегущая истоки Велаты; но она расположена в горах, слишком далеко от нашего маршрута, и полюбоваться на нее, даже издали, мы не сможем...

Прошло еще два дня, и мы потеряли реку из виду. Раскаленное солнце пылало в небе, как чудовищная печь. Мне было дурно днем – энергии, которые изливало на землю дневное светило, были чужеродны всему моему естеству. Дальше будет еще хуже. По моему настоянию мы изменили время движения: теперь мы ехали ночью, а отдыхали днем. Эдрику было все равно. Жара его не волновала. Похоже, он был способен усилием воли поддерживать температуру тела на обычном уровне, не потая и не допуская перегрева. Пару раз я заметил, что он смотрит на полуденное солнце, не закрывая глаз. Яростный блеск, приводивший меня в полуобморочное состояние, его даже не слепил.

Когда до летнего солнцестояния оставалось всего десять дней, Эдрик сказал:

– Завтра увидим Врата Тедхара.

«Значит, успеем», – подумал я. До берегов Пустого Моря осталось совсем немного.

Врата Тедхара – руины древней крепости, возведенной хуриджарами во времена Войны Остывших Светил. В легендах говорится, что здесь до сих пор бродят неуспокоенные тени прошлого, а в подземельях спят могущественные древние демоны, ожидая конца времен, чтобы пробудиться и вновь вступить в битву с обитателями небес. Люди боятся этого места и считают его проклятым, скайферы – наоборот: с их точки зрения, это нечто вроде святыни. Неожиданно у меня возникло чувство, что в те дни, когда я жил среди детей пустыни, меня приводили к Вратам Тедхара – по крайней мере, один раз. Зачем, почему, для чего, что я тогда видел – не помню совсем. Эти воспоминания украдала Ночная Тень. Все, что осталось – смутное ощущение, что здесь я уже был, и уверенность, что местность, которую проезжаем мы с Эдриком, должна быть мне знакома.

Ночью приснился сон. К счастью, не из той серии, где я встречался с

существом в маске – или, что еще хуже, переставал быть собой и становился им. Нет, это был добротный кошмар из той категории, когда вы теряетесь в лесу, начинает темнеть, и кажется, что отовсюду за вами пристально следят злые голодные глаза. Твари, которые смотрят, подбираются осторожно, всегда со спины – но сколько не оглядывайся, не увидишь их до тех пор, пока не зайдет солнце и не настанет наконец их время... За мной следило что-то бесформенное и злое – детские страхи, но когда я проснулся, ощущение чужого внимания осталось, хотя и перестало быть таким отчетливым. Я понял, что это не просто кошмар.

Меня все-таки нашли.

Я поддерживал защиту, препятствующую магической слежке, с тех самых пор, как выбрался из темницы Яртальского князя. Защита отнимала силу – не так много, но у меня не было лишней. Когда я истощался, приходилось идти в открытую. Однако если бы я не ставил ее вовсе, уверен – оборотень разыскал бы меня гораздо раньше. Да и маги, работающие в городской страже, быстренько меня бы локализовали.

Защита была не самая плохая – одно то, что мне удалось пройти с ней все Речное Королевство, уже кое о чем говорит – однако теперь, похоже, нашелся умелец, способный меня переиграть.

Я выругался.

– Что-то случилось? – спросил Эдрик. Услышав мои объяснения, поинтересовался:

– Ты можешь определить, этот колдун... находится в городе и следит за тобой с помощью каких-нибудь приспособлений?.. Или по нашему следу едет отряд?

Похоже, на этот раз его ясновидческие способности не сработали. С другой стороны, магическое наблюдение вели за мной, а не за ним.

– Подозреваю, будь отряд поблизости, ты бы и сам его почувствовал, – сказал я.

– Так значит – отряд?

– Не знаю, – я потер середину лба. – Не уверен, что это вообще человек...

– То есть? – В голосе появился легкий интерес.

Я не стал рассказывать о своем сне. Ощущения, которые испытываешь в кошмарах, довольно сложно описать. Страх – это слишком расплывчато, неопределенно. Есть множество видов страха. И множество переживаний, которые сам отличаешь друг от друга достаточно ясно, но сообщить о них кому-либо не можешь – в человеческом языке нет подходящих слов. Система кодировки состояний предусмотрена в Искаженном Наречье,

однако Наречье – язык формул, для повседневной речи он не годится (если, конечно, ты не извращенец-сингайл, которому по жизни больше нечем заняться).

Первое, чему учится маг (и чему он продолжает учиться все время, пока живет) – внимательному отношению к своему внутреннему миру. Хаос ощущений, обычным человеком неосознаваемый или осознаваемый лишь поверхностно, для мага – многомерная вселенная, которая тем богаче и удивительнее, чем тоньше обращенное к ней внимание. Это волшебные струны мира, которые пронизывают все, что есть, и нас самих в том числе – прикасаясь к ним, мы создаем свои заклинания. Хотя этот мир и непредставим для обычного человека, между «внутренней вселенной» и внешней поверхностью вещей нет непреодолимой границы. Внешнее переходит во внутреннее и наоборот. Суженное, неподготовленное сознание различает лишь самые простые, самые ощутимые движения этого внутреннего мира – голод, жажду, похоть, веселье, гнев, любовь, злобу, печаль... Эти состояния – как волны, тревожащие поверхность: только поэтому они и видны обитателям поверхности. Но есть еще и глубина, о которой простые смертные ничего или почти ничего не знают. Невозможно стать магом, не научившись погружаться в нее.

Я упоминаю об этом для того, чтобы объяснить, каким образом самый обыкновенный кошмар вкупе с ощущением чужого внимания позволили мне сделать кое-какие выводы относительно того, что же за тварь спустили по нашим следам. «Кошмар», «чужое внимание» – слова, известные и на поверхности. Я не знаю, как передать сопровождавшие их «глубинные» ощущения. Поскольку время не ждало, и мы не собирались исписывать страницу за страницей формулами на Искаженном, я выдал Эдрику готовый результат моих ощущений-предчувствий-предположений:

– Похоже, это какой-то демон, – сказал я. – И довольно сильный. Демон-охотник, вероятно... слышал о таких тварях?

Он кивнул.

– С какого круга?

– Сеигбалаокх, не ниже, – речь шла о концентрических кругах, образующих внутреннее пространство Преисподней. Каждый круг соединял в себе по несколько десятков, а иногда – и сотен Сфер. – Хотя черт его знает. Я не разобрал. Может, и выше.

Хотя традиционно и считается, что Преисподняя находится под землей, а значит – и о перемещении к ее центру следует говорить «ниже», «еще ниже»; тем не менее духовидцы, созерцающие владения Князей Тьмы, нередко воспринимают свой полет как вознесение, приближение к некой

мистической вершине – Дну Миров, где вечно пребывают повелители мрака. Это не удивительно, ибо по отношению к «нормальному миру», который можно представить как пирамиду с Обителью Солнца на вершине, ад представляет пирамиду перевернутую, и нужно сначала перевернуться самому, чтобы затем восходить по ее ступеням, а не падать по ним. Впрочем, какая из двух пирамид «нормальная», а какая «перевернутая» – вопрос относительный, целиком зависящий от вашего личного восприятия. Большинство обитателей земли считают «нормальной» пирамиду света лишь потому, что на заре времен именно Солнце повергло Горгелойга, а не наоборот. Солнце установило свои порядки, но если бы победил Горгелойг... все было бы точно так же. Только наоборот.

Эдрика мое сообщение о демоне-охотнике не особенно взволновало.

– Подождем его здесь? – предложил он. – Решим все сразу.

Я рассмеялся.

– Кого подождем? Сейга? И сколько мы будем здесь торчать? Они предпочитают не трогать врага тогда, когда он готов к нападению. Эта тварь появится здесь и будет кружить близ лагеря, портя нам нервы, но на глаза показываться не станет. Она не будет материализовываться до тех пор, пока не уверится в том, что у нее есть шанс с ходу перекусить чье-нибудь горло. Сейга не так-то легко обмануть показной беспечностью. Кроме того, он может вообще не напасть. То, что меня заметил демон, а не маг, еще не означает, что какой-нибудь маг не держит его на поводке. Может, у него приказ – выследить и ждать, не нападая, пока не подтянутся еще человек сто – двести с командой королевских чародеев?.. А у нас осталась-то всего... почти неделя.

– Ну хорошо, хорошо... – Эдрик тоскливо вздохнул. – Поехали. Разберемся с этим по дороге. Чем бы оно ни было.

– Ага, собирайся. Мне нужно несколько минут.

Я состряпал пару заклинаний, долженствовавших сбить охотника со следа. Рано или поздно он разгадает мои обманки, но если нам повезет, сумеем выиграть несколько дней. Не исключено даже, что мы успеем перейти на Слепую Гору прежде, чем эта тварь доберется до нас. Во всяком случае, мне бы хотелось на это надеяться.

Сейги являлись одной из высокоразвитых демонических рас; в своем обычном облике они напоминали нечто среднее между сколопендрой и леопардом. По крайней мере, так их обычно изображали в книгах по демонологии. Как и большинство остальных демонов, сейги могли принимать разные обличья. Они были разумны, смертоносны и алчны до чужой силы. К счастью, их мир (вернее – система миров, в которой их

можно было встретить) находился достаточно далеко от земли, и только самые лучшие заклинатели могли призвать тварь из Сеигбалаокха. Оставалось только гадать, каким образом демонолог такого уровня оказался связан с властями Речного Королевства, которые уже не один век послушно, с подачи гешских жрецов, проводили на своей территории политику уничтожения всех темных магов. Можно было, конечно, допустить, что вызвавший демона колдун с властями не связан никак, но тогда создавшаяся ситуация начинала выглядеть еще более странно, поскольку никаким темным магам в последние месяцы я дороги не перебежал. Собственно говоря, я и знаком-то был всего лишь с одним, способным призвать сейга и остаться после этого живых – я имею в виду вагу, который меня когда-то учил.

Быстро собрав вещи, мы оседлали лошадей и отправились в путь. Близился вечер, но прохлада не торопилась спускаться на землю. Было жарко, и воздух казался расплавленным желе, в котором мы с трудом продвигались. Лошади почти не отдохнули за день, кроме того, они хотели пить. Там, где мы спали сегодня, не было ни источников, ни глубоких ям, в тени которых могла сохраняться дождевая вода. Только камень и песок. У нас имелись кое-какие запасы воды, но их было слишком мало, чтобы напоить двух лошадей.

Солнце светило нам в спины, а впереди громоздились Горы Гнева – изломанные, темно-серые, они казались костями и крыльями рухнувшего с небес, умерщвленного, но так и не смирившегося бога. Когда солнце уже готовилось скрыться за горизонтом, мы остановились и обернулись назад. Теперь и Эдрик чувствовал его присутствие.

Солнце как будто пребывало в какой-то дымке. Пыль и темнота. Как будто бы темное облако, пожиравшее свет, двигалось за нами следом. И чем слабее становилось Солнце, тем сильнее становилось оно. Оно принадлежало тьме, как и я.

– Это не сейг, – сказал Эдрик.

– Да, – я был вынужден с ним согласиться. – Что-то сильнее. Гораздо сильнее.

Я сотворил еще одно искажающее след заклинание, хотя и сомневался в том, что в моих потугах есть хоть какой-то смысл. Мир питает нас своей силой, но и мы питаем силой его; в мировых течениях энергии остается наш след. Можно исказить его тип, но можно и распознать обманку: я подозревал, что не могу равняться ни в Искусстве, ни в силе с тем, что нас преследовало. У меня начали рождаться очень нехорошие подозрения относительно того, что это могло быть...

– Попробуем добраться до Врат, – сказал Эдрик. – Это особенное место. Там энергия циркулирует по-другому. Если он еще не вышел на поверхность, это может надолго сбить его со следа.

Мы тронули лошадей с места, заставив их, несмотря на усталость, двигаться так быстро, как только они могли. Вскоре мы въехали в широкое ущелье между двумя скалами. Ущелье постепенно сжималось, а в его горловине находилась Тедхарадхим, разрушенная, но все еще внушающая страх, крепость демонов. Я чувствовал недобрую магию, которая истекала от этого места, не менее ясно, чем приближение твари, посланной по нашим следам.

Когда-то ущелье перекрывала стена высотой более пятисот футов, столь широкая, что по ее верху была проложена дорога, на которой могли разъехаться две колесницы. Говорят, демоны сложили стену за одну ночь, но теперь от нее мало что осталось. Вся центральная часть была разрушена, лишь у скал, слева и справа, уцелели два небольших участка. Нам пришлось спешиться и вести лошадей в поводу – местность была очень неровная, вывороченные из стены, полураскрошенные блоки, образовывали внизу настоящие завалы. Время немного пригладило их, принесенная ветром пыль и земля почти превратили груды каменного мусора в обыкновенные холмы... здесь ничего не росло, и я знал, что и внутри крепости мы не увидим ничего живого.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем мы сумели провести лошадей через завал; мне казалось, что мы ползли, как черепахи, а тварь, которую послали за нами, была уже совсем близко. За стеной – руины, еще большие груды щебня, остатки соединенных между собой строений, некогда представлявших различные сегменты огромного единого комплекса. Быстро темнело – гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Я не знал, что выпивало свет – существо, которое почти догнало нас, или сама аура этого мрачного места. Впереди и справа мы обнаружили достаточно длинный ровный участок и снова забрались в седла.

Отец...

Сначала мне показалось, что я ослышался.

Отец... Отец...

Как тысячи шепотков, сливающихся в единый голос. Я почувствовал пробуждающийся внутри ужас. Не тот, который затмевает разум, – это был ясный, пронзительный, холодный страх, высвечивавший все в настоящем свете. Я понял: каким-то образом цитадель живет своей собственной жизнью, у нее есть мысли – разорванные, бессвязные мысли умирающего, застывшего на границе между жизнью и смертью. Страх вошел в мою

грудь, как игла в тело насекомого, прищипливаемого к листу толстой бумаги; как насекомое, я бездумно боролся с ним, не понимая его природы, но зная – этот страх не мой; каким-то образом он стал моим, но принадлежал не мне. Впрочем, возможно, «страхом» называла это моя человеческая природа, но что такое было это ощущение само по себе, было неведомо мне так же, как насекомому неведом смысл металлической иглы.

Жеребец Эдрика, Светляк, вот-вот был готов понести, только железная воля и мастерство наездника заставляли его идти смирно. Ягодка доставляла мне меньше хлопот – заклятья удерживали ее в моей власти лучше, чем поводья. Несмотря на борьбу со Светляком, Эдрик, кажется, сумел каким-то образом понять, что со мной творится что-то неладно; во всяком случае, во взгляде, брошенном в мою сторону, читался вопрос.

– Ты... ничего не чувствуешь? – Недоумения во взгляде прибавилось. Я заставил себя продолжать. – Никаких... голосов?

Он покачал головой. Возможно, он воспринимал это иначе. Возможно, не воспринимал вообще.

Отец...

Налетел ветер, он был густым и черным, как патока. Свет смешался с тенью, все смазалось. Я услышал, как заржал Светляк – Эдрик все-таки не сумел удержать его. Потом я увидел, как летят в воздухе гибкие, похожие на пиявок длиной в руку, тени. Они были живыми. И голодными. И наше внутреннее тепло было их пищей.

Я поднял руку и произнес заклятье, но что-то разрушило его прежде, чем я успел закончить. Все было так, как во время моего поединка с чародеем у брода, только теперь кто-то более искусный, чем я, играл со мной. Так же, как я играл с ним. Ягода захрипела и стала падать на бок. Я успел высвободить ногу из стремени – и только. Тело лошади придавило меня. Тени скользили все ближе, в любую секунду та или другая могла войти в мое тело так же, как одна из них вошла в Ягодку, и поглотить мою жизненную силу так же, как ее. Так же, как поступал я с обыкновенными людьми во время своего долгого пути из Алмазных Княжеств...

Скрипя зубами от боли, пытаюсь выбраться из-под лошадиного трупа, я случайно посмотрел вверх – и увидел его. Он парил передо мной на расстоянии не более пятидесяти футов, похожий на черную звезду, от лучей которой истекали ветра, несущие в себе семена живых теней. Его окружало подобие темного облака – странной, искажающей пространство, магической сферы, в которой циркулировали ветра, прежде чем вырваться наружу. Я знал, что защищаться бесполезно – кадёт неизмеримо превосходил меня и в силе, и в мастерстве заклинаний – но предпринял

еще одну попытку возвести между нами заслон. Ветра поглотили его еще до того, как он был закончен.

Кадёт медленно приближался. Он излучал страх, но иной, чем тот, что я ощутил при въезде в крепость. Дикий, звериный ужас, слабость, бессилие жертвы – все это, как мутная волна, захлестывало мое сознание. Как ни странно, единственным надежным островком в этом шквале оставался тот, второй страх, ясный, как чистый ледяной свет. Я даже по-прежнему слышал шепотки, хотя сейчас, казалось бы, наименее подходящее время, чтобы внимать им. Я не заметил, когда они изменили свое бормотание. Теперь они рассказывали про свою родительницу.

Мать... Мать с нами...

Кадёт навис надо мной. Я ощущал себя так, как будто меня вдавливал в землю многотонный валун. Шэ, мое жизненное тело, было готово вот-вот лопнуть от одного его присутствия, и скрепы Тэннака трещали по швам. Ему будет совсем нетрудно расправиться со мной. Я и так уже почти мертв.

На несколько секунд он застыл. Ощущение присутствия стало невыносимым. А потом... потом...

Это было похоже на стрелу света. Или молнию. Что-то стремительное, неуловимое для глаза возникло в поле моего зрения и вонзилось в черного призрака. Проходя через магическую сферу, окружавшую кадёта, оно даже не замедлило движения, как будто было неуязвимо для любой магии. Мир содрогнулся. Я услышал вопль, заставивший меня скорчиться на земле в позе эмбриона. Ветра рассыпались, и живые тени в страхе метались по воздуху, более уже не помышляя о пище. Призрак распадался, черная звезда таяла в воздухе, на ее месте висел сверкающий крестообразный предмет. Через секунду я понял, что это не крест, а меч.

Лезвие синеватого цвета ловило те крохи света, которые еще оставались в воздухе, и, отражая, многократно усиливало их. Длинное перекрестие, в точке соединения клинка и рукояти – сапфир. Еще один синий камень, большего размера, помещен вместо набалдашника.

Когда меч плавно скользнул вниз, я понял, каковы его настоящие размеры – это двуручник, длина которого немного превышала рост среднего человека. Он рассекал тени, будто бы не замечая их, но все же, судя по целенаправленности его движений, становилось ясно, что он охотился именно за ними. Некоторым, возможно, удалось избежать встречи с ним – они попрятались под камнями, впитались в землю, – но таких «везунчиков» было совсем немного. Он двигался быстрее, чем свет. Быстрее, чем мысль. Какие-то вспышки, блеск... словно сверкание молнии,

которая уже исчезла. Я поднялся на ноги. Теней больше не было, и даже шепотки примолкли. Потом я увидел его – в момент превращения. Меч висел в воздухе, острием клинка указывая вниз... образ исказился, поплыл... перекрестие вытянулось, став раскинутыми руками, лезвие расширилось и изменило форму, теряя свой блеск... на землю спрыгнул человек. В первые мгновения я не узнал его – все происходившее казалось какой-то фантазмагорией, неупорядоченным сном, где одни вещи без труда переходят в другие. Потом я увидел его глаза – синие, как два сапфира – и понял, что не сплю. Я по-прежнему не знал, что он такое – несмотря на все, что видел и все, что он рассказал мне – но теперь, по крайней мере, я мог понять, каким оружием был убит тот оборотень в трактире. Эдрику не нужно было оружие. Он сам был оружием. Клинком, который притворялся человеком. Или... был чем-то иным, что могло принимать вид как живого существа, так и меча?

Так или иначе, но сейчас он снова нацепил ту маску, в которой ходил до сих пор. Он был недоволен. Пристально и коротко посмотрел на меня – будто бы размышлял, не убить ли и меня заодно, только за то, чему я стал свидетелем. Но основным источником раздражения, к счастью, являлось нечто иное. Я понял – что, проследив за его взглядом. Среди камней лежал мертвый Светляк. Тени добрались до него. Больше всего Эдрик был недоволен тем, что потерял любимого коня. Мне захотелось истерически рассмеяться.

Подойдя к Светляку, он стал развязывать ремни, которыми сумки крепились к седлу. Я сделал тоже самое. Брали только необходимое – фляги с водой, еду. Неизвестно, успеем ли мы теперь достичь берегов Пустого Моря прежде, чем день начнет уменьшаться. Но мы попытаемся. Я попытаюсь. Это мой единственный шанс.

Позже, может быть, я попытаюсь еще раз расспросить его – но не сейчас. Сейчас он не ответит. Он не настроен говорить. Да и я тоже. Во всяком случае, не в этом месте.

Шепот сопровождал нас, пока мы пересекали крепость, карабкаясь по бесформенным завалам камней. Взошла полная луна, но ее мертвенное свечение был лишь немногим менее чуждо мне, чем солнечный свет. Мое время – та часть суток, когда на небе нет ни Луны, ни Солнца...

Эдрик не слышал шепота, и не смог понять, о чем идет речь, даже когда я подробно рассказал о своих ощущениях. Похоже, его сверхчеловеческое чутье было весьма избирательно. А может быть, все дело в том, что его разум относительно нормален – настолько, насколько вообще может быть «нормален» разум человека-меча – и его не терзали слуховые

галлюцинации. Это удовольствие имел я один. На каком-то этапе голоса, бормочущие то «мать», то «отец», слились воедино и завели новую песнь.

Мать... и Отец...

Если б я только мог – заставил бы их замолчать. Но это было не в моей власти.

Отец... и Мать...

снова вместе...

снова одно...

едины...

Через три или четыре часа мы наконец пересекли Врата Тедхара, и, перебравшись через гору щебня, в которую была превращена восточная стена, оказались в скалистом ущелье. Пройдет еще несколько дней, и каменные бивни Ханнарок останутся у нас за спиной. Тогда, спускаясь с каждым шагом все ниже и ниже, мы увидим далеко-далеко впереди серо-стальную гладь Пустого Моря, и, может быть, еще в предгорьях, уловим серный запах, который источают его мертвые воды.

Но, пока длилась эта ночь, я думал не о цели нашего пути, а о том, что видел в крепости. За миг до того, как Эдрик убил кадёта, наши сознания соприкоснулись – хотя и не исключено, что мне это только померещилось. Я сомневаюсь, потому что в момент контакта произошло нечто мне непонятное – нечеловеческая сила, которая грозила вот-вот раздавить меня, вдруг отступила.

«Ты?! – прошептал черный призрак. – Нет! Не может быть...»

Больше он ничего не успел произнести – синий клинок рассек его надвое, лишив меня возможности уточнить, а что же это выползшее из ада чудовище, собственно, имело в виду.

Ну да и черт с ним.

Может быть, это и к лучшему, что я не успел переспросить.

Глава восемнадцатая

Как они не сэкономили, вода закончилась на четвертые сутки. После Врат Тедхара Эдрик больше не пил – уже не было необходимости изображать из себя человека, а глоток, украденный ради бесполезной игры, мог стоить жизни его спутнику. Смерти Льюиса Эдрик не хотел допускать – по крайней мере, сейчас. Он слишком много времени отдал этому походу, чтобы теперь, перед самым финалом, позволить ему завершиться столь бесславным образом. Окончательного решения насчет дальнейшей судьбы Льюиса он еще не принял, хотя все больше склонялся к тому, чтобы убить своего спутника собственноручно – уже после того, как тот пройдет Мост. Льюис, на свою беду, оказался слишком любопытен. И слишком многое успел узнать об Эдрике Мардельте и о Школе Железного Листа. Клятву молчания Эдрик и в самом деле приносил – в этом он не солгал. С другой стороны, он в любой момент мог ее нарушить – Освобожденные в этом плане были совершенно лишены каких-либо предрассудков, и все этические нормы воспринимались ими как еще одна маска, которую удобно носить, но которую в любой момент можно выбросить на помойку. Клятва молчания была формальностью, не имеющей никакой силы – все, приносившие ее, прекрасно это осознавали. Условностью, необходимой лишь для того, чтобы поддержать какую-то видимость организации в самой Школе; игрой, иллюзорность которой Освобожденные прекрасно осознавали, но продолжали играть в нее, поскольку таков был их выбор. И в этом скрывалась причина того, что Эдрику *не нравилось* ее нарушать. Льюис же фактически вынудил его это сделать. Вернее так: своими словами и действиями Льюис создал ситуацию, в рамках которой Эдрику стало выгодно нарушить клятву. Но Льюис понятия не имел, какую цену ему придется заплатить за приобретенное знание.

Кроме того, он видел Эдрика в его втором обличье, а это было совсем плохо. Слишком много информации о Школе могло утечь в мир, если этот человек останется в живых.

Было, правда, одно обстоятельство, которое заставляло Эдрика сомневаться. Загнанный в угол, но продолжающий сражаться за свою жизнь человек был ему чем-то симпатичен. Надежда без надежды, вера без веры, пустота в действии, непривязанность к ожиданиям – все почти так,

как в философии Школы. Льюис никогда не учился там, но некоторые качества, которые Школа старалась воспитать в своих учениках, в нем явно присутствовали. За это Эдрик мог его уважать.

Он полагал, что разгадал все или почти все загадки, связанные с историей своего спутника. Когда они вошли в Тедхарадхим, крепость как-то отозвалась на появление Льюиса, хотя почему это произошло, Телмарид не понимал – хотя, без сомнения, что-то почувствовал. Некая – впрочем, весьма относительная – согласованность энергетики руин и живого человека навели Эдрика на мысль о том, что Ночная Тень, с которой Льюис повстречался под Бэрверским холмом на самом деле является одним из хуриджаров – тех могущественных демонов, которые некогда возвели и саму Тедхарадхим. Конечно, все хуриджары истреблены Солнечными Богами, но вполне может статься, что некоторые – не до конца; другие же, бессмертные, могли уже возродиться. Вероятно, Тень извратила человеческую природу Льюиса «под себя», частично демонизировав ее – это хорошо согласовывалось с его рассказом – но он сопротивлялся слишком отчаянно, а поэтому был отпущен. Однако крепость демонов узнала в нем нечто знакомое и пробудилась... нет, не пробудилась – пробормотала что-то во сне. Пробудиться она должна тогда, когда настанет конец света. «В ближайшее время, – мысленно усмехнулся Эдрик, – нам это не грозит...»

Он закончит дело, которое начал, а затем вернется в Рендекс – или, может быть, возвратится в Школу, чтобы получить ответы на кое-какие вопросы, начавшие его беспокоить. В этой истории с Вельнис было что-то не то, он только не мог понять – что. Впрочем, о девушке и Школе в те дни, когда они пересекали Ханнарок по заброшенной Дороге Слез, Эдрик почти не думал. Хотя он не уставал, не нуждался в пище и воде, его начинал раздражать запах, исходивший от Льюиса: это был не обычный запах пота и грязи, а аромат разложения. Тело Телмарида, которое должно было умереть еще три месяца тому назад, и до сих пор жило только благодаря наложенным на него заклятьям, все больше приходило в негодность.

Двадцатого июня они уловили влажный морской ветер, прилетевший с востока; но к влаге – как пятно порчи на теле младенца – примешивался горьковатый нечистый вкус. Запах Пустого Моря хранился в глубинах памяти Эдрика более десяти лет, теперь он вновь дышал этим ветром, и воспоминания, связанные с ним, пробудились... Из пятерых учеников Школы, отправившихся к Пустому Морю для последнего испытания, пройти его смог только он один. Остальные погибли.

– Осталось два дня, – сказал Льюис. Его губы казались похожими на лохмотья, по которым сочилась красноватая слизь. Борода кое-как прикрывала то, во что превратилось его лицо, но недостаточно. Разложение зашло слишком далеко. – Мы успеем добраться до моря?

– Нет, – ответил Эдрик. – Но нам необязательно подходить к самому берегу для того, чтобы совершить переход. Достаточно оказаться в зоне *бисурита*.

Слово, употребленное Эдриком, колдуны Кельриона использовали для обозначения особого рода энергетических образований, появлявшихся там, где отдельные единицы – как предметы, так и живые существа – сохраняя свою обособленность, складывались в общность более высокого порядка. Так, например, бисурит леса составлялся из энергетических сущностей отдельных деревьев, кустов, птиц и животных. Камень не мог иметь бисурит, но горный хребет – имел. Существовали аналогичные общности у городов, наций, стран, времен года, масштабных природных явлений, у пустынь и морей. У каждого мало-мальски известного и почитаемого божества был свой бисурит.

Никто не мог сказать наверняка, что первично: какая-либо группа, просуществовав некоторое время, создает свой бисурит – или же рождающийся бисурит организует для своих нужд группу, становящуюся как бы его воплощением в видимом мире. Спорить об этом бессмысленно; все равно решать вопрос, что было раньше: курица или яйцо. Можно легко обосновать и то, и другое мнение – все зависит от исходных посылок.

Бисуриты играли в организации Сальбравы чрезвычайно важную роль, ведь и сама Сальбрава, как совокупность Сфер, могла быть рассмотрена в качестве вселенской общности, некоего целого, которое больше, чем просто сумма его составляющих. Возникнув, бисурит становился особым способом организации пространства, продолжая расти, он все более и более усложнялся, проникая на все новые «этажи» сущего. В его внутреннем пространстве появлялись сначала отдельные устойчивые области, а затем и целые миры; там рождались свои Источники силы, формировались сложные магические системы, доступ к которым обеспечивал их адептам весьма значительные преимущества на «своей» территории.

– ...Когда мы войдем в его зону? – спросил Льюис.

Эдрик сделал глубокий вдох. Влажного горьковатого привкуса больше не было, он снова дышал сухим и холодным воздухом гор, но он помнил о том, что ветер Пустого Моря был здесь еще несколько мгновений назад.

– Мы на границе, – промолвил Эдрик. – На ту сторону перейдем

завтра... нет, лучше послезавтра на рассвете.

Льюис долго молчал, глядя на восток. Затем тихо сказал:

– В последний день...

– У тебя все равно есть только один шанс, – ответил Эдрик. – Другого не будет.

Чародей медленно, будто через силу, кивнул.

«Он предчувствует смерть, – подумал Эдрик. – Предчувствует, но не хочет в нее верить...»

* * *

Они шли всю ночь и утро, остановившись только днем, чтобы отдохнуть и дожждаться сумерек. Когда солнце стало клониться к закату, они продолжили путь; последняя из гор Ханнарока, Пик Низвергнутых, больше не закрывала обзор, оставшись слева и сзади. Теперь воздух дышал горчащей влагой; из-за темноты они не видели моря, но чувствовали его дыхание далеко впереди. Они остановились в предгорьях, на вершине одного из ступенчатых, выдубленных временем холмов. Собрав сухой кустарник, развели огонь.

– Нельзя ли перейти сейчас? – спросил Льюис. – Хотелось бы осмотреть это место перед тем... перед тем, как идти.

– Врата можно открыть только на рассвете или на закате, – объяснил Эдрик. – Закат уже был, а завтра – последний рассвет. Да там и нет ничего такого, что стоило бы рассматривать. Длинный мост, выложенный из тел умирающих людей, демонов и животных. Каркас состоит из гибких игл. Они кажутся металлическими, но двигаются, будто живые. Как ты собираешься проходить его?

– Я надеялся, Ягодка меня перевезет.

Эдрик усмехнулся.

– А теперь?

– Я хотел демонизировать лошадь, – произнес Льюис. – Придать ей заклинаниями некоторые особенные качества. Теперь... мне придется демонизировать себя. Сделаю сущность не такой устойчивой. В любом случае это тело долго не протянет, – он погладил одну руку другой. Плоть под кожей колыхалась от его прикосновений, словно кисель. Спросил:

– Какой длины этот Мост?

Эдрик не смог ответить сразу. Он думал, вспоминал...

– По-разному, – произнес он, в конце концов. – Со стороны, сбоку он кажется не таким уж большим. Но когда ты вступаешь на него и начинаешь идти – он все удлиняется и удлиняется, и, кажется, что конца

этому никогда не будет. Поэтому я не могу ответить на твой вопрос.

– Но ты ведь его проходил!

– Я уже говорил тебе – нет. Во всяком случае, не так, как собираешься пройти ты.

– А как *еще* его можно пройти?

Эдрик помолчал, а затем сказал:

– Не доходя до конца. Мы пробегаем лишь половину или треть пути.

– А потом? – Льюис засмеялся. – Возвращаетесь обратно?

– Нет. Прыгаем вниз, в реку. Это единственный способ в нее попасть.

– И... что?

– Это и есть последнее испытание.

– Постой... – Льюис поднял руку, как будто неосторожное слово могло спугнуть мысль или воспоминание. – В памяти Шальги эта река названа Кипящей. Более того, она...

– С тем же успехом ее можно было назвать Кровавой Рекой. В ней содержится чистейшая эссенция страдания, которая собирается из боли и крови тех, кто корчится на Мосту. Эта река, текущая вокруг Слепой Горы, впадает сама в себя. Если смотреть сверху, ее круг похож на колесо с восемью спицами – заводами, образованными там, где камень горы выщерблен. Погружаясь вниз, мы минуем каждую из заводей до тех пор, пока не пройдем все. Страдание, которое скапливается там в течение тысячелетий, неописуемо, его невозможно выдержать...

– Но ты выдержал.

– Нет, – Эдрик покачал головой. – Ты не понимаешь. Никто на это не способен. Можно лишь отказаться от всего, что способно страдать, – от памяти, от чувств, от тела, от сущности, от всех привязанностей, от ненависти и любви... От всего, что ты считаешь самим собой, от всего, с чем ты свикся, но чем ты – на самом деле – не являешься. И когда от тебя остается только точка – чистое «я», не имеющее ни свойств, ни качеств – тогда ты перестаешь мучаться и поток возносит тебя обратно.

– Так ты стал мечом? – спросил Льюис.

Эдрик кивнул.

– Может быть, мне стоит пройти этот путь? – Черный маг задумался.

– Нет. Ты не сможешь. Даже у нас... большинство учеников погибает, хотя их всю жизнь готовили к этому испытанию. Тебе не понять, что это, но эта дорога – не для тебя.

– Уверен?

Еще один кивок.

– Поверь мне. На мосту у тебя, возможно, будут хоть какие-то шансы.

Внизу – нет.

– Ну хорошо, – Льюис вздохнул. – Может быть, хотя бы теперь ты дашь мне прочесть эту треклятую книгу? Куда я теперь сбегу...

– Нет.

– Почему?

– Потому что книги у меня давно нет.

– Объяснись.

Эдрик улыбнулся. Оказывается, этот человек считал, что вправе требовать от него какие-то объяснения. Наивность Льюиса была под стать только его самомнению. Тем не менее, Эдрик не стал спорить. Пусть думает, что хочет. Все равно это не имеет уже никакого значения. До рассвета осталось менее четырех часов...

– Я отдал ее одному демону... слуге бессмертного волшебника, который нанял меня для того, чтобы выполнить для него кое-какую работу.

– Какую? – настороженно спросил Льюис.

– Найти вот эту самую книгу.

– И для чего она ему нужна?

– Наверное, для коллекции.

Некоторое время оба молчали.

– Расскажи. Подробности моей истории я не скрывал.

– Мне нужно подготовить Круг Врат. А тебе не мешало бы отдохнуть.

– Ты всегда находил какие-нибудь отговорки, когда я спрашивал тебя раньше. Полагаю, ты можешь создать путь достаточно быстро – иначе бы ты не стал трепаться о жизни здесь со мной, сидя у костра.

Эдрик вновь улыбнулся. Человечек еще и пытался дерзить. Тел-ан-алатрита забавляла эта игра.

– И все же потребуется время, – почти смиренно произнес он.

– Хотя бы сокращенную версию.

– Некоторое время назад, – разглядывая Льюиса, Эдрик продолжал улыбаться, – случилось так, что я оказался в плену в одной довольно-таки необычной башне...

* * *

...Они были готовы за полчаса до рассвета.

Льюис окружил себя несколькими слоями заклинаний, которые собирался задействовать сразу, как только они переместятся к Слепой Горе, венчающей собой вершину Мирового Столба. Вся энергия, которую он собирал так долго, вольется в заклятья, и на несколько минут наделит его тело невиданной силой и скоростью. Потом... Льюис не хотел думать о

том, что будет потом. Слишком много надежд и страхов связывалось с этим «потом».

Достав нож, Эдрик начертил круг на вершине холма. Круг был неровным, местами – там, где из-под тонкого слоя земли и песка показывался камень – линия скорее предполагалась, чем присутствовала на самом деле, но все это не имело никакого значения. Для некоторых действий – вроде ясновиденья или превращения в меч – Эдрику не нужны были заклятья. Здесь ему требовалось лишь зафиксировать точку перехода – ритуальное действие, необходимое лишь для того, чтобы перетянуть на ту сторону обычного человека. Захоти он переместиться один, ему не нужно было совершать даже таких минимальных приготовлений. Он не был ни человеком, ни демоном, и не принадлежал миру так же, как мир не принадлежал ему. Границ между Сферами для него не существовало, по ступеням бисуритов он мог бы взойти до Эдема или спуститься до Дна. Правда, он никогда не был ни там, ни там: во-первых, подобное путешествие отняло бы слишком много времени, во-вторых – выпускникам Школы Железного Листа не рекомендовалось разгуливать по Сальбраве: никто не хотел привлекать внимания богов и высших демонов к тому клинку, который медленно, но верно выковывало человечество.

Ожидая финала, Льюис думал о воплях, которые слышал – или ему казалось, что слышал – минувшей ночью. Крики тысячи мучеников, ревущих, плачущих, воющих от боли. Не было ни просьб, ни молитв – то, что он слышал, больше походило на рев обезумевших животных. Эдрик сказал, что это – крики прикованных к мосту и посоветовал не обращать на них внимания. Льюис так и поступил, но все равно продолжал их слышать. Он вспомнил рассказ своего спутника: тот потерял все, кроме точки «я», неуловимого мига себя-настоящего; было похоже, что мученики Игольчатого Моста, сохранили все, кроме «я». За этими криками не было никакой личности, слышалась одна только боль, не имеющая ни начала, ни конца, некое безвременное состояние; пытаемые давным-давно потеряли себя, и в этом, возможно, заключалось их единственное спасение от того бесконечного ужаса, в который они были погружены...

– Время, – внезапно сказал Эдрик. Он взял Льюиса за руку, и, быстро обойдя его, заставил повернуться кругом. В момент поворота мир смазался, когда Льюис вновь оказался лицом к закату, гряды каменных холмов, переходивших в неровное песчаное поле, покрытое кое-где сухими колючками – перед ним уже не было. Освещение изменилось. Здесь было пасмурно, по зеленоватому, будто вымазанному грязью небу расплзались багрово-бурые пятна. Крики мучеников, как плети, бичевали воздух.

Прямо перед ними, словно гигантское серо-красное насекомое, шевелился Мост. С каждой секундой его движения замедлялись, и крики становились реже – иглы замирали, словно стремясь почтить таким образом лик восходящего над Сальбравой творца и властелина миров.

Льюис и сам будто бы превратился в изваяние. Распахнутыми глазами он смотрел на Мост и не двигался с места. Эдрик услышал, как он шепчет:

– Все так, как во сне... Точно так же...

– Не стой! – заорал Эдрик. – Беги!!!

Это привело Льюиса в чувство. Приводя в действие свои заклятья, он бросился к Мосту...

Он так и не вступил на него. Казалось, каждый следующий шаг отнимает у него все больше сил, чем предыдущий. Его тело светилось энергией, оно казалось настоящим сгустком мощи, но то, что препятствовало Льюису, было сильнее. Восприятие Эдрика сдвинулось и он увидел тень заклятья, которое, как паутина, связывало все движения его спутника. Когда они переходили на Гору, ничего подобного здесь не наблюдалось, но разбираться, откуда взялись эти чары, у Эдрика времени не было. Льюис пытался развеять их, затем проломиться силой – но казалось, что заклятье обладает бесконечным резервом энергии: там, где Льюису все-таки удавалось прорвать его, оно немедленно восстанавливалось. Эдрик превратился в меч и рассек плетение; но стоило Льюису сделать шаг к Мосту, из ниоткуда появилось новое. Эдрик рассек и его. Налетевший ветер, словно живой, попытался обхватить его и отбросить прочь – безуспешно: клинок-оборотень был почти неуязвим для волшебства. Он остался на месте – ветер тек вокруг него, мимо, и он не мог зацепить Эдрика. Но Льюис, подошедший к самому краю Игольчатого Моста, подобной защитой не обладал. Ветер подхватил его и отбросил к краю плато. Льюис немедленно вскочил на ноги и вновь бросился к Мосту. Энергия, которая еще оставалась в его заклятьях, позволила ему преодолеть это расстояние за считанные секунды. Еще один порыв ветра небрежно вернул его на исходную позицию. Эдрик нашел заклятье, перемещавшее потоки воздуха по его тени, и развалил его, но он все еще не мог обнаружить того, кто создавал эти чары. Когда Льюис бросился к Мосту в третий раз, на его пути выросла огненная стена. Свист меча, скрежет камня... огонь иссяк так же неожиданно, как и появился. Льюис побежал... и упал в объятия Эдрика, вновь перешедшего в человекоподобное состояние. За спиной Эдрика, всего лишь в пяти шагах от них, выросла еще одна огненная стена, вдвое выше первой.

Льюис рванулся – он не мог думать ни о чем, кроме того, что последняя

надежда, на алтарь которой он положил столько жизней, ускользает от него в тот самый момент, когда он был так близок к победе. Если бы не Эдрик, он, вероятно, бросился бы в огонь, не задумываясь о том, сможет ли он бежать по Мосту, если обгорит, как головешка. Он знал, что обречен, если не победит. Но Эдрик держал крепко.

– Уже бесполезно, – прошептал тел-ан-алатрит. – Солнце почти взошло, а твои заклинания на исходе. Кто-то очень не хочет, чтобы ты там был. Не глупи.

– До вас начинает доходить, – в воздухе послышался смешок, хотя и не было понятно, откуда он взялся. – Не с первого раза, конечно. Я и не надеялся. Но хоть с какого-то. Уже неплохо.

Эдрик оглянулся. Никого. Когда он вновь посмотрел на Льюиса, лицо которого казалось застывшей омертвевшей маской, то заметил за его спиной, шагах в двадцати, смутную тень... тень уплотнилась, обрела форму и вид... Глаза Эдрика расширились. Обернулся и Льюис.

Старик в черной мантии поигрывал красивым серебряным посохом, на конце которого располагался желтый бриллиант величиной с кулак.

– Добрый... эээ... вечер. То есть утро. Да, конечно утро. Простите, здесь трудно уследить за временем: все такое одинаковое. Итак, вы...

Он запнулся, привлеченный действиями Льюиса – тот, вытянув левую руку, похоже, вот-вот собирался произнести какое-то смертоносное заклинание. Человек с жезлом даже не попытался предпринять каких-либо контрмер.

– Перестать! – бросил Эдрик. – Ему ты этим не повредишь.

Льюис медленно повернул голову. У него был остановившийся взгляд – взгляд покойника.

– Ты его знаешь? – без выражения произнес он.

Эдрик кивнул.

– Это мой работодатель, Фремберг Либергхам. Бессмертный, для которого я разыскивал книгу. – Он покачал головой и добавил, смотря уже не на Льюиса, а на пожилого человека в мантии:

– Но я понятия не имею, какого черта он тут делает.

– Фи, Эдрик, – чародей сделал движение, будто пытался стряхнуть с рукава несуществующую соринку. – Что за вульгарные манеры... Признаться, я тоже был удивлен, увидев тебя здесь. Ты ведь, кажется, должен быть совсем в другом месте. Выполнять работу, которую тебе поручили... А вместо этого – ба! Ты тут. Я был так удивлен, что даже остановил ваше самоубийство, дражайший... – Фремберг сделал выразительную паузу, но Льюис молчал, и чародей продолжил как ни в чем

не бывало:

– ...дражайший Незнакомец, имени которого я не знаю. Впрочем, если вы все еще хотите покончить с собой, не буду вам мешать. Но ваш спутник останется здесь и даст ответы на интересующие меня вопросы.

– Я бы и так мог это сделать, – произнес Мардельт. – Напрасно ты остановил нас. Мой друг... его зовут Льюис Телмарид... он тяжело болен. Единственный шанс, который у него был – пройти Мост и изменить свою природу. Полностью. Только так он мог исцелиться. А ты его этого шанса лишил. Зачем?

Фремберг некоторое время разглядывал Льюиса.

– Он ведь человек, – произнес он недоуменным тоном, как будто бы это обстоятельство должно было все прояснить.

– Вот именно. – Кивнул Эдрик.

– Что – «вот именно»? – Фремберг сделал большие глаза. – Если он человек, что он забыл на Мосту в первой половине года? Захотелось совершить красивое самоубийство?

– О чем ты? – подозрительно спросил Эдрик. Взгляд Льюиса также перестал напоминать кусок льда, теперь там была тень... нет, еще не интереса – сомнения.

– Входящий на рассвете, в ту половину года, когда день увеличивается, идет путем людей, – терпеливо разъяснил Фремберг. – Понимаете? – «людей». Зачем тому, кто сам по природе человек, идти этой дорогой? Этим путем нужно идти демону, желающему превратиться в человека. Смертным нужно устраивать пробежки на закате, после летнего солнцеворота.

– А что произойдет с человеком, – медленно спросил Льюис, – если он все-таки... пройдет «своей» дорогой?

Фремберг рассмеялся.

– Что происходит с такими, как вы, в конце пути? Ну не бессмертие же вас там ждет вкупе с божественным всемогуществом!.. Смертным – смерть, все как положено. Но только идиот захочет заканчивать свой жизненный путь в таком месте. Лучше уж сделать это лет через сорок-пятьдесят... в своей постели.

– А какова судьба демонов, прошедших «своей» дорогой? – спросил Эдрик.

– Распад и возвращение в лоно стихии, которая их породила, – незамедлительно ответил бессмертный. – Собственно говоря, их, демонская, разновидность все той же смерти.

Эдрик и Льюис переглянулись.

– Проклятая книга... – процедил Телмарид. Эдрик кивнул. Наличие еще одной ловушки в «литературном произведении», состряпанном учителем Шальги Кермелта, его уже не удивляло. Но Льюис не мог поверить услышанному: воспоминания Шальги жили в нем, и ему казалось, что он знает все о фальсификациях, сознательно сделанных в тексте. Однако, как оказалось, не все. Оставалось только гадать: случайно ли учитель Шальги забыл упомянуть об этой маленькой лжи, или Шальга о ней все же знал, но та часть воспоминаний, где хранилась эта информация, к Льюису не попала...

Эдрик вновь посмотрел на бессмертного.

– Ты-то откуда все это знаешь? – он постарался придать своему голосу оттенок недоверия.

– Я должен это знать, мой мальчик, – Фремберг являл собой воплощение уверенности и силы. – Я ведь все-таки страж этого места.

– Страж? – Льюис и Эдрик переспросили одновременно.

Фремберг кивнул.

– По крайней мере, – он вздохнул и недовольно посмотрел куда-то в небо, – на ближайшие сто лет...

– Нам нужно поговорить, – констатировал Эдрик.

– Нужно, мой мальчик, нужно... – Фремберг несколько раз одобрительно качнул головой. – Но без него. – Показал взглядом на Льюиса. – Не будем вмешивать смертных в дела бессмертных.

Льюис посмотрел на своего спутника.

– Так ты...

Изобразив на лице кислую мину, Эдрик кивнул.

– Да, он бессмертный, – хохотнул Фремберг. – Только почему-то не любит в этом признаваться.

– Подожди меня здесь, – попросил Эдрик.

– Вряд ли я смогу отсюда уйти, – Льюис окинул взглядом неровное, иззубренное плато, на котором они стояли. – Даже если очень захочу. – Усмехнулся.

Коротко улыбнувшись в ответ, Эдрик подошел к Фрембергу.

– Зачем ты ему сказал? – вполголоса спросил он. Теперь он не улыбался.

– А почему ты не рассказал мне, кто ты, с самого начала? – В голосе бессмертного чародея плескалось веселье.

– Маленькая месть маленького человечка?

– Не дерзи. Лучше пойдем, прогуляемся...

Обходя трещины и ямы, они направились в обход Слепой Горы. По

левую руку, на расстоянии пятиста шагов – ров, в котором кипела кровь мучеников; по правую руку, на вдвое меньшем расстоянии – обрыв, за которым туман и бездна... Непрекращающиеся вопли мучеников служили фоном, который они старались не замечать.

– Итак, – важно сказал Фремберг, похлопывая наконечником посоха по левой ладони. – Что ты здесь делаешь? Почему не занимаешься поисками, которые были тебе поручены?

У Эдрика были свои вопросы, но он решил придержать их на потом. Для начала нужно развязаться наконец с тем идиотским заданием, которое поручил ему Пепельный Маг.

– Разве Аайглато не отдал тебе книгу?

– В последний раз, когда я его видел – нет. – Чародей покачал головой.

– А когда это было?

Фремберг назвал дату.

– Третьего июня мы встретились неподалеку от Сайбо...

– Где это?

– Полдня пути на юг от Бисариха. Я передал Аайглато книгу, которую ты искал. Таким образом, свою часть сделки я выполнил. Если твой демон недостаточно хорошо приручен, и решил скрыться с твоими вещами, это уже не мои проблемы.

Фремберг несколько секунд молчал, мысленно что-то подсчитывая.

– Аайглато должен был добраться до Башни четвертого... Меня отправили сюда... дай-ка вспомнить... да, второго... четвертого я возвращался, чтобы забрать кое-какие вещи... хм... там было позднее утро... Вообще, тайвэ мог еще не появиться в Башне.

– Ну, значит, книга ждет тебя дома, – Эдрик пожал плечами.

– О чем она хоть? – осведомился Фремберг.

Тел-ан-алатрит рассказал. Поскольку Фремберг постоянно прерывал его повествование разнообразными уточняющими вопросами, они прошли довольно значительное расстояние, прежде чем Эдрик закончил говорить.

Потом – еще шагов восемьдесят или сто – они прошли молча. Фремберг думал.

– Да, теперь все складывается, – наконец произнес чародей. – Подытожим. Маскриб нашел книгу, занялся переводом, после чего попал под действие вшитой в текст команды и, уже не соображая что делает, собственноручно составил заклинание, которое его же и убило. Однако это заклинание не только уничтожало того, кто его применял, но действительно вызвало некую хитрую тварь, внешне настолько хиленькую, что ни один нормальный маг не стал бы обращать на нее внимания... до

тех пор, пока это существо не взяло бы его под контроль. Интересно. Демон сидел без дела до тех пор, пока в трактире не появился Нарвериш. Демон овладел им, избавился от тайвэ и поехал на юг... – Фремберг несколько секунд молча, почесывая бороду. – Да, все сходится.

– Что сходится?

– Ирбик Тысячеглазый – страж, который нес дежурство здесь до меня – рассказал о странном существе, которое пересекло мост пару месяцев тому назад. Это был всадник на заколдованном коне; всадник – человек, но демонтированный до крайней степени. Мост он прошел, но трансформации не случилось. Всадник был одержим демоном – одно тело, и, может быть даже, одно Шэ, но два различных Тэннака и два Келата. Не говоря уже о высших душах. А это место не любит таких фокусов. Жулика наказали. К сожалению, похоже, наказали не того, кого надо. Человек умер и остался на мосту; вероятно, он до сих пор барахтается где-то там. – Фремберг кивнул в ту сторону, откуда доносились крики непрерывно умирающих, но так и не способных умереть окончательно, людей, животных и демонов. – А тварь, которая жила в нем, ускользнула от расплаты. Событие, надо сказать, преудивительнейшее. Такое тут нечасто происходит.

– Я думал, такого вообще не бывает... – пробормотал Эдрик.

– Не должно быть. Но всегда есть исключения.

– Каким образом он удрал?

– Ирбик не смог понять. По крайней мере, в деталях...

– А в общем?

– А в общем этот метод довольно близок к тому, который применяете вы, сумасшедшие ныряльщики в Реку.

Лицо Эдрика окаменело. То, что он считал важнейшим секретом Школы, оказалось на деле не такой уж большой тайной. По крайней мере, Фремберг вел себя так, как будто бы был в курсе дел Освобожденных лучше их самих.

– Я предупрежу моих... друзей, – он запнулся, потому что на самом деле Фремберг мог знать гораздо меньше, чем пытался показать. – Если тут постоянно несут дежурство какие-то стражи, странно, что...

– Не старайся. Мастера и настоятельницы твоей Школы знают о нас так же, как и мы – о них, – Фремберг скупно улыбнулся. – Это только новички получают дозированную информацию...

– Я не новичок.

– Это ты так думаешь. Судя по тому, что ты не знаешь даже самых элементарных вещей об этом месте, могу предположить, что ты ушел из

Школы сразу, как только сдал экзамен.

Теперь надолго задумался Эдрик. О Школе Железного Листа люди не знали, но так ли – на самом деле – обстояла ситуация с другими бессмертными? С высшими демонами? С богами?.. Он всегда думал – его приучили так думать – что Школа – это клинок, который кует человечество для того, чтобы когда-нибудь обратить в ничто нынешних миродержцев. Теперь оказывается, что об их деятельности довольно неплохо осведомлены даже бессмертные. Несомненно, всевидящие боги знали еще больше. Но Школа не уничтожалась. Почему? О ней знали, но не считали ее опасной.

Мир в очередной раз перевернулся. Что-то не сходилось. Эдрик понял, что обязан вернуться в Школу – чтобы получить ответы на все вопросы, которые беспрестанно возникали перед ним с тех пор, как он покинул вырастившую его организацию.

– У вас какая-то договоренность? – незаинтересованным тоном спросил он.

Фремберг кивнул. Помолчав, произнес:

– Насколько мне известно, первоначально вас не хотели сюда пускать. Это было давным-давно, еще до Стханата, когда вы только оттачивали свои методики. Ничем хорошим это не закончилось. Погибло несколько стражей, и несколько адептов с вашей стороны. Тогда было решено вас не трогать. В конце концов, число ваших адептов ограничено, вдобавок это число можно уменьшить и другими способами... Устраивать же войну прямо здесь... – Он покачал головой.

– А в чем дело? – С кривой усмешкой Эдрик оглядел плато. – По моему, неплохая площадка...

– Может и так, но стража выставлена здесь не для того, чтобы воевать со всяким сбродом.

– Значит, мы – сброд? – Эдрик рассмеялся. – Кто же тогда вы, получающие бессмертие из рук спесивых божков, утвердивших свои задницы на солнечных тронах? Давай попробуем подобрать подходящее слово, чтобы как-то обозначить то место, которое вы занимаете в существующей иерархии... Лизоблюды? Лакеи? Божественные шавки?..

– Еще одно слово... – процедил Фремберг.

– Следи за собственной речью, – отрезал Эдрик. – И я не буду отвечать тебе в тон.

– Я могу уничтожить тебя.

– А я – тебя. Так быстро, что ты даже не успеешь применить ни одно из своих заклинаний. Я мог бы убить тебя еще при самой первой встрече. Я не

сделал этого только потому, что сквозь барьеры Башни не способен прорваться никто, даже я, и я не хотел сидеть в заточении еще десять или двадцать, или сто лет – до тех пор, пока не объявится новый хозяин. Свою работу я выполнил, и больше я тебе ничем не обязан. Поэтому выбирай слова... когда говоришь с равным.

Фремберг пожевал губами. Ему хотелось сию же секунду испепелить наглого мальчишку за то, что тот так осмелился говорить – с кем? С ним, с бессмертным, стоящим лишь на одну ступень ниже Князей Света и Тьмы. Подобные Эдрику стояли еще ниже, и должны были понимать это... Но, похоже, эти анархисты из Школы Железного Листа не признавали никакой субординации. Поигрывая жезлом, Фремберг понял, что никакого желания вступать в бой у него нет. Это бессмысленно. Вдобавок он не был уверен в победе. Ему очень не понравилось, как этот меч рассекал его плетения.

Кроме того... это и в самом деле было не подходящее место для боя.

– Это не самое подходящее место для боя, – повторил Фремберг вслух свои мысли. – Поэтому я сделаю вид, что не заметил твоего тона... на первый раз.

– И я. – По губам Эдрика пробежала усмешка. Он знал, что победил.

Фремберг проглотил и это.

– Демон, овладевший Ёнко, удрал от расплаты, – произнес он. – И судя по всему, ты вызвал его – или кого-то очень на него похожего – когда нашел книгу и прочел содержавшееся в ней заклинание...

– Да, – кивнул Эдрик.

– И по его словам, – Фремберг махнул жезлом в сторону далекой темной точки, в которую превратился Льюис Телмарид, – он смог победить ту пакость, которую ты вызвал? А ты не думаешь, что демон мог просто вселиться в него? И затаиться где-нибудь внутри... до времени?

Эдрик покачал головой.

– Нет. Он не похож на одержимого. Я думал об этом... но твой тайвэ был такого же мнения. Он сказал, что Льюис имеет совсем иной эфирный запах, чем Нарвериш в то утро... когда он отправил тебе пустой конверт.

– Признаться, и мне он не показался одержимым, – признался Фремберг. – Никаких двойных душ и прочей ерунды... Правда, его Келат напоминает, – бессмертный облизал губы, пытаясь найти сравнение, – сферу со множеством наростов или каких-то опухолей...

– Он вобрал в себя куски от десятка или больше чужих Келат, – ответил Эдрик. – Судя по его рассказу, они слились во что-то аморфное... но не до конца. Он наполовину безумен, это чувствуется иногда... но обычно ему удается справиться со своим сумасшествием. Вообще, это человек с

поразительной – для смертного – волей и целеустремленностью. Полагаю, только поэтому он и выжил... после того, что с ним сделали.

– А что с ним сделали?

Эдрик пренебрежительно махнул рукой.

– Какой-то демон едва не сожрал его душу. Собственно, он до сих пор на крючке. Бойся, что после смерти отправится напрямик к нему на обед.

– Да, это бывает, – лицо Фремберга приняло снисходительное выражение. – Эти смертные обожают залезать в задницы, из которых самостоятельно выбраться не могут. Зачем ты ему помогаешь?

– Хочу посмотреть, как меняется природа.

– Ничего интересного. В конце пути появляется что-то вроде зеркала, в котором отражается новая сущность. Прошедший мост протягивает руку к зеркалу и... начинается новая жизнь. Отражение становится реальностью, а реальность – призраком.

– Смотри что считать реальностью... – заметил Эдрик. – Только дурак станет называть «реальностью» то, что они видят.

– Я говорил с точки зрения их восприятия, – объяснил Фремберг. – Для них «видимый мир» – реальность. Им кажется, что что-то «по-настоящему» меняется, когда они становятся демонами или людьми.

– А на самом деле... не меняется ничего? – пробормотал Эдрик.

– Именно. Просто переходят в другую часть себя. Начинают собирать мир по-новому. Прежняя природа перестает быть «активной», потенциал меняется. Но по сути – все тоже самое.

– Тем не менее, для них это может быть важно... иногда.

Фремберг кивнул.

– Я не против, пусть проходит. Может быть, это его излечит. Наверняка излечит. Там внутри святилище, – он неожиданно показал на Слепую Гору. – Не знаю, стоит ли тебе заходить внутрь. Просто предупреди его, что там маленький храм. При некоторой удаче, можно пообщаться с любым из властителей Верхних и Нижних Миров. Оттуда молитвы долетают до них быстрее, чем из любого другого места. Если есть желание и есть что сказать, конечно. Я бы не советовал злоупотреблять этой возможностью даже ему, хотя, возможно, после перевоплощения в демона какой-нибудь из Темных Князей и согласится принять его под свое покровительство. Но тебе находиться там я бы точно не советовал. Таких как ты, они не очень-то любят.

«Я бы удивился, будь иначе, – мысленно усмехнулся Эдрик. – Ведь мы хотим отнять у них мир...» Вслух он сказал:

– Ты так говоришь, как будто я буду с ним рядом.

– А разве нет?.. А, мне показалось... Вы так резво рванули к Мосту, что я решил... Значит, ты не собираешься ему помочь? Ну вот и ладно.

– «Помогать»? – удивился Эдрик. – А разве это возможно? Это не нарушит баланс?

– Ну вы же не занимаете одно тело. Мост тебя вообще не воспримет. Ты ведь бессмертный. Этой системе нечего тебе предложить.

Эдрик задумался.

– Возможно... – сказал он через некоторое время – они уже прошли половину пути, и Льюиса, а также Игольчатый Мост скрывала от них теперь громада Слепой Горы. – Возможно, я и помогу ему. Не знаю. Да, наверное, помогу. Вблизи наблюдать перевоплощение гораздо интереснее, чем с противоположного берега... А просто перебраться на ту сторону через ров нельзя?

– Даже не думай. Система не позволит. Разбудишь такие силы, которые сотрут тебя в порошок еще прежде, чем ты успеешь объяснить, что не хотел ничего плохого. Я ведь тут не единственный страж.

– А есть и другие?

– Да, духи света. Несколько могущественных демонов. Один из Лунных Князей, которому была дарована божественность взамен на бессрочную стражу, которую он вынужден теперь нести здесь.

– Кто?

– Австевер, Владыка Ощущений. В некотором смысле, Слепая Гора, расположенная в самом центре вселенной, являет собой как бы символический образ всего существующего. Это место – граница между тем, что есть и тем, что могло бы быть...

– Так центр или граница?

– И центр, и граница. Настоящий центр – это всегда граница. Подлинная граница всегда проходит внутри, а внешне... внешне вещи и явления не так уж сильно отличаются друг от друга.

– Да, в Школе нам рассказывали об Австевере. Еще один тюремщик, благодаря которому боги держат нас в рабстве.

– Конечно, ты должен был о нем слышать. Ведь вам предписывается победить его, выбраться из той тюрьмы, которую он создал. Полагаю также, ты знаешь, что сама Кипящая Река служит чем-то вроде бесконечного жертвенного алтаря, олицетворяющего предел тех ощущений, которые может испытать смертный...

– Нет, нам рассказывали немного иначе. Но я понимаю, о чем ты. Да, можно сказать и так. Но я не понимаю, почему ты говоришь – «стражи». Что вы тут охраняете? И от кого? Школа никогда еще не пыталась

разрушить это место, мы всегда искали лишь способы выбраться из потока...

– Стражу ставили не для защиты от вас, – ответил Фремберг. – Вы – отнюдь не самая большая головная боль миродержцев. Собственно, вы вообще не проблема, что бы вы о себе не воображали. Вы обретае бессмертие и занимаете свое место в упорядоченной системе Сальбравы, хотите вы этого или нет. Но есть те, кто представляет настоящую угрозу. Те, кто спят там, под нами. – Он потыкал пальцем вниз, как бы указывая на основание той исполинской каменной башни, на вершине которой они стояли. – В Озере Грез, из которого растет Столб.

Эдрик понял, кого он имеет в виду.

– Но ведь их нет, – произнес он недоуменно. – Они стали не более реальны, чем мысль или память... чем забытое воспоминание. Их нет в реальном мире. Нам говорили, что Озеро Грез – это и есть мечта.

– Это так, – согласился Фремберг. – Но в каком-то смысле мечты обладают собственной реальностью – хотя она и иная, чем реальность вещей и явлений. Этот барьер – между предметом и мыслью о нем – очень высок, но те, кто древнее нас, способны его преодолеть. Ведь именно из их мечтаний когда-то возникла Сальбрава.

– То время давно прошло, – резко сказал Эдрик. – Они давно утратили силу, которая позволяла им давать бытие тому, чего не было прежде. Теперь они могут лишь перемещать то или другое на место, превращать одну вещь в другую, эту энергию – в ту... Но анкавалэна у них нет, и никогда уже не будет, как бы они не стремились вернуть его. Анкавалэн принадлежит людям.

– Да, я знаю, что на этом основана вся ваша идеология, – сказал Фремберг. – Эту мысль тебе вбивали всю жизнь, внушая, что вы какие-то особенные, не такие, как все, что этот мир – дерьмо, потому что он дерьмово управляется, а вот если бы к власти пришли вы, вот тогда... Но вот что я тебе скажу, мой друг. На самом деле не имеет абсолютно никакого значения, в чьей сущности теперь, после Войны Остывших Светил, скрыт анкавалэн – в сущности людей или богов. Важно то, кто этой силой управляет. А управляют ею боги – так же, как и прежде. Все равно как если бы ты перестал хранить деньги дома в сундуке и поместил их в банк. Они все равно принадлежат тебе. Ты можешь снять их в любой момент, переместить на другой счет, оплатить текущие расходы... Ничего не изменилось. Смертные принадлежат богам, и так будет всегда, хочешь ты этого или нет. Претензии вашей Школы смешны. Боги всегда позволяли тем, кто этого достоин, получить нечто большее, чем жизнь внутри одного

из людских стад, но достойных – по-настоящему достойных – всегда были единицы. Ваш способ обрести бессмертие ничуть не хуже, чем все остальные. Но когда вас становилось слишком много, вашу численность аккуратно сокращали – думаю, ты слышал о периодах резни во времена Стханата... Нет? У вас эта информация тоже засекречена от новичков?

– Не в этом дело. Я никогда не увлекался историей.

– Напрасно, напрасно. Кто не знает прошлого, не знает и настоящего, – Фремберг осуждающе поцокал языком.

– Не отвлекайся, – посоветовал Эдрик. – Ты рассказывал о том, от кого вы охраняете это странное место.

– Я думал, ты понял...

– Я не понял, почему. Допустим, боги могут выжимать анкавалэн из людей – я знаю, как они это делают. Но те... кто мертв... как? Их нет. Как они могут влиять...

– Увы, но все еще есть те, кто поклоняется Последовавшим. Иногда их молитвы достигают Озера Грез. И тогда оттуда поднимаются призраки.

– Призраки?

– Да, тени теней того, чем они были. Чем выше им удастся подняться, тем большую силу они обретают. Но и тем сильнее становится сопротивление. В принципе, мощи, сосредоточенной в этом месте, достаточно, чтобы остановить любого из них, даже Клеветника или Палача. Хотя иногда их потуги вырваться на волю по-настоящему страшны, – Фремберг покачал головой. – Такое происходит нечасто, раз или два в тысячелетие. Тогда Столб содрогается, и кажется, что все вот-вот рухнет, и Солнечный Убийца выберется на свет... Хотя это всего лишь призраки поднимаются вверх по нитям молитв. Рано или поздно их сила иссякает, они превращаются в ничто, и все успокаивается. Но есть опасение, что когда-нибудь они придумают способ если не проломить, то обойти защиту. Для этого тут и нужна стража.

– И что ты с этой волшебной палочкой сможешь предпринять против Князя? – с презрением бросил Эдрик, показав взглядом на колдовской посох.

– Я буду противостоять ему не один. Кроме того, нелепо считать, что призрак, даже сумев прикоснуться к чему-то реальному, сразу же обретет все свои прежние силы. Их возвращение не будет мгновенным, и страж, если и не сумеет закрыть проход, по крайней мере, сможет воззвать к миродержцам. Тогда сюда явятся те, кто уже один раз низверг Последышей в Озеро Грез... и сделают это еще раз.

– Пусть бы сами и сторожили, если им так нужно, – пробормотал

Эдрик.

– Перестань. Это нужно всем нам. Если только, конечно, ты не хочешь увидеть, как все миры исчезают в огне, знаменующем конец света.

– Я что-то не слышал особенной радости в твоём голосе, когда ты говорил, что должен дежурить здесь следующие сто лет.

– Хм... да, признаться, меня отправили сюда в наказание. Обычно мы проводим здесь четверть века после того, как обретаем бессмертие.

– И что ты натворил?

– Это тебя не касается.

– Понятно, – Эдрик хмыкнул. – У меня остался еще один вопрос. Если ты так много знаешь о Школе, почему ты не догадался, кто я такой, еще в Башне? Или догадался – но сделал вид, что не знаешь?

– Я знал, что ты бессмертный, но не знал, к какому из родов ты принадлежишь. Ты отмалчивался, и делал вид, будто тебе мешает какая-то клятва. Это слегка расходилось с тем, что мне известно о Школе. Вы держите слово лишь тогда, когда вам это выгодно. В том случае это была явная дурость...

Эдрик засмеялся.

– Дурость? Но ведь ты же поверил!

Фремберг опять потер бороду. Поражение он признавать не любил.

– Ну хорошо, – с большой неохотой выдавил он. – Да, ты ловко изобразил не-пойми-кого. Сумел меня заинтриговать. Поэтому я и поручил тебе это задание. Хотел посмотреть, как ты будешь действовать.

– Ну что ж... – Эдрик развел руками. – Все секреты раскрыты, кроме...

– Кроме?

– Кроме того, что нужно было демону, вселившемуся в Нарвериша и для чего он привел его на Слепую Гору. Но это ты выяснишь уже сам. Вызовешь его и допросишь. Когда вернешься в Башню.

Фремберг кивнул.

– Да, это любопытно. Хотя я могу сделать несколько предположений. Он мог кое-что знать о силах, управляющих этим местом. Возможно, он надеялся перемениться вместе с хозяином тела в ходе перевоплощения.

– А это возможно?

– Нет. Я же говорил тебе. В зеркальной пленке, ожидающей всякого прошедшего Мост, отразились обе сущности. А для людей в это время года путь закрыт.

– А когда откроется путь демонов?

– Завтра на закате.

– Ну что ж, – сказал Эдрик. – Подождем.

Глава девятнадцатая

...Время, казалось, замерло. Освещение почти не менялось, и все изменения в окружающем мире сводились к перемещению красных пятен по зеленоватому небу. Иногда пятна набухали и увеличивались. Тогда их яркость возрастала, они становились алыми, насыщенно-красными. Иногда – расплывались, цвет менялся до бурого или даже серого. Эдрик сказал, что по их движению можно определять время точнее, чем по положению звезд, но я не мог понять, произнес он это всерьез или шутил. Сидя на камне и задумчиво разглядывая мутные небеса над Слепой Горой, я думал о том, что моя жизнь похожа на одно из этих пятен: то яркость и власть, то истощение и бессилие. В конце концов все пятна распадались – или на части, вливаясь в другие сгустки, или окончательно превращались в серую муть. Вряд ли это можно считать хорошим предзнаменованием.

К сожалению, мне было нечем заняться, кроме разглядывания тошнотворных цветных сгустков, перемещавшихся над моей головой. Пробежка по Мосту откладывалась почти на двое суток. Возможно, я должен сказать спасибо Фрембергу Либергхаму за то, что он не дал мне пойти на поводу у этой книжонки – и памяти Шальги Кермельта – но я не чувствовал благодарности. Я вообще давно ничего не чувствовал, кроме усталости. К черту Фремберга. К черту их всех...

Я не ел и не пил уже несколько суток, но об этом вряд ли стоило беспокоиться – мое тело и без того представляло собой, по сути, ходячий разлагающийся труп. Я медленно, но верно подходил к последней границе, за которой связь между душами разрывается, Холок остается на земле, Шэ распадается, Тэннак исчезает в породивших его стихиях, а Келат опускается вниз, во владения Князя Мертвых, чтобы очиститься от памяти и затем, спустя века, вновь вознестись наверх и соединиться там с зачатками душ еще не рожденного младенца...

Может, я бы и сдался, и не стал бы возражать против такой перспективы – в конце концов, все мы крутимся в колесе перерождений – но я слишком хорошо знал, что мне светит, если я перейду порог между жизнью и смертью. Каждый раз, когда я вспоминал о Ночной Тени, мир, уже готовый раствориться в тумане Мне-Все-Равно, мгновенно приобретал ясность. Тот ужас, который я испытывал при воспоминании о Тени – вот, пожалуй, единственное, что двигало меня вперед все это время, позволяло

совершать подлости и убийства, не останавливаясь не перед чем, лишь бы избежать слияния с ней... Я не перекладываю вину за то, что сделал, на Тень, я всего лишь рассказываю о своих мотивах. Страх – странная штука. Кого-то он подстегивает, переплавляясь в волю и ярость, кого-то обессиливает и сводит с ума. Всю жизнь я боялся быть слабым. Теперь, сидя на вершине Мирового Столба и перебирая в уме все свои преступления, я почти жалел о том, что страх не разрушил меня, но стал силой, позволившей мне пройти весь этот путь до конца... Почти жалел – потому что я лишь думал о том, как все неправильно повернулось, но никакого раскаянья не испытывал. Заглядывая в себя, я видел: мне не жаль никого из тех, чья жизнь я забрал. Умом жаль – но и только. Сердцу все равно. Да будь иначе, я бы и не смог всего этого сделать, сломался бы где-нибудь по пути. Это сила?.. Нет, просто бесчувствие. Я чудовище? Да, наверное. По людским законам точно – да. Но как быть чудовищу в мире людей? Все знают, как поступать с чудовищами: их ловят, сажают в тюрьмы, казнят, иногда – расправляются еще до следствия и суда... Все понятно и правильно, так и должно быть. Но как быть, если чудовище – ты сам? Если, обращаясь к себе, ты видишь лишь тьму, и эта тьма тем гуще, чем глубже ты в себя заглядываешь?..

Нет, мне не жаль этих людей. Я убил бы вдвое больше, лишь бы избежать объятий Ночной Тени. Я знаю это, я говорил себе это уже тысячу раз. Но кажется, я никак не могу примириться с самим собой. Должен быть какой-то смысл, какая-то цельность – даже во тьме. Я выбрал тьму давным-давно – может быть, еще тогда, когда учился у ваги. Но что-то мучает меня, не дает успокоиться. Это не раскаянье, не сожаление, нет. Отсутствие цельности. Я слишком часто сравниваю себя с нормальным человеком, слишком часто предаюсь рефлексии. Пора бы уже бросить эту привычку. Действие, энергия – вот что является признаком жизни, признаком бытия. Только действие. Мысль бесплодна.

Я откорректировал некоторые заклинания, поддерживающие тело в работоспособном состоянии. Сигналы, свидетельствующие о голоде и жажде, я заглушил давно, вместе со способностью чувствовать запах и вкус. Вдыхать аромат собственной разлагающейся плоти я не имел ни малейшего желания. Нужно было сохранить кровеносную систему и мышцы, и именно их я и поддерживал чарами. О состоянии костей пока можно не беспокоиться – они начнут приходить в негодность еще нескоро. Нервная система постепенно выходила из строя, я по мере надобности заменял ее плетениями Тэннака, но особенных усилий на это не тратил. Лишняя чувствительность ни к чему. Сознание принадлежит Келату, а не

серому веществу под черепной коробкой. Мозг выполняет роль посланца, принимающего указы Келата и передающего их Холоку, но эту же роль можно поручить и заклинительной системе, доводящей сигналы напрямую. Ничего хорошего из этой магической вивисекции выйти не может, но я не собираюсь жить с этим телом долгие годы. Мой путь – путь человека – подходит к финалу. Завтра начнется новая жизнь. Я надеюсь, что тяга к темному волшебству, которую когда-то пробудил во мне вага, обретет-таки, наконец, свою завершенность. Совсем не исключено, что причина смутного ощущения, которое беспокоит меня и которое я называю «отсутствием цельности», заключается в том, что мое место не здесь, не на земле, а где-то гораздо ниже – в Сеигбалаокхе или в Лекойтбалаокхгарбе, там, где среди скал из черного хрустала скользят тени-ветра, и кадёты ведут беседы о волшебстве на языках, что ведомы только мертвым...

В этом безвременье мы провели... Вечность. Минуту. Может быть, час. Я не сразу понял, что изменилось. Показалось, что я оглох. Секундой позже понял, что нет: всего лишь стихли крики мучеников на Мосту. Эти вопли давно превратились в звуковой фон, на который ни я, ни Эдрик не обращали внимания.

– Закат, – сказал Эдрик, глядя, как затихают движения стальных игл Моста.

Это был последний вечер старого месяца. Мы молча смотрели на неподвижный путь. На Слепую Гору.

Прошло совсем немного времени, и иглы задвигались – сначала неуверенно, рывками, затем все пластичнее, быстрее. Это была завораживающая картина. Почти прекрасная. Дикие вопли истязуемых опять разорвали воздух. Поморщившись, я приглушил заклинение, регулирующее звуковые сигналы.

– Значит, если бросишься в Реку и останешься в живых – станешь бессмертным?... – задумчиво, будто обращаясь к себе самому, произнес я. На самом деле, мне была любопытна реакция Эдрика.

Он отреагировал почти сразу.

– Забудь об этом. Ты не сможешь. Я уже говорил тебе об этом.

– Но ты не можешь быть уверен.

– Я уверен. Думаешь, Школа не проводила экспериментов такого рода? В Реку побросали столько неподготовленных людей, что ими можно было заселить небольшой город.

– И никто не выжил?

Эдрик покачал головой.

– Никто.

«Гуманисты, – подумал я. – Борцы за свободу человечества...»

– Я думал, вы хотите обрести силу анкавалэна, – произнес я. – А все обернулось банальным бессмертием. Сказал бы сразу. Все хотят стать бессмертными. Зачем тебе была нужна вся эта псевдобунтарская чушь?

– Это не чушь, – неохотно ответил Эдрик. Возможно, мне показалось, но я уловил в его голосе крупницу сомнения. Что-то изменилось после длинного разговора с Фрембергом Либергхамом. Эдрик сделался задумчив и молчалив. Впрочем, особо разговорчивым он никогда не был.

– А что?

Некоторое время он молчал.

– Это неудача, – произнес он наконец. Мне показалось, что я ослышался.

– Что – «неудача»?

– Бессмертие. Должно быть не так.

– А как?

На этот раз он молчал так долго, что мне пришлось повторить вопрос, прежде чем он соизволил ответить.

– По-другому. Другая рука.

– Я тебя не понимаю. Какая еще рука?

Он вздохнул.

– Что ты знаешь о бессмертии?

– Что это очень здорово.

– Я не шучу.

– Я тоже. Ну... наверное, то же, что и все. Бессмертные выходят из круга рождений-смертей. Они обладают огромным могуществом, хотя их способности весьма различаются. До встречи с тобой я и не знал, что бывают бессмертные... мечи-оборотни. Думал, они такие, как Фремберг... или, как боги.

– Считается, что существует три поколения бессмертных, – сказал Эдрик. – К первому принадлежат те, что были предвечно рождены Светилами. Ко второму – такие, как Фремберг. К третьему – такие, как я.

– Ты говорил, что у ваших... настоятельница другие способности. Не такие, как у мужчин.

– Да, третье поколение довольно разнообразно. Все эти способности соответствуют предметам в руках Картваила. – Поймав мой вопрошающий взгляд, он объяснил. – Когда мы – тем или иным способом – подходим к бессмертию, наше сознание переносится в особое место, называемое Разбитым Храмом. Оно принадлежит Картвайлу...

– Я думал, этого Лунного Князя давным-давно испепелило Солнце.

– Да, он лишен присутствия в мире яви, – Эдрик пренебрежительно махнул рукой, как будто речь шла о каком-то несущественном обстоятельстве. – Но он не перестал быть тем, кто он есть: стражем границ, хозяином рубежей. Поэтому, переходя грань между жизнью и бессмертием, мы неизбежно сталкиваемся с его присутствием и созерцаем Разбитый Храм, где стоит его статуя. Возможно, ты знаешь, что у Картваила шесть рук. Они олицетворяют все возможные формы бессмертия. Правая верхняя рука поднята над головой, и в ней Картваил держит чашу. Чаша соответствует силе первого поколения – тех, кого мы сейчас чаще называем «богами». Именно в чаше содержался анкавалэн до того, как боги утратили его. В левой руке, на уровне лица, Лунный Князь сжимает жезл. Это символизирует силу, которой обладают бессмертные чародеи, маги и мудрецы. Третье поколение – три руки на уровне туловища. Венец, маска и меч.

– И что это значит?

– Мне был дан меч. Получившего венец впоследствии назовут младшим богом или властителем демонов. Он становится богом того или иного места, управляя локальной областью где-нибудь в Верхних или Нижних Мирах. Получивший маску приобретает способность к трансформации. Он не привязан к какому-то определенному облику, как оборотень. Может стать чем угодно... Шестая, последняя рука – особенная. В ней ничего нет, и ее Картваил держит напротив груди, ладонью к себе. Никто и никогда не приобретал дар, сокрытый в пустой руке. Предполагается, что его получит тот человек, в котором раскроется сила анкавалэна. Поэтому последняя рука Картваила пуста: она лишь укажет на избранника, но ничего ему не даст. Конечно, никто не может знать точно. Это лишь предположение. Школа всегда ставила своей целью получить именно этот дар – дар, которого нет. Но пока – безуспешно. Маска, иногда венец, редко – меч. Три формы бессмертия, доступные для таких, как мы. Но как достичь нашей настоящей цели, мы пока не знаем. И никто не знает.

– И ты считаешь это неудачей? – Я покачал головой.

– Да.

– Мне бы твои «неудачи»...

Эдрик не ответил.

Потребовалось некоторое усилие, чтобы отвлечься от мыслей о бессмертии и вернуться к реальному положению дел. Хотя очень не хотелось этого делать. Мечтать о бессмертии так приятно...

* * *

– Пора, – Эдрик потряс меня за плечо.

Чуть менее суток я провел в состоянии, близком ко сну. Точнее было бы назвать это «беспамятством» – мое тело спать уже не могло, но чтобы не расходовать зря энергию, я ввел необходимые коррективы в поддерживающие заклатья, заморозив все протекающие в теле процессы. Мир погас, мысли остановились, время перестало существовать...

Теперь, пробудившись, я восстановил энергообмен. Самый долгий день в году миновал, солнце пошло на убыль, единственная стрелка на золотых часах, расположенных на вершине Слепой Горы, миновала черную трещину, делившую циферблат надвое.

Мост затихал. Длинные стальные иглы, прораставшие из тел, зашевелились при моем приближении, но неуверенно, словно не могли решить, нужно ли убивать меня или нет. Колдовским зрением я мог видеть потоки сил, окружающих Слепую Горю неким подобием заворачивающегося в спираль вихря. Здесь находился один из важнейших узлов мироздания, может быть, даже центр всей Сальбравы, и не существовало никакого волшебства, с помощью которого можно было бы перелететь через ров. Существовал только один путь, позволяющий проникнуть внутрь, и этот путь открывался два раза в сутки на считанные минуты.

– Ты ведь истратил почти весь свой «запас», так? – спросил Эдрик.

Я молча кивнул.

– Я тебе помогу.

– Но ведь...

– Это не помешает, не волнуйся.

Я ощутил прилив благодарности. Какие бы мотивы не заставили Эдрика отправиться со мной в этот путь, он здорово помог мне, и, наверное, мне стоило считать его своим другом. Как бы сильно его мозги не были промыты философией Школы Железного Листа, он вовсе не был таким бездушным типом, каким иногда казался. Надеюсь, я останусь в живых и у меня еще будет возможность его отблагодарить.

Как только иглы замерли, я, вскрывая последние запасники силы, прыгнул на Мост. Сапог впечатался в мокрую от крови спину, я перемахнул через несколько тел, приземлился на чей-то живот, выдавив из мученика стон боли, бросился дальше. Скользкие, полуживые тела, были не самой лучшей дорожкой для пробега; в любой момент я мог споткнуться, потерять равновесие и налететь на какой-нибудь тонкий

стальной шип, пробивавшийся, словно диковинная травинка, из-под груди плоти, но я старался не задумываться об этом. Энергия бурлила во мне, тело казалось легким, как пушинка, движения были точны и стремительны. Я знал, что это состояние продлится недолго – почти все запасы я растратил вчера, пытаясь преодолеть заклятья бессмертного стража – и старался за отпущенное время пробежать как можно большее расстояние. Эдрика я не видел, но смутно ощущал его присутствие рядом с собой, справа... и сверху. Вероятно, он опять перешел в состояние клинка. Пока он просто был рядом, и ничего не предпринимал.

Хотя я бежал быстрее ветра, Игольчатый Мост, казалось, становился все длиннее и длиннее. Вероятно, так и было. Что-то странное происходило здесь с расстояниями. Мои запасы силы иссякали. Движения замедлялись. Краем глаза я заметил дрожание шипов – Солнце заходило, и они готовились пробудиться к жизни. Быстрее, еще быстрее... Я почувствовал, что начинаю задыхаться – тело не выдерживало такой нагрузки.

Я успел пробежать две трети пути до того, как истекло отпущенное время. Закат – которого в этом месте я все равно не видел – превратился в ночь, и Мост ожил.

Сначала он двигался медленно – иглы раскачивались, как трава на ветру, и слепо тянулись в моем направлении, но чем дальше, тем быстрее и увереннее становились их движения. Вопли мучеников обрушились на меня дикой, оглушающей какофонией. Тела задвигались, заизвивались, я несколько раз терял равновесие и лишь чудом избегал летящих ко мне игл. Мост тем временем пробудился окончательно. Я чувствовал: он хочет поймать меня, нацепить на стальной шип, насладиться моей болью. Игольчатый Мост – не механическое приспособление. Скорее уж, какое-то странное животное, порождение извращенной фантазии одного из тех богов, которые создали это место. Прямо передо мной, разрывая тела, вырастали новые и новые шипы, я перепрыгивал через них, но видел, что впереди меня уже ожидают такие же, перекрывая путь подобием решетки. Высверк над правым плечом возвестил, что Эдрик наконец включился в игру. Я услышал звон, и увидел, как прутья осыпались – самого движения клинка я не видел. Меч замер в двадцати шагах, ожидая, когда я доберусь до этого места. Я перепрыгнул обрезки прутьев. Справа и слева, одновременно, метнулись две длинные иглы – меч срезал и их тоже. Дальше, дальше... Какой-то человек – или демон – захлебнулся криком, когда я наступил ему на лицо. Маленький ровный участок – спина лошади в окружении человеческих тел – я взбегаю по шее, отталкиваясь от черепа,

лечу вперед...

Внезапно все кончилось. Тел под ногами больше не было, я стоял на камнях. Громада Слепой Горы заняла полнеба. Игольчатый Мост позади. Я прошел.

Внутри Слепой Горы вела пещера. Я находился, быть может, на расстоянии двадцати пяти или тридцати шагов от входа. Что там внутри, разобрать невозможно – между мной и пещерой пульсировало нечто вроде светящейся серебристой пленки, набирающей с каждым мгновением силу и цвет. Эдрик говорил, что внутри находится какой-то храм, посвященный всем богам сразу, а также – портал, который перенесет меня в любую из Сфер Сальбравы по моему желанию.

Но сначала...

Я шагнул к пленке.

Пленка приобретала подобие большого зеркала, чем ближе я подходил, тем быстрее шло его формирование. В переливающемся, похожем на серебряное море, отражении, я видел зеленовато-бурые небеса, и каменистую серую равнину, смутный образ Моста, себя самого, приближающегося к концу пути...

Нет.

Там был не я.

Я не сразу понял, что вижу в отражении. Фигура, которая двигалась мне навстречу, принадлежала кому-то другому. Она повторяла мои движения, но не слишком точно. Я замедлил шаг, но она продолжала двигаться с прежней скоростью. Это был... Мне показалось, я вернулся в один из своих снов – в кошмар, где я не был собой, а был кем-то другим... вернее – *вместо меня был кто-то*.

Рваная хламида, клюка в левой руке. На лице – маска. Нет, не так: лица нет, пустота под капюшоном, и на эту пустоту нацеплена грубая серая маска.

Слегка прихрамывая он (оно?) добрался до границы, разделявшей реальный мир и отражение. Я стоял в двух шагах – замер от ужаса, не понимая, что происходит. Зеркало вспухло, стало жидким, потом – сошло, как пена, пропуская это в наш мир. Не соображая, что делаю, я выставил перед собой руки, как будто бы так мог защититься от *этого*. Существо в маске протянуло свою длань. Я почувствовал прикосновение – холодное, как будто бы из меня вытянули что-то... Не энергию, нет... словно нечто неведомое пришло в равновесие, когда он прикоснулся ко мне...

Я услышал голос – бесполой, бесстрастный, механическое движение звука в застывшем воздухе:

– Ты помог мне вернуться. Я этого не забуду.

Глава двадцатая

Преображения не произошло. Пленка, отделяющая бывшее от небывшего, существующее от возможного, в которую должен был войти Льюис Телмарид для того, чтобы измениться, разорвалась *изнутри*. Тварь, которая вылезла в реальный мир, сильно – с точки зрения Эдрика – смахивала на какого-то демона, и в первые мгновения он полагал, что именно таким странным образом и совершается смена природы: одна сущность уже есть, вторая – еще не успела исчезнуть. Потом – почти сразу – он понял, что это не так. Что-то пошло неправильно. Или – правильно по каким-то иным, высшим закономерностям, но не так, как они предполагали. Человек не исчез, не перешел в *это*. Что-то приобрело существование, реальность изменилась, впустив новую сущность, но Льюис остался тем, кем был. Вот он – отшатывается, едва удерживаясь на ногах, от этого существа. Мембраны нет, есть Слепая Гора, демон в маске, умирающий человек и бессмертный.

Позже Эдрик жалел, что не перешел в меч и не попытался убить *это* сразу же. Неизвестно, сумел бы он достичь успеха, но тогда у него хотя бы был шанс. Он уверял себя, что попытался бы – если бы сразу понял, что это за тварь. Но существо, хотя в нем и ощущалось что-то необычное, не казалось чрезмерно грозным. Эдрик и предположить не мог, что не раз уже слышал об этом существе – о нем рассказывалось в древних легендах, оно упоминалось в притчах и нравоучительных баснях, его титулами пугали детей, его имя изрыгали в проклятьях...

– Пойдемте внутрь, – предложил Лицемер, и, повернувшись, вошел в пещеру.

Эдрик посмотрел на своего спутника. По лицу и движениям Льюиса было видно, что он выпал из реального Мира, все его существо выражало ужас, он был полностью ошеломлен... Он перестал пятиться только тогда, когда Эдрик сжал его плечо. Похоже, Льюис не соображал, что за спиной – Мост, который мгновенно расправится со всяким, приблизившимся к нему в недозволенное время.

Льюис вздрогнул, судорожно оглянулся. Эдрик потрянул его. Это привело колдуна в чувство.

– Это... это он... – заикаясь, чуть не плача, проговорил Льюис. В таком жалком состоянии Эдрик видел его впервые.

– Кто он?

Льюис судорожно сглотнул.

– Оно... существо из сна...

Все это напоминало какой-то бред. «Может быть, это Ночная Тень? – подумал Эдрик. – Тварь, которую он встретил в Морфьёгульде. Тайвэ мог ошибиться, и я – тоже. Возможно, все это время он был одержим, но Тень хорошо пряталась в нем...»

Он еще раз с сомнением взглянул на Льюиса. Тот казался совершенно раздавленным, опустошенным. Издыхающий, полубезумный старик... аромат разлагающейся плоти ударил Эдрику в нос.

«Интересно, – подумал Эдрик. – Кто разговаривал со мной все это время?.. Та цельность и воля, которые я видел в нем – кому на самом деле принадлежали?.. Человеку? Или демону?.. Кто почти стал моим другом?.. В ком я чувствовал равного себе? В человеке?.. Или?..»

Он посмотрел в сторону пещеры. Необходимо понять, что происходит. Он отстранил Льюиса с дороги и двинулся ко входу. Жалкий раздавленный человечек как-то разом вышел из фокуса его внимания. Эдрик должен понять.

Льюис беспомощно смотрел ему вслед. Он по-прежнему не мог оправиться от шока. Безумие жило в нем, до времени сдерживаемое стальной волей, но сейчас эта воля пропала, и голодные твари – осколки чужих Келат, подцепленных в Морфьёгульде, вырвались на волю. Все разваливалось на части. «Эдрик...» – за это имя он смог кое-как зацепиться. В хаосе, в который превратился его внутренний мир, это имя означало какую-то надежность, уверенную в себе силу. Он пошел за тел-ан-алатритом – слепо, не понимая, что делает.

* * *

Клюка постукивала по камням. Каменный коридор, не такой уж и длинный, в конце – серебристая дуга портала. Непосредственно перед порталом коридор расширялся. Стены в этом месте были заставлены статуэтками и изображениями божеств. Это был храм Слепой Горы, который надлежало пройти, прежде чем получить право покинуть это место. Не доходя нескольких шагов до храма, Лицемер остановился.

Он вернулся.

Он снова жив.

Последовавший не испытывал счастья – способность отдаваться веселью или горю он утратил после того, как его обман раскрыли и сбросили с небес, сделали тем, чем он стал – но нельзя сказать, что он не

был доволен. Был. После всех неудач, после стольких веков забвения... Наконец-то!

Он обвел храм взглядом. Все силы были представлены здесь, все олицетворенные энергии Светил. Все, кроме... таких, как он.

Левую стену делили между собой изображения Князей Тьмы и Лунных Владык – тех, кто остался в мироздании, кого не изгнали и не бросили в Озеро Грез. Здесь были и Австевер, и Князь Мертвых, и те братья Последовавшего – бывшие братья – которые признали власть Солнца в обмен на жизнь и частичку прежней власти...

Шаги за спиной...

– Повернись. Нужно поговорить.

Лицемер не пошевелился. Эдрик был бессмертным, но с точки зрения Лицемера – юнцом, мальчишкой. Не его появления ждал Последовавший.

Пока еще было время, он продолжил рассматривать храм. Перевел взгляд на правую сторону. Эту стену целиком занимали изображения Солнечных Князей.

Лицемер вспоминал.

Альгунт... Его было трудно обмануть на Острове Скрытого Яда. Все чуть было не провалилось еще во время второго прихода богов на Остров. Пресветлый Альгунт своим всевидящим зрением – даром Солнца верному рабу – едва не увидел пещеры, где дети Горгелойга укрывали растущего Солнечного Убийцу. Кукловод все же сумел обмануть его, заполнив Остров своими куклами. Альгунт испепелил их всех своим взглядом, но ребенка так и не нашел.

Судья Богов, Травгур.

Талья, Богиня Цветов.

Элайна. Гадина. К ней Лицемер не ощущал ничего, кроме ненависти. Как медленно рос Убивающий! Сколько сил потребовалось, чтобы ежечасно укрывать его от взора богов и самого Солнца! Сколько надежд возлагалось на него!..

Слишком медленно рос Убивающий, вызывавший все больше опасений даже у своих воспитателей. Сознание его долгое время оставалось неизменным, проходило столетие – а ребенок вырос ровно на год. Сила же его прибывала с каждым часом. Откуда черпал он ее? Лицемер не знал. В точности этого не знал никто, кроме Горгелойга, творца Солнечного Убийцы.

Убивающий, испугавший Князя Мертвых, избегнувший взгляда Альгунта, убивший навсегда Маркиша-Борца, разрушив само сосредоточье воли – Живой Алмаз – Солнечного Бога, оказался в плену первой же

улыбки Элайны, Чарующей Танцовщицы. За века Последовавшим удалось сформировать в сгустке смертоносной силы, которой был Убивающий, некое подобие сознания, личность, способную этой силой управлять. Таким образом они надеялись использовать Убивающего для уничтожения Солнца – и только. Они не хотели дать этой силе разлиться и поглотить все сущее. Но это и сделало его уязвимым. Элайна поймала душу юного бога в свои сети – ей, обладавшей схожими с Лицемером способностями, сделать это было совсем не трудно.

Ребенка заточили совсем недалеко – Лицемер знал, что стоит буквально на крыше его усыпальницы. Мировой Столб – место, откуда открываются все миры, темно-серая колонна, игла в сердце Сальбравы, пронзающая мироздание от Дна до Эдема, от яви до Страны Неувиденных Снов – Мировой Столб был не более чем гвоздем, вбитым богами в гробницу Убивающего. Убивающий покоился под Столбом, но путь к нему был закрыт. Сам по себе Лицемер был лишен каких бы то ни было талантов и атрибутов вроде всевидящего зрения Альгунта или жезла Осолагбора, разрушающего любую преграду. Лицемер заимствовал чужие таланты, когда надевал чужие лица, но Озеро Грез лишило его всех прошлых обличий. Он мог бы начать Игру с Эдриком – маска клинка-оборотня была бы не так уж плоха для начала, но Игра требует времени, а сейчас вот-вот должна была появиться настоящая цель.

– Если хочешь жить, тебе придется ответить на мои вопросы, – ровным голосом произнес Эдрик.

Лицемер хотел улыбнуться – но не смог: непослушные каменные губы не складывались в улыбку. Как забавно – мальчишка пытается ему угрожать. Это могло бы стать началом красивой, быстрой партии. Но...

Он обернулся – не из-за Эдрика. Спотыкаясь, в пещеру вошел Льюис. Его взгляд блуждал, дрожь сотрясала тело. Он казался больным животным. Страдание без разума, чувство без понимания. Жалкое существо.

– Тебя нужно уберечь, – почти ласково произнес Лицемер. Он знал, что сейчас Льюис не поймет его, хотя и услышит. Но позже это, возможно, будет иметь значение. А возможно, и нет. – Сейчас станет немного шумно... и ты можешь пострадать.

Он произнес несколько слов на Истинном Языке. Этой магии лишить его не мог никто, хотя было время, когда боги и полагали, что отняли у него всю силу. Повинуясь жесту Последовавшего, Льюис поднялся в воздух и поплыл по коридору. Когда он поравнялся с Лицемером, тот сделал резкое движение клюкой – Льюис, по-прежнему невесомый, кувыркаясь, полетел в сторону портала. Когда он пересекал пространство

между изображениями Князей Света и Тьмы, у него ясно возникло ощущение присутствия каких-то сил или существ, но он, лишенный разума и воли, не был способен к ним обратиться – даже мысленно. Пространство внутри округлой серебристой арки портала было заполнено мерцающим переливающимся светом, Льюис влетел в него и... пропал.

Лицемер едва успел обернуться, чтобы встретить атаку стража. Фремберг материализовался в пещере за миг до того, как Льюис скрылся в портале, драгоценный жезл прыгал в его руках. Свет залил все вокруг, казалось – высветил Слепую Гору насквозь; чувствуя нагнетаемую в жезл силу, Эдрик внезапно осознал, что стоит между бессмертным волшебником и демоном в маске. Он прыгнул в сторону, прижался к стене.

Раздался режущий свист, а затем грохот. Луч света, ударивший из жезла, исказился и обрушился не на Лицемера, а на храм за его спиной. Во вспышке исчезло все, гора содрогнулась. Сквозь клубы поднятой пыли Фремберг разглядел сутулую фигуру с клюкой... и разрушенный храм.

– Благодарю, – сказал Лицемер, и в его голосе явственно слышалась насмешка. – Как бы еще я мог это сделать?..

Фремберг хотел закричать от ярости: он понял, что только что произошло. Храм являлся последней преградой: боги какой-то крошечной частичкой себя присутствуют в освященных изображениях, и они могли ощутить возвращение того, кого некогда низвергли. Инстинктивно Фремберг насытил жезл новым пучком силы; найдись у него время оценить ситуацию, он понял бы, что это бесполезно. Перед ним стоял не призрак Темного Князя, а сам Князь, во плоти, и противостоять ему в волшебстве мог только равный. Лицемер пользовался магией высшего порядка: Истинной Речью творился мир в первые его дни, когда в слова, как в формы, отливалась божественная сила анкавалэна. Дети Светил знали этот язык полностью; он был тем языком, на котором они, стихии и силы мира, говорили между собой – Фрембергу же, обретшему бессмертие немногим более ста лет тому назад, было ведомо лишь несколько Имен, одно из которых было его собственным. Разум чародея судорожно метался в поисках выхода. На какой-то момент он потерял себя. Он хотел обратиться к властителям Сальбравы: может быть, они услышат его крик. Он мог ненавидеть их, называть их тиранами, мечтать о мятеже, но, оказавшись наедине с Темным Князем, был готов целовать ноги Солнечным Богам, лишь бы они спасли его. Для гордости не осталось места, сердце затопил дикий, почти животный ужас: он знал, что Лицемер способен сотворить с ним нечто много более худшее, чем смерть... Он искал слова молитвы, выученные давным-давно, еще в детстве, когда он был человеком, но они

не приходили на ум: повзрослев, Фремберг слишком хорошо постарался забыть их, ведь он полагал, что бессмертие делает его равным богам, вознося над человеческим стадом. Его возмущало, что боги – в лице своих посланников – считают его чем-то мало отличающимся от этого самого стада; теперь же он был готов принять эту роль, готов на все что угодно, лишь бы спастись.

Он вдруг увидел Лицемера рядом с собой, совсем близко, Последыш будто бы обнимал его, заглядывая в глаза.

– Поздно, – произнес Лицемер, и в его голосе Фремберг услышал удовлетворение. Маска покрылась каким-то подобием копоты, налет посветлел, потек, как воск, принимая новую форму... форму, в которой Фремберг узнал...

Найдись у него еще несколько мгновений, он, может быть, сумел бы понять, что его страх, внутренний надлом, сделавшие его готовым на все ради спасения, – не принадлежат ему, отчаянье внушено извне. Вернее – не принадлежали; но Фремберг принял их как свои, и они стали его частью. Лицемер сломал его волю, переломил внутренний стержень, как сухую тросточку. Он начал Игру по своим правилам и закончил ее так и тогда, когда ему было нужно.

* * *

...От взрыва часть пещеры обрушилась, и Эдрика завалило камнями. Чтобы выбраться, ему потребовалось перейти в меч. В этом состоянии он был неуязвим, для него не существовало препятствий. Синий клинок вылетел из-под завала, взметнув целый фонтан камней. Пещера изменила форму, став значительно шире – похоже, часть скалы Фремберг просто испарил.

Больше разговаривать с демоном в маске Эдрик не собирался. Похоже, тот не был способен вести себя как разумное существо – а может быть, просто не воспринимал Эдрика как ровню и поэтому не считал нужным обращать на него внимание. Какой из этих двух вариантов был истинным, Эдрика не волновало – он собирался убить демона в любом случае.

Но демона не было. На месте разрушенного святилища теперь были обломки, вибрировал уцелевший портал, и Фремберг Либергхам устало опирался на посох. Еще раз осмотревшись, Эдрик превратился в человека.

– Где он? – Спросил тел-ан-алатрит, опускаясь на пол.

Фремберг раздраженно посмотрел на него.

– Я его прикончил, – и пробурчал. – Идиоты...

– Что это было?

– Существо вроде того, что вселилось в Нарвериша. Только посильнее. И более удачливое. – Чародей сделал кислую мину. – Не нужно было помогать твоему другу...

– Объясни, что произошло, – потребовал Эдрик. – Если он был одержимым, почему ты не почувствовал его?

– Слишком хорошо спрятался.

– Для чего этим тварям проходить Мост?

– Чтобы приобрести самостоятельность. Видишь ли, помимо двух «нормальных» способов прохождения существуют еще два... ммм... извращенных. Если ты человек, но твой Тэннак имеет демонические свойства, ты можешь попробовать пройти Мост на закате до летнего солнцестояния. Тогда ты станешь... скажем так, человекодемоном. Возможен и обратный вариант – для достаточно могущественных демонов. Им нужно идти на рассвете после летнего солнцестояния. И в том, и в другом случае риск очень велик, но некоторым везет, и они приобретают вторую природу, не теряя своей изначальной. Их очень сложно уничтожить. Даже будучи развоплощенными, они могут овладеть живым существом и попытаться пройти Мост в его обличье. При правильном учете баланса сил подобное прохождение исцелит их – по крайней мере, одну из двух половинок их естества, в то время как человек или демон, служивший им носителем, не получит ничего.

– Понятно. – Эдрик еще раз оглядел пещеру. – А зачем ты уничтожил храм?

Фремберг закрипел зубами.

– Я не хотел... не подумал... Эта мерзость так выбрала место... – Он выругался. – Не хотел дать ей сбежать...

– У богов будут претензии?

– Возможно, и нет. Постараюсь восстановить тут все, как было. – И мрачно закончил: – За сто лет, думается, справлюсь...

– Ты не можешь узнать, куда этот демон выкинул Льюиса?

– Боюсь, что нет. Забудь о нем. Есть кое-что поважнее.

– Что? – без интереса спросил Эдрик. Его гнело какое-то неприятное чувство. Как будто бы что-то... неправильно. Предчувствие было смутным, неотчетливым. Что-то не так. Но непонятно – что.

– Теперь, когда сила Солнечных Богов не влияет на это место, одна очень опасная бестия, запертая под храмом, – драгоценный камень в его посохе качнулся, указывая на пол, – может пробудиться. Нужно прикончить ее, пока этого не произошло. Я рассчитываю на твою помощь.

– Боишься, что не справишься с ней сам?

Фремберг кивнул.

– Я знаю, что не справлюсь. Даже эта вещь не поможет, – он задумчиво покрутил посох в руках. – Она неуязвима к магии. Только такое существо, как ты, могло бы ее убить.

Он подошел к разрушенному святилищу и произнес несколько заклинаний. Эдрик увидел, как плавится камень – сначала исчезли упавшие с потолка глыбы, затем, когда заклятье добралось до пола, в скале появилось углубление, еще через минуту превратившееся в изогнутый туннель. Второе заклинание придавало расплавленному камню некое подобие ступенек, третье – охлаждало туннель.

– Пойдем, – сказал Фремберг. – Это недалеко.

Он стал спускаться вниз, и Эдрик последовал за ним. Предчувствие крепло. Что-то не так со стариком.

– Надеюсь, мы спускаемся не к Убивающему? – поинтересовался Эдрик. – Говорят, он лежит где-то под Столбом.

– Нет, нет... – Фремберг издал короткий смешок. – Его «где-то» гораздо дальше. Речь идет всего-навсего о демонице, фаворитке одного из Последовавших. Очень древняя и опасная тварь.

– Почему она заперта, а не уничтожена?

– Потому что в тот период, когда ее изловили, у нас были очень плохие отношения с вашей Школой.

Чтобы освещать путь в темноте, Фремберг создал шар света, который повис над его плечом.

– При чем тут Школа?

– Я же сказал: ее может уничтожить только существо вроде тебя. Тот, чья бессмертная сущность – оружие. Магия позволяет ее удерживать, еще, как я полагаю, играет роль влияние святилища. Но сейчас влияния нет и неизвестно, смогут ли ее удержать мои чары. А ты тут. Очень удачно. Давно стоило бы договориться с кем-нибудь из вас и разобраться с этой головной болью раз и навсегда.

Они спустились приблизительно на шестьдесят-семьдесят футов, и заклятия Фремберга прогрызали перед ними дорогу. Внезапно снизу появился свет – лестница закончилась, в образовавшуюся дыру можно было увидеть кусочек какого-то помещения. Фремберг шагнул в отверстие и слевитировал вниз, Эдрик спрыгнул.

Это была небольшая комната с возвышением в центре. Вдоль стен располагались статуи молодых девушек; в руках они держали хрустальные шары, от которых и исходил свет. Тут пахло магией и тайной. Взглянув на постамент, Эдрик замер.

– Хитрая тварь, – хозяин Обсидиановой Башни протер глаза, – принимает обличья тех, кто нам дорог. Не знаю, что видишь ты... мне кажется, что я вижу свою мать.

Эдрик подошел ближе. В восприятии что-то сместилось – он вдруг понял, что это не Вельнис. Просто похожа... Нет, не похожа вовсе. У нее совсем другое лицо, и светлые волосы, когда у Вельнис – темные. Иллюзия освещения. Или... что-то другое? Может быть, Фремберг прав и это... существо... как-то воздействует на его разум?

Он долго смотрел на нее. Одета в обычное белое платье без всяких украшений, она лежала совершенно неподвижно. Несмотря на то что нельзя было заметить, как она дышит, девушка казалась спящей, а не мертвой. Она была прикована к возвышению тоненькими, почти игрушечными серебрянными цепочками. Впрочем, можно было не сомневаться, что эти цепи так перенасыщены магией, что на них можно подвесить и гору – выдержат.

У Эдрика возникли странные чувства. Ему опять почудилось, что это Вельнис. Совершенно иррациональное ощущение. Как будто он был влюблен в нее, и забыл об этом, а теперь начинал вспоминать. Нет, это не Вельнис. Но у них определенно было что-то общее. Он протянул руку...

– Не делай этого! – резким голосом предостерег его Фремберг. – Разбудишь... *это*. Она и сейчас на тебя влияет. Если она проснется, создаст такие иллюзии, что ты забудешь даже, где находишься. Я ведь говорил тебе. Она очень могущественна.

– Я не чувствую никакого влияния.

– Вот именно. И твои, и мои способности по сравнению с ее силой – ничто. Мы даже не можем обнаружить, как она воздействует. Скорее, убей ее! Мне тоже трудно держаться. Мне кажется, она пробуждается. Давай же!..

Несколько мгновений Эдрик колебался, глядя на спящую. Ему показалось, или она действительно вздохнула?.. Похоже, его проводник прав: она вот-вот могла пробудиться.

Он перешел в меч, на мгновение завис в воздухе... Когда он метнулся к своей жертве, Фремберг уже ничего не успел сделать. Эдрик рассек старика на две части, наискосок. Затем он снова перешел в состояние человека. Он еще не был уверен в том, что его догадка верна, и очень хотел посмотреть в глаза умирающему. Он досконально изучил науку притворства в Школе Железного Листа – настоятельница периодически меняли свою внешнюю форму, а внутреннее состояние и манеры других людей они могли копировать так, что распознать обман было почти

невозможно – но эта тварь могла притворяться лучше всех.

– Жаль... – произнес Фремберг, выплевывая кровь. Но говорил он не своим, а каким-то чужим, бездушным, будто механическим голосом. – Такое великолепное лицо...

И Эдрик понял, что не ошибся.

Ему представилось вдруг, что тело Фремберга – лишь кожа, натянутая на «болванку». Это, *второе*, покидало тело так же, как вода вытекает из разбитого кувшина. Оболочка осталась, но то, что было внутри сохранило целостность и силу. Эдрик убил Фремберга, но *второе* не было даже задето. Он чувствовал, как оно отступает, но не было места, где бы оно находилось. Эдрик был готов сражаться с любым противником, но здесь не было противника – вернее, он существовал, как чистое ощущение присутствия, совершенно не локализуемое в пространстве. У Эдрика возникло впечатление, что *это* уничтожить вообще невозможно: оно лишь оставит оболочку и уйдет, а оболочкой для него служил не только Холок, но и Шэ, и Тэннак, и, возможно, другие, более высшие души, которых Эдрик не видел. «Можно ли его вообще победить?..» – За этой мыслью следовала неуверенность, а за ней – страх.

Если бы не обучение в Школе, он так бы и последовал за цепью навязываемых ему состояний – до тех пор, пока не потерял бы себя в одном из них. Но его научили видеть мир иначе, и Школа, при всех ее недостатках, один замок сундука с анкавалэном сумела-таки открыть – и этот замок назывался «свобода». Не разбираясь, каково происхождение этих чувств, Эдрик не пошел у них на поводу; он отстранился от своих влечений, желаний, страхов в тот самый момент, когда почувствовал, что они угрожают затопить его внутренний мир. Он не думал о том, что делал – это был рефлекс, выработанный за годы обучения, воление чистого «я», освобожденного от всех привязанностей, не желающего отождествлять себя ни с одним из них.

В тот миг, когда давление исчезло, заработал разум. Неуверенность навязывалась ему извне. Эдрик покачал головой. Это была не магия – он по-прежнему не видел никаких энергетических всплесков, а какое-то иное, глубинное воздействие, природу которого понять было невозможно. Присутствия *этого* он больше не чувствовал – *оно* ушло, он был один.

Нет, не один.

Он обернулся.

Женщина по-прежнему спала. Интересно, почему *это* хотело, чтобы он убил ее?

В нем потихоньку крепло подозрение, что они с Льюисом спустили с

цепи кого-то похуже хуриджара. Если оно так легко захватило тело бессмертного, выжрало его изнутри, а потом просто ушло – и ушло неповрежденным, – когда Эдрик разрушил оболочку, оно не могло быть *всего лишь* демоном. И даже *всего лишь* бессмертным оно быть не могло. Значит...

Нет, это подождет. В конце концов, это проблемы Солнечных Богов, а не его.

А он должен решить, что делать с женщиной. Хотя бы понять, кто она такая и почему существо в маске хотело убить ее.

Выяснить это можно было только одним способом. Эдрик подошел и потряс ее за плечо. Женщина шевельнулась. Вздохнула и открыла глаза.

Чувство, что он смотрит на Вельнис, вернулось – уже в который раз. И на этот раз оно было еще сильнее, чем раньше.

– Кто ты? – требовательно спросил Эдрик.

Женщина не ответила. Она внимательно разглядывала его лицо. Ее взгляд проникал в самую душу. Казалось, она знает Эдрика давным-давно. Знает лучше, чем он знал себя сам.

Глава двадцать первая

Терять личину Фремберга Либергхама Лицемеру было жаль, но он уже давно привык к смертям своих оболочек. Куда больше его раздражало то, что он так и не смог отобрать душу у этого мальчишки. Мальчишка был гладкий, как шар, – невозможно ни за что зацепиться. Самодостаточный, совершенный эгоист. Лицемер любил эгоистов – он легко цеплял их сердца за ощущение собственной значимости – но это, похоже, была какая-то новая порода. Впервые он столкнулся с эгоизмом столь совершенным, что он переходил в свою противоположность. Впрочем, с тем же успехом можно было сказать и обратное. А возможно, неверно ни то, ни другое. Из памяти Фремберга Лицемер знал, кто такие тел-ан-алатриты и какие цели ставит себе Школа Железного Листа. Но он не верил всерьез, что они смогли добиться чего-то реального на этом пути, кроме бессмертия и превращений. Похоже, что он ошибался. Кое-чего они все же достигли.

Он не сомневался, что сможет подобрать ключик и к этой «новой породе», но у него больше не было времени. Еще в облике Фремберга он почувствовал, как зашевелился Австевер. На Кипящей Реке словно поднялась буря из крови. Жертвы Моста заголосили, потом затихли. Раб Солнечных Богов, Владыка Всех Чувств пробуждался ото сна. Начать Игру с другим Князем Лицемер не мог – по крайней мере, не с такими ресурсами, как сейчас. Он еще не успел оправиться от смерти, не набрал еще приличное количество масок-лиц. Позже... может быть. Но сейчас нужно уходить – пока властители Сальбравы не изловили его и не бросили в Озеро Грез во второй раз. Святилище не просто перекрывало путь к порталу, оно было устроено таким образом, что все волшебные пути, которыми можно было покинуть Слепую Гору, неизбежно вели через энергетическую зону, создаваемую храмом. Теперь храм разрушен и все пути открыты. Лицемер выбрался на одну из тайных троп и незамеченным покинул вершину Мирового Столба.

Он свободен.

Наконец-то.

Было множество дел, которые надлежало сделать в первую очередь, и не меньшее число дел, которые требовалось сделать еще раньше. Он позаимствовал несколько лиц – у людей, демонов, стихий. Прямо сейчас столько ему было не нужно, но он хотел отложить их «про запас» –

никогда нельзя знать заранее, как долго проживет его текущая оболочка. В своем истинном облике разгуливать по Сальбраве слишком опасно: не исключено, что до Эдема уже дошла весть о том, кто вырвался на свободу и боги уже готовы пустить по его следу свои гончих псов.

Он попытался найти кого-нибудь из своих братьев – услышал лишь тишину. Со Дна понимались отголоски тех, кто правил Нижними Мира, но их своими братьями Лицемер давно уже не считал. Предатели.

Он не был слишком удивлен, никого не обнаружив. Даже если кто-нибудь из них и избежал смерти, в мироздании, порабощенном Солнечными Богами, они могли выжить не иначе, как научившись скрываться.

Вдруг...

В первое мгновение он не поверил себе. Ток силы Последовавшего – совершенно открытый, вплетенный в структуру большинства существующих Сфер. И в нем – отблеск сознания того, кого Лицемер менее других ожидал застать в живых.

Еще один предатель?.. Но почему он не на нижнем полюсе мира? Он как будто свободен, но... что-то странное с этим потоком силы. Он как будто бы... имеет иное направление. А это невозможно.

Энергии Темных Князей восходили от Дна, вливаясь в Сальбраву и низвергались вниз – нечистым, мутным потоком. Энергии Владык Света нисходили от Эдема и вновь устремлялись вверх – лестницей праведности, божественной чистотой. Князья не могли изменить свою природу, даже если бы хотели: каждый из них являлся лишь действием Светил в тварном мире. Изменить направленность тока – значит перестать существовать, вернуться в лоно прародителя. Если бы Истязатель и пожелал совершить нечто подобное, он должен был исчезнуть. Но он не исчез. Он был здесь – ток силы возносился в высь, к сердцу Сальбравы, но затем он не возвращался, а устремлялся дальше, к Эдему. И он был другим по сути. Таким же... только зеркально отраженным.

Казалось, что сама сила Истязателя вывернута наизнанку.

В месте, напоминающем остров, подхваченный ураганом, Лицемер остановился. Здесь – ближе всего. Бешеный ветер вокруг острова ревел и был как зверь.

– Брат, – произнес Лицемер.

– Брат, – ответил ему ветер.

Их разумы соприкоснулись и знание, которым обладал каждый, стало единым.

Когда они проиграли, и потеряли все, и боги вели легионы ангелов и

схлиархов на последний штурм адской цитадели Шейдобх, их оставалось пятеро. Пятеро из девяти. В смерти двоих Лицемер был уверен – в своей собственной и смерти Клеветника, испепеленного яростью пылавшего в небе Светила. Двое пытались удрать...

– Кукловоду это удалось, – прошептал ветер.

– И что с ним теперь?

– Я не знаю. Он хотел заняться религией. Он редко меня навещает.

Что произошло с Крысоловом, Истязатель не знал. Он не показывался – вероятно, его убили.

Камень Воли самого Истязателя боги бросать в Озеро Грез не стали. Для него, первенца Темного Светила, придумали другую пытку. Его душу сожгли, а течение силы – переменили. И дабы она не иссякла, Солнцем был рожден новый бог – владыка гнева, небесный разрушитель, к которому теперь восходила сила.

Прежде Истязатель насыщался чужими мучениями, теперь же любое страдание в Сферах Сальбравы вытягивало из него магию. Страдание восходило к Богу Гнева, и насыщало его могуществом, всю власть, которую терял Истязатель, обретал Бог Гнева. В великой ярости сошел он на землю, где истребил последних демонов и хуриджаров, и тем положил конец Войне Остывших Светил.

– Я освобожу тебя, – сказал Лицемер.

– Ты не сможешь, – ответил ветер. – Не справишься один.

– Твоих будет достаточно. Я найду Кукловода. И с нами будет *сестра*.

Прошло несколько минут – а может быть, часов или дней, прежде чем ветер спросил:

– Ты собираешься простить ее?

– Да, – сказал Лицемер, и личина, которую он носил, громко расхохоталась. – Да. Да!..

* * *

– У тебя есть еще один шанс ответить, – проговорил Эдрик, хмуро разглядывая пленницу. Оказываемое влияние – вся эта влюбленность и прочая чепуха – вызывало в душе тел-ан-алатрита обратный эффект. Он и так не был склонен доверять подозрительным пленникам в таком месте, а с учетом чувств, которые она в нем будила – еще меньше. – Или ты отвечаешь на мои вопросы, или я уйду – и лежи тут в одиночестве всю оставшуюся вечность. Спрашиваю во второй и последний раз: кто ты?

– Мольвири, – не отводя глаз, ответила девушка.

Эдрик усмехнулся.

– Чудное имечко тебе дали родители.

– Мой родитель дал мне другое имя, – произнесла она. – Но тебе не обязательно его знать. Мольвири – имя, которым наградили меня вы.

– Кто «мы»?

– Вы, люди.

Эдрик некоторое время молча рассматривал ее лицо.

– И ты думаешь, я в это поверю? – Он улыбнулся.

– Это правда.

– Ну конечно! – Эдрик улыбнулся еще шире. – Белая Богиня, воплощение святости и чистоты, самая младшая и самая любимая дочь Солнца, заточена в недрах Слепой Горы. И ее охраняют бессмертные маги и демоны света, приставленные к Горе ее любящими братьями и сестричками – другими Солнечными Князьями. Что и говорить, это чертовски похоже на правду.

– Это и есть правда.

– Придумай что-нибудь поубедительнее.

– Я не знаю, как тебя убедить.

Эдрик опять улыбнулся.

– Ты довольно прямолинейна. Значит, ты хочешь меня убедить. Интересно, зачем?.. Хм, дай-ка подумать. – Он сделал вид, как будто его только что посетило озарение. – Наверное, затем, чтобы я освободил тебя, правда?

– Да, – бесхитростно сказала она. – Ты должен освободить меня.

Эдрик с улыбкой покачал головой. Отвернулся. «Надо выбираться отсюда, – подумал он, разглядывая дыру в потолке, через которую они с лже-Фрембергом проникли в это помещение. – От этой „богини” правды все равно не добиться...»

– И почему это я «должен» тебя освободить? – подходя к поближе к отверстию, бросил он.

– Потому что так предсказал Хелак Первый Освобожденный.

Эдрик замер. Обернулся.

– Твоя осведомленность о том, кто я, поражает, – произнес он, снова подходя к возвышению в центре комнаты. – Но ты зря думаешь, что я куплюсь на это. Возможно, ты каким-то образом проникла в мою память и утащила это имя, возможно – умудрилась прямо отсюда подслушать наш разговор с Льюисом... или с Фрембергом. Еще вероятнее – тебе успел передать знание о том, кто я такой, тот демон, который меня сюда притащил... Кстати, как его имя, не подскажешь?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Эдрик решил, что с этим существом стоит быть терпеливым.

– О демоне, который жил внутри моего приятеля, Льюиса Телмарида, – он уселся на край ее ложа. – Когда Льюис прошел Мост, демон обрел самостоятельность. Однако, похоже, что самому по себе ему существовать довольно неудобно, и позже он вселился в бессмертного, который приставлен твоими «родственничками» для того, чтобы тут следить за порядком. В личине Фремберга он привел меня сюда и хотел, чтобы я помог ему убить тебя. По крайней мере, он говорил, что хочет. Вместо этого я прикончил его самого – не люблю, когда со мной играют нечестно. Ты по-прежнему будешь делать вид, что не понимаешь, о чем речь?

– Теперь понимаю, – сказала она. – Хелах предсказал это...

– Ну хватит уже!

– Хелах предсказал, что я буду пленена своими братьями и много лет проведу в заточении. Он предсказал, что мою жизнь спасет один из его учеников, и он же освободит меня. Это произойдет перед самым концом времен, когда Отец Лжи и Мать Демонов воскреснут из небытия и заключат мир, позабыв свои прежние разногласия. Тогда они явятся в мир людей во плоти и возгорится последняя война – война между землей и небом...

Эдрик улыбнулся.

– И это все предсказания твоего «Хелаха»?

– Да, – солгала девушка. На самом деле, было еще одно, но сейчас оно казалось ей абсолютной дикостью. Хелах предсказал, что у нее и того, кто освободит ее, родится сын. Но, глядя на человека, который ее пробудил, она не могла поверить в то, что он станет когда-нибудь отцом ее ребенка. Он вел себя отвратительно. В глаза называл то, что она говорила, ложью. Посмеивался над ней. Угрожал. Заставлял ее ощущать зависимость от своих сиюминутных прихотей. Да что там – он чуть было не ушел, не бросил ее тут одну!

С другой стороны, она никогда по-настоящему не доверяла предсказаниям Хелаха. В конце концов, он был всего лишь человеком, хотя и необычным. Кое-что сбылось, это правда. Но вовсе не обязательно, что сбудется все.

– Ну, о воскрешении Темных Князей мне ничего не известно, – ухмыльнулся Эдрик. – А что касается «предсказаний» на мой счет – я не услышал ничего, кроме того, что перед тем я сам же тебе и сообщил. Исключая освобождение, конечно. Но даже если бы ты сумела убедить меня в том, что такие предсказания были сделаны на самом деле – а не выдуманы тобой минутой назад, – это ничего не меняет. Я не верю в судьбу,

и имя основателя нашей Школы значит для меня не больше, чем кличка последнего раба на невольничьем рынке. Что, если я просто уйду – прямо сейчас? Какова тогда будет цена всем этим «предсказаниям»? Тебе стоило бы найти способ получше убедить меня в том, что ты – белая овечка, а не ссылаться на пророчества. Ничего я не ценю выше своей свободы. Чем больше ты будешь убеждать меня в том, что я что-то «должен» для тебя сделать, тем сильнее будет крепнуть во мне желание сделать что-нибудь другое – но только не это.

– Тогда тобой легко управлять, – возразила она. – Нужно лишь говорить тебе обратное тому, что я хочу на самом деле...

Эдрик рассмеялся.

– Боюсь, так тоже не получится. Как видишь, я еще не ушел, а сижу тут и болтаю с тобой.

– Ты мне не веришь, – грустно сказала она. – А я не знаю, как убедить тебя, что я не лгу.

– Да, не верю, – согласился он. – И не представляю, как бы ты могла меня убедить. Но давай-ка допустим на минуту, что твои «предсказания» верны. Я не горю желанием увидеть конец света. А если ты будешь освобождена перед концом, значит... мне ни в коем случае не нужно тебя освобождать. Тогда и конца света не произойдет. Если предсказание верно, конечно.

– Послушай, – сказала она. – Я не хочу с тобой спорить. Я тоже не верю в предзаданность событий. Что-то мы можем изменить – в границах наших возможностей. Но мы не можем изменить все. Если Последовавшие за Темным Светилом вырвались на свободу... ты не остановишь конец света, просто оставив меня здесь.

– Но если я оставлю тебя здесь, значит, предсказание не верно – по крайней мере, в этой части, – парировал Эдрик. – А если оно неверно в одной части, то может быть неверно и в другой. С чего бы мне верить в то, что Последыши освобождены?

Девушка долго не отвечала.

– Расскажи мне о демоне, который хотел меня убить, – наконец произнесла она.

– Я уже все рассказал.

– Ты сказал, что на какой-то момент он обрел самостоятельность. Как он выглядел?

Стоило Эдрику упомянуть о клюке и маске, как она тут же его перебила:

– Это Лицемер. Неужели ты до сих пор этого не понял? Неужели во

всей Сальбраве может отыскаться другое существо, способное использовать сущность бессмертного как перчатку, надеть его лицо – как маску поверх своей собственной маски? И после этого ты говоришь, что ничего не знаешь о воскрешении детей Горгелойга? Ты слеп.

– Возможно, – сказал Эдрик. – А возможно, и нет. Мне неизвестны ни имена всех обитателей Сальбравы, ни их способности. Если этой способностью обладает Лицемер, не исключено, что ею может обладать еще кто-нибудь. Но допустим, ты права. Как отсюда следует то, что ты – та, за кого себя выдаешь? Этот... демон... когда он вселился в Фремберга, сказал, что ты – демоница, фаворитка одного из Последовавших.

– И ты поверил Отцу Лжи? – изумилась она.

– Дорогая моя, ложь иногда может быть очень похожа на правду. А уж настоящие мастера умудряются лгать так, что ни одно из их утверждений само по себе не является ложным. Важно соотношение этих утверждений между собой и точная расстановка акцентов.

– Я не «твоя дорогая», – презрительно бросила она. – Я – дочь Солнца. Я не требую, чтобы ты молился и поклонялся мне, но и не позволю, чтобы обращался со мной как... как с какой-нибудь самочкой из твоего народа.

Эдрик расхохотался.

– Ты? Не требуешь, чтобы тебе поклонялись? Да у тебя самый популярный культ в цивилизованной части нашего мира!

– Я не имею к этому ни малейшего отношения, – холодно произнесла девушка.

– К чему? К культу?

– Да!

– Конечно, не имеешь. Ведь эта религия почитает Белую Богиню Мольвири, младшую дочь Солнца. А вот, кто ты такая – мне все еще не понятно...

– Я и есть Мольвири! Та, перед которой вы ползаете на коленках в своих душных храмах! Та, ради которой вы убиваете друг друга! Та, которой вы препоручаете свою волю в молитвах! Та, которая...

– Да успокойся, – пренебрежительным тоном бросил Эдрик. Мысленно усмехнулся: если девушка все-таки не лжет, то к списку людей, демонов, бессмертных и настоятельниц Школы, которых, после короткой беседы, ему удалось вывести из себя, следует теперь добавить еще и одну богиню. – Ты только что утверждала, что не имеешь к этому никакого отношения. И вот, нате вам пожалуйста...

– Я не создавала эту религию, – терпеливо объяснила она. – Я не хотела, чтобы она была.

Эдрик скептически посмотрел на нее.

– Тогда ты довольно странное божество. Боги так себя не ведут.

– Да. За это меня и наказали. Братья заточили меня здесь, а там, на земле, создали мой культ. В своих снах я была разными людьми. Я слышала ваши молитвы, но ничего не могла для вас сделать. Я отрезана от своей силы, заточена в этом теле...

– Да неужели?.. Совсем ничего не могла? О чудесах, совершенных именем Мольвири, ходит великая слава...

– Это не я. Это бисурит моей религии.

– Вот уж не думал, что бисурит может как-то противоречить сущности, к которой обращен.

– Говорю же: я отделена от своей силы... Бисурит создали без моего ведома и желания. Из энергий верующих, из их молитв и надежд...

– Зачем? Какой в этом смысл?

Она ответила не сразу.

– Я не хотела, чтобы все было... так, как есть. Мы получили свою силу от Светил, но... братья хотели удержать ее у себя. Я же всегда полагала иначе. Они хотели забрать то, что люди получили от них, обратно. Для этого и были созданы бисуриты, поработавшие волю смертных, превращающие каждого отдельного человека в часть стада. Но это путь в никуда. Я так им это и сказала, хотя братьям мои слова и не пришлось по вкусу. Когда разделились земля и небо, и между мирами возникли границы, я пожелала остаться в мире людей. Чтобы учить вас, чтобы помочь вам понять, кем вы стали... ведь вы жили как звери, да что там – вы и были зверьми... Но я ничего не успела сделать. Меня заперли здесь. Мне сказали: хочу я или нет, но мой культ будет создан, и когда-нибудь, может быть, я пойму, что правы они, а не я. И тогда мое наказание смягчат. Может быть.

– А с Хелахом когда ты успела познакомиться?

– Когда жила на земле. Он сам нашел меня. Он был человеком, но уже... *другим*. Он... как отблеск будущего – предвестник того, чем каждый из вас мог бы стать. Хелах сказал, что вскоре его уничтожат, а меня – обрекут на бессрочное заточение, но я ему не поверила. А он оказался прав. Так и произошло. Но все же... рано или поздно вы освободитесь от пут, которые наложили на вас мои братья.

– Это тоже Хелах предсказал? – невинным тоном осведомился Эдрик.

– Нет, это... я в это верю. Анкавалэн – особенный дар. Нельзя просто владеть им, не отдавая его кому-то, не воплощая эту силу в чем-то. Если оставить себе, пожалеть, дар обернется пустышкой...

– Погоди-ка. Светила отдали анкавалэн богам, боги – людям, – сказал тел-ан-алатрит. – По твоей логике выходит, что и люди должны отдать его кому-то. Кому?

– Не знаю, – призналась она. – Может быть и так, что начало соединится с концом, и из вашей силы будут когда-нибудь рождены новые Светила, когда те, что ныне освещают небо, погаснут и утратят всякое могущество.

Эдрик покачал головой. Ему претила мысль о том, что свободу и силу, которую он обрел, следуя учению Школы, можно так вот запросто взять и подарить кому-то. Стать ничем. В этом было что-то неправильное.

«А ведь боги, – подумал он затем. – Наверное, считают так же...»

Может быть, впервые в жизни он подумал о Солнечных Князьях не как о мелочных деспотах и тиранах, а как о тех, чьей силой были сотворены все Сферы... и можно было понять, почему они не желают отказываться от этой власти. Никому не хочется становиться всего лишь тенью своего прошлого «я»... терять все, не получая ничего взамен.

Он встал с постамента и задумчиво прошелся по комнате. У женщин, державших сияющие сферы, были отрешенные, красивые, но ничего не выражающие лица... Ни проблеска живого чувства...

Он встал под отверстием в потолке, посмотрел вверх, потом бросил еще один взгляд на пленницу. Она его ни в чем не убедила. Выбор по-прежнему был тем же, что и прежде. Он мог уйти, а мог освободить ее – и посмотреть, что будет. На одной чаше весов – осторожность, а на другой – любопытство.

«С другой стороны, – подумал Эдрик, не переставая разглядывать постамент. – Даже если она Темная Княгиня... даже одна из Последовавших... мне-то какое дело? Еще одно маленькое беспокойство для светлых божков, захвативших Сальбраву. Пусть боги грызут друг друга, я не против. Может быть, меньше внимания станут обращать на таких, как мы. Если же она не солгала... маловероятно, но если... Хм. А это может быть даже забавно».

В любом случае, какой-то выбор надо было делать.

И Эдрик его сделал.

Эпилог

Разум постепенно возвращался ко мне... Наверное, напряжение последних месяцев оказалось слишком огромным, и что-то во мне надломилось, когда я увидел это горбатое существо в маске – призрака, выбравшегося из моих снов. Я и в самом деле оказался каким-то образом связан с ним после встречи с Ночной Тенью – а может, это и была Тень? Что, если она угнездилась во мне, и, пройдя Мост вместе со мной, обрела таким образом самостоятельное существование?.. Впрочем, она и раньше была вполне самостоятельной – под Бэрверским холмом я убедился в этом достаточно ясно. Значит, горбун – не Тень?.. Но что он тогда такое?.. Почему я оказался связан с ним?.. Размышлять об этом можно было долго и бесплодно.

Сказав нечто странное – как будто его действительно волновало то, что со мной случится – он выбросил меня в портал. Мне кажется, он опасался богов, которые сторожили выход из Слепой Горы. Я не выбирал путь – в те минуты я был просто бездумным животным. Случайно так получилось, или так желал демон в маске, но я оказался на маленьком безлюдном островке посреди океана. Здесь были только скалы и камни, и волны, ревущие вниз. Когда я более-менее пришел в себя, я несколько раз обошел остров. Ни животных, ни птиц, не было даже растений.

Я обречен. Мне осталось жить в лучшем случае два или три дня. У меня больше нет сил, я все истратил на Игольчатом Мосту, и магия мне не поможет. Я не боюсь смерти, но содрогаюсь, когда думаю о том, что за последней чертой меня будет ждать голодный оскал Ночной Тени.

Я сижу на скале, и смотрю на море. Солнце иссушает меня, но я стараюсь не думать о нем. Не думать ни о чем... Я проиграл. С этим нужно смириться.

Нет.

Не смирюсь никогда. Если б была хотя бы крошечная возможность что-то изменить, я бы воспользовался ею. Но я бессилен. И все же... пока я могу, я буду бороться и с Тенью, и с собственным отчаяньем. Пусть даже мне не суждено победить в этой битве.

Предельное напряжение сил на Мосту, и шок, пережитый при встрече с демоном, как-то повлияли на меня. Вернулись воспоминания, которые я считал давно утраченными... но нет, они просто таились во мне – до

времени.

...Я и в самом деле подходил к Вратам Тедхара много лет тому назад, когда еще жил среди скайферов. Мы организовали набег на поселения близ Сайбо. Часть клана отступила в пустыню с добычей и пленниками, а небольшая группка молодых воинов, захватив с собой нескольких человеческих детей, отправилась дальше на юг и восток. Мы вошли в ущелье. Я помню, мы стояли там с Зелкариш, смотря на Врата, и я чувствовал недобрую силу этого места. Наши спутники вошли в крепость. Там они проведут ночь: принесут в жертву павшим Детям Горгелойга плененных детей, и будут молить Мать Демонов о том, чтобы она вернулась к ним и даровала им свое благословение. Я хотел последовать за ними, но Зелкариш задержала меня.

– Нет, – сказала она. – Тебе туда не нужно. Не сейчас.

– А когда будет пора? – раздраженно спросил я. Я думал, мне не доверяют потому, что я сам был человеком.

– Иллейдшаорх сказал, что твое время еще настанет.

Так звали вагу, моего учителя. Я попытался расспросить Зелкариш о том, что все это значит и что он еще велел передать, и почему сделал это так странно – через нее, но она отказалась говорить. Похоже, что она и сама ничего не знала. Она чувствовала, что я разозлен, и постаралась смягчить впечатление от своих слов, убрав платок, закрывающий нижнюю половину лица. Это был знак доверия и любви. Как и у всех скайферов, в ее лице было что-то змеиное. Она приникла к моим губам, и ее раздвоенный язык пощекотал мое небо. Она тоже не вошла в Тедхарадхим: осталась со мной до утра. Мы провели упоительную ночь...

...Я вспомнил и другие имена. Женщину, которая стала моей женой, звали Анталис. Яальские кочевники убили ее и ее детей, которые называли меня «отцом», хотя родным отцом им я не был. Анталис вспороли живот, оборвав не только ее жизнь, но и жизнь ребенка, которого она вынашивала. Моего ребенка.

Тогда все началось. Не у скайферов, и не в Бэрверском холме. Когда я приехал к своему сожженному дому, в моем сердце поселилась смерть, и больше она не покидала меня. Я больше не мог ни любить, ни радоваться. Словно пробудилось что-то, что жило во мне всегда, ожидая своего часа. Я разыскал отряд, который побывал в моей деревне, и перебил их всех. Когда я подвесил предводителя над огнем, он стал просить, чтобы я убил его быстро.

– Нет, быстро не будет, – сказал я. И напомнил, что они сотворили с моим домом и с моей семьей.

– Так захотели наши боги, – прохрипел он.

Я пытал его больше суток. Потом он умер – не выдержало сердце...

Воспоминания...

...Я помню, как меня и Оллегри привели к друидам. Моего товарища они забрали сразу, меня – не хотели брать.

– Почему? – спросил я.

– Ты нам не подходишь, – ответил высокий старик в буром плаще. – На тебе печать тьмы. Будет плохо, если ты обрешь силу и дашь тьме волю в твоём сердце. Будет очень плохо.

Я заплакал. Я был всего лишь маленьким мальчиком и ничего не знал ни о каких печатях.

Другой старик, не такой суровый, сжалился надо мной.

– Кто, кроме нас, поможет ему удержать эту тьму на цепи? – спросил он своего спутника.

Они приняли меня к себе – на время – и обучали так, как остальных...

Было много воспоминаний, и я погружался в водоворот памяти, как утопающий – в морскую бездну. Мне всегда казалось, что в моей жизни есть какой-то смысл, цель, неведомая мне самому. Что-то, что сделает меня целым, даст ответы на все вопросы... Совсем скоро я умру, и за гранью смерти не увижу смысла – стану кормом для демонической твари, что поджидает свои жертвы в покинутом адском городе... Так в чем же смысл всего этого? Для чего я рождался и жил, предавал и ненавидел, боролся за свою жизнь на долгом пути сквозь Алмазные Княжества и Речное Королевство?.. Зачем, для чего?.. Только для того, чтобы привести в мир горбатого демона в маске?.. Я не хотел в это верить. Я искал смысл, но не находил его. Я так и не обрел целостности, и все мои вопросы так и останутся только вопросами...

Я не знаю, как долго он находился рядом – я совершенно не ощущал его присутствия. Вечером похолодало, подул ветер. На западе Солнце погружалось в океан, раскрашивая море и небо золотыми и алыми красками. Я повернул голову – и увидел его. Он тоже любовался закатом. Стоял на скале, опираясь на клюку, всего лишь в нескольких шагах от меня.

– Люблю смотреть, как Солнце умирает, – сообщил он.

Я молчал...

Немного позже он повернулся ко мне лицом... нет, там не было лица: только маска, нацепленная на пустоту.

– Я думаю, тебе есть о чем меня спросить, – сказал он.

Я усмехнулся. Я не ощущал страха – внутри все перегорело. Я

чувствовал странную отрешенность, как будто происходившее было чем-то нереальным, какой-то картинкой или сном...

– Ты всегда был особенным, – сказал он. – Не таким, как все. Я хорошо изучил тебя, пока жил в тебе. Я рад, что ты прошел Мост и остался в живых.

Я покачал головой.

– Случайность. Если бы не вмешался Фремберг, я бы вступил на Слепую Гору в неурочное время. Я даже немного жалею, что этого не произошло.

– Тебе не следует ненавидеть меня, – произнес демон. – Разве хоть в чем-то ты можешь меня упрекнуть? Игра – это моя магия. Сейчас ты утратил ее, но благодаря ей ты вырвался из темницы, ты прошел Княжества и Речное Королевство. Я спас тебе жизнь, когда выбросил тебя в портал...

– Перестань. Ты отнял у меня все. Что тебе еще от меня надо?

– Ты не понимаешь, – возразил он. – Ты был обречен в любом случае. Разница в том, что та, которую ты называешь «Ночной Тенью», желала, чтобы ты прошел Мост в неурочное время. Она отобрала часть твоих воспоминаний, и дала взамен другие – ровно столько, чтобы ты обманулся, полагая, что знаешь о ловушках книги и времени прохождения всё. После того, как ты прошел бы Игольчатый Мост, я бы воскрес в любом случае, это было уже вне твоей власти. Но ты должен был погибнуть. Однако, повторяю, я рад, что этого не произошло.

– Когда ты... поселился во мне?

– Меня вложила в твою душу Ночная Тень.

– Значит, вы заодно... – Я отвел взгляд.

– Не так, как ты думаешь. Ты полагаешь, что Тень использовала случайного человека, подвернувшегося ей под руку, но это не так. Она долго ждала твоего появления в Морфъёгульде.

– Для чего?

– Ты не поймешь, если я отвечу сразу. Сначала нужно объяснить, кто ты – на самом деле. Ты воображаешь себя человеком и думаешь, что с тобой поступили несправедливо. В этом твоя ошибка. Ты не человек. И никогда им не был.

– И кто же я такой, по твоему мнению?

– Многие могущественные существа, – будто не заметив моего вопроса, продолжил он, – высокоразвитые демоны... или боги... присутствуют в Сальбраве не как одно-единственное существо, но как множество, восходящее к одному центру. Их сущность соборна. Такое существо может

иметь множество воплощений в различных мирах. В этом случае Лийт – высшая душа, и Живой Алмаз, в котором покоится она, у такой сущности одно, но принадлежит сразу всем ее воплощениям.

– Какое ко мне все это имеет отношение?

– Ты – одно из таких воплощений.

– Что за бред... Я – это я, и никто кроме. Я никогда не был частью чего-то большего... и не хочу быть.

– Сложность в том, – произнес демон в маске, – что если силу бога... или демона... повреждают, его единство может быть разбито на множество «я», имеющих призрачную самостоятельность. У них есть свой Холок, свое Шэ, свои Тэннак и Келат... иногда есть свой аспект Тобха, тела судьбы и даже, бывает, свой собственный бессмертный Анк... Но у них нет собственного Камня Воли, Живого Алмаза. Вернее, он присутствует в них, потому что может присутствовать везде. Но он им не принадлежит. Случилось так, что соборная сущность, в состав которой когда-то входил твой Келат, была разбита на части. Тогда ты и начал свою жизнь – как индивидуальность. Ты и подобные тебе – в этом и других мирах. Ты несколько раз воплощался. Ты обрел максимум самостоятельности. Но сущность, которую низвергли много тысяч лет назад, вернулась к жизни, и стала собирать частицы себя, разбросанные по различным мирам. И наконец она встретила тебя...

– И эта сущность – ты? – криво ухмыляясь, перебил его я. Веры этой твари во мне не было ни на грош.

– Нет, не я, – спокойно ответил он. – Ночная Тень.

Я сжался на земле – это имя хлестнуло меня, как плеть. Нет. Не может быть. Не верю.

– Она моя сестра, – продолжал он. – Я привык называть ее «сестрой», хотя у нее столько же мужских обликов, сколько и женских. Есть двуполые и бесполые вовсе. Как и у любого из нас. Давным-давно она предала нас. Когда обман раскрылся, мы выбросили ее вон, и Князя Света испепелили ее. Немногим позже схожая участь постигла и нас. Мой Камень Воли бросили в Озеро Грез, и самостоятельно возродиться я не мог. Сестру всего лишь убили, прошли века и она, накапливая мощь, частично смогла вернуться в мир яви. Она ждала тебя. Объединившись с тобой, она восстановилась бы настолько, что уже смогла бы покинуть Морфьёгульд, и соприкоснуться с Источниками Силы, которые когда-то входили в ее бисурит. Но что она могла – одна против неба? Ее сломали один раз, с еще большей легкостью низвергли бы снова. Поэтому она отдала тебя – мне. Она вложила мой Камень Воли в тебя, и отправила тебя проходить Мост.

Ты должен был погибнуть в конце и слиться с ней, а я – воскреснуть из мертвых.

– Подожди. Если она смогла забрать Камень Воли из Озера Грез, зачем...

– Она не смогла. Живой Алмаз может присутствовать в любом месте, я ведь говорил тебе. Все, что она могла – сделать тебя моим воплощением, временным пристанищем. Сам Камень по-прежнему покоился внизу, в туманных водах мечтаний и неувиденных снов. Я поднялся к вершине Столба, как призрак, и там встретил тебя. Явь и греза соединились. Так я вернулся.

– В Бэрверском холме, – медленно проговорил я, – Тень в меня ничего не помещала. Кроме яда и осколков чужих воспоминаний. Она извлекла из меня какой-то сияющий камень...

– Это был ее собственный Живой Алмаз. Тот его образ, который присутствовал в тебе. Она лишь забрала то, что ей и так принадлежало. Она лишила тебя своей воли и одарила – моей.

– Я не видел...

– Вероятно, ты был в беспамятстве. На ее месте я бы тоже не стал беспокоить носителя знанием о том, что в него что-то вложили.

Я долго молчал. В это невозможно было поверить. И все же...

– Что тебе нужно от меня – теперь? – спросил я. – Если все это – правда, какой смысл в твоём рассказе? Через пару дней я бы умер и узнал все это... сам. – Я содрогнулся.

– Я готов простить сестру за то, что она совершила, – ответил демон в маске. – Но мне не нравится ее основное сознание. Предавший раз – предаст снова. Поэтому я хочу помочь тебе.

– Каким образом? Если ты не лгал, мне вообще нельзя помочь. Что бы я не делал, рано или поздно я объединюсь с ней. Так ведь?

– Так. Но объединение может быть разным. Я могу сделать так, что твое сознание станет основным.

– И... – Я растерялся. – Что тогда?..

– Тогда у меня будет брат, а не сестра. – В бездушном до сих пор голосе мне послышалась усмешка. – Если, конечно, ты захочешь сохранить мужское – и человеческое – обличье. У тебя будет большой выбор.

– Я не верю тебе.

Легкий вздох...

– Хотя я и был первым солгавшим в Сальбраве, позже я узнал, что совершенное искусство обмана имеет и свою обратную сторону. Каждый раз, когда мне выгоднее было говорить чистую правду, мне не желали

верить. Даже те, кто никогда меня не знал.

Лгал ли он сейчас?.. Действительно ли был тем, за кого выдавал себя?.. Нет, я не мог в это поверить. Но я на секунду допустил эту мысль – только для того, чтобы продолжить разговор с ним.

– Если так... ты не боишься, что я обращусь к Солнечным Богам, и расскажу, кто ты?.. Может быть, в награду они исцелят меня...

– Тебя невозможно исцелить, – спокойно ответил он. – И твою молитву боги не услышат, ибо твои высшие души, которые могли бы соприкоснуться с ними, принадлежат моей сестре. Ты – порождение тьмы, и светлые боги глухи к таким, как ты.

Мне захотелось сказать ему – назло, что он не прав, что я могу измениться, если захочу, но в глубине души я знал, что неправ я, а не он. Невозможно молиться тому, во что не веришь.

– Если я соглашусь, как это будет выглядеть?.. Сам процесс?..

– Я по-прежнему связан с тобой, – ответил горбатый демон. – У тебя нет собственной воли. Я одалживаю тебе свою, чтобы волишь. Если ты дашь согласие, мы снова соединимся – на какое-то время. Затем ты отправишься к Тени. И я – через тебя – использую свой талант к Игре, чтобы поработить Тень. Тогда центром станешь ты, а не она.

– Точнее, мы оба будем подчинены тебе.

– Нет, мне это не выгодно.

Я рассмеялся. Как будто не заметив моей реакции, он терпеливо объяснил:

– Если я оставлю сестру в подчинении, то приобрету лишь еще одну маску. С довольно ограниченными – на данный момент – возможностями. Но сестра лишится шанса восстановить себя. Стать той, кем она была. Могущественный союзник выгоднее, чем еще одна посредственная оболочка.

– И ты думаешь, я поверю в эту чушь? – Я покачал головой. Похоже, он принимал меня за идиота.

– Ты можешь поверить и согласиться. Можешь не верить и отказаться. Простой выбор. Ты знаешь, что тебя ждет, если ты откажешься. Но ты не знаешь, что будет, если ты согласишься. Взвесь все и решай.

– Ты же говорил, что у меня нет собственной воли?

– Да, это так.

– По-моему, это самая очевидная ложь из всего, что ты мне тут нарасказывал...

Я не договорил – что-то случилось... Мне вдруг стало все равно. Как будто из меня что-то изъяли. Я опустил на камень и застыл. Ничего не

хотелось – ни жить, ни умирать. Все безразлично. Я будто бы наблюдал за собой со стороны – ни думая ни о чем, ничего не желая. Я чувствовал приближение смерти, и там, за ее гранью, терпеливое ожидание Ночной Тени, но меня это не беспокоило. Я стал куклой, которую отпустил один кукловод и готовился подхватить другой... листом, несомым течением к водопаду...

Сложно сказать, сколько прошло времени – я не замечал часов. Когда я начал приходить в себя, была глубокая ночь. Светила Луна, и океан тяжело дышал внизу, у подножия скал...

Демон в маске по-прежнему был здесь. Стоял на том же самом месте, в той же позе. Похоже, он так и не пошевелился за все это время.

– Теперь ты все понял? – все тем же ровным, ничего не выражающим голосом спросил он. – Иллюзию твоей самостоятельности поддерживаю я. Сестра отдала мне одно из своих воплощений во временное пользование. Я должен был оставить тебя после того, как воскрес. Отдать ей. Но я этого не сделал. Я чувствую, как она злится из-за того, что я задерживаю тебя у себя. У тебя не так много времени, Льюис Телмарид. Решай.

– Если ты согласишься за меня, что я могу решить? – Я рассмеялся. – Получается, я лишь иллюзия, и ты разговариваешь сам с собой.

– У нас разные тела, разные Шэ, разные Тэннак и Келат. В этом смысле ты вполне самостоятелен. Пока.

– Решения принимает воля. Если у нас воля одна – твоя, выходит, я просто не могу принять иное решение, чем то, что хочешь ты. Получается, для меня все предreshено. Зачем тогда вся эта болтовня? Я должен был бы просто захотеть так, как хочешь ты...

– Дурачок, – произнес он. – Мне не нужна твоя воля для того, чтобы выполнить мой замысел. Да у тебя ее и нет вовсе. Мне нужен твой выбор. Я одаряю тебя способностью воли, но как использовать ее, выбираешь ты сам. Поэтому ты все еще можешь отказаться.

– Для тебя это будет катастрофа, не так ли? Ведь когда я соединюсь с Тенью, она узнает, что ты мне предлагал...

– Меня это не беспокоит. По сравнению с предательством, которое она совершила на заре времен, мои интриги против нее – сущая мелочь. Мы в любом случае будем в союзе – в конечном счете у нас с сестрой одни цели. Но мне будет трудно сотрудничать с ней.

– А со мной – легко? – хмыкнул я.

Демон помолчал, прежде чем ответить.

– Ты мог бы оказаться достаточно разумным союзником. – Вот и все, что он сказал.

– А что это за предательство, о котором ты...

– Какая разница? Через несколько часов ты сам все узнаешь. Что бы ты ни выбрал.

Я подумал, что эта хитрая бестия в маске рассчитала все очень тщательно. Даже если он лжет... У меня был очень ограниченный выбор. Я знал, что будет, если я откажусь. Я не хотел этого. Что угодно, только не это. Второй выбор предполагал неизвестность.

Я выбрал неизвестность.

* * *

...Бэрверский холм я покинул с рассветом. За моей спиной восходило Солнце...

Я – не Льюис Телмарид, не Отравительница, Мать Демонов, которую Льюис называл «Ночной Тенью». Я – не тысячи людей, демонов, стихий, единство которых составляет то, что я есть. Располагая сознанием и памятью их всех, я – нечто большее, чем каждый из них в отдельности...

Я тянусь к своему бисуриту и открываю себя ему, и он становится самой внешней моей оболочкой, проникающей в сотни Сфер. Я вижу множество миров – одновременно, и неисчислимое множество существ, ликуя, приветствуют возвращение своего господина и творца. Крылатые демоны скользят по кровавым небесам Нижних Миров, люди-скорпионы варят отраву в железных котлах, искаженные минералы поют, наполняя воздух заворачивающим губительным волшебством, ядовитые цветы порождают сны, которые, как капли, падают на черные полы преисподен... В черном зеркале, подаренном Асо еще в те времена, когда мы были дружны, я вижу небеса и Город Славы, озаренный солнечным светом. И облака, похожие на причудливых животных – облака мира смертных...

Я еще не уверен, мужской или женский облик будет основным. Да и какая, в сущности, разница? Чем определяется род – половой принадлежностью? Я могу мгновенно изменить тело по своему желанию. Самосознанием? Я осознаю свою принадлежность к обоим.

Я был зачат под Бэрверским Холмом в конце зимы, я мучился в родовых схватках – человек, не понимающий, кто он, отчаявшийся, лишенный всего, слепо бредущий по Игольчатому Мосту, которым была вся его жизнь... и я был рожден на второй день после того, как год перевернулся, и Солнце пошло на убыль. Я, Князь Демонов, властелин болезней и ядов.

Я поворачиваюсь к Солнцу и улыбаюсь – правой, человеческой

половинкой своего лица. Правая половина похожа на разлагающийся труп. Левая половина – тень, смутное подобие демонической фигуры, там нет улыбки, только холод и ненависть. Теперь ты бессильно, Светило. Твоя власть и время иссякают, и твои боги слабее, чем прежде. Они не посмеют залить землю новым Потопом, ведь если они уничтожат человеческий род, им нечем будет питаться. Здесь, на земле, мы зажжем пожар войны, который пожрет всю Сальбраву, и низвергнем Солнечных Князей с их тронов – так же, как когда-то они низвергли нас.

Мы преобразим этот мир, и Солнце погаснет, и наш господин и отец, Горгелойг, Светило Тьмы, вновь воссияет на небе, и будет владеть этой вселенной вечно.

Так будет.

Конец первой книги

ГЛОССАРИЙ

Бисурит – особое энергетическое поле, формирующееся как некая целостность, отдельными элементами которой могли служить люди, предметы, живые существа, состояния психики и т. п. В некотором роде служили богам и различным могущественным духам как бы их «внешними телами».

Вага – колдун-жрец у скайферов. Многие из них достигали бессмертия или приближались к нему.

Гэльт («течение») – уровень мироздания. Часто использовалось в комбинации с наименованиями душ, обозначая таким образом уровень, в котором они находятся. Например, *Холок-гэльт* («плотное течение») – физический, видимый мир.

Кадёт – демон, в которого мог переродиться вага. Обычный облик: парящий в воздухе черный признак в длинной мантии с капюшоном. Кадёты наделены огромным колдовским могуществом.

Ламисера – растение, обладающее наркотическими свойствами. Маги-персоналисты отождествляли состояние сознания, в которое вводила человека ламисера, с духом смерти.

Лекемплет – сложная, самостоятельная энергетическая система, обычно – не связанная либо слабо связанная с физическим миром. Может иметь как искусственное, так и естественное происхождение. Впрочем, различие между искусственным и естественным тут достаточно условно, поскольку под первым обычно понимается деятельность человека, а под вторым – деятельность духов, демонов или богов. Иногда этим же словом обозначают отдельную область в «тонком» мире, что не совсем обосновательно: такие области, даже давным-давно вросшие в существующие Сферы, имеют то же происхождение, что и прочие лекемплеты (были созданы как обширные самостоятельные системы, перераспределяющие энергию внутри себя). По своему «объему» и сложности лекемплет является чем-то средним между обычным заклинанием и полноценной Сферой.

Сейг – демон-охотник из Сеигбалаокха (один из кругов Преисподней).

Сингайл – поэт-мистик. Славились тем, что пытались составлять стихи на Искаженном Наречье.

Скрэ – элемент магического облика. Обычно соответствовал какой-

либо определенной способности, служа как бы ее символом и воплощением.

Сальбрава (все части, все связанное, совокупность) – совокупность миров (Сфер) и энергетических уровней (Гельт), составляющая единое целое. То же, что и «вселенная», «мироздание» (сточки зрения обитателей Кельриона). Верхней «границей» Сальбравы считался Эдем и Сияющая Обитель (покои Солнца), нижней – Дно Миров, по периметру внешней «границы» вращался комплекс Лунных Сфер (самостоятельная меньшая система миров, относящаяся к Сальбраве как часть к целому (правда, как часть, практически с целым не связанная).

Стханат – (буквально «известные земли», ойкумена) наименование крупного межгосударственного образования, и одновременно – исторической эпохи, когда это образование существовало. Географически Стханат включал в себя земли современного Ильсильвара, Речного Королевства, северо-восточную часть Хэплитской пустыни (тогда этот регион еще не был пустыней), южную половину Хальстальфара, побережье Многоцветного Моря, северную часть Яала, Черное Королевство, а также Геш и земли за ним. Стханат управлялся так называемыми «Небесными Избранниками» – особым родом людей, получившим от богов многочисленные сверхъестественные дары (в некоторых случаях – и бессмертие). Избранники управляли не только людьми, но и другими расами (исключая скайферов, фактически истребленных во время их владычества). Оборотни, жившие целыми кланами (Древами), были вассалами Избранников и нередко входили в их свиту. Стханат просуществовал более трех тысяч лет, однако Избранники, возгордившись, начали враждовать между собой, претендуя на первенство. Неоднократно Стханат переживал времена раздробленности, когда отдельные его провинции вели войны друг с другом. Некоторых Избранников поражало безумие, насылаемое, согласно легендам, богами, разгневанными творящимися на земле несправедливостями. Согласно другому мнению, причина безумия и физических уродств лежала в том, что брачные союзы Избранники несколько тысяч лет подряд заключали в своем тесном кругу. Первой областью с самостоятельным, независимым от Избранников, управлением, стал Геш – небольшая страна храмов и монастырей. В это время Стханат уже находился на стадии разложения, но его агония растянулась на века. Избранники в тот период все меньше являлись проводниками божественной воли, все более превращаясь в тиранов. Хальстальфар возник в ходе мятежа одного из северных герцогов против власти Избранников; в жестоких войнах он сумел отстоять свою

независимость. Приблизительно в это же время откололся и Крылатый Город, приняв, в качестве своего правителя одного из младших богов моря (впоследствии уничтоженного, но оставившего после себя множество потомков). В конце концов, в бесконечных войнах, Избранники совершенно истребили свое племя. Их бывшие вассалы стали суверенными государями Ильсильвара, Речного Королевства, Алмазных Княжеств. Последний из рода Избранников – бессмертный Король Теней, закрывшийся от остального мира неприступными горами. Впрочем, из рода Избранных он был извергнут давным-давно, ибо свое могущество и само бессмертие получил не от богов, а от Князей Тьмы. Никто не может сказать, почему боги не уничтожили его за измену; впрочем, никаких вестей из Черного Королевства не приходило уже очень давно и неизвестно, во что превратилась эта страна под властью Короля Теней.

Одно из названий Стханата – «Империя Порядка», но парадокс в том, что это название Стханату (точнее – тому, что от него осталось) дали правители в последние века существования сего государства, когда как раз порядка в нем было меньше всего. Несмотря на распад Стханата, безумие и алчность его правителей, стханатская эпоха осталась в памяти многих, как утраченный золотой век. За прошедшее с тех пор время сформировались новые национальные и языковые общности, и стханатский язык стал мертвым, хотя и общеизвестным языком. Ближе всего к нему язык Алмазных Княжеств (северной части), Речного Королевства и Ильсильвара. Хальстальфарский язык, несмотря на множество заимствований, имеет иные корни. Благородные семьи, чья родословная восходит к временам Стханата, добавляют к своей фамилии приставку «эс» (эс-Тэле, эс-Салькир). В большинстве случаев слова, следующие за приставкой, когда-то означали наименования областей (ныне носящих совершенно другие названия).

Сфера – отдельный мир в составе Сальбравы.

Хуриджары – огненные полубоги, дети Князей Тьмы и смертных родителей.

Души и уровни мира

Согласно представлениям магов Кельриона в описываемый период времени, всякое живое существо имеет семь душ, или семь начал. Некоторые из душ у разных существ могут находиться в зачаточном состоянии и никак себя не проявлять.

Анк – бессмертная душа. Люди не обладали ею, но только боги и бессмертные. По представлениям некоторых религиозных групп, верующий мог получить эту душу посредством «второго рождения», приняв в себя частицу бессмертной жизни бога. Согласно другим представлениям, люди этой душой все-таки обладали, хотя она и находилась в зачаточном состоянии.

Келат – душа разума, нередко воспринималась как призрачный двойник человека (такого, каким человек себя мыслит). Именно в этой душе содержалось все, что человек отождествляет с самим собой: память, привычки, эмоциональные реакции, привязанности и пр. После смерти эта душа уходила в Страну Мертвых, где очищалась от своего содержания и через некоторое время отправлялась на новое рождение.

Лийт (близко по значению к слову «святой», «истинный», «подлинный») – высшая душа, Истинное Я.

Тобх («судьба») – «душа судьбы». Тобх сопровождала человека на всем пути его перерождений, не разрушаясь, но только изменяясь в соответствии с поступками человека. 1) Иногда Тобх описывалась как крылатая женщина – безжалостная судья, которая ежесекундно следит за человеком и скрупулезно заносит в свои свитки все его поступки. 2) По представлениям некоторых религиозных групп, Тобх обладали не все люди, но только некоторые «одаренные» (или «проклятые») свыше. 3) Про священный долг, обязанность часто говорили, что это – Тобх. Так, для рыцаря «тобх» могла быть родовая месть; а для клирика, исповедовавшего принцип ненасилия, «тобх», напротив, заключалась в отказе от мести. Для некоторых темных культов, запрещенных и преследовавшихся властями, тобх состояла в совершении регулярных человеческих жертвоприношений.

Тэннак – магическая душа, магический облик. Считалось, что этой душой обладают только колдуны. В более поздние времена способности этой души стали приписывать тэнгаму (как действующей, без-образной силе).

Холок («плотное») – самая низшая из душ, видимая и осязаемая: то же, что и «физическое тело».

Шэ – душа жизни. Наиболее близкое понятие – «жизненная сила», однако следует учитывать, что Шэ воспринималась не как аморфная «сила», а, скорее, как некий объем, имевший вполне определенные границы, «аура жизни». Все живое (способное расти и размножаться) обладает Шэ. Голем или иной предмет, оживший в результате колдовства, Шэ не обладает, но обладает Тэнгамом (или находится под его действием). Отсюда – йалт'ше (аура). Призраки и духи Шэ не обладают.